3 1761 04469 7332

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Кривцов Л. В

Мих. Лемке

Цѣна настоящей книги
повышена на 60%
Т-во О. Н. Попова
65
283-к

Политическіе процессы

М. И. Михайлова,

Д. И. Писарева

и Н. Г. Чернышевскаго.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ)

Съ портретами и иллюстраціями

29 IV 49

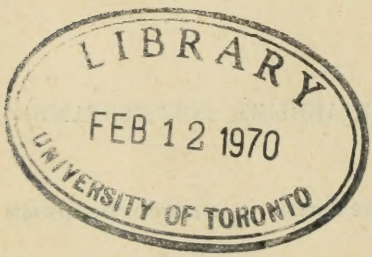
Издательство
О. Н. ПОПОВОЙ

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Невскій, 54

DK
219
.6
L46

Тип. Спб. акц. общ. „СЛОВО“. Ул. Жуковскаго, 21



Кривцов Л. В.

Предисловіе.

Въ настоящую книгу вошли тѣ три политическіе процесса, которые наиболѣе ярко оттѣняютъ нашу отечественную юстицію шестидесятыхъ годовъ. Дѣло Чернышевскаго должно считаться вѣнцомъ зданія россійской законности, и не только того времени, и, какъ таковое, никогда не изгладится изъ памяти общества.

Составившіе книгу три очерка были сначала напечатаны въ первыхъ пяти книжкахъ «Былого». Для настоящаго изданія я пересмотрѣлъ ихъ, кое-гдѣ исправилъ и дополнилъ деталями, исключенными своевременно для журнала.

Считаю нужнымъ принести свою благодарность П. А. Ефремову за любезное предоставленіе нѣкоторыхъ матеріаловъ и иллюстрацій и М. Н. Чернышевскому за указанія біографическаго характера.

Авторъ.

28 августа 1906 года.
С.-Петербургъ.

Кривцов

Процессъ М. И. Михайлова.

М. И. МИХАЙЛОВЪ.

Процессъ М. И. Михайлова.

Михаилъ Илларіоновичъ [1]) Михайловъ, извѣстный въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія русскій писатель,—одинъ изъ тѣхъ, которые, по странной случайности и не безъ вліянія цензуры, почти совершенно незнакомы нашему времени. Она такъ тщательно хранила его имя въ своихъ темныхъ, инквизиціонныхъ подвалахъ, что, напримѣръ, въ числѣ мѣстъ, подлежащихъ исключенію изъ моей книги—„Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ", напечатанной въ концѣ 1903 года безъ предварительной цензуры и, по постановленію главнаго управленія по дѣламъ печати, перепечатанной въ 1904 году со многими сокращеніями и измѣненіями,—была такая строка, помѣщенная въ концѣ обзора русской общественной жизни за 1861 годъ: „14-го декабря Михайловъ сосланъ въ каторгу"... Всѣ мои доказательства противъ ея исключенія самимъ начальникомъ управленія, сенаторомъ и бывшимъ профессоромъ, Звѣревымъ, были отвергнуты.

А въ свое время Михайлова хорошо знали. Онъ былъ извѣстенъ прежде всего своимъ романомъ „Адамъ Адамычъ". Затѣмъ общественное вниманіе было привлечено прекрасными его переводами Гейне, можно сказать, лучшими переводами этого всегда усиленно читавшагося поэта. Романы „Марья Ивановна" и „Перелетныя птицы" упрочили популярность Михайлова въ качествѣ „сочинителя", а переводы Байрона, Томаса Гуда, Лангофелло и другихъ европейскихъ поэтовъ окончательно закрѣпили его выдающееся положеніе въ рядахъ литераторовъ. Но это еще не все. Михайловъ первый поднялъ въ литературѣ женскій вопросъ и, такъ какъ сдѣ-

[1]) Общепринято было называть его „Ларіоновичемъ", такъ онъ и самъ иногда писалъ, но, разумѣется, это сокращеніе вродѣ „Катерины".

лалъ это въ то время, когда Россія всѣмъ своимъ существомъ стремилась къ свободѣ, то, очевидно, завоевалъ себѣ еще и лавры выдающагося публициста. И если справедливо мнѣніе Пыпина, что „въ цѣломъ литературная карьера Михайлова не удалась", что „у него были задатки, по которымъ онъ могъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ" [1]), то во всякомъ случаѣ извѣстность Михайлова была достаточна велика, чему яснымъ доказательствомъ можетъ служить его тріумфальный проѣздъ черезъ Сибирь на каторгу, съ которымъ я познакомлю читателя въ концѣ настоящаго очерка.

Бѣдность литературы о немъ поразительна. Лучше всего фигура этого выдающагося шестидесятника очерчена въ тѣхъ мѣстахъ воспоминаній Шелгунова, которыя были вырѣзаны цензурой изъ павленковскаго изданія его сочиненій въ 1891 году. Только очень немногіе имѣютъ возможность ознакомиться съ ними по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ экземплярамъ. Затѣмъ надо указать на статью г. Бѣлозерскаго (Порошина) — „Отъ Петербурга до Нерчинска" въ декабрьской книгѣ „Русской Мысли" 1902 г., замѣтку г. Мельшина (Якубовича) въ № 54 „Степного Края" 1896 г., на выпускъ XXV „Международной библіотеки", на „Записки" самого Михайлова, напечатанныя въ VI—VIII книжкахъ „Русскаго Богатства" и на замѣтку Е. О. Дубровиной—„Памяти М. И. Михайлова" въ декабрьской книжкѣ „Бесѣды" 1905 г. Если сюда прибавить маленькую замѣтку въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Ефрона, то получится, кажется, все. Его беллетристическія произведенія теперь уже не читаются; переводы общеизвѣстны, но мы, вообще, не помнимъ именъ переводчиковъ; наконецъ, публицистическія статьи тоже основательно забыты за массою позднѣйшей литературы по женскому вопросу [2]).

Между тѣмъ Михайловъ вполнѣ заслуживаетъ реставраціи его въ нашей памяти еще и потому, что, будучи однимъ изъ первыхъ авторовъ русской прокламаціонной литературы, онъ былъ первымъ политическимъ ссыльнымъ въ царствованіе Александра II, когда, казалось, началась заря новой политической жизни...

---

[1]) *Пыпинъ*, „Мои замѣтки" („Вѣстникъ Европы" 1905 г., II, 497).

[2]) Вотъ главнѣйшія изданія работъ Михайлова: „Пѣсни Гейне въ пере-

I.

Въ концѣ 1860 года въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Москвы корнетъ Всеволодъ Дмитріевичъ Костомаровъ, племянникъ извѣстнаго историка, вскорѣ „прославившійся“ нѣсколькими подлыми доносами. Имѣя письмо отъ А. Н. Плещеева, онъ явился къ Михайлову просить содѣйствія въ своихъ литературныхъ работахъ по части самостоятельной и переводной поэзіи. Разговорившись съ Михайломъ Илларіоновичемъ, жившимъ съ супругами Шелгуновыми, онъ настолько разоткровенничался, что показалъ имъ напечатанное на отдѣльныхъ листкахъ свое стихотвореніе, поражавшее нецензурностью и подписанное полною его фамиліей. Знакомство такимъ образомъ завязалось.

Ниже, въ особомъ приложеніи, я помѣщаю три письма Михайлова къ Костомарову, изъ которыхъ видно, что вскорѣ между ними установились уже самыя пріятельскія отношенія.

Лѣтомъ слѣдующаго — 1861-года Л. П. Шелгуновой надо было ѣхать за-границу лѣчить параличъ своихъ ногъ: ее сопровождали мужъ и Михайловъ. Сначала они прожили въ Наугеймѣ, на водахъ, затѣмъ Шелгуновы поѣхали въ Парижъ, а Михайловъ—въ Лондонъ, къ хорошо знакомымъ Герцену и Огареву, съ которыми онъ видѣлся уже въ прежнія свои поѣздки, въ 1856 и 1857 годахъ. Тамъ въ герценовской типографіи Михайловъ напечаталъ прокламацію „Къ молодому поколѣнію“, которая въ серединѣ іюля и была привезена имъ въ Петербургъ.

Здѣсь Михайловъ въ теченіе августа нѣсколько разъ видѣлся съ Костомаровымъ, зачѣмъ-то пріѣзжавшимъ изъ Москвы, показалъ ему прокламацію и даже просилъ распространить ее въ Москвѣ, на что получилъ отказъ.

По словамъ Михайлова, въ послѣдній свой пріѣздъ изъ Москвы Костомаровъ произвелъ на него далеко не такое пріятное впечатлѣніе, какъ прежде. „Я въ этотъ разъ убѣдился, что онъ любитъ лгать, и, когда онъ мнѣ разсказывалъ, что братъ грозитъ ему доносомъ, не вѣрилъ ему и потому слушалъ

водъ М. Л. Михайлова“. Спб., 1858 г.; „Въ провинціи“. Спб., ч. I—1859 г., ч. II—1860 г.; „Собраніе стихотвореній М. Михайлова“. Спб., 1890 г.; „Дѣвицы, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ“. Спб., 1903 г.

его довольно хладнокровно". Тогда же Костомаровъ, говоря, по обыкновенію, о своемъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, вдругъ выпалилъ Михайлову, что, если такъ будетъ продолжаться, то онъ пойдетъ въ жандармы...

Однако, прощаніе пріятелей было сердечное...

Проходитъ немного времени, и Костомаровъ арестовывается по доносу своего тоже якобы арестованнаго брата...

1-го сентября раннимъ утромъ къ незнавшему объ этомъ Михайлову являются полицеймейстеръ Золотницкій, жандармскій полковникъ Ракѣевъ [1]) и квартальный и производятъ обыскъ. Послѣ очень тщательныхъ поисковъ найдены были: портретъ Герцена съ его автографомъ, изданная имъ въ 1854 году брошюра „27 февраля 1854 г. Народный сходъ въ память переворота 1848 года въ St. Martin Halle Long Aire, въ Лондонѣ" и напечатанныя за-границей стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ русскія изданія. Михайловъ не растерялся и почти вслѣдъ за удаленіемъ обыскивавшихъ отправился за объясненіемъ въ III Отдѣленіе. Управлявшій послѣднимъ гр. Шуваловъ объяснилъ ему, что онъ подозрѣвается въ участіи въ организаціи тайной типографіи московскихъ студентовъ и что оріентировать его могутъ въ близкомъ будущемъ, но уже не въ III Отдѣленіи, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, куда передано это дѣло.

Только на слѣдующій день на сходкѣ у Н. С. Курочкина, по поводу Шахматнаго клуба, Михайловъ узналъ объ арестѣ Костомарова, но, по его собственнымъ словамъ, ему и въ голову не приходило, чтобы III Отдѣленіе могло что-нибудь знать о прокламаціи...

Вернувшись изъ III Отдѣленія, онъ рѣшилъ спѣшить съ распространеніемъ лежавшей на квартирѣ прокламаціи и случайно лишь не найденной при обыскѣ: она лежала въ печкѣ, задвинутой кресломъ.

4-го сентября самъ Шуваловъ получилъ одинъ экземпляръ „Къ молодому поколѣнію". Начались суматоха и розыски. Тутъ какъ разъ попалось въ руки якобы перлюстрованное письмо Костомарова къ молодому графу Ростовцеву, сыну извѣстнаго

[1]) Ракѣевъ въ своемъ родѣ „знаменитость": онъ былъ единственнымъ, если не считать слуги, свидѣтелемъ тайно совершеннаго погребенія Пушкина... Ракѣева зналъ весь Петербургъ за большого ищейку.

Якова Ивановича, въ которомъ Костомаровъ извѣщалъ, что на него сдѣланъ доносъ его братомъ, и просилъ разыскать адресъ „*М. Мих.*“ и предупредить его, чтобы принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію „*М. П.*“ Этого, повидимому, заранѣе условленнаго ключа было достаточно, чтобы подъ первымъ сокращеніемъ признать Михайлова, а подъ вторымъ—„Къ молодому поколѣнію“.

14-го сентября ночью у Михайлова былъ сдѣланъ вторичный обыскъ, который, кромѣ двухъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, Щербацкаго и Житкова, производилъ извѣстный тогда сыщикъ Путилинъ, взявшій на помощь себѣ еще около десятка жандармовъ и полицейскихъ, „бабу Аграфену“ для осмотра жены Шелгунова, четырехъ сыщиковъ и двухъ понятыхъ... Вотъ какую важность придавали возможности обнаружить автора и распространителя одной изъ первыхъ прокламацій. Но, кромѣ альбома, въ которомъ были автографы Герцена и Огарева, ничего не нашли. Тогда Житковъ увезъ Михайлова въ домъ III Отдѣленія, что и нынѣ занятъ департаментомъ полиціи, на Фонтанкѣ, у Лѣтняго сада.

Сначала Михайлова помѣстили въ довольно просторной комнатѣ самаго обыкновеннаго вида, но черезъ нѣсколько часовъ его уже перевели въ другую, съ голыми стѣнами, съ крошечнымъ диваномъ, шкапчикомъ вмѣсто стола и двумя старомодными стульями. Желѣзная кровать и вонючій ящикъ дополняли тюремную обстановку... Все платье и бѣлье было снято и сдано по особой описи вахтеру, а Михайлову пришлось облачиться въ казенное бѣлье и бѣлый больничный халатъ со стоптанными башмаками... Оставшись одинъ, Михайловъ и тутъ еще не допускалъ мысли, что причиной его ареста былъ Костомаровъ.

Прошло нѣсколько часовъ, какъ его повели на первый жандармскій допросъ, въ одну изъ „экспедицій“ III Отдѣленія. Тамъ М. И. встрѣтилъ довольно вліятельный чиновникъ Горянскій, поспѣшившій заявить, что онъ очень уважаетъ талантъ представшаго передъ нимъ писателя и очень сожалѣетъ, что имъ пришлось познакомиться при такихъ обстоятельствахъ. На вопросъ Михайлова, въ чемъ же дѣло, Горянскій заявилъ, что у III Отдѣленія есть достаточныя основанія обвинять его къ сочиненіи прокламаціи къ крѣпостнымъ крестьянамъ, а во-вторыхъ—въ привозѣ изъ-за-границы другой прокламаціи—„Къ молодому поколѣнію“ и въ распространеніи ея въ Россіи.

При этомъ Горянскій показалъ Михайлову письмо Костомарова къ Ростовцеву... Михайловъ начиналъ понимать... Конецъ письма былъ особенно любопытенъ: „за мной слѣдятъ, такъ я посылаю это письмо съ Александрой“ (прислугой)... Дальнѣйшее содержаніе просто озлобило Михайлова своею подлостью. Костомаровъ прямо говорилъ, что онъ ничего не скроетъ про московскихъ студентовъ, потому что „они не стоятъ того, чтобы ихъ беречь“. Какъ опытный застѣночныхъ дѣлъ мастеръ, Горянскій тутъ же сообщилъ Михайлову совершенную ложь, а именно, что уже арестованы очень многіе, прикосновенные къ дѣлу московской пропаганды, и въ ихъ числѣ мать и сестра Костомарова и Л. П. Шелгунова... Михайловъ увидѣлъ, что надо спасать другихъ, и потому рѣшилъ признаться кое въ чемъ, но, по возможности, въ самомъ незначительномъ.

Поэтому онъ показалъ, что привезъ изъ-за-границы всего 10 экземпляровъ „Къ молодому поколѣнію“, но не распространялъ ихъ, а сжегъ, боясь отвѣтственности; что Костомаровъ видѣлъ у него всего одинъ экземпляръ, а что касается рукописей, то онъ совершенно не помнитъ, какія у него могли быть компрометирующія бумаги.

Въ это время вошелъ Путилинъ и спросилъ Михайлова, знаетъ ли онъ работающаго съ нимъ въ одномъ журналѣ писателя Благолюбова... Потомъ онъ поправился: Добролюбова. Михайловъ отвѣтилъ утвердительно, но категорически отрицалъ свои, дѣйствительно, не бывшія свиданія съ нимъ за-границей.

Черезъ нѣсколько минутъ Михайлова позвали къ гр. Шувалову. Тотъ убѣждалъ его показать сразу одну чистую правду. говорилъ, что все равно все уже хорошо извѣстно, и т. д., но Михайловъ твердо стоялъ на своемъ. Тогда приказано было позвать въ ту же комнату Костомарова, причемъ былъ сдѣланъ видъ, будто его привезли изъ крѣпости, гдѣ онъ, разумѣется, и не былъ совсѣмъ...

Письмо его лежало на столѣ Шувалова, и послѣдній спросилъ Костомарова, что обозначали буквы „М. П.“, прибавивъ, что Михайловъ уже сознался, что подъ ними разумѣлась его прокламація.

— Если онъ сознается,—сказалъ Костомаровъ,—то это дѣйствительно такъ.

— Предлагалъ онъ вамъ 100 экземпляровъ?—спросилъ Шу-

валовъ, но былъ здѣсь перебитъ Михайловымъ, поспѣшившимъ сказать, что, конечно, нѣтъ, такъ какъ онъ видѣлъ всего одинъ экземпляръ.

— Такъ ли это, Костомаровъ?

— Такъ, — отвѣтилъ доноситель и былъ послѣ этого удаленъ.

Вернувшись въ камеру, Михайловъ упрекалъ себя, что не стоялъ на совершенномъ отрицаніи всего, что сознался и въ 10 экземплярахъ, хотя дѣло и могло кончиться въ этомъ случаѣ непродолжительнымъ арестомъ. Онъ чувствовалъ уже, что Костомаровъ его не поддержитъ. Ему становилось ясно, что „пріятель“ его высказалъ все, что зналъ и только подозрѣвалъ. И въ то же время ему не хотѣлось еще такъ дурно думать о немъ.

Михайловъ придумывалъ, какъ поступить дальше, но видѣлъ, что уже сразу испортилъ дѣло... И надъ всѣмъ этимъ господствовало опасеніе, какъ бы не впутали другихъ, и особенно Шелгуновыхъ.

На слѣдующій день ему были предъявлены обѣ рукописныя прокламаціи—къ крѣпостнымъ крестьянамъ и солдатамъ, взятыя якобы при арестѣ Костомарова. Послѣдній назвалъ студентовъ Петровскаго и Сороко, какъ передавшихъ ему эти вещи. Михайловъ, снова боясь дальнѣйшихъ разоблаченій, сознался, что прокламацію къ солдатамъ передалъ Костомарову онъ самъ, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя стилистическія исправленія. Горянскій былъ удивленъ: онъ считалъ, что Михайловъ писалъ прокламацію къ крестьянамъ...

Затѣмъ Горянскій доставлялъ не мало страданій Михайлову своимъ ежедневнымъ присутствіемъ въ его камерѣ. Подлость характеристически отпечатывалась въ каждой его чертѣ, въ каждомъ движеніи мускуловъ. Въ первыя двѣ недѣли Михайловъ не зналъ ни одной спокойной минуты. Только вечеромъ, да и то лишь послѣ извѣстнаго часа, онъ могъ уже не ждать посѣщеній Горянскаго или Путилина и приглашеній въ экспедицію или къ Шувалову. „Говорить съ этими господами было для меня истинной пыткой,—пишетъ онъ. Они постоянно дѣлали мнѣ въ разговорѣ разные пугавшіе меня намеки, на которые я старался не выказывать никакого ни любопытства, ни вниманія, тогда какъ внутренно они меня очень трево-жили“.

Оригинальнѣе всего были разспросы Шувалова, къ которому Михайлова водили разъ пять-шесть. Онъ обыкновенно спрашивалъ въ такомъ родѣ:

— Какъ вы ни запирайтесь, а г-жа Шелгунова знала объ этомъ дѣлѣ. Это мнѣ извѣстно какъ нельзя лучше.

— Не знала.

— Нѣтъ, знала.

— Нѣтъ, не знала.

— Нѣтъ, знала.

И такъ далѣе до злости.

— Ну, я понимаю, — перемѣнялъ тему Шуваловъ,—что вы не хотите выдавать женщину, но братъ ея [1]) зналъ. Мы не можемъ оставить его безъ наказанія.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Нѣтъ, зналъ и помогалъ вамъ.

— Нѣтъ, не зналъ.

— И что вы его защищаете? Зналъ.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Зналъ, я вамъ говорю.

— А я вамъ говорю, что не зналъ.

Скучно и тоскливо проходили дни заключенія Михайлова, похожіе, какъ двѣ капли воды. Иногда его развлекалъ смотритель, капитанъ Зарубинъ, единственный человѣкъ, если не считать сторожа Самохвалова, присутствіе котораго Михайловъ даже любилъ. Зарубинъ сообщалъ ему преимущественно театральныя новости, потому что посѣщалъ всѣ новыя пьесы. Внимательность онъ проявлялъ полную. Такъ, когда Михайловъ просилъ давать ему обѣдъ позже обыкновеннаго, то просьба эта была сразу же исполнена, и Михайловъ вдругъ сталъ получать гораздо лучшій обѣдъ. Оказалось, что Зарубинъ присылалъ ему изъ своего дома, потому что на тюремной кухнѣ все кончалось гораздо раньше.

Въ тотъ же день, когда былъ арестованъ Михайловъ, объ этомъ стало извѣстно въ литературномъ мірѣ и обществѣ: на-

[1]) Е. П. Михаэлисъ, игравшій видную роль среди петербургскаго студенчества.

лицо былъ разсказчикъ-очевидецъ, Н. В. Шелгуновъ, комнаты котораго тоже были подвергнуты внимательному обыску. Впечатлѣніе этого, тогда очень рѣдкаго, случая было велико. Многіе, не подозрѣвая въ Михайловѣ распространителя прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, искренно удивлялись, нѣкоторые недоумѣвали, но всѣ такъ или иначе возмущались. Арестъ не вязался еще съ атмосферой того времени... По словамъ Шелгунова, дня черезъ два или три у издателя „Русскаго Слова“, гр. Кушелева-Безбородко, собрались почти всѣ (человѣкъ до ста) петербургскіе литераторы, чтобы обсудить это дѣло, посовѣтоваться и предпринять что-нибудь въ пользу арестованнаго товарища. Послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ рѣшено было подать петицію министру народнаго просвѣщенія, графу Путятину, вѣдавшему цензурой, а, слѣдовательно, болѣе другихъ прикосновенному къ литературѣ,—въ которой просить его принять участіе въ судьбѣ Михайлова, а если въ дѣйствіяхъ его есть что-нибудь, несомнѣнно подвергающее его отвѣтственности, то допустить къ слѣдствію депутата отъ литераторовъ. Въ этой просьбѣ не было ничего серьезно оппозиціоннаго, потому что дѣйствовавшій тогда законъ допускалъ производство слѣдствія и суда при депутатѣ отъ сословія, къ которому принадлежалъ обвиняемый. По любопытной для того времени дружности всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, еще не дифференцировавшихся въ партіи, составленіе петиціи было поручено... отставному жандармскому подполковнику, С. С. Громекѣ, уже заявившему себя въ широкомъ кругу статьями въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“, а въ болѣе интимномъ — корреспонденціями въ „Колоколъ“... Представленіе петиціи было поручено депутаціи изъ издателя „Русскаго Слова“ гр. Кушелева-Безбородко, Краевскаго и Громеки.

Надменный Путятинъ, разумѣется, не соизволилъ принять депутацію въ полномъ составѣ, допустивъ передъ свои свѣтлыя очи лишь одного Кушелева. Когда послѣдній заявилъ, что онъ пришелъ отъ сословія литераторовъ не одинъ, то филаретовскій ставленникъ отвѣтилъ, что онъ такого сословія въ Россіи не знаетъ, но петицію принялъ. Разумѣется, она была препровождена въ III Отдѣленіе — и дерзкихъ смѣльчаковъ приказано было посадить на гауптвахту. Потомъ Александръ II отмѣнилъ свое рѣшеніе...

Такимъ образомъ заступничество товарищей не имѣло никакихъ практическихъ для Михайлова результатовъ [1]).

Недѣли черезъ три послѣ заключенія Михайлова, къ нему явился Путилинъ и попробовалъ получить свѣдѣнія о томъ, кому принадлежитъ печатка, которою были запечатаны письма Михайлова къ Костомарову. На самомъ дѣлѣ она принадлежала Шелгуновой, но Михаилъ Илларіоновичъ категорически отрицалъ, что знаетъ печатку. Тогда Путилинъ пригласилъ его въ экспедицію на очную ставку съ Костомаровымъ.

Встрѣтившій Михайлова Горянскій обратился сначала къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, сказавъ, что нравственное убѣжденіе III Отдѣленія въ его виновности „такъ сильно, что они употребятъ всѣ средства добиться истины“, и, наконецъ, показалъ Михайлову письменные отвѣты Костомарова на цѣлый рядъ вопросныхъ пунктовъ.

Привожу далѣе подлинный разсказъ самого Михайлова.

„Эти отвѣты были, дѣйствительно, очень компрометирующаго характера. Въ нихъ онъ говорилъ о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, какъ о *моей* брошюрѣ, утверждалъ, что ни у кого и быть ея не могло въ Петербургѣ, кромѣ меня; о числѣ привезенныхъ мною экземпляровъ онъ не упоминалъ, но въ то же время на вопросъ, зачѣмъ я привезъ ихъ, отвѣчалъ,—вѣроятно, по его мнѣнію, остроумно,—что, конечно, не съ тою цѣлью, чтобы оклеить экземплярами воззванія стѣны своего кабинета, вмѣсто обоевъ. Онъ подтверждалъ также, что разсказывалъ въ Москвѣ о моемъ предложеніи ему—взять прокламацію съ собой,—и еще не мало было глупостей самаго сквернаго свойства въ этихъ отвѣтахъ.

„По особенному тупоумію меня болѣе всего поразилъ, помню, отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ онъ, Костомаровъ, предупреждалъ меня письмомъ? „Затѣмъ,—отвѣчалъ Костомаровъ,—чтобы Михайловъ, получивши письмо, уничтожилъ всѣ экземпляры (!!), и тогда, еслибъ письмо и попалось въ руки по-

[1]) Въ виду того, что, по другой версіи, литераторы просили допустить къ слѣдствію *дворянина*, такъ какъ Михайловъ былъ дворяниномъ, я обратился за разъясненіемъ къ М. А. Антоновичу. Маститый писатель категорически опровергъ подобныя росказни и заявилъ, что хорошо знаетъ и помнитъ, что дѣло происходило именно такъ, какъ разсказываетъ Шелгуновъ.

лиціи (?), то нельзя было бы никакъ догадаться, о чемъ въ немъ идетъ рѣчь".

„Этотъ отвѣтъ, чуть ли не дважды подчеркнутый Горянскимъ краснымъ карандашомъ, какъ особенно замѣчательный, разсмѣшилъ меня.

„На все краснорѣчіе Горянскаго я отвѣтилъ однимъ, что къ тому, что сказалъ разъ въ своихъ отвѣтахъ, я ничего не прибавлю, да и прибавлять мнѣ нечего.

„— Вотъ сейчасъ самъ г. Костомаровъ будетъ здѣсь. Вы поговорите съ нимъ.

„Я и не думалъ, какой оборотъ могло принять и приняло это свиданіе.

„Я рѣшился не принимать на себя ничего болѣе того, что уже принялъ, и, конечно, выдержалъ бы свое рѣшеніе, *еслибъ Костомаровъ не вывелъ меня изъ терпѣнія своими упреками.*

„Онъ пришелъ въ сопровожденіи Путилина.

„Горянскій попросилъ его объяснить разные пункты въ его отвѣтахъ. Я ужъ не помню хорошенько этихъ объясненій, но мнѣ памятно, что Костомаровъ какъ-то неловко старался вывернуться изъ нелѣпыхъ фразъ. Напримѣръ, относительно того, что онъ воззваніе постоянно именовалъ *моей* брошюрой или статьей, онъ сказалъ Горянскому что-то вродѣ этого: „Вѣдь, говоря про этотъ стулъ, на которомъ вы сидите, что этотъ стулъ *вашъ*, я этимъ не хочу сказать, что онъ принадлежитъ вамъ".

„Когда дѣло дошло до разсказовъ его въ Москвѣ о прокламаціи, Путилинъ съ сладостною улыбкою сообщилъ, что г. Костомаровъ подтвердилъ сказанное въ отвѣтахъ сейчасъ на очной ставкѣ. Горянскій спросилъ его. Онъ сначала молчалъ, потомъ сказалъ, что онъ, дѣйствительно, подтвердилъ сейчасъ на очной ставкѣ да и теперь подтверждаетъ, что разсказывалъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ можетъ добыть сколько угодно экземпляровъ воззванія.

„Я на это замѣтилъ ему, что онъ могъ говорить такую вещь и не имѣя на это прочнаго основанія.

„— Всякому изъ насъ,—сказалъ я,—случалось въ разговорахъ преувеличивать. И вы, вѣрно, не станете утверждать, что говорили на этотъ разъ правду.

„Я уже начиналъ сильно сердиться.

„Костомаровъ стоялъ на своемъ. Я очень кротко, стараясь

выбирать выраженія, напомнилъ ему одинъ примѣръ сдѣланнаго имъ преувеличенія въ разговорѣ со мной.

„Онъ вдругъ вспыхнулъ и разсердился.

„— Вы хотите, кажется, свалить все на мою голову,—сказалъ онъ мнѣ.—Валите, валите!

„— Я ничего на васъ не валю, да и нечего мнѣ валить. Напротивъ, все, что касалось меня въ вашемъ дѣлѣ, я объяснилъ, хоть и со вредомъ для себя.

„— Говорите, г. Костомаровъ,—сказалъ Горянскій.

„— Да что мнѣ говорить?!—возразилъ Костомаровъ.—Онъ (указывая на меня) хочетъ играть роль невинной жертвы. Ну, обвиняйте меня!

„— Намъ не обвинить кого-нибудь нужно, а узнать истину,—сказалъ Горянскій.—Говорите, г. Костомаровъ.

„Костомаровъ помолчалъ и потомъ рѣзко сказалъ:

„— Не удивительно, что я молчу, а удивительно, что молчитъ онъ.

„Онъ показалъ на меня.

„— Что такое вы сказали? — вскричалъ Горянскій. — Это замѣчаніе—важное, и вы должны написать его.

„Онъ положилъ листъ бумаги на конторку, облокотясь на которую, стоялъ Костомаровъ, и подавалъ ему перо. Костомаровъ не бралъ пера.

„— Нѣтъ, вы должны это написать, должны,—настаивалъ Горянскій. — Въ вашихъ словахъ намекъ очень серьезный, и онъ долженъ быть разъясненъ. Пишите же, г. Костомаровъ. Какъ это вы сказали? „Не удивительно, что молчите вы, а то удивительно, что молчитъ г. Михайловъ“. Извольте написать эти слова.

„Костомаровъ все еще колебался. Я едва сдерживалъ злобу, которая раскипалась во мнѣ.

„— Г. Костомаровъ никогда не покажутъ несправедливо,—вмѣшался сладкимъ голосомъ Путилинъ, вообще мало тутъ говорившій и бывшій, вѣроятно, лишь въ качествѣ свидѣтеля.—Я ихъ довольно хорошо знаю по Москвѣ.

„— Пишите, Костомаровъ,—сказалъ и я.

„Онъ уже взялъ перо, но только занесъ его надъ бумагой, я остановилъ его словами, что у меня было гораздо большее число экземпляровъ, чѣмъ я показывалъ.

„Я сказалъ тогда, кажется, что 150, но потомъ въ показаніи

прибавилъ еще 100, потому что иначе не могъ достичь нужнаго правдоподобія.

„Длить эту сцену очной ставки въ экспедиціи мнѣ стало омерзительно. Я боялся, что она приметъ характеръ еще гаже, и уже не въ ущербъ мнѣ, а, можетъ быть, и другимъ. Надо было покончить.

„Костомаровъ отошелъ къ окну, опустился на стулъ и началъ плакать, говоря безсвязно:

„— Ко мнѣ пристаютъ съ утра до вечера. Мать моя въ горячкѣ...

„Путилинъ предложилъ ему выпить стаканъ воды. Онъ подошелъ къ столу, выпилъ и сказалъ, что желалъ бы уйти. Горянскій объявилъ, что это можно.

„Я забылъ упомянуть, что, какъ только я сказалъ о томъ, что у меня было 150 экземпляровъ воззванія, Горянскій обратился и ко мнѣ съ требованіемъ, чтобы я написалъ это. Я отказался наотрѣзъ и сказалъ, что въ такомъ случаѣ мало писать одну эту цифру, что я напишу все, что нужно, у себя въ №, а отвѣчать на отдѣльные вопросы теперь не стану, не хочу. Горянскій выразилъ было какое-то колебаніе, но Путилинъ обратился къ нему (обычная уловка) съ такими словами:

„— Да г. Михайловъ напишутъ. Развѣ можно въ этомъ сомнѣваться? Ужъ если они разъ сказали, то, конечно, напишутъ.

„Вслѣдъ за Костомаровымъ ушелъ въ свой № и я“.

Горянскій сталъ томить Михайлова еще чаще своими посѣщеніями и уже не предлагалъ ему вопросныхъ пунктовъ, а сказалъ, чтобы онъ просто написалъ показаніе. Сначала оно было короткое. Но Михайловъ долженъ былъ прочесть его Шувалову въ черновой рукописи, и многія подробности явились только вслѣдствіе того, что имъ въ первоначальномъ видѣ не удовольствовались бы и, всетаки, предложили бы еще не мало вопросныхъ пунктовъ. Такъ, напримѣръ, сначала было глухо сказано, что онъ привезъ воззваніе съ собою, а о происхожденіи его не говорилось. Это прибавлено. Такъ точно не упоминалось въ немъ и имени Шелгуновыхъ. Но Шуваловъ и всѣ его клевреты говорили, что Михайловъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними, и что въ Лондонѣ они должны были находиться вмѣстѣ. Надо было и на это отвѣтить. Вообще многое, что казалось потомъ совершенно излишнимъ (когда

Михайлову прочли это показаніе передъ судомъ), было вызвано назойливыми вопросами и придирками въ III Отдѣленіи.

Когда, повидимому, все было удовлетворительно, Шуваловъ, прослушавъ показаніе, сказалъ:

— Вамъ, конечно, все это непріятно. Но, согласитесь сами, принявши единожды это мѣсто, не могъ же я поступать иначе.

Онъ сказалъ, что будетъ стараться и надѣется, что Михайлова не болѣе какъ отправятъ куда-нибудь въ отдаленную губернію на жительство... Но можетъ, конечно, случиться, что государь захочетъ предать его суду.

Только послѣ пространно написаннаго сознанія Михайловъ, по собственному его признанію, сталъ немного спокойнѣе и по ночамъ пересталъ метаться безъ сна. Чтеніе, однако, всетаки, плохо его развлекало, хотя, признавъ за собою всю вину, онъ пересталъ уже тревожиться за спокойствіе другихъ. Тревога за себя была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тою.

Привожу полностью это сознаніе.

„Понятное чувство самосохраненія заставило меня сначала стараться по возможности отклонить отъ себя хоть часть падавшихъ на меня обвиненій въ привозѣ изъ-за-границы и распространеніи здѣсь печатнаго воззванія „Къ молодому поколѣнію“; но, видя тяжкое нравственное состояніе г. Всеволода Костомарова, перехваченное письмо котораго выдало меня, видя, какъ его мучитъ невозможность выгородить меня изъ этого несчастнаго дѣла, я считаю противнымъ совѣсти скрывать долѣе истину.

„Вотъ какъ было дѣло.

„Весною нынѣшняго года я отправился за-границу, съ единственною цѣлью — отдохнуть хоть немного отъ постоянныхъ усиленныхъ литературныхъ занятій. Я поѣхалъ съ семействомъ Шелгуновыхъ, съ которыми жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ: но въ Германіи простился съ ними и посѣтилъ уже одинъ сначала Голландію, потомъ Англію. Здѣсь, въ Лондонѣ, я видѣлся довольно часто съ Герценомъ и Огаревымъ, съ которыми давно уже знакомъ [1]).

[1]) 31-го октября, отвѣчая на вопросы сенаторовъ: „объясните, когда именно вы прибыли въ Лондонъ, долго ли тамъ пробыли, когда приступили къ совѣщанію съ Герценомъ насчетъ сочиненія воззванія „Къ молодому поколѣнію“, когда написали черновой проектъ воззванія, когда по-

„Однажды, въ разговорѣ съ ними по поводу цензурныхъ стѣсненій, я выразилъ мысль, что смягченію ихъ содѣйствовало бы усиленіе тайной прессы въ самой Россіи. Разговоръ невольно перешелъ къ возможности печатать за-границей изданія съ обозначеніемъ на нихъ, что они печатаны въ Петербургѣ. Тогда Герценъ предложилъ мнѣ написать для опыта статью съ этой цѣлью.

„Такъ какъ въ теченіе всей моей почти пятнадцатилѣтней литературной дѣятельности это былъ первый опытъ написать что-либо политическаго содержанія, то опытъ вышелъ крайне неудаченъ, и изъ нѣсколькихъ страницъ, набросанныхъ мною, не осталось и половины въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“, — такъ что я не могъ бы по совѣсти никакъ выставить подъ нимъ своего имени, еслибы оно, по содержанію своему, могло быть напечатано въ Россіи явно.

„Листъ „Къ молодому поколѣнію“ тогда же былъ напечатанъ — сколько мнѣ извѣстно—въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ, но въ какомъ именно — не знаю. Знаю лишь то, что я не могъ и этого количества взять съ собою вполнѣ, какъ потому, что мнѣ нельзя бы было провезти его на себѣ, не возбуждая подозрѣнія въ таможнѣ, такъ—еще болѣе—потому, что мнѣ не было бы возможности распространить его безъ чьей-либо помощи; а я твердо рѣшился не втягивать никого въ это опасное дѣло. Такимъ образомъ я взялъ съ собою двѣсти пятьдесятъ экземпляровъ.

„Срочныя работы по изданію „Энциклопедическаго словаря“, въ коемъ я участвую, какъ одинъ изъ редакторовъ, заставили меня вернуться въ Россію ранѣе, чѣмъ я думалъ,—и изъ Лондона я, почти не останавливаясь, проѣхалъ, чрезъ Парижъ и Штетинъ, въ Петербургъ [1]).

лучили отпечатанные листы и когда выбыли изъ Лондона?“ — Михайловъ написалъ: „Въ Лондонъ прибылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, пробылъ тамъ двѣ недѣли съ небольшимъ. Съ Герценомъ я говорилъ вскорѣ по пріѣздѣ, но разговора этого, такъ какъ онъ не имѣлъ главною цѣлью печатаніе сочиненія „Къ молодому поколѣнію“, совѣщаніемъ я назвать не могу. Черновой проектъ написанъ мною вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, а отпечатанные листы я получилъ наканунѣ отъѣзда“.

[1]) 23-го октября на вопросы сенаторовъ: „въ своей запискѣ вы упоминаете, что изъ Лондона, гдѣ напечатано было воззваніе, вы возвратились въ Петербургъ черезъ Парижъ и Штетинъ. Объясните, на какихъ именно таможняхъ вы подвергались осмотру, гдѣ вы скрывали, какъ во время пу-

„Тотчасъ же по пріѣздѣ сюда занялся я приготовленіемъ къ распространенію листа „Къ молодому поколѣнію“, не говоря о томъ никому ни слова. Лучшимъ средствомъ казалось мнѣ сначала отправить все по городской почтѣ; но, такъ какъ я боялся обратить вниманіе необычнымъ количествомъ писемъ, и не могъ бы разнести всего самъ, не возбуждая подозрѣнія, то этою мѣрой и рѣшился воспользоваться только въ самой незначительной степени.

„Будучи совершенно одинъ въ домѣ, я могъ очень удобно приготовить все къ сентябрю, какъ было мною рѣшено [1]). Небольшую долю экземпляровъ — сколько помню, никакъ не болѣе тридцати пяти-шести — я разложилъ по одному въ пакеты и сдѣлалъ адресы, наудачу, по адресъ-календарю, измѣняя по возможности свой почеркъ и разнообразя его. Затѣмъ около двухсотъ экземпляровъ разложилъ въ двадцать пакетовъ бо́льшаго размѣра—по три, по пяти, по десяти и по пятнадцати на пакетъ (ихъ лишь впослѣдствіи надписалъ я карандашомъ), съ тѣмъ, чтобы разнести ихъ по редакціямъ разныхъ журналовъ и по нѣкоторымъ болѣе или менѣе извѣстнымъ мнѣ лицамъ, коихъ квартиры я зналъ.

„Мнѣ хотѣлось сначала послать часть въ Москву; но я не зналъ, какъ это сдѣлать, не отправляя по почтѣ. Случайный пріѣздъ въ Петербургъ г. Костомарова далъ мнѣ мысль, что онъ могъ бы отвезти туда какую-нибудь долю экземпляровъ. Я, вполнѣ полагаясь на его скромность, рѣшился предложить

шествія за-границей, такъ и по прибытіи въ Россію, тюкъ съ 250 экземплярами воззванія, и какимъ образомъ досмотрщики пропустили безпрепятственно означенный тюкъ, а также, когда именно вы возвратились въ Петербургъ?“ — Михайловъ отвѣчалъ: „По возвращеніи изъ-за-границы я былъ осмотрѣнъ на петербургской таможнѣ; за-границей я везъ свертокъ съ листомъ „Къ молодому поколѣнію“ просто въ чемоданѣ, а отправляясь изъ Штетина моремъ, надѣлъ на себя тюкъ, въ которомъ были зашиты экземпляры, а незначительная часть ихъ была у меня разложена по карманамъ. Замѣтить на мнѣ ничего было нельзя, потому что одѣтъ я былъ съ ловкостью: притомъ же осматривали только мои чемоданы, а меня не осматривали. Возвратился я въ Петербургъ въ среднихъ числахъ іюля мѣсяца“.

[1]) Рѣшено это было еще въ Лондонѣ, потому что Михайловъ не разсчитывалъ вернуться въ Петербургъ раньше конца августа. Поэтому и въ прокламаціи, послѣ заглавія, значилось: „напечатано безъ цензуры въ Петербургѣ, въ сентябрѣ 1861 года“. Между тѣмъ онъ пріѣхалъ туда на мѣсяцъ раньше.

ему это. Онъ, однако, не согласился—и ни одного экземпляра отъ меня не взялъ.

„1-го сентября былъ у меня произведенъ полицейскій обыскъ, во время котораго свертокъ съ воззваніемъ лежалъ въ печи въ моемъ кабинетѣ, подъ золой и ненужными рваными бумагами. Такъ какъ воззваніе напечатано на весьма тонкой бумагѣ и было хорошо спрессовано, то спрятать его было не трудно. Къ печкѣ было придвинуто кресло. Послѣ обыска я думалъ было сжечь все и, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, еслибы зналъ, что арестованъ Костомаровъ, единственный человѣкъ, слышавшій отъ меня, что у меня есть экземпляры листа „Къ молодому поколѣнію“.

„На другой же день вечеромъ я отправилъ по городской почтѣ пакеты, ходя большею частью пѣшкомъ и отдавая по два и по три въ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ принимается городская корреспонденція. Это взяло у меня не особенно много времени.

„Такъ же немного понадобилось мнѣ времени и въ два слѣдующіе вечера для развозки бо́льшихъ пакетовъ по разнымъ редакціямъ и другимъ лицамъ. Такъ какъ адресы были у меня для разныхъ частей города, то я соображался съ мѣстностью, чтобы не разъѣзжать много. Гдѣ было можно, проходилъ пѣшкомъ; но вообще ѣздилъ на извозчикахъ, всякій разъ ихъ мѣняя. Я громко звонилъ у дверей, клалъ пакетъ рядомъ на полъ (или опускалъ въ ящикъ для писемъ, гдѣ такіе были) и быстро сходилъ съ лѣстницы. Такъ какъ у меня за раскладкою въ пакеты оставалось экземпляровъ двадцать или нѣсколько болѣе, то я, имѣя ихъ при себѣ въ карманѣ, разбросалъ ихъ по два и по три на лѣстницахъ, уже не звоня. Я бралъ съ собою по десяти пакетовъ въ вечеръ. Чтобы отвлечь подозрѣніе дома, я точно также подкинулъ пакетъ съ нѣсколькими экземплярами у своей квартиры, общей съ квартирою г. Шелгунова.

„Въ провинцію не посылалъ я ни одного экземпляра: но по окончаніи распространенія отправилъ послѣдніе четыре экземпляра въ штемпельныхъ кувертахъ по городской почтѣ къ нѣкоторымъ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ [1]).

[1]) На допросѣ сенаторами 23-го октября Михайловъ показалъ: „Четыре экземпляра были посланы мною къ слѣдующимъ правительственнымъ лицамъ: начальнику III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, графу Шувалову,

„Такимъ образомъ все было кончено мною въ первые четыре дня сентября: такъ именно совѣтовалъ мнѣ сдѣлать Герценъ, и такъ я обѣщалъ ему [1]).

„14-го сентября былъ у меня произведенъ новый обыскъ, и меня арестовали.

„Вотъ полное и чистосердечное признаніе мое во всемъ, касающемся привоза и распространенія листовъ „Къ молодому поколѣнію“. Что сдѣлано въ Лондонѣ съ остальными экземплярами, которыхъ я не могъ съ собою взять: уничтожены ли они тамъ, или послѣ меня даны еще кому-нибудь для распространенія,—я не знаю.

„Мнѣ остается теперь объяснить побужденія, которыя заставили меня такъ дѣйствовать.

„При распространеніи листовъ „Къ молодому поколѣнію“ мною руководила, какъ я уже упоминалъ выше, мысль, что усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно непремѣнно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры. „Такимъ путемъ, — думалъ я, — начиналась свобода слова вездѣ; а эта свобода составляетъ теперь всеобщее желаніе. Та горечь, то ожесточеніе, которыя невольно проявляются въ вещахъ, печатаемыхъ тайно, которыя проявились и въ листѣ „Къ молодому поколѣнію“ (хотя—повторяю—въ большей части независимо отъ меня), становятся уже невозможны, когда допущено свободное гласное обсужденіе всѣхъ вопросовъ; но пока его нѣтъ, они нужны, какъ болѣе сильное средство“. Въ этомъ убѣжденіи я думалъ, что распространеніе листа „Къ молодому поколѣнію“, даже и въ такомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, приблизитъ хотя

и министрамъ: Муравьеву, Валуеву и Путятину. Послѣднему съ надписью на верху листа: „Плоды цензуры“.—Муравьевъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ, а Валуевъ—внутреннихъ дѣлъ.

[1]) На допросѣ сенаторами 23-го октября Михайловъ такъ пояснилъ это мѣсто своей записки: „Я употребилъ неточное выраженіе: „обѣщая“. Дѣло было просто въ разговорѣ, а не въ договорѣ, какъ, повидимому, истолковываются мои слова. Не въ первые четыре дня сентября разсчитывалъ я распространить листы „Къ молодому поколѣнію“, а вообще въ началѣ сентября, такъ какъ только къ этому времени думалъ прибыть въ Петербургъ. Кто именно поправлялъ написанный мною проектъ сочиненія „Къ молодому поколѣнію“, я не знаю, ибо поправокъ и дополненій въ рукописи не видалъ: свою же рукопись я отдалъ Герцену, на напечатанные листы получилъ изъ типографіи, отъ одного изъ находящихся при ней лицъ, фамиліи котораго не знаю“.

немного возможность говорить въ печати съ большею свободой, чего, какъ писатель, я не могу не желать пламенно.

„Не скрою, что выйти изъ сферы моей обычной скромной дѣятельности заставили меня горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силой, и опасенія, что эти случаи могутъ долго еще повторяться въ будущемъ. Невозможность прочнаго примиренія враждебныхъ партій и интересовъ безъ печатной гласности поддерживаетъ во мнѣ и теперь эти печальныя опасенія. Они тѣмъ сильнѣе, что въ нихъ участвуетъ не одна моя мысль, но и самое сердце. Покойный отецъ мой происходилъ изъ крѣпостного состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости, село, гдѣ онъ родился, было въ началѣ нынѣшняго столѣтія подвержено всѣмъ ужасамъ военнаго усмиренія. Разсказы о нихъ пугали меня еще въ дѣтствѣ. Гроза прошла не даромъ и надъ моими родными. Дѣдъ мой былъ тоже жертвою несправедливости: онъ умеръ, не вынеся позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія. Такія воспоминанія не истребляются изъ сердца.

„Я высказалъ все.

„Глубоко чувствуя всю свою виновность, вполнѣ сознавая преступность моего образа дѣйствій передъ лицомъ закона, я не могу ни надѣяться, ни ждать отъ него пощады, или даже смягченія заслуженнаго мною наказанія. Но милосердію Государя не поставлено предѣловъ, взывать къ нему не воспрещено и закоснѣлымъ преступникамъ. Ему ввѣряю я свою участь съ твердымъ упованіемъ, что какое бы тяжкое наказаніе ни постигло меня, незлобивое и кроткое сердце Государя не допуститъ, чтобы тѣнь моихъ поступковъ отразилась на счастіи и спокойствіи непричастнаго къ нимъ семейства, съ которымъ я жилъ подъ одною кровлей“ [1]).

Отставной губернскій секретарь Михаилъ Михайловъ.

[1]) На вопросъ 31-го октября, на вопросъ сенаторовъ, что это за семейство, и не получало ли оно отъ Михайлова содержанія и пропитанія, — онъ отвѣчалъ: „Семейство, о которомъ я говорилъ, состоитъ со мною только въ отношеніяхъ хозяина квартиры къ постояльцу, хотя я пользовался отъ него очень дорогимъ для меня вниманіемъ. Это подпоручикъ корпуса

Л. Ѳ. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что „Къ молодому поколѣнію“ написано Шелгуновымъ [1]). Повидимому, это такъ и было. Странно только, зачѣмъ было Михайлову принимать на себя хоть часть прокламаціи? отчего было не сказать, что авторъ неизвѣстенъ ему, желавшему быть лишь распространителемъ? зачѣмъ было сочинять передѣлку кѣмъ-то своей рукописи? Все это даетъ основаніе думать, что въ указанной части авторство несомнѣнно его.

Что касается участія въ этомъ дѣлѣ Герцена, то самъ Александръ Ивановичъ обмолвился о немъ лишь нѣсколькими словами. А именно, въ декабрьскомъ номерѣ „Колокола“ за 1868 годъ онъ писалъ: „Мы заклинали Михайлова не печатать своей прокламаціи,—на это есть живые свидѣтели“, — и только. Можно ли отсюда почерпнуть что-нибудь для неопровержимаго отвѣта на наши вопросы? Разумѣется, нѣтъ. Нельзя даже утверждать, что, видя упрямство Михайлова, Герценъ самъ не исправилъ хоть прокламацію.

7-го октября у великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, происходило особое совѣщаніе, на которомъ гр. Шуваловъ подробно ознакомилъ присутствовавшихъ со всѣми матеріалами по дѣлу Михайлова. Послѣ непродолжительнаго обсужденія было постановлено: испросить высочайшее разрѣшеніе немедленно предать его суду, по указанію министра юстиціи, какую именно форму послѣдняго онъ считалъ бы наиболѣе цѣлесообразной. Государь одобрилъ это рѣшеніе и приказалъ сообщить министру юстиціи, Замятнину, чтобы тотъ сдѣлалъ распоряженіе о „самоскорѣйшемъ производствѣ сего дѣла, такъ какъ преступленіе Михайлова выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ преступленій“.

11-го октября Замятнинъ былъ увѣдомленъ объ этомъ гр. Шуваловымъ, сообщавшимъ, что, кромѣ дѣла по прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, Михайловъ прикосновененъ и къ дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, по которому

тѣсничихъ Шелгуновъ и жена его: у нихъ есть маленькій сынъ. Содержанія и пропитанія оно отъ меня не получало,—я только платилъ за квартиру, которую нанималъ у нихъ“.

[1]) „Изъ воспоминаній прошлаго“. Спб., 1905 г., 330 и „Былое“, 1906 г., II, стр. 270.

Валуевымъ учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ состоявшаго при немъ д. ст. сов. Собѣщанскаго. Членами ея были Стороженко, фонъ-Визинъ и Любимовъ.

На допросѣ сенаторами 23-го октября Михайловъ показалъ по этому поводу: „Прикосновенность моя къ указанному дѣлу заключается въ томъ, что при арестѣ въ Москвѣ г. Всеволода Костомарова найдены у него два рукописныя сочиненія: „Къ крестьянамъ“ и „Къ солдатамъ“. Какъ то, такъ и другое были у меня въ рукахъ и оба получены Костомаровымъ отъ меня, одно (послѣднее) лично, а другое черезъ студента Сороко. (Сороко былъ раньше уже выданъ Костомаровымъ. — *М. Л.*). Въ сочиненіи ихъ я не принималъ участія и получилъ ихъ, не помню — отъ кого, какъ ходившія будто бы въ рукописи по рукамъ. Одна изъ этихъ статей („Къ солдатамъ“), написанная неразборчиво и съ пропусками, повидимому, была мною переписана нѣсколько измѣненнымъ почеркомъ, и при перепискѣ я только прибавилъ съ чисто литературной точки зрѣнія нѣсколько строкъ, самаго содержанія которыхъ не помню. Даны мною были помянутыя сочиненія Костомарову лишь для его личнаго прочтенія и затѣмъ уничтоженія. Другихъ запрещенныхъ сочиненій я не распространялъ. Когда именно даны мною Костомарову и Сороко помянутыя рукописи, я въ точности не помню, но около весны нынѣшняго года или въ концѣ зимы“.

Потомъ дѣло это было выдѣлено, и Михайловъ спеціально за него не пострадалъ.

Во время своихъ визитовъ (ихъ было два) въ эту комиссію Михайловъ узналъ, между прочимъ, что арестованные по дѣлу типографіи московскіе студенты содержались при полиціи, а не въ III Отдѣленіи; что нѣкоторые изъ нихъ были уже отпущены по домамъ, и что слѣдственная комиссія собиралась въ полномъ своемъ составѣ ѣхать въ Москву для полученія нужныхъ свѣдѣній на мѣстѣ.

Для того, чтобы дѣло могло быть рѣшено въ административномъ, а не судебномъ порядкѣ, Михайлову необходимо было, по совѣту вышеупомянутаго Горянскаго, написать прошеніе на высочайшее имя, причемъ Горянскій совѣтовалъ изложить дѣло какъ можно короче, въ формѣ письма къ государю, говоря, что резолюція на такомъ письмѣ и рѣшитъ дѣло окончательно. „Безъ этого письма, — утверждалъ лукавый жан-

дармъ,—вамъ нельзя будетъ избѣжать суда, который можетъ окончиться для васъ плохо, а главное—судъ не ограничится одними вами, а постарается притянуть и всѣхъ, кто только былъ съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ"... Тотъ же совѣтъ о необходимости письма къ государю повторилъ и статскій генералъ Кранцъ, правая рука гр. Шувалова, навѣщавшій Михайлова въ его заключеніи нѣсколько разъ. Онъ началъ свое знакомство съ нимъ почти тѣми же словами, какъ и Горянскій: объявилъ, что очень уважаетъ его талантъ, но прибавилъ, что Михайловъ сдѣлалъ непростительную ошибку, состоявшую въ томъ, что ...„государь совершенно одинаковаго съ нимъ образа мыслей".

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ ареста, т. е. 14-го октября, Кранцъ пришелъ къ Михайлову утромъ и предложилъ ему написать это письмо немедленно же, говоря, что они ждутъ государя въ III Отдѣленіе съ часу на часъ. Судъ страшилъ Михайлова главнымъ образомъ тѣмъ, что къ нему будетъ призванъ и Костомаровъ, отвѣты котораго запутаютъ дѣло и бросятъ тѣнь на Шелгунова. „Какой могъ быть назначенъ судъ, я не зналъ,—пишетъ М. П.,—и мнѣ представлялись тѣ судебныя комиссіи, которыя отличались въ царствованіе Николая I. Я не настолько былъ убѣжденъ въ нашемъ прогрессѣ, чтобы предполагать невозможной такую комиссію, какъ, напримѣръ, по дѣлу Петрашевскаго... Я постарался написать покороче, съ строгимъ соблюденіемъ казенныхъ формъ, и только подтвердилъ тѣ мотивы, которыми оправдывалъ распространеніе прокламаціи и въ показаніи".

Въ 3 часа дня, когда письмо было уже написано, Кранцъ еще разъ зашелъ къ Михайлову, сказалъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ къ гр. Шувалову, взялъ письмо въ карманъ и тотчасъ же ушелъ. Не прошло и получаса,—разсказываетъ Михайловъ,—какъ въ камеру явился Горянскій и объявилъ ему о преданіи его по высочайшему повелѣнію суду и о переводѣ его изъ III Отдѣленія въ Петропавловскую крѣпость... „Мы употребляли всѣ старанія,—прибавилъ Горянскій, какъ бы оправдываясь,—чтобы дѣло обошлось тише и не такъ ужасно для васъ, какъ оно, вѣроятно, кончится. Но въ городѣ было слишкомъ много толковъ и неудовольствія"...

Часовъ въ 7 вечера, когда уже совершенно стемнѣло, была подана карета, и Михайловъ, въ сопровожденіи капитана Зару-

бина, былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость. Переѣзжая мостъ, онъ спросилъ, между прочимъ, у своего спутника, открытъ ли университетъ и выпущены ли арестованные студенты. „Гдѣ же такъ скоро ихъ разобрать!“—отвѣтилъ капитанъ.—Да ихъ сколько же взято?—полюбопытствовалъ писатель.—„Легко сказать! Вѣдь больше 300“... было ему отвѣтомъ.

Въ крѣпости Михайловъ былъ помѣщенъ въ Невскую куртину. Всю дорогу отъ комендантской квартиры до куртины сопровождавшій его дѣлопроизводитель крѣпостной канцеляріи разговаривалъ съ нимъ, извинялся, что теперь нѣтъ помѣщенія получше, все биткомъ набито студентами, говорилъ, что въ содержаніи заключенныхъ сдѣланы кое-какія улучшенія, что теперь даютъ утромъ и вечеромъ чай, чего прежде не было, что съ 1-го ноября и въ ночникахъ будетъ горѣть деревянное масло. „Нельзя же въ наше время,—объяснялъ онъ,—держаться старыхъ порядковъ“... Помѣщеніе оказалось, дѣйствительно, не изъ важныхъ. Михайлова помѣстили въ камерѣ, гдѣ ранѣе помѣщалось больничное отдѣленіе съ шестью кроватями. Стѣны были закоптѣлыя, съ примѣтами сырости: со свода висѣла бахромой паутина... Два полукруглыхъ, довольно большихъ окна съ мелкимъ переплетомъ, закрашенныя снаружи, бѣлѣли въ глубокихъ темныхъ амбразурахъ, будто занесенныя снѣгомъ. Въ довольно широкомъ простѣнкѣ между окнами, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояла деревянная койка. На ней лежалъ парусинный мѣшокъ, скудно набитый соломой и прикрытый сверху грязной простыней. Наволочка подушки была такой же сомнительной чистоты. Около изголовья койки стоялъ небольшой столъ съ оловянной кружкой для воды и стулъ съ глухимъ деревяннымъ сидѣньемъ. Всѣ вещи, бывшія при Михайловѣ, были переписаны и отобраны, но книги оставлены.

Какъ ни пасмурна и печальна была окружавшая его теперь обстановка, даже въ сравненіи съ казематомъ III Отдѣленія, у Михайлова на душѣ было, всетаки, легче. Сознаніе, что онъ больше не увидитъ подлыхъ шпіонскихъ рожъ, снимало съ него какую-то ненавистную тяжесть.

При воспоминаніи о крѣпостномъ заключеніи Михайлову всего живѣе представлялись впослѣдствіи тамошнія ночи. Ночь длилась особенно долго, потому что разсвѣтъ подъ низкими сводами каземата начинался поздно, — такъ, въ исходѣ

10-го часа, а въ 3 и даже въ половинѣ 3-го часа нельзя уже было читать даже близко къ окну. Да и эти четыре-пять часовъ свѣтлаго промежутка нельзя было назвать днемъ, потому что сквозь закрашенныя стекла проникало только самое незначительное количество свѣта. Порядокъ дня былъ заведенъ слѣдующій. Поднимался съ постели заключенный довольно рано, обыкновенно часа за два до свѣта, и взамѣнъ ночника, обязательно горѣвшаго въ теченіе всей ночи, зажигалъ свѣчу, которая покупалась, разумѣется, на собственныя деньги. Часовъ около 9-ти, а иногда и позже, отворялась дверь каземата, и арестанту приносили воду для умыванія и чай. Между чаемъ и обѣдомъ иногда заходилъ комендантъ крѣпости или плацъ-адъютантъ. Первый былъ сухой и мало-интересный формалистъ; заходя къ Михайлову, онъ ограничивался только краткими вопросами о его здоровьѣ и о томъ, всѣмъ ли онъ доволенъ. Посѣщенія же добраго и любезнаго плацъ-адъютанта Кандаурова доставляли заключенному большое удовольствіе. Часовъ около 2-хъ подавался обѣдъ, состоявшій обыкновенно изъ двухъ блюдъ въ предѣлахъ ассигновывавшихся 11 коп. въ сутки. Вечеромъ подавался почти такой же, какъ и обѣдъ, ужинъ. Такъ какъ, кромѣ собственныхъ книгъ, бывшихъ съ нимъ, Михайлову давались для чтенія и старые журналы, то почти цѣлый день и часть ночи онъ проводилъ за чтеніемъ. Писать же попрежнему у него не было охоты, да и бумаги комендантъ выдавалъ молодому писателю всего одинъ листъ... Настроеніе заключеннаго въ общемъ было, конечно, не изъ радужныхъ, но особенную тоску почувствовалъ онъ въ тотъ день, когда выпалъ первый снѣгъ. „Я отворилъ крохотную форточку,—пишетъ онъ,—и увидалъ, что комендантскій дворъ съ его голыми деревьями (только этотъ дворъ да окружавшій его сѣрый заборъ и видны были въ эту форточку) побѣлѣли. Помню, мнѣ живо представилась печальная и дальняя дорога, которой я, и дѣйствительно, не миновалъ...“ Въ одну изъ прогулокъ Михайловъ вышелъ вмѣстѣ съ плацъ-адъютантомъ за ворота крѣпости и долго смотрѣлъ на угрюмый и сѣрый Петербургъ, виднѣвшійся на другомъ берегу Невы, прямо противъ крѣпости...

По словамъ Шелгунова, Михайлову посылали массу книгъ, всякаго съѣстного, папиросъ, и „онъ во всю жизнь не ѣлъ столько рябчиковъ и всякихъ родовъ варенья“, какъ тогда.

Какъ только заключенная тамъ же, въ крѣпости, студенческая молодежь прослышала, что въ Невскую куртину перевезенъ любимый ею поэтъ, такъ ему очень скоро былъ присланъ слѣдующій привѣтъ, по словамъ г. Пантелѣева, принадлежащій перу Н. И. Утина:

Узнику.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ.
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

* * *

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать!

* * *

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

* * *

Да, сѣялъ добрые ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь—плодъ взойдетъ, и наше время
Отмститъ сторицею врагамъ.

* * *

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

Этотъ теплый и энергичный привѣтъ очень тронулъ Михайлова. Онъ поспѣшилъ отвѣтить своимъ сосѣдямъ:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

* * *

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

* * *

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

* * *

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!..

„Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь. Дай Богъ лучшаго времени, хотя, можетъ, мнѣ и не суждено воротиться“...

Михайловъ оказался правъ въ своихъ предчувствіяхъ...

II.

Замятнинъ призналъ за лучшее судить его въ сенатѣ по I отдѣленію 5-го департамента, получилъ на это высочайшее согласіе и предписалъ сенату немедленно выполнить волю государя. Общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сдѣлало соотвѣтствующее сообщеніе въ отдѣленіе. Послѣднее состояло изъ первоприсутствовавшаго Г. П. Митусова и сенаторовъ: Н. М. Карнѣева, К. Б. фонъ-Венцеля, А. П. Бутурлина, А. А. Волоцкого, М. М. Карніолинъ-Пинскаго, оберъ-прокурора Н. А. Буцковскаго и оберъ-секретаря Кузнецова.

17-го октября I отдѣленіе 5 департамента сената имѣло первое свое собраніе. Заслушавъ всѣ бывшіе къ тому дню документы, оно опредѣлило: вытребовать Михайлова изъ крѣпости въ

зданіе сената на слѣдующій день къ 1 часу дня, подъ надлежащимъ карауломъ; собрать свѣдѣнія о роли его въ дѣлѣ, переданномъ комиссіи Собѣщанскаго, а также о прежней службѣ и поведеніи и навести справку о судимости.

На слѣдующій день Михайловъ, подъ конвоемъ плацъ-адъютанта и двухъ жандармовъ, былъ доставленъ въ сенатъ.

Въ своихъ „Запискахъ“ онъ такъ описываетъ сенатскій ареопагъ. „По неподвижной важности лицъ и позъ они показались мнѣ очень похожими на позолоченныхъ бурхановъ. Особенно выдавались изъ нихъ двое: Карніолинъ-Пинскій, своею умною, но злобно-хитрою физіономіей, съ длинными, безпорядочно торчавшими на головѣ волосами, да еще Бутурлинъ, но этотъ, напротивъ, обличалъ лицомъ своимъ тупость и что-то закоснѣло-солдатское; у него была крашеная голова и крашеные усы на одутловатомъ, дряблomъ лицѣ; глаза смотрѣли довольно свирѣпо. Низенькій старичокъ Карнѣевъ имѣлъ видъ крайне добродушный — вотъ и все, что можно сказать про него. Венцель обратилъ на себя мое вниманіе особенно неподвижною и прямою посадкой: онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, будто верхомъ на лошади передъ фронтомъ, и, вытянувъ длинную и тонкую свою шею, глядѣлъ на меня совсѣмъ безсмысленно своими сѣрыми глазами. Предсѣдатель Митусовъ былъ лицо не совсѣмъ для меня незнакомое: я видѣлъ его на свадьбѣ доктора М., у котораго онъ былъ посаженымъ отцомъ. Про его наружность сказать совсѣмъ ужъ нечего—чиновникъ, какъ чиновникъ. За отдѣльнымъ столомъ у окна сидѣлъ оберъ-прокуроръ, самое антипатичное для меня по наружности лицо, даже антипатичнѣе противной рожи оберъ-секретаря Кузнецова, хотя и гораздо красивѣе“.

Прежде всего Михайлову были прочитаны высочайшее повелѣніе и опредѣленіе общаго собранія сената, затѣмъ сдѣлано обычное въ тѣ времена „духовное увѣщаніе“.

„Остановившись передо мною на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до этого оберъ-секретарь, попъ началъ жиденькимъ голоскомъ читать заученную, вѣроятно, заранѣе рѣчь о важности присяги и ея нарушеніи, о необходимости раскрыть преступленіе во всѣхъ его подробностяхъ, о неукрываніи никого изъ сообщниковъ (на это онъ особенно напиралъ); потомъ сталъ разсказывать безсвязно, дико и притомъ ни къ селу, ни къ городу

какую-то притчу изъ евангелія о рыбаряхъ и мрежахъ, рѣшительно мнѣ неизвѣстную".

Потомъ взята была подписка, что ни противъ сенаторовъ, ни противъ оберъ-прокурора и оберъ-секретаря онъ не имѣетъ подозрѣній, и, наконецъ, прочтено его собственное подробное признаніе, уже извѣстное читателю.

Когда Михайловъ вполнѣ подтвердилъ все раньше имъ написанное, ему были предъявлены допросные пункты, на которые слѣдовало тогда же дать письменные отвѣты.

Вотъ они:

„*Вопр.* Ваше имя, отчество, фамилія, лѣта, жительство, какой вѣры, бывали ли на исповѣди и гдѣ именно, если находились на службѣ, то не имѣли ли на оной какихъ-либо отличныхъ заслугъ или пороковъ?

„*Отв.* Михаилъ Ларіоновъ Михайловъ, 32-хъ лѣтъ, въ Петербургѣ, по Екатерингофскому проспекту, въ домѣ Валуева, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣди былъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, въ церкви Вознесенія; по службѣ не имѣлъ никакихъ отличныхъ заслугъ, ни пороковъ.

„*Вопр.* Признаете ли Вы предъявленную вамъ при семъ записку, съ изложеніемъ объясненій по вышеозначенному дѣлу, за собственноручно Вами написанную и подписанную?

„*Отв.* Признаю.

„*Вопр.* Въ запискѣ сей Вы пишете, между прочимъ, что изъ нѣсколькихъ страницъ, *набросанныхъ Вами*, не осталось и половины въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію".— Посему имѣете объяснить: что именно признаете Вы въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію" принадлежащимъ собственно Вамъ, и что участникамъ Вашимъ—Герцену и Огареву? и если можете, то означьте это на предъявленномъ Вамъ экземплярѣ воззванія „Къ молодому поколѣнію".

„*Отв.* Отчеркнутое въ предъявленномъ мнѣ экземплярѣ признаю за писанное мною. Остального я не признаю, такъ какъ оно не согласно съ рукописью, которая была дана мною для напечатанія, и я получилъ воззваніе уже напечатаннымъ.

„*Вопр.* Въ запискѣ сей Вы пишете, что при распространеніи листовъ „Къ молодому поколѣнію" Вами руководила мысль, будто бы усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры, и такимъ путемъ, думали Вы, начнется свобода слова, тогда какъ по естественному

порядку вещей, въ случаѣ усиленія тайнаго книгопечатанія, должны были усилиться и мѣры цензуры и правительства противъ тайнаго книгопечатанія. Не можете ли точнѣе объяснить видимое противорѣчіе такого мнѣнія съ существомъ дѣла?

„*Отв.* Мнѣ казалось именно на основаніи историческихъ примѣровъ, что попытки тайной печати, выказывая недовольство, заставляютъ для смягченія его постепенно уменьшать строгость цензуры и тѣмъ позволять высказываться болѣе спокойно и умѣренно.

„*Вопр.* Высказанная Вами цѣль распространенія воззванія „Къ молодому поколѣнію“ совершенно не согласна и съ содержаніемъ этого сочиненія, которое очевидно было направлено къ возбужденію неуваженія къ верховной власти, личнымъ качествамъ государя и управленію его государствомъ, къ возбужденію явнаго неповиновенія верховной власти, къ оспариванію неприкосновенности правъ ея, къ порицанію установленнаго государственными законами образа правленія, а также къ возбужденію неуваженія и противодѣйствія властямъ, отъ правительства установленнымъ, съ разрушеніемъ всякаго порядка, и внушенію взаимновраждебныхъ чувствъ между сословіями, съ угрозою прибѣгнуть къ кровопролитію.— Объясните откровенно и чистосердечно цѣль распространенія Вами воззванія „Къ молодому поколѣнію“.

„*Отв.* Цѣли, кромѣ вышеупомянутой о вліяніи на ослабленіе цензуры, у меня не было. Съ этимъ именно и означено было въ заглавіи: „печатано безъ цензуры“. Что касается до выраженій, особенно возмутительныхъ, мнѣ въ воззваніи не принадлежащихъ, я думалъ, что рѣзкость ихъ будетъ именно служить поводомъ къ принятію законныхъ мѣръ для уменьшенія строгости цензуры.

„*Вопр.* Не можете ли Вы указать какія-либо обстоятельства, уменьшающія виновность Вашу въ столь тяжкомъ преступленіи, кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго на Васъ въ дѣтствѣ усмиреніемъ крестьянъ, въ числѣ коихъ находились Ваши отецъ и дѣдъ, такъ какъ побужденіе это слишкомъ отдалено отъ настоящаго событія?

„*Отв.* Кромѣ причинъ, объясненныхъ въ моей запискѣ, другихъ не нахожу.

„*Вопр.* Когда именно Вы познакомились съ Герценомъ и Огаревымъ, поддерживали ли Вы съ ними связи, по выбытіи

ихъ изъ Россіи, и какимъ образомъ; не было ли другихъ участниковъ въ вашемъ преступленіи, и не сдѣлали ли Вы сами какихъ-либо другихъ преступленій?

„*Отв.* Въ 1856 или 57 году; связей съ ними никакихъ не имѣлъ, кромѣ посѣщенія ихъ во время поѣздокъ (двухъ) заграницу; въ преступленіи моемъ другихъ участниковъ не было, и другихъ преступленій я никакихъ не дѣлалъ".

Отобравъ эти всѣ отвѣты, первоприсутствовавшій Митусовъ распорядился объ удаленіи обвиняемаго въ крѣпость. Послѣ ознакомленія съ допросомъ, рѣшено было сдѣлать повторный 23-го октября.

III.

Теперь намъ необходимо ознакомиться съ самой прокламаціей „Къ молодому поколѣнію". Привожу ее по подлиннику съ—увы!—неизбѣжными сокращеніями:

КЪ МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

Печатано безъ цензуры въ С.-Петербургѣ
въ сентябрѣ 1861 года.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги.

Рылѣевъ.

Когда манифестъ о волѣ былъ уже готовъ, и оставалось только объявить его, русское правительство, прежде всего, струсило: оно испугалось своего собственнаго дѣла—ну, а если вся Россія поднимется? если народъ пойдетъ на Зимній дворецъ? И рѣшили объявить народу волю въ великомъ посту, а балаганы на время масленицы отнесли подальше отъ дворца, на Царицынъ лугъ. О, знаніе сердца человѣческаго! О, знаніе русскаго народа! Вѣдь правительство думало, что оно осчастливитъ свой народъ? Гдѣ же слыхано, чтобы человѣкъ счастливый пошелъ бить стекла и колотить встрѣчныхъ? Если же правительство боялось народа, значитъ оно имѣло причины его бояться. И точно, причина была. Во-первыхъ . . . . . обманулъ ожиданіе народа—далъ ему волю не настоящую, не ту, о которой народъ мечталъ и какая ему нужна. Во-вторыхъ, онъ . . . . у него радость,—объявилъ манифестъ въ великомъ посту, а не 19-го февраля. Въ-третьихъ, организаціей комиссій, составлявшихъ и разсматривавшихъ „Положеніе“ . . . . . показалъ полнѣйшее презрѣніе ко всему народу и къ лучшей, т. е. къ образованнѣйшей, честнѣйшей и способнѣйшей части русскаго общества—къ народной партіи: все дѣло велось въ глубочайшемъ секретѣ, вопросъ разрѣшался государемъ и помѣщиками, никто изъ народа не принималъ участія въ работѣ, журналистика не смѣла пикнуть,—царь давалъ народу волю, какъ милость, какъ бросаютъ сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры.

Все это не можетъ и не должно быть прощено правительству. Не народъ существуетъ для правительства, а правительство для народа. Слѣдовательно, очевидно, что правительство, которое не понимаетъ народа, не знаетъ его нуждъ и потребностей, которое, считая себя помѣщикомъ, дѣйствуетъ исключительно въ своекорыстныхъ цѣляхъ, которое, наконецъ, презираетъ народъ, имъ управляемый,—недостойно этого народа. . . . . вѣроятно, забыли, что они свалились не съ неба, а выбраны народомъ, потому что ихъ считали способнѣе управлять Россіей, чѣмъ какихъ-нибудь польскихъ и шведскихъ королевичей . . . . . Намъ не нужна власть, оскорбляющая насъ; намъ не нужна власть, мѣшающая умственному, гражданскому и экономическому развитію страны; намъ

не нужна власть, имѣющая своимъ лозунгомъ развратъ и своекорыстіе.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Освобожденіе крестьянъ и послѣдніе четыре года показали, что новое правительство, при своемъ настоящемъ составѣ и при тѣхъ правахъ, которыми оно пользуется, рѣшительно никуда не годится. Все та же сіятельная тупость и подлость окружаютъ царя; все тѣ же казнокрады, Адлерберги и Муравьевы, стоятъ во главѣ правительства; Россіи правительство не знаетъ и знать не хочетъ; общественнаго мнѣнія для него не существуетъ, какъ не существуетъ для него русскаго общества, какъ не существуетъ для помѣщика мнѣнія его крестьянъ. Правительство наше знаетъ только себя и дѣлаетъ только то, что ему выгодно. Укажите намъ людей, довольныхъ правительствомъ! Адлерберги да Муравьевы, наживающіеся добромъ, содраннымъ съ народа? Десять человѣкъ, изъ-за которыхъ страдаютъ 60 милліоновъ? . . . . . .

. . . . . .

Мы не знаемъ ни одного сословія въ Россіи, которое бы не было оскорблено . . . . . Обижены всѣ. Послѣдняя обида нанесена какъ разъ въ то время, когда . . . . . власть думала, что она творитъ великое дѣло, что она кладетъ первый камень великому будущему Россіи. Мы не отвергаемъ важности факта, заявленнаго манифестомъ 19-го февраля; но мы видимъ важность его не въ томъ, въ чемъ видитъ его важность правительство. Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастью: къ благосостоянію политическому и экономическому, или къ экономическому и политическому пролетаріату. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или къ другому.

Моментъ освобожденія великъ потому, что имъ посажено первое зерно всеобщаго неудовольствія правительствомъ. И

мы пользуемся этимъ, чтобы напомнить Россіи ея настоящее положеніе. Мы хотимъ напомнить ей, что наступила пора сдѣлать съ нашимъ правительствомъ то, что сдѣлали крестьяне одного имѣнія Тамбовской губерніи со своими управляющими изъ нѣмцевъ. Когда манифестъ о волѣ былъ прочитанъ крестьянамъ, они запрягли лошадей въ телѣги, вѣжливо попросили своихъ управляющихъ садиться, довезли ихъ до границы имѣнія и также вѣжливо попросили ихъ вылѣзть. „Мы вамъ очень благодарны за ваше управленіе,—сказали крестьяне нѣмцамъ,—но больше его не хотимъ; ступайте съ Богомъ, куда вамъ угодно, но ужъ къ намъ больше не возвращайтесь“.

Правительство наше, вѣроятно, не догадывается, что, положивъ конецъ помѣщичьему праву, оно подкосило свою собственную . . . . . власть. Императоръ былъ крѣпокъ только помѣщиками, и Екатерина II отлично понимала это, называя себя первой помѣщицей. Кончились помѣщики,—кончилось и . . . . . —у него нѣтъ больше почвы; осталось имя безъ сущности, форма безъ содержанія.

Изъ всей русской исторіи мы знаемъ только одинъ случай, когда . . . . . явился на помощь народу: „хочу, чтобы крестьяне были свободны“. . . . . — и сто тысячъ помѣщиковъ низкимъ поклономъ выразили полную готовность повиноваться волѣ монаршей. . . . . .Этимъ онъ кончилъ. . . . . .Сословія уже начинаютъ понимать, какую роль они играли до сихъ поръ; освобожденные крестьяне уже думаютъ о своемъ безвыходномъ положеніи,—они недовольны. Недовольны вездѣ; всѣ ждутъ чего-то... Императорская Россія разлагается.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .Пусть подумаетъ объ этомъ правительство: время поправить бѣду еще не ушло; но пусть же оно не медлитъ.

Но, съ другой стороны, и мы должны помнить, что имѣемъ дѣло съ правительствомъ ненадежнымъ, съ правительствомъ, которое временными уступками будетъ успокаивать

насъ, изъ личныхъ, временныхъ выгодъ готово испортить все будущее всей страны . . . . . .

Молодое поколѣніе, не забывайте этого! Не забывайте того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію; вы—настоящая ея сила, вы—вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сдѣланное намъ . . . . . властью; вы должны показать народу, что тутъ нѣтъ никакого . . . . . что Богъ познается въ дѣлахъ общаго блага, въ дѣлахъ добрыхъ, а гдѣ добра нѣтъ, тамъ дѣйствуетъ злая сила—духъ тьмы, а этотъ-то духъ и есть . . . . . въ томъ видѣ, какъ она существовала до сихъ поръ.

Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающіе, чтобы онъ владѣлъ землей, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди, желающіе убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ нянекъ и опекуновъ.

Не забудьте и солдатъ. Объясните имъ, что и у нихъ есть доброжелатели, которые хотѣли бы убавить солдатамъ срокъ службы, дать имъ больше жалованья, избавить ихъ отъ палокъ.

Объясните вы это народу и солдатамъ, но не забудьте прибавить, что помѣхой всему . . . . . министры, для которыхъ это невыгодно.

Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что экономизмъ нищаетъ насъ въ духовномъ отношеніи, что онъ пріучаетъ насъ только считать гроши, что разъединяетъ насъ, толкая въ тѣсный индивидуализмъ. Они не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придешь ли къ благосостоянію? Односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копеечные разсчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ

правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумѣется, и благосостояніе, т. е. то, чего намъ такъ хочется,—деньги.

А [1]) эти, къ несчастію, плодящіяся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; онѣ черствятъ человѣка; онѣ ведутъ къ сословному разъединенію, къ привилегированнымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общаго съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы ужъ довольно были обезьянами французовъ и нѣмцевъ,—неужели намъ нужно сдѣлаться еще и обезьянами англичанъ? Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости; она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести...

Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи? Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее Россіи? Кто можетъ сказать, что онъ умнѣе 60-ти милліоновъ, умнѣе всего населенія страны, что онъ знаетъ, что ей нужно, что онъ приведетъ ее къ счастью? Гдѣ та наука, которая научила его этому, которая сказала ему, что его взглядъ безошибоченъ? По крайней мѣрѣ мы не знаемъ такой науки; мы знаемъ только, что Гнейсты, Бастіа, Моли, Рау, Рошеры раскапываютъ навозныя кучи и гниль прошедшихъ вѣковъ хотятъ сдѣлать закономъ для будущаго. Пусть этотъ законъ будетъ ихнимъ закономъ; а мы для себя попытаемся поискать другой.

Для невѣрующихъ мы дѣлаемъ слѣдующій примѣръ. Существуетъ Китай; ближайшіе сосѣди не знаютъ другой страны болѣе цивилизованной. Рошеры и Моли Китая утверждаютъ, что законъ, по которому развилась жизнь въ Китаѣ и слагалась тамошняя цивилизація, есть именно тотъ законъ, по которому должны развиваться всѣ народы. Сосѣди вѣрятъ глубоко-

[1]) На этомъ мѣстѣ Михайловъ сдѣлалъ черту и написалъ: „Съ сихъ поръ признаю за свое. М. Михайловъ".

мысленнымъ ученымъ, и, не видя жизни и цивилизаціи выше китайской, лѣзутъ сами изо всѣхъ силъ въ Китай. Но вдругъ оказывается, что есть другія страны, что у другихъ народовъ существуютъ стремленія, неизвѣстныя китайцамъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что стремленія эти вздоръ, что только китайская цивилизація и политическія убѣжденія китайцевъ одни истинны? Человѣкъ, видѣвшій только Европу, сотни нѣмецкихъ королевствъ съ ихъ кенигами, герцогами и принцами, или Францію съ ея Наполеономъ, разумѣется, удивится, узнавъ, что въ Америкѣ порядки совсѣмъ другіе. Почему же Россіи не придти еще къ новымъ порядкамъ, неизвѣстнымъ даже и Америкѣ? Мы не только можемъ,—мы должны придти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ, точно, придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ. Европа сложилась изъ остатковъ древняго міра; тысячу лѣтъ назадъ въ Европѣ была монархія; ужъ тогда Европа разбилась на могучихъ собственниковъ и на безсильныхъ рабовъ, не имѣвшихъ земельной собственности; ужъ тогда было положено въ ней начало того экономическаго и политическаго неравенства, которое привело и къ пролетаріату и вызвало соціализмъ.

Европа попыталась-было выйти изъ своего крайняго положенія, но партія привилегированныхъ людей была слишкомъ сильна; вѣковыя традиціи были слишкомъ крѣпки и въ народѣ, и въ тамошнемъ мѣщанствѣ; а соціальныя теоріи настолько смутны и слабы своей организаціонной стороной, что 1848 годъ долженъ былъ привести къ неудачѣ. А этой-то неудачи струсили и наши западники, и наши доморощенные политико-экономы.

Припомните, какъ легко Рошеръ рѣшилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. И съ нѣмецкой точки зрѣнія дѣло не могло быть рѣшено иначе. Отчего же нашъ народъ недоволенъ царской милостью, недоволенъ тѣмъ, отъ чего нѣмцы пришли бы въ восторгъ? А недоволенъ народъ потому, что онъ не можетъ представить себя безъ земельной собственности, онъ не можетъ представить себя внѣ земледѣльческой общины. Ему нужно равенство правъ и владѣнія; онъ не вѣритъ и не

хочетъ вѣрить въ законность такого порядка, по которому у 30 милліоновъ крестьянъ есть своя земельная собственность, а у остальныхъ 23 милліоновъ земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотнѣ тысячъ владѣльцевъ. Въ Европѣ сидятъ еще и до сихъ поръ остатки феодальнаго права; а мы его не знали и не знаемъ; наше дворянство, наши помѣщики—не европейская аристократія; наши—просто незаконнорожденная власть, вышедшая изъ того же народа, искусственно созданная императорской властью и особенно расплодившаяся со временъ Екатерины II; она должна осѣсть въ народъ и осядетъ съ паденіемъ власти императорской.

Неудача 1848 года, если что-нибудь и доказываетъ, такъ доказываетъ только одно — неудачу попытки для Европы; но не говоритъ ничего противъ невозможности другихъ порядковъ у насъ въ Россіи. Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земледѣльческая община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ. У насъ земли столько, что достанетъ ея намъ на десятки тысячъ лѣтъ.

Мы—народъ запоздалый, и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастія, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти.

До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своею жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ,—и онъ былъ правъ. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А между тѣмъ русская мысль зрѣла; мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидѣли, что у нихъ не ладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени.

Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставимте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. Намъ не нужно ни того, ни другого въ той формѣ, какъ это проповѣдывали и проповѣдуютъ

намъ нашъ профессоръ-правительство и разные послѣдователи Рошера и Гнейста [1]).

Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ соціальныхъ стремленій; значитъ, она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы, русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новинѣ и, нисколько не плѣняясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлять свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлилась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно,—и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха предъ будущимъ, какъ у Западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что признаны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика [2]).

Если для осуществленія нашихъ стремленій—для раздѣла земли между народомъ—пришлось бы вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не такъ ужасно. Вспомните, сколько народу потеряли мы въ польскую и венгерскую войны. И для чего? Изъ капризовъ Николая, и не только безъ всякихъ выгодъ, но на позоръ всей страны. Вспомните, что крымская война стоила намъ 300.000 народу, что она разорила цѣлый край, что ввела насъ въ громадный долгъ,—а развѣ мы испугались ея? Нѣтъ, хотя она и стоила намъ лучшихъ силъ страны. А развѣ наше дворянство—лучшая рабочая сила страны? Нѣтъ. До сихъ поръ оно стояло враждебно къ народу; оно было именно тѣмъ осадкомъ общества, куда уходило все, сочувствующее . . . . . власти, все лакействующее, все ничего не дѣлающее, все, притѣсняющее народъ, все своекорыстное, все вредное для Россіи. Дворянство представляло у насъ постоянно элементъ болѣе чѣмъ

[1]) Говоря о Гнейстѣ, Михайловъ имѣлъ въ виду „Русскій Вѣстникъ“, гдѣ Катковъ, прописывая Россіи рецепты конституціоннаго лѣченія, часто цитировалъ этого ученаго. Тогда, въ серединѣ 1861 года, Катковъ былъ еще приличенъ, и „Русскій Вѣстникъ“ пользовался недурной репутаціей.

[2]) На этомъ мѣстѣ написано: „До сихъ поръ признаю за свое. М. Михайловъ“.

консервативный. Но намъ могутъ замѣтить, что наше образованіе шло изъ дворянства, что лучшіе люди были изъ этого сословія. Во-первыхъ, это не совсѣмъ правда. А Ломоносовъ, Кольцовъ, Бѣлинскій? Во-вторыхъ, лучшее, что выходило изъ дворянства, тотчасъ же отдѣлялось отъ него и становилось на сторону угнетеннаго народа. При разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ дворянство, и изъ него такъ называемая старая аристократія, показало еще разъ, чего можетъ ожидать отъ него Россія. Мы увидѣли еще разъ и убѣдились окончательно, что это партія плантаторовъ, что это помѣха Россіи на пути ея развитія. Нравственныя силы Россіи, если онѣ даже и изъ этого источника, онѣ не принадлежатъ и не могутъ принадлежать дворянской партіи: онѣ составляютъ свое особое сословіе, свой кругъ, непризнанный правительствомъ, враждебный ему и дворянству, дружественный народу. Что народное, что сильно своей внутренней силой, что составляетъ нравственное украшеніе страны—то не дворянское, не правительственное. Ни одинъ человѣкъ, способный различать только сѣрое отъ чернаго, не примкнетъ къ правительственной партіи, не пойдетъ въ привилегированное сословіе, не воспользуется своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и титуломъ для притѣсненія народа, для своихъ узкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не ту пору мы переживаемъ. Современный честный русскій не можетъ быть другомъ правительства. Онъ—другъ народа. Все же враждебное народу, все, эксплуатирующее его, есть правительство; а все, поддерживающее правительство и стремящееся не къ общему равенству правъ, а къ привилегіямъ, къ исключительному положенію, — есть дворянство и партія дворянская. Это врагъ народа, врагъ Россіи. Жалѣть его нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода.

И что значитъ это привилегированное сословіе, эта аристократія рожденія, аристократія физической силы, одна пользующаяся всѣми выгодами, работающая чужими руками? Въ чемъ ея способности, въ чемъ ея право на исключительность въ положеніи?

Представьте себѣ, что внезапно, въ одинъ день, умираютъ всѣ наши министры, всѣ сенаторы, всѣ чины государственнаго совѣта. Пусть вмѣстѣ съ ними умираютъ всѣ губернаторы, директоры департаментовъ, митрополиты, архіереи, — однимъ

словомъ, вся нынѣшняя служебная аристократія. Что теряетъ отъ этого Россія? Ничего. Черезъ часъ явятся новые министры, новый сенатъ, новый государственный совѣтъ; явятся новые губернаторы, директоры департаментовъ, архіереи и митрополиты,—и колесо государственнаго управленія пойдетъ до того по-старому, что Россія и не замѣтитъ никакой перемѣны.

Представьте, что въ одно время съ ними умираютъ всѣ тунеядствующіе вельможи, великіе князья и княжны, всѣ лакированные флигель-адъютанты, фрейлины, всѣ штатсъ-дамы—весь придворный штатъ. Разумѣется, потеря эта, какъ и всѣхъ министровъ, взятая съ общей человѣческой точки зрѣнія, принесетъ много огорченій родственникамъ, оставшимся въ живыхъ,—но и только. На мѣсто умершихъ найдется немедленно неменьшее число людей, способныхъ заниматься тѣмъ же,—и черезъ часъ такіе же лакированные адъютанты и фрейлины наполнятъ снова дворъ, и если государь вздумалъ бы назначить вечеромъ балъ, то едва ли бы и самъ онъ замѣтилъ перемѣну въ лицахъ. Новые флигель-адъютанты танцовали бы съ неменьшимъ искусствомъ, какъ и прежніе; шен новыхъ фрейлинъ были бы такъ же плѣнительны, улыбки ихъ такъ же очаровательны, разговоры ихъ такъ же пусты, какъ и прежнихъ, и въ общемъ характерѣ не было бы замѣтно никакой перемѣны.

Представьте, что вмѣстѣ съ министрами и фрейлинами умираетъ все наше старое дворянство, вся аристократія происхожденія, всѣ ничего не дѣлающіе помѣщики. Пусть даже число новыхъ покойниковъ будетъ сто тысячъ. И эту потерю Россія не замѣтитъ. Черезъ часъ царь можетъ создать новыхъ помѣщиковъ, надѣлать новыхъ графовъ и князей. Развѣ не всякій на это способенъ?

Такимъ образомъ внезапная потеря болѣе ста тысячъ людей, признаваемыхъ правительствомъ полезными и необходимыми ему, не только не повредитъ Россіи,—напротивъ, принесетъ народу пользу, избавитъ его отъ необходимости кормить тунеядцевъ.

Но вотъ картина мѣняется. Министры съ ихъ товарищами живы и здоровы, сенатъ и государственный совѣтъ тоже, а съ ними и все ничего не дѣлающее столбовое дворянство; фрейлины и флигель-адъютанты танцуютъ, камеръ-юнкеры и камер-

геры прислуживаютъ за царскимъ столомъ,—однимъ словомъ, все идетъ такъ, какъ идетъ теперь; все безполезное населеніе Россіи живо и здорово, но умираетъ аристократія мысли, умираютъ литераторы, поэты, ученые, художники, фабриканты, т. е. тѣ люди, которые производятъ вещи полезныя для страны и снабжаютъ ее предметами наиболѣе нужными, въ произведеніяхъ которыхъ выказываются геній и всѣ способности народа, которые составляютъ гордость и славу націи. Что станется тогда съ Россіей? И сколько нужно времени, чтобы возстановить ея потерю? Ни фрейлины, ни сенаторы, ни архіереи, ни митрополиты, ни члены государственнаго совѣта и флигель-адъютанты не въ состояніи быть литераторами, художниками, учеными, фабрикантами. Что станется со страной, постигнутой такимъ страшнымъ бѣдствіемъ, лишенной всей нравственной силы? Что станутъ дѣлать столбовые дворяне, министры, фрейлины, митрополиты и флигель-адъютанты? . . . . остается одно — поселиться съ ними особой колоніей подъ Петербургомъ и возращать картофель. Да, пожалуй, и этого будетъ не нужно.

И странное дѣло, эта клейменная неспособность, окружающая царя, эта дворянская партія, представители выгоднаго для нихъ консерватизма думаютъ, что народъ нельзя предоставить самому себѣ, что ему нужно дать нянекъ. Жалкіе мыслители, хотя и послѣдовательные, вы не хотите дать народу свободу, потому что и для себя самихъ вы видите возможность только одного положенія—холопства. Но кто же далъ вамъ право переносить свое тупоуміе и безсердечіе на весь народъ? Кто сказалъ вамъ, что всѣ должны быть лакеями, потому что вы—лакеи? что ни у кого не должно быть собственной воли, потому что вы тупоумны? Вы говорите, что народъ не созрѣлъ. Да что значитъ зрѣлость? Неужели нужна какая-то зрѣлость, чтобы понимать удовольствіе ходить въ просторныхъ сапогахъ, чтобы перемѣнить узкій сапогъ на широкій? Неужели нужна какая-то зрѣлость, чтобы отличить справедливость отъ безумія? чтобы чувствовать потребность дышать свѣжимъ воздухомъ, ѣсть, пить, мыслить и, слѣдовательно, свободно выражать свои желанія и мысли? Или вы думаете, что все это не есть органическая потребность человѣка? Или вы думаете, что нашъ крестьянинъ безчувственъ ко всему этому? Что его нужно пріучать постепенно къ справедливости

и правдѣ? Что въ дѣлѣ народнаго грабежа и разоренія нужно сходить *на-нѣтъ* постепенно? Что, если съ крестьянина брали въ годъ по лишнему волу, то не слѣдуетъ прекращать грабежъ вдругъ, а убавлять ежегодно порцію — сначала корову, потомъ теленка, барана, овцу, курицу, цыпленка, куриное яйцо,—и даже въ этомъ дѣлѣ вести крестьянина путемъ переходнаго состоянія, какъ это сдѣлали съ волей? Да вѣдь это безсмыслица!

Чего же вы хотите?—могутъ, наконецъ, спросить насъ. Вы говорите о скудоуміи власти, но кто же этого не знаетъ? Тѣмъ хуже для насъ. Мы знаемъ, мы видимъ все умственное и нравственное ничтожество власти—и мы терпимъ ее.

Кому нравится это, пусть остается въ ярмѣ; но кто проснулся и дозрѣлъ до пониманія человѣческаго достоинства, въ комъ есть хоть искра гражданскаго мужества, гражданской доблести, пусть сброситъ съ себя цѣпи, пусть пристанетъ къ людямъ, ищущимъ свободы, пусть число свободныхъ людей растетъ все больше, пусть они тѣснѣе пристаютъ одинъ къ другому и, наконецъ, потребуютъ перемѣны существующихъ порядковъ.

Къ этимъ-то людямъ свободы мы и обращаемся, — они поймутъ насъ, чего мы хотимъ!

Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть изъ самихъ насъ,—выборная и ограниченная.

Мы хотимъ свободы слова, т. е. уничтоженія всякой цензуры.

Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія. Если крестьяне имѣютъ это право, если они избираютъ сами отъ себя старшинъ и головъ, если общинамъ предоставлено право гражданскаго суда и полицейской расправы,—зачѣмъ же этими правами выборнаго начала и самоуправленія не пользуется вся остальная Россія? Или все остальное населеніе хуже понимаетъ свои потребности и потребности страны? Или въ немъ меньше смыслу, чѣмъ въ земледѣльческомъ населеніи? Нѣтъ, этого не скажетъ наше правительство. Оно дало крестьянамъ волю потому, что боялось крестьянскихъ топоровъ; но насъ никто и никогда не боялся. Теперь же мы сильнѣе, и мы хотимъ послѣдователь-

наго развитія началъ народнаго управленія. Наша сельская община есть основная ячейка; собраніе такихъ ячеекъ есть Русь. Вездѣ должно проходить одно начало. Вотъ что намъ нужно.

Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинакими правами, чтобы привилегированныхъ сословій не существовало, чтобы право на высшую дѣятельность давали способности и образованіе, а не рожденіе; чтобы назначенія въ общественныя должности шли изъ выборнаго начала. Мы не хотимъ дворянства и титулованныхъ особъ.

Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ. Мы хотимъ, чтобы денежные сборы со страны не шли неизвѣстно куда: чтобы ихъ не крали; чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ.

Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда, уничтоженія императорской полиціи—явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія.

Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ: чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ; чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало; чтобы землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины, т. е. или приписаться къ общинѣ существующей, или нѣсколько гражданъ могли бы составить новую общину. Мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею съ передѣлами чрезъ большіе сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общиннаго владѣнія землей есть заблужденіе, пусть она кончится сама собой, умретъ вслѣдствіе собственной несостоятельности, а не подъ вліяніемъ экономическаго ученія Запада.

Мы хотимъ, чтобы 9 милліоновъ десятинъ свободныхъ земель Европейской Россіи (оброчныя статьи) были отданы дворовымъ людямъ, пущеннымъ манифестомъ 19-го февраля по міру.

Мы хотимъ уничтоженія переходнаго состоянія освобожденныхъ крестьянъ; мы хотимъ, чтобы выкупъ всей личной земельной собственности состоялся немедленно. Если операцію эту не въ состояніи взять на себя правительство, пусть возьмутъ ее всѣ сословія страны. Это путь мирный, и мы хотѣли

бы, разумѣется, чтобы дѣло не доходило до насильственнаго переворота. Но если нельзя иначе, мы не только не отказываемся отъ него, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу. Если изъ пустого честолюбія Наполеонъ I перебилъ на своемъ вѣку 8 милліоновъ народу,—что значитъ какая-нибудь сотня людей, когда этой жертвой покупается счастье народа! Но и до этой цифры не дойдетъ. Стоитъ сдѣлать одинъ примѣръ съ тѣми, кто не идетъ на добровольную уступку,—остальные согласятся. Но вѣдь это—насиліе,—скажутъ сторонники настоящаго порядка. А какъ назовете обращеніе 20 милліоновъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ? или послѣднюю муравьевскую кражу? Развѣ это не было хуже, чѣмъ грабежъ народа? Мы не предлагаемъ такого грабежа,—мы только хотимъ возвратить вполнѣ права тѣмъ, отъ кого они были отняты.

Мы хотимъ полнаго уничтоженія слѣдовъ крѣпостного права, уничтоженія развитаго имъ неравенства въ землевладѣніи: мы хотимъ полнаго обновленія страны.

Мы хотимъ уничтоженія мѣщанства, этой неудавшейся русской буржуазіи, выдуманной Екатериной II. И какіе они tiers-état! Тѣ же крестьяне, какъ и всѣ остальные, но безъ земли, бѣдствующіе, гибнущіе съ голоду. Имъ должна быть дана земля.

Мы хотимъ сокращенія расходовъ на безполезную громадную армію. Она стоитъ намъ болѣе 100 милліоновъ деньгами да военныя натуральныя повинности, падающія на народъ, стоятъ почти столько же (90 милліоновъ). А чего стоитъ потеря въ рабочей силѣ, оторванной отъ плуга и отъ верстака? Насколько долженъ народъ усилить свои занятія, чтобы трудящіеся люди работали за ничего недѣлающую армію? Въ армію берутъ лучшихъ людей, и люди эти дѣлаются совсѣмъ безполезными для своей страны на всю жизнь. Прослуживъ 25 лѣтъ, отставной солдатъ дѣлается неспособнымъ къ сельскимъ занятіямъ, отъ которыхъ его оторвали. Онъ идетъ или по міру—какъ искалѣченные севастопольскіе герои—или въ сторожа, швейцары, въ легковые извозчики. А зачѣмъ намъ гвардія? Для защиты Зимняго дворца и царской семьи ея слишкомъ много. И что такое гвардія? Военное дворянство? Но это вздоръ: или всѣ—гвардія, или всѣ—армія,—всѣ граждане равны, обязанности всего военнаго сословія одинаковы, а потому нѣтъ привилегій.

Мы хотимъ, чтобы офицеры арміи и гвардіи поняли свое истинное назначеніе; чтобы они поняли, что они . . . . .

. . . . . .

. . . . . служатъ не на угнетеніе слабаго, а на его защиту противъ обидъ сильныхъ . . . , эксплоатирующей его трудъ и время. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Для него не существовало родной земли, родного народа. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Вы учились кое-чему, вы развитѣе рядовыхъ солдатъ, вы понимаете смыслъ присяги, вы должны знать, что васъ призвали на защиту страны своей, а не на ея угнетеніе. Вы говорите, что сердце у васъ обливалось кровью, когда вамъ приходилось бить венгерцевъ,—такъ зачѣмъ же вы ихъ били? Вы не хотѣли дружиться съ австрійцами,—зачѣмъ же вы съ ними дружились? Мы видѣли сѣдыхъ казаковъ, которые до сихъ поръ рыдаютъ, какъ дѣти, разсказывая исторію съ графиней Платеръ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мы хотимъ, чтобы срокъ службы солдату не была цѣлая вѣчность, убивающая въ немъ всѣ гражданскія способности, всѣ человѣческія силы, дѣлающая его никуда негоднымъ въ отставкѣ. Мы хотимъ, чтобы солдатъ шелъ въ службу охотой, чтобы она представляла ему выгоды, чтобы срокъ службы былъ 3—5 лѣтъ, чтобы солдатъ не отрывался окончательно отъ своей родной избы, чтобы онъ уходилъ только на время и послѣ службы возвращался въ свою семью, чтобы послѣ службы онъ оставался тѣмъ же селяниномъ, какъ и до рекрутства, чтобы онъ получалъ жалованье не только достаточное для его текущихъ потребностей, но чтобы онъ могъ посылать кое-что домой, а не тянуть изъ дому послѣднюю копейку. Пусть наше войско будетъ ополченіемъ; пусть каждая губернія составляетъ свою дружину. Незачѣмъ солдату уходить въ мирное время за тысячу верстъ отъ своего дома.

Мы хотимъ сокращенія расходовъ на все управленіе; мы хотимъ уничтоженія вредныхъ для народа управленій, какъ министерство государственныхъ имуществъ, министерство двора, удѣльное управленіе. У народа есть и головы, и старшины, есть, наконецъ, здравый смыслъ, въ который вѣруетъ и само правительство. Къ чему послѣ этого еще управляющіе палатами и конторами, окружные и депутаты? А къ чему двору цѣлое министерство? Домовыя конторы и расходчики—вотъ все, что нужно для дворцовъ. Народу все это слишкомъ тяжело,—вѣдь онъ, а не кто другой, платитъ за все это.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Крѣпостное право кончилось, а съ нимъ

должно кончиться и барство, и всякія помѣщичьи замашки—дворовые, дворцы, дворы.

Мы хотимъ освобожденія изъ казематовъ и возвращенія изъ ссылки всѣхъ осужденныхъ за политическія преступленія; мы хотимъ возврата на родину всѣхъ политическихъ выходцевъ.

Наконецъ, мы хотимъ совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но кому мы указываемъ эту программу? Кто станетъ ее выполнять? Гдѣ у насъ люди, понимающіе свои гражданскія и человѣческія права и способные предъявить свои требованія? Дворянство? Нѣтъ, въ дворянство мы не вѣруемъ: оно показало уже свое безсиліе, непониманіе своихъ выгодъ и неумѣнье пользоваться обстоятельствами. Когда государь сказалъ имъ: „я хочу, чтобы вы отказались отъ своихъ правъ на крестьянъ“, имъ слѣдовало отвѣтить: „государь, мы согласны, но и вы должны тоже отказаться отъ безусловной власти; вы ограничиваете насъ,—мы хотимъ ограничить васъ“. Это было бы послѣдовательно, и въ рукахъ дворянства была бы конституція. Дворянство струсило, въ немъ недостало единодушія—и теперь очередь не за нимъ.

Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій: затѣмъ всѣ угнетенные, всѣ, кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола,—чиновники, эти несчастные фабричные канцелярій, обреченные на самое жалкое существованіе и зависящіе вполнѣ отъ личнаго произвола своихъ штатскихъ генераловъ; войско, находящееся совершенно въ такомъ же положеніи, и 23 милліона освобожденнаго народа, которому 19-го февраля 1861 года открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату.

Обращаемся еще разъ ко всѣмъ, кому дорого счастье Россіи, обращаемся еще разъ къ молодому поколѣнію. Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку или разсказывать все одни и тѣ же разсказы объ однѣхъ и тѣхъ же плутняхъ разныхъ Муравьевыхъ. Довольно корчить либераловъ; наступила пора дѣйствовать. И кто выдумалъ, что правительство сумѣетъ сдѣлать что-нибудь нужное само по себѣ? Съ какой стороны вы ждете еще доказательствъ способности правительства и желанія его сдѣлать что-нибудь полезное для Россіи? Откуда ваши надежды? Или вамъ мало историческаго прошлаго Россіи? Не питайте въ себѣ пустой надежды, этого предательскаго, усыпляющаго чувства; не переносите своихъ благородныхъ стремленій на ватагу негодяевъ, называемыхъ русскими министрами . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Говорите чаще съ народомъ и съ солдатами, объясняйте имъ все, чего мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть: насъ милліоны, а злодѣевъ сотни. Стащите съ пьедестала, въ мнѣніи народа, всѣхъ этихъ сильныхъ земли, недостойныхъ править нами,—объясните народу всю незаконность и развратъ власти, пріучите солдатъ и народъ понять ту простую вещь, что изъ разбитаго генеральскаго носа течетъ такая же кровь, какъ и изъ носа мужицкаго. Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ,—наше дѣло и въ одинъ годъ подвинется далеко. Но этого мало: готовьтесь сами къ той роли, какую вамъ придется играть; зрѣйте въ этой мысли, составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а если нужно, и на славную смерть за спасеніе отчизны, тѣни мучениковъ 14-го декабря! Вѣдь въ комнатѣ или на войнѣ, право, умирать не легче!

Такимъ образомъ ясно, что „Къ молодому поколѣнію“ было вполнѣ законченной прокламаціей. Теперь она произведетъ впечатлѣніе несомнѣннаго эклектизма, но сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, когда политическое мышленіе еще не приняло современныхъ точныхъ формъ, когда партіи еще и не намѣчались, а всеобще было только сознаніе, что такъ жить нельзя,—она была замѣтнымъ явленіемъ въ общественной жизни. О ней много говорили...

IV.

23-го октября происходилъ второй допросъ. Къ этому собранію сената стало извѣстно высочайшее повелѣніе: разсматривать дѣло о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ отдѣльно отъ дѣла распространенія другихъ преступныхъ сочиненій, къ которому, какъ мы знаемъ, былъ прикосновененъ Михайловъ.

Кромѣ тѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые были мною приведены выше въ выноскахъ къ сознанію Михайлова, ему были предложены еще и другіе.

„*Вопр.* Въ отвѣтахъ, отобранныхъ отъ Васъ 18-го октября, Вы повторили первоначальное Ваше показаніе, что при составленіи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ Вы имѣли единственною цѣлью понудить правительство къ смягченію строгости цензуры и руководились при этомъ историческими примѣрами прекращенія тайной печати посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной. Но если такова была цѣль Ваша, то для достиженія ея казалось бы достаточнымъ, чтобы нѣсколько экземпляровъ дошло до правительства, для чего они и могли быть препровождены къ правительственнымъ лицамъ; а между тѣмъ изъ объясненія Вашего видно, что Вы старались распространить воззваніе между жителями всѣхъ частей г. С.-Петербурга и намѣревались даже сдѣлать то же самое и въ Москвѣ, а по окончаніи уже распространенія воззванія отправили послѣдніе 4 экземпляра къ высшимъ правительственнымъ лицамъ. Развѣ Вы не предвидѣли, что съ распространеніемъ воззванія оно можетъ произвести на народъ то возмутительное дѣйствіе, къ которому было направлено; развѣ, принимая на себя распространеніе воззванія, имѣвшаго преступную цѣль, Вы не желали достигнуть этой цѣли; развѣ можно у по-

треблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе? Подумайте, что только откровенное признаніе и раскаяніе могутъ облегчить мѣру наказанія виновному, и, не уклоняясь отъ вопроса, откройте чистосердечно Ваши намѣренія.

„*Отв.* Единственною цѣлью моей была именно та, которая указана мною въ первоначальномъ показаніи. Отправить лишь нѣсколько экземпляровъ къ правительственнымъ лицамъ казалось мнѣ для этой цѣли недостаточнымъ; я думалъ, что при большемъ распространеніи листа „Къ молодому поколѣнію“ правительство скорѣе обратитъ вниманіе на преобразованіе цензуры. Незначительное количество экземпляровъ сравнительно съ числомъ жителей Петербурга казалось мнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ, что оно (т. е. сочиненіе „Къ молодому поколѣнію“) не будетъ имѣть того дурного вліянія, которое можно бы отъ него ожидать. Цѣли, кромѣ указанной мною, повторяю, у меня не было. Что листъ „Къ молодому поколѣнію“ можетъ произвести дурное дѣйствіе на народъ — я это упустилъ изъ виду, думая только о своей исключительной цѣли—смягченіи цензуры, да притомъ количество экземпляровъ, какъ я уже упоминалъ, было слишкомъ для того ничтожно. Преступности содержанія я не имѣлъ, повторяю, въ виду.

„*Вопр.* Гдѣ Вы воспитывались и когда окончили воспитаніе, когда поступили на службу и куда именно, откуда уволены отъ службы и гдѣ находится аттестатъ о Вашей службѣ?

„*Отв.* Воспитывался дома и потомъ слушалъ приватно лекціи въ Петербургскомъ университетѣ очень непродолжительное время. На службу поступилъ приблизительно въ 1848 г. въ Нижегородское соляное правленіе, гдѣ, прослуживъ четыре года, вышелъ въ отставку. Аттестатъ о моей службѣ, по которому я и проживалъ въ Петербургѣ, находится, вѣроятно, или въ III Отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества, или по бывшему мѣсту моего жительства, въ соотвѣтствующемъ кварталѣ“ [1]).

[1]) Изъ аттестата Михайлова, потомъ доставленнаго въ сенатъ, видно, что, происходя изъ дворянъ (отецъ его, получивъ вольную отъ своихъ господъ—родителей извѣстныхъ Аксаковыхъ, поступилъ на службу и умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника, а уже чинъ коллежскаго ассесора давалъ потомственное дворянство), родился въ 1829 году, православный, холостъ.

На слѣдующій день, 24-го октября, сенатъ былъ извѣщенъ генералъ-губернаторомъ, гр. Игнатьевымъ, что требуемаго „повальнаго обыска о поведеніи“ Михайлова сдѣлать нельзя, потому что въ данное время въ Петербургѣ нѣтъ ни одного лица, которое бы знало его; всѣ, какъ нарочно, уѣхали кто заграницу, кто въ другіе города. Палата же уголовнаго суда представила, что Михайловъ нигдѣ не судился и не судится.

Сенаторы считали, вѣроятно, что на этомъ допросѣ можно уже обосновать точное опредѣленіе, и взяли съ Михайлова подписку въ томъ, что „во время производства допроса и суда пристрастія ему дѣлаемо не было“ [1]).

Однако, оказалось, что нужно было еще кое-что выяснить, и потому было приказано прислать Михайлова въ сенатъ къ 11 часамъ утра 31-го октября. На этотъ разъ допросъ состоялъ изъ мелочей, уже приведенныхъ мною раньше въ выноскахъ къ сознанію. Митусовъ спросилъ Михайлова, не ходилъ ли онъ въ казармы къ солдатамъ и не возбуждалъ ли ихъ къ неповиновенію? Получивъ отрицательный отвѣтъ, первоприсутствующій спросилъ тоже о крестьянахъ. Очевидно, эти вопросы ставились для того, чтобы узнать, не участвовалъ ли Михайловъ въ пропагандѣ, о которой въ дѣлѣ Чернышевскаго разсказалъ Костомаровъ. Отвѣчая на послѣдній изъ заданныхъ вопросовъ, о семействѣ Шелгуновыхъ, Михайловъ прибавилъ въ самомъ концѣ: „Покорнѣйше прошу правительствующій сенатъ при сужденіи обо мнѣ обратить вниманіе на крайне

Въ Петербургскомъ университетѣ былъ въ 1846—1850 годахъ. Въ службу вступилъ послѣ домашняго образованія 18 февраля 1848 г. въ Нижегородское соляное правленіе писцомъ 1-го разряда; въ коллежскіе регистраторы произведенъ ровно черезъ два года; за болѣзнью столоначальника исправлялъ эту должность съ 25 сентября по 15 ноября 1851 г.; имѣя никакого не имѣетъ, аттестовывался въ продолженіе всей службы „способнымъ и къ повышенію чиновъ достойнымъ“; въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ. Въ отпуску былъ дважды: въ 1850 г. на 28 дней и въ 1852 г. на 4 мѣсяца съ 4 февраля, но, пробывъ въ немъ только 2 мѣсяца и 18 дней, вошелъ въ правленіе 22 апрѣля съ прошеніемъ объ увольненіи въ отставку, которую и получилъ 26 іюля 1852 г. съ награжденіемъ чиномъ губернскаго секретаря.

[1]) Въ № 131 „Колокола“ (1862 г.) Герценъ помѣстилъ свою статью: „Отвѣты М. П. Михайлова“, въ которой привелъ свой разговоръ съ однимъ изъ путешествовавшихъ за-границею сенаторовъ. Послѣдній разсказалъ, какіе отвѣты сенату давалъ Михайловъ... Теперь можно категорически утверждать, что сенаторъ разсказывалъ небылицы.

слабое и болѣзненное мое состояніе". Дѣйствительно, онъ страдалъ сердечными болями и, вообще, былъ болѣзненъ.

Когда Михайловъ и на этотъ разъ былъ возвращенъ въ крѣпость, Митусовъ составилъ „вопросы по дѣлу объ отставномъ губернскомъ секретарѣ Михайловѣ, судимомъ за государственное преступленіе".

Изъ его отвѣтовъ на нихъ слѣдовало:

„1. Воззваніе „Къ молодому поколѣнію", не направленное прямо противъ особы государя императора, имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти (ст. 283—286 Улож. о наказ.).

„2. Оно оказывается слѣдствіемъ предумышленнаго умысла для потрясенія коренныхъ, основныхъ учрежденій государства (ст. 283).

„3. Преступленіе Михайлова слѣдуетъ подвести подъ законъ, смягчающій наказаніе, во вниманіе къ тому, что злоумышленіе, своевременно открытое, не имѣло вредныхъ послѣдствій (ст. 284).

„4. Сознаніе Михайлова и указаніе на то, что въ „Къ молодому поколѣнію" онъ не все признаетъ за свое, не можетъ уменьшить мѣру наказанія.

„5. Нельзя принять въ уваженіе показаніе Михайлова, что при составленіи прокламаціи онъ имѣлъ единственною цѣлью ослабленіе цензуры.

„6. Слѣдуетъ назначить 12½ лѣтъ каторжныхъ работъ.

„7. Сообщить, кому слѣдуетъ, о передачѣ Михайловымъ Костомарову двухъ рукописей".

Это было одобрено, и въ тотъ же день составлено подробное опредѣленіе. Привожу его полностью.

V.

„Отставной губернскій секретарь, изъ дворянъ, Михаилъ Илларіоновъ Михайловъ, преданъ суду правительствующаго сената, по высочайшему повелѣнію, за распространеніе въ Петербургѣ преступнаго сочиненія подъ названіемъ „Къ молодому поколѣнію". Въ этомъ сочиненіи обращаютъ на себя вниманіе особенною дерзостью и важностью злоумышленія слѣдующіе предметы:

„1) превратное истолкованіе и порицаніе дѣйствій прави-

тельства въ выраженіяхъ, составляющихъ оскорбленія величества, съ намѣреніемъ возбудить неуваженіе къ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ, и съ намеками или угрозами ниспровергнуть правительство и императорскую власть, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу;

„2) возбужденіе свойственныхъ будто бы Россіи соціальныхъ стремленій, для осуществленія которыхъ народная партія, по словамъ воззванія, не желаетъ аристократизма Европы, ея государственнаго начала и ея императорской власти и не только смѣло идетъ навстрѣчу революціи, но даже желаетъ ея;

„3) внушеніе презрѣнія и ненависти къ служебной и природной аристократіи, и ко всему дворянскому сословію, и къ такъ называемой дворянской партіи, представленной скудоумною, своекорыстною и враждебною народу, съ намеками, что жалѣть эту партію нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода; что страна ничего не потеряла бы, еслибы погибла вся аристократія, еслибы для раздѣла земли между народомъ пришлось бы вырѣзать 100.000 помѣщиковъ;

„4) наставленіе, какъ надлежитъ обольщать народъ и войско объясненіемъ имъ, что русская императорская власть происходитъ не отъ Бога, а отъ духа тьмы; что у народа и войска есть доброжелатели, которые желали бы улучшить ихъ бытъ, но что помѣхой всему царь и его министры; что войско должно быть не царскою, а народною стражей и потому не должно идти противъ народа; что у военныхъ офицеровъ недостаетъ любви къ отечеству и гражданскаго мужества, и, что если у нихъ нѣтъ столько силы, чтобы не идти противъ народа, то пусть первый залпъ, который имъ велятъ сдѣлать въ своихъ, сдѣлаютъ они въ тѣхъ, кто имъ велитъ его сдѣлать;

„5) изъявленіе желанія совершеннаго измѣненія законовъ русской имперіи съ тѣмъ, чтобы верховная власть была выборная и ограниченная, чтобы дано было развитіе началу самоуправленія народа, чтобы не существовало привилегированныхъ сословій, а были бы всѣ уравнены передъ закономъ, и чтобы земля принадлежала не лицамъ, а странѣ;

„6) заключительное обращеніе къ молодому поколѣнію съ увѣщаніемъ, что довольно корчить либераловъ, что наступила пора дѣйствовать, что надо говорить чаще съ народомъ и съ солдатами; что если каждый убѣдитъ только 10 человѣкъ, то

дѣло въ одинъ годъ подвинется далеко; что надо составлять кружки единомыслящихъ людей, увеличивать число кружковъ и искать вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все, дабы они могли повести на великое дѣло, а если нужно, то на славную смерть за спасеніе отчизны.

„Въ распространеніи этого преступнаго воззванія отставной губернскій секретарь Михайловъ сознался еще до преданія его суду, не желая, какъ онъ объяснилъ, затруднять то лицо, по письму котораго пало подозрѣніе на него, Михайлова, и считая противнымъ совѣсти скрывать далѣе истину. На допросахъ въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи и въ правительствующемъ сенатѣ подсудимый Михайловъ показалъ, что воззваніе „Къ молодому поколѣнію“ было первоначально сочинено имъ, по совѣту изгнанника Герцена, которому былъ врученъ и черновой воззванія проектъ, но затѣмъ въ напечатанныхъ въ Лондонѣ листкахъ остались только тѣ мысли его, Михайлова, которыя относятся къ соціальнымъ стремленіямъ Россіи, а все прочее было измѣнено, кѣмъ именно, ему, Михайлову, неизвѣстно. При этомъ Михайловъ объяснилъ, что при распространеніи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ онъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ, единственно въ видахъ побужденія правительства къ смягченію строгости цензуры, руководствуясь историческими примѣрами, показывающими, что тайная печать вездѣ была устраняема посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, съ какою цѣлью имъ и отправлено было нѣсколько экземпляровъ воззванія къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, но онъ вовсе не представлялъ себѣ вредныхъ послѣдствій своего проступка, тѣмъ болѣе, что число экземпляровъ, имъ распространенныхъ, весьма незначительно въ сравненіи съ народонаселеніемъ С.-Петербурга. Въ заключеніе своихъ отвѣтовъ Михайловъ проситъ при сужденіи о немъ обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное его состояніе.

„Разсматривая настоящее дѣло въ такомъ видѣ, правительствующій сенатъ признаетъ необходимымъ для опредѣленія по законамъ какъ рода и степени преступленія подсудимаго Михайлова, такъ и значенія сдѣланныхъ имъ показаній, обратиться къ постановленіямъ нашего законодательства о государственныхъ преступленіяхъ.

„Вникая въ смыслъ этихъ постановленій, правительствующій

сенатъ находитъ, что въ посягательствѣ на права верховной власти есть два вида преступленій, имѣющіе много общаго, но остающіеся тѣмъ не менѣе различными по цѣли злого умысла. Эти два вида государственныхъ преступленій суть слѣдующіе: 1. Злоумышленіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое-либо насиліе (св. 1857 г. т. XV Улож. о наказ. ст. 275). 2. Злоумышленіе на бунтъ противъ власти верховной, т. е. на возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, а равно на ниспроверженіе правительства, перемѣну образа правленія или установленнаго законами порядка наслѣдія престола (*Улож. о наказ.* ст. 283). Хотя эти два вида государственныхъ преступленій сходятся между собою тамъ, гдѣ злоумышленіе направлено въ одномъ изъ нихъ къ лишенію государя верховной власти или къ ограниченію правъ ея, а въ другомъ—къ ниспроверженію правительства или къ перемѣнѣ образа правленія, но и въ этихъ точкахъ соприкосновенія посягательство на права верховной власти въ обоихъ видахъ различно, а различіе это явствуетъ изъ самаго названія главъ, изъ коихъ состоитъ раздѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ: въ главѣ первой, *о преступленіяхъ противъ священной особы государя императора и членовъ императорскаго дома*, злоумышленіе направлено прямо и непосредственно противъ верховныхъ правъ государя императора, съ посягательствомъ или безъ посягательства на личную безопасность или свободу его священной особы, а въ главѣ второй, отдѣленіи первомъ, *о бунтѣ противъ власти верховной*, злоумышленіе направлено преимущественно къ ниспроверженію государственнаго устройства и правительства вообще. Такъ какъ въ государствѣ самодержавномъ императоръ есть полный представитель государства, и въ лицѣ его сосредоточивается всецѣло верховная власть, то всякое прямое посягательство на личную безопасность, свободу или права его священной особы есть высшее изъ государственныхъ преступленій, подвергающее виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, независимо отъ степени развитія злого умысла, хотя бы о преступномъ предположеніи этого рода было сдѣлано только словесное или письменное изъявленіе мыслей (*Улож. о наказ.* ст. 276). Но въ посягательствѣ на бунтъ про-

тивъ верховной власти, съ цѣлью ниспровергнуть государственное устройство и правительство вообще, законъ принимаетъ въ соображеніе и степень развитія злого умысла и, опредѣляя лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь за преступленіе этого рода, уже приведенное въ исполненіе, или за непосредственное покушеніе къ совершенію его, смягчаетъ наказаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда приготовленія къ преступленію были заблаговременно остановлены правительствомъ, и, вслѣдствіе этого, ни покушеній, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло. Въ сихъ случаяхъ виновные наказываются лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большему или меньшему въ ономъ участію и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 283 и 284). Равномѣрно и въ низшихъ степеняхъ виновности въ томъ и другомъ изъ означенныхъ двухъ видовъ государственныхъ преступленій злоумышленіе противъ государя подвергается болѣе строгому наказанію, чѣмъ соотвѣтствующее злоумышленіе противъ установленнаго въ государствѣ порядка. Такимъ образомъ изобличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти или же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители величества, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 279). Между тѣмъ соотвѣтствующая степень во второмъ видѣ государственныхъ преступленій, а именно составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, подвергаетъ менѣе строгому наказанію: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 285).

„Руководствуясь этими узаконеніями, правительствующій сенатъ не можетъ не принять во вниманіе, что, хотя въ преступномъ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“ превратное

толкованіе и порицаніе дѣйствій правительства и дерзкія оскорбленія величества клонились къ тому, чтобы возбудить неуваженіе къ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ, и хотя въ воззваніи этомъ есть намеки или угрозы низложить правительство, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу, но при этомъ не обнаруживается положительнаго умысла насчетъ личной безопасности и свободы государя императора, ни какой-либо установившейся мысли, прямо и непосредственно направленной къ лишенію его величества верховной власти или ограниченію оной, а видны преимущественно революціонныя стремленія достигнуть какимъ бы то ни было путемъ, не исключая и кровопролитнаго пути бунта, преобразованій въ государственномъ устройствѣ. Поэтому дѣйствія распространителя преступнаго воззванія ближе подходятъ подъ законъ о бунтѣ противъ верховной власти, объемлющій и умыселъ ниспровергнуть правительство или перемѣнить образъ правленія, причемъ, однако, должно быть принято въ соображеніе и усугубляющее вину преступника употребленіе въ воззваніи сужденій и выраженій, оскорбляющихъ величество. Въ такомъ мнѣніи правительствующій сенатъ убѣдился еще и тѣмъ соображеніемъ, что, какъ по общему правилу уголовнаго судопроизводства, гласящему: чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть доказательства (Зак. угол. суд. ст. 310), такъ и по исключительному положенію настоящаго дѣла, въ которомъ многія обстоятельства не приведены въ ясность за невозможностью изслѣдованія на мѣстѣ, гдѣ преступленіе было умышлено между Михайловымъ и его сообщниками и гдѣ преступное воззваніе было сочинено и напечатано, неосторожно было бы признать Михайлова виновнымъ въ тягчайшемъ изъ государственныхъ преступленій, подвергающемъ во всякомъ случаѣ смертной казни — въ прямомъ посягательствѣ на священную особу государя императора — безъ сознанія подсудимаго въ умыслѣ на такое злодѣяніе, по одному распространенному имъ воззванію, въ которомъ онъ не признаетъ своимъ сочиненіемъ намековъ и угрозъ, относящихся къ лицу государя императора. Но за тѣмъ виновность Михайлова въ злоумышленіи на бунтъ противъ верховной власти не подлежитъ сомнѣнію, и злоумышленіе это представляется преступленіемъ первостепенной важности.

Дѣйствительно, распространеніе воззванія „Къ молодому поколѣнію“ не было внезапнымъ революціоннымъ стремленіемъ. По показанію Михайлова, воззваніе это сочинено въ бытность его въ іюнѣ сего года въ Лондонѣ, откуда онъ возвратился въ Петербургъ въ половинѣ іюля мѣсяца, а къ распространенію воззванія, напечатаннаго въ Лондонѣ и провезеннаго имъ скрытно черезъ таможню, приступилъ онъ въ началѣ сентября; изъ собственнаго его же показанія видно, что еще въ началѣ весны нынѣшняго года въ рукахъ его, Михайлова, были проекты воззванія къ крестьянамъ и солдатамъ, переданные имъ отставному корнету Костомарову. Обстоятельства эти представляютъ распространеніе воззванія „Къ молодому поколѣнію“ преступленіемъ заранѣе обдуманнымъ, а самое содержаніе этого преступнаго сочиненія показываетъ, что оно было не какимъ-либо случайнымъ подстрекательствомъ къ неповиновенію верховной власти, но слѣдствіемъ злоумышленія, направленнаго къ потрясенію коренныхъ или основныхъ учрежденій государства, для чего средствами должны были служить, съ одной стороны, обольщеніе народа и солдатъ, а съ другой—возбужденіе неуваженія къ верховной власти, ко всѣмъ правительственнымъ властямъ и къ высшему сословію въ государствѣ, со внушеніемъ при томъ, что страна не потеряла бы ничего, еслибы пришлось вырѣзать 100.000 помѣщиковъ. Поэтому очевидно, что злоумышленіе въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ можетъ обнять только тотъ законъ, который заключаетъ въ себѣ опредѣленіе бунта первостепенной важности (Улож. о наказ. ст. 283). Но такъ какъ распространеніе воззванія „Къ молодому поколѣнію“ не сопровождалось какимъ-либо другимъ болѣе непосредственнымъ покушеніемъ на бунтъ и не произвело ни народныхъ смятеній, ни иныхъ безпорядковъ, то настоящій случай долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ посягательствъ на бунтъ, въ коихъ злоумышленіе, заблаговременно открытое правительствомъ, не имѣло вредныхъ послѣдствій (Улож. о наказ. ст. 284).

„Обращаясь засимъ къ обсужденію объясненій Михайлова, правительствующій сенатъ находитъ, что, за собственнымъ сознаніемъ подсудимаго въ принятіи участія въ составленіи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и въ распространеніи однимъ его лицомъ сего преступнаго сочиненія въ напеча-

танныхъ листахъ, высказываемое имъ обстоятельство, что черновой проектъ воззванія, врученный имъ изгнаннику Герцену, былъ кѣмъ-то измѣненъ, съ оставленіемъ только тѣхъ его, Михайлова, мыслей, которыя относятся къ соціальнымъ стремленіямъ Россіи, не можетъ имѣть никакого вліянія на опредѣленіе виновности его, Михайлова, въ томъ, въ чемъ направленіе и цѣль воззванія очевидны. Еслибы даже все воззваніе было составлено другимъ лицомъ, то и въ такомъ случаѣ Михайловъ, какъ принявшій на себя распространеніе сего преступнаго сочиненія, въ чемъ и заключалось главное зло, представлялся бы главнымъ виновнымъ. Нельзя также принять въ уваженіе показанія Михайлова, что при распространеніи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ онъ имѣлъ единственною цѣлью побудить правительство къ смягченію строгости цензуры, для устраненія тайной печати посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, и не представлялъ будто бы себѣ, какое вліяніе можетъ имѣть преступное воззваніе на умы читателей. Дѣйствія Михайлова въ этомъ отношеніи говорятъ сами за себя. Очень можетъ быть, что самыя дерзкія сужденія, намѣренія и желанія не принадлежатъ лично Михайлову, признающему своимъ сочиненіемъ только одну часть воззванія, относящуюся къ соціальнымъ стремленіямъ Россіи, но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы онъ, пользуясь здравымъ разсудкомъ и свободною волею, могъ употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе, почему одно распространеніе имъ возмутительнаго сочиненія обнаруживаетъ въ дѣйствіяхъ его революціонную цѣль, которая выражается и въ сочиненной имъ части воззванія, гдѣ также призывается революція, какъ желанное событіе. Притомъ, по закону, если по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ дѣяніе подсудимаго, онъ могъ и долженъ былъ предвидѣть, что послѣдствіемъ онаго должно быть не одно, а нѣсколько преступленій разной важности, то хотя бы онъ и не имѣлъ положительнаго намѣренія совершить именно важнѣйшее изъ сихъ преступленій, мѣра его наказанія опредѣляется всегда по сему важнѣйшему изъ преступленій, долженствовавшихъ быть послѣдствіемъ его дѣянія (Улож. о наказ. ст. 120).

„Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подсудимый Михайловъ оказывается виновнымъ въ злоумышленномъ рас-

пространеніи, а отчасти и въ самомъ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію бунта противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но что отвѣтственность его въ этомъ злоумышленіи облегчается тѣмъ, что оно было открыто заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, и потому не имѣло вредныхъ послѣдствій. По закону, въ подобныхъ случаяхъ, виновные, вмѣсто смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, приговариваются ъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпости на время отъ 10 лѣтъ до 12, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большему или меньшему въ ономъ участію и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 284). Какъ по важности злоумышленія, имѣвшаго обширные размѣры, такъ и по тому, что преступное воззваніе заключаетъ въ себѣ явныя оскорбленія величества и другія самыя злостныя средства къ возбужденію бунта, подсудимому Михайлову должно быть опредѣлено строжайшее изъ вышеозначенныхъ наказаній; но во вниманіе къ добровольному сознанію Михайлова прежде преданія его суду, наказаніе это можетъ быть назначено въ мѣрѣ, близкой къ низшей.

„На сихъ основаніяхъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставного губернскаго секретаря изъ дворянъ Михаила Илларіонова Михайлова, 32 лѣтъ, за распространеніе злоумышленнаго сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе, и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но осталось безъ послѣдствій, не подвергая смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда; но предварительно исполненія сего приговора внести оный на высочайшее усмотрѣніе чрезъ государственный совѣтъ, на каковой конецъ и передать подлинное опредѣленіе сената въ министерство юстиціи установленнымъ порядкомъ

(Зак. суд. угол. ст. 452, 457, 458 и 617). Вмѣстѣ съ симъ предоставить тому же министерству передать къ производящемуся о распространеніи запрещенныхъ сочиненій слѣдствію показаніе Михайлова о бывшихъ въ рукахъ его рукописныхъ сочиненіяхъ „Къ солдатамъ“ и „Къ крестьянамъ“, переданныхъ имъ отставному корнету Всеволоду Костомарову: одно лично, а другое черезъ студента Сороко“.

VI.

12-го ноября министръ юстиціи, гр. Панинъ, далъ разрѣшеніе оберъ-прокурору, Буцковскому, на пропускъ этого опредѣленія; на слѣдующій день оно было скрѣплено всѣми слушавшими дѣло сенаторами и послано по назначенію.

21-го ноября департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, разсмотрѣвъ сенатское опредѣленіе и всеподданнѣйшую просьбу Михайлова о помилованіи, нашелъ, что опредѣленіе сената вполнѣ правильно, а просьба подсудимаго не заключаетъ въ себѣ никакихъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить основаніемъ къ ходатайству о смягченіи слѣдуемаго ему по закону наказанія, и мнѣніемъ положилъ: „утвердить по настоящему дѣлу заключеніе правительствующаго сената и вслѣдствіе сего отставного губернскаго секретаря Михаила Михайлова, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи законовъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ“. 23-го ноября государь положилъ резолюцію: „Срокъ каторжной работы ограничиваю шестью годами, а въ прочемъ быть по сему“.

5-го декабря общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сената слушало списокъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта и приказало передать его въ I отдѣленіе 5 департамента. Послѣднее въ тотъ же день предписало генералъ-губернатору доставить Михайлова въ сенатъ къ 1 часу дня 7-го декабря для объявленія ему приговора.

Достойно замѣчанія, что собраніе сената въ этотъ день происходило публично, при открытыхъ дверяхъ; въ самую залу допускались, конечно, по билетамъ, и бюрократическій beau monde спѣшилъ поглядѣть на интересное зрѣлище: невидан-

ный преступникъ, авторъ тей прокламаціи, которая ничего не имѣла противъ смерти всего высшаго чиновничества... Молодежь, студенты и обыкновенная публика удовольствовались Галерной улицей и площадью и тамъ ждали привоза и отвоза подсудимаго, несмотря на мѣры, принятыя полиціей.

По словамъ самого Михайлова, вѣсть о назначенномъ ему наказаніи, разумѣется, огорчила его,—„но не столько, сколько огорчило бы меня помилованіе, еслибы оно послѣдовало вслѣдствіе моей глупой выходки, безпокоящей меня и до сихъ поръ“. „Мнѣніе государственнаго совѣта зашевелило во мнѣ злобу на себя, и я радъ былъ только тому, что и самъ государственный совѣтъ понялъ, повидимому, всю неискренность моего обращенія къ государю и не принялъ его во вниманіе“.

Молодежь кричала уѣзжавшему обратно въ крѣпость каторжанину: „Прощайте, Михаилъ Ларіоновичъ!..“

Но отправленіе въ Сибирь не было совершено быстро. Михайлову предстояло еще играть роль въ жалкой комедіи публичнаго объявленія его преступленія и постигшаго за то наказанія.

Какъ только Михайловъ вернулся въ занимаемую имъ съ половины ноября комнату въ главной крѣпостной гауптвахтѣ (она была гораздо комфортабельнѣе, чѣмъ казематъ), къ нему явился комендантъ и привезъ попа, Михаила Архангельскаго. Прочитавъ незадолго передъ тѣмъ законъ и узнавъ, что попъ обязанъ „усовѣщевать“ его двѣ недѣли, въ случаѣ отказа отъ скорой исповѣди, — и боясь выѣхать изъ Петербурга позже Шелгуновыхъ, которые не могли уже долго оставаться въ столицѣ и, согласно условію, должны были ѣхать вслѣдъ за Михайловымъ, — Михаилъ Илларіоновичъ рѣшилъ покорно отбыть исповѣдную повинность. Попъ и самъ былъ очень радъ, что все такъ хорошо разрѣшалось, и сразу же началъ подготовку къ исповѣди. „Мы говорили о всякой всячинѣ,—вспоминаетъ Михайловъ, — но онъ не разъ возвращался въ разговорѣ къ моей судьбѣ и все старался изобразить яркими красками тѣ ужасы, которые ожидаютъ меня, если я буду столь неблагоразуменъ, что рѣшусь на побѣгъ“. О побѣгѣ Михайловъ слышалъ и не только отъ попа и потому понялъ, что это была городская утка.

12-го декабря Михайлова позвали въ крѣпостную церковь,

ЗАКОВКА МИХАЇЛОВА.

исповѣдали, отслужили спеціально для него цѣлую обѣдню и такимъ образомъ напутствовали на новую жизнь...

На исповѣди Архангельскій также спрашивалъ Михайлова, не сговаривался ли онъ съ кѣмъ о побѣгѣ. По окончаніи обѣдни комендантъ крѣпости пригласилъ Михайлова и священника къ себѣ въ кабинетъ и угостилъ ихъ горячимъ чаемъ съ ромомъ. Въ тотъ же день, передъ сумерками, пріѣхалъ къ Михайлову генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ. Онъ сообщилъ ему, что въ скоромъ времени ему позволено будетъ видѣться съ друзьями, которыхъ генералъ назвалъ всѣхъ поименно. Пообѣщавъ осужденному всевозможныя удобства въ предстоявшей ему далекой дорогѣ, Суворовъ выразилъ при этомъ свое сожалѣніе, что онъ не можетъ спасти Михайлова отъ кандаловъ, въ которыхъ, вопреки явному требованію закона, тотъ и былъ отправленъ въ Сибирь.

Раннимъ утромъ 14-го декабря въ карцеръ вошли палачъ съ ножницами и бритвой, кузнецъ съ кандалами и два плацъ-адъютанта. Михаила Илларіоновича обрили по-арестантски, заковали въ кандалы и повезли на площадь передъ Сытнымъ рынкомъ (на Петербургской сторонѣ) [1]. Тамъ на спеціально для этого построенномъ эшафотѣ была разыграна позорная комедія.

На слѣдующій день Михайловъ, посаженный въ сани съ двумя жандармами, проѣхалъ улицы города, выѣхалъ за заставу и.... отправился въ Сибирь.

Изъ разсказовъ своихъ голубыхъ провожатыхъ Михайловъ узналъ, что администрація была увѣрена, что волненія въ университетѣ — дѣло его рукъ и что на первой же станціи, Ижора, его отобьютъ человѣкъ двадцать студентовъ. Поэтому, во избѣжаніе могущихъ произойти осложненій, его не посадили въ собственный возокъ, а запрятали туда двухъ жандармовъ, причемъ на одного изъ нихъ надѣли арестантскую шапку. Затѣмъ за Ижорой комедія эта была кончена, и Михайловъ поѣхалъ въ сравнительномъ комфортѣ, добытомъ

---

[1]) Моментъ заковки и стрижки изображенъ художникомъ имени котораго мы, къ сожалѣнію, не знаемъ) очень вѣрно; Михайловъ поразительно похожъ. Офицеръ, сидящій слѣва, — плацъ-адъютантъ, штабсъ-капитанъ П. Ѳ. Пикорвелли, не мало способствовавшій перепискѣ заключенныхъ между собою и „волей“ и называемый Михайловымъ „добрымъ и милымъ“, а стоящій — подпоручикъ Ѳ. Ѳ. Руссовъ.

деньгами. Послѣднія, кстати сказать, были зашиты ему друзьями въ подкладку шапки и куртки.

О дѣлѣ Михайлова правительство не опубликовало рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Только въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи“ отъ 14-го декабря 1861 г. было помѣщено сообщеніе, что въ этотъ день „въ 8 ч. утра назначено публичное объявленіе на площади передъ Сытнымъ рынкомъ, что въ Петербургской части, отставному губернскому секретарю Мих. Михайлову высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта“. Далѣе на 6—7 строкахъ говорилось о преступленіи Михайлова и какое наказаніе ему за это назначено.

Огаревъ напутствовалъ его изъ своего лондонскаго далека симпатичнымъ стихотвореніемъ:

Закованъ въ желѣзы съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы, на трудъ и печаль.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья:
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

И вѣрь неослабно, мой мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, поспѣшный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный духъ.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья:
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

А съ невскихъ береговъ, въ маѣ 1862 года, Михайлову было послано бодрое слово знаменитаго потомъ эмигранта — П. Л. Лаврова:

Съ Балтійскаго моря на дальній востокъ
Летитъ бурный вѣтеръ свободно;
Несетъ онъ на крыльяхъ пустынный песокъ,—
Несетъ вздохъ тоски всенародной...
Несетъ онъ привѣтъ отъ печальныхъ друзей
Далекому, милому другу...
Несетъ онъ зародыши грозныхъ идей
Отъ Запада, Сѣвера, Юга...
И шепчетъ: „Я слышалъ, въ поляхъ, городахъ
Ужъ ходитъ тревожное слово;
Блѣднѣютъ безумцы въ роскошныхъ дворцахъ...
Грядущее дѣло готово.
Надъ русской землею краснѣетъ заря;
Заблещетъ свѣтило свободы...

И скоро ужъ спросятъ отчетъ у царя
Покорные прежде народы...
На праздникѣ томъ ужъ готовятъ тебѣ
Друзья твои славное дѣло,
Торопятъ другъ друга къ великой борьбѣ
И ждутъ, чтобъ мгновенье приспѣло...
И шлютъ издалека сердечный привѣтъ,
Надежду, тоску ожиданья...
И твердую вѣру: свобода придетъ—
И скоро... Борецъ, до свиданья! [1])

VII.

На этомъ я и закончилъ бы, еслибъ въ дальнѣйшемъ не возникъ очень характерный для того времени процессъ „о послабленіяхъ, оказанныхъ начальствующими лицами города Тобольска государственнымъ преступникамъ Михайлову, Обручеву и другимъ“. Въ виду этого, считаю нелишнимъ познакомить читателя вкратцѣ и съ этимъ процессомъ и ужъ кстати съ дальнѣйшей судьбой Михайлова.

Со вступленія на престолъ Александра II и до декабря 1861 года Сибирь не приняла ни одного политическаго ссыльнаго. Уже это одно, помимо популярности самого Михайлова, дѣлало его путешествіе выходящимъ изъ ряда событіемъ. И дѣйствительно, какъ только онъ перебрался черезъ Уральскій хребетъ, такъ скромный и нѣсколько робкій Михаилъ Илларіоновичъ былъ не мало удивленъ тріумфальностью своего пути. Его встрѣчали очень тепло и радушно, оказывали всяческое вниманіе, не исключая даже и начальства, вѣдавшаго его маршрутомъ и самымъ порядкомъ слѣдованія. Въ Тобольскѣ Михайловъ прожилъ даже цѣлый мѣсяцъ.

Тамъ изъ приказа о ссыльныхъ его отвезли въ тюремный замокъ и помѣстили въ камеру съ двумя какими-то подсудимыми. Къ вечеру, по распоряженію полицеймейстера, его уже перевели въ такъ называвшееся „дворянское отдѣленіе“. Черезъ нѣсколько минутъ его посѣтили вице-губернаторъ, учитель словесности въ мѣстной гимназіи и два доктора. На другой день, 1-го января 1862 года, полицеймейстеръ приказалъ снять съ М. И. кандалы, очень мучившіе его въ теченіе восемнадцати дней.

[1]) „Былое“, 1906 г., № 5.

Во все время пребыванія въ Тобольскѣ Михайловъ пользовался самымъ дружескимъ, почти родственнымъ вниманіемъ многихъ изъ мѣстныхъ обывателей. Тобольское общество, въ лицѣ своихъ болѣе интеллигентныхъ представителей, не давало ему ни скучать, ни чувствовать какія-либо лишенія. Михайловъ былъ буквально засыпанъ журналами, книгами; ему присылали со всѣхъ сторонъ всевозможныя газеты въ самый день полученія почты въ Тобольскѣ, предлагали услуги относительно отправленія писемъ въ столицу помимо почты—черезъ знакомыхъ. „Обо мнѣ не забывали ни на одинъ день“,—съ благодарностью вспоминаетъ Михайловъ о тобольцахъ. Вниманіе ихъ къ арестанту простиралось даже до мелочей, носившихъ прямо-таки трогательный характеръ. Такъ, напримѣръ, одна совершенно незнакомая Михайлову дама привезла ему, вмѣсто поздравленія съ новымъ годомъ, букетъ живыхъ цвѣтовъ. Сибирскій букетъ былъ не пышенъ: гвоздика, геранiй, мирта и нѣсколько полуразвернувшихся китайскихъ розъ,—вотъ все, чѣмъ могла блеснуть въ серединѣ зимы флора суровой окраины; но для Михайлова эти скромные цвѣты сѣвера, въ его положеніи и при переживаемомъ имъ душевномъ настроеніи, были, конечно, пріятнѣе самыхъ дорогихъ и красивыхъ цвѣтовъ.

Доступъ къ Михайлову въ острогъ былъ, повидимому, не труденъ: достаточно было имѣть для этого записку отъ полицеймейстера, который обыкновенно никому не отказывалъ въ такихъ случаяхъ. Патріархальность острожныхъ обычаевъ и порядковъ того времени была до такой степени велика, что, напримѣръ, одинъ изъ навѣщавшихъ Михайлова, студентъ казанскаго университета, высланный въ Тобольскъ за участіе въ безпорядкахъ по исторіи съ панихидой по извѣстномъ Антонѣ Петровѣ, убитомъ въ с. Безднѣ, на вопросъ дежурнаго ефрейтора, есть ли у него билетъ для пропуска, вытаскивалъ изъ кармана какую-нибудь случайно оказавшуюся въ немъ бумажку, показывалъ ее ефрейтору, не развертывая, и командовалъ: отпирай! И ворота отпирались. А однажды, въ отвѣтъ на вопросъ о пропускѣ, онъ сказалъ, что у него есть не только билетъ, но даже особое предписаніе, и вытащилъ изъ кармана цѣлую пачку какихъ-то бумагъ. Послѣ этого студента уже перестали и опрашивать.

Съ 3-го января, дня своего рожденія, Михайловъ и самъ

сталъ выѣзжать изъ острога въ городъ и бывать на обѣдахъ, на которые его приглашали. Тотъ же полицеймейстеръ разрѣшилъ арестанту посѣщать и торговыя бани въ городѣ.

Рѣдкое утро проходило безъ того, чтобъ кто-нибудь не навѣстилъ Михайлова. Если не пріѣзжалъ никто изъ города, то заходилъ къ нему въ комнату кто-либо изъ товарищей по несчастью.

Въ тѣ дни, когда Михайлова приглашали на обѣдъ въ городъ, за нимъ обыкновенно заѣзжалъ или полицеймейстеръ, или самъ приглашавшій. Вечеромъ онъ возвращался въ острогъ часамъ къ 7½—8, чтобъ попасть къ „повѣркѣ“ арестантовъ, хотя могъ бы, конечно, и не соблюдать этого правила при томъ довѣріи, съ какимъ относилось къ нему тюремное начальство. По вечерамъ, въ сумерки, на дворянской половинѣ острога часто устраивались импровизированные концерты.

Какъ ни медленно подвигалось впередъ „дѣло“ объ отправленіи Михайлова въ дальнѣйшій путь, но, всетаки, оно подвигалось. Наконецъ всѣ требуемыя уставомъ о ссыльныхъ формальности были закончены, и былъ назначенъ день отъѣзда изъ Тобольска на 27-ое января. Въ этотъ день Михайловъ былъ приглашенъ отобѣдать въ городѣ у своихъ знакомыхъ Жданъ-Пушкиныхъ, прославшихъ за нимъ лошадь въ острогъ.

Въ сумеркахъ незакованный Михайловъ выѣхалъ изъ Тобольска, не заѣзжая больше въ острогъ, потому что всѣ его вещи были привезены прямо къ Пушкинымъ. Почти всѣ обѣдавшіе, мужчины и дамы, отправились провожать его и проститься съ нимъ уже за городомъ, на томъ историческомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, нѣкогда высадился Ермакъ со своимъ товарищами.

Въ Томскѣ, куда пріѣхали на третій день по выѣздѣ изъ Тобольска, Михайловъ рѣшилъ остановиться на нѣсколько часовъ, чтобъ сдѣлать нѣкоторыя закупки, необходимыя для дальнѣйшаго пути. Одинъ изъ сопровождавшихъ его жандармовъ отправился за покупками въ городъ, а съ другимъ Михайловъ сталъ играть отъ скуки на билліардѣ въ гостинницѣ „Золотой якорь“, гдѣ они остановились. Когда вѣсть о прибытіи Михайлова распространилась по городу, въ гостинницу стали являться и знакомыя, и незнакомыя Михайлову лица, чтобы повидаться съ проѣзжимъ писателемъ. Въ числѣ другихъ заѣхалъ и жандармскій штабъ-офицеръ съ предложе-

ніемъ, не пожелаетъ ли Михайловъ остаться въ Томскѣ на нѣсколько дней, и чтобъ узнать, нѣтъ ли у него вообще какихъ-либо желаній, которыя онъ могъ бы исполнить... Пообѣдавъ въ гостиницѣ, путешественники двинулись въ дальнѣйшую дорогу и черезъ двое сутокъ уже переѣхали границу Западной Сибири.

Въ Ачинскѣ, первомъ городѣ Восточной Сибири, почтмейстеромъ оказался землякъ Михайлова, знавшій его еще ранѣе. Онъ встрѣтилъ проѣзжаго писателя самымъ привѣтливымъ образомъ и потомъ проводилъ его со всей своей семьей до экипажа. Въ Красноярскѣ Михайловъ рѣшилъ остановиться подольше, чтобъ отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣться съ Петрашевскимъ, незадолго до того переведеннымъ сюда изъ Иркутска. Пріѣхалъ Михайловъ въ Красноярскъ рано утромъ 7-го февраля. Толстый, жизнерадостный нѣмецъ, содержатель станціи, тотчасъ же сообщилъ ему, что его уже давно ожидаютъ въ городѣ и многіе желали бы видѣть. Не успѣлъ Михайловъ разоблачиться отъ своихъ дорожныхъ шубъ и шарфовъ, какъ у него уже оказалось четверо гостей. Въ числѣ ихъ былъ и одинъ морякъ, капитанъ-лейтенантъ С., — тотъ самый, съ парохода котораго бѣжалъ незадолго передъ этимъ М. А. Бакунинъ. Пришелъ и Буташевичъ-Петрашевскій. За оживленной бесѣдой съ нимъ на самыя разнообразныя темы Михайловъ провелъ почти цѣлый день и выѣхалъ изъ Красноярска только на другой день утромъ.

Въ полдень 13-го февраля онъ прибылъ уже въ Иркутскъ, гдѣ былъ отвезенъ полицеймейстеромъ въ острогъ и помѣщенъ въ квартирѣ смотрителя. „Вотъ-съ, вы здѣсь и помѣститесь, въ этой комнатѣ, — обратился полицеймейстеръ къ Михайлову, элегантно расшаркиваясь передъ преступникомъ изъ Петербурга:—извините, пожалуйста, это — лучшее помѣщеніе, какое мы можемъ предложить вамъ. Все, что вамъ угодно будетъ, вы можете получить отъ г. смотрителя: это—его квартира...“ Комната была въ три окна и смотрѣла свѣтло и весело.

Такъ какъ была масленица, то рѣшеніе вопроса о томъ, куда назначить Михайлова на заводъ, затянулось на нѣсколько дней. Время это прошло для него довольно скучно, такъ какъ доступъ постороннихъ лицъ, желавшихъ видѣть его въ острогѣ, былъ затрудненъ требованіемъ разныхъ формальностей.

По словамъ лично знавшей Михайлова Е. О. Дубровиной

(урожденной Дейхманъ), въ Иркутскѣ дамы забросали поэта вѣнками и букетами. Карточки его въ кандалахъ ходили по рукамъ и покупались за огромныя цѣны. Фотографъ Петерсонъ нажился на нихъ.

Отъ Львова, къ которому у Михайлова было письмо изъ Красноярска отъ Петрашевскаго, онъ получилъ записку такого содержанія: „Я порывался три раза къ вамъ, но меня не пускаютъ. Если можно будетъ, постараюсь на первой станціи съ вами свидѣться. Съ высшими властями (мѣстными, конечно) я не въ ладахъ. Въ Нерчинскихъ заводахъ васъ ожидаютъ, и вы будете назначены къ брату на промыселъ; это мнѣ извѣстно навѣрно. На первое время, я думаю, вамъ лучше будетъ тамъ, нежели въ Иркутскомъ соловаренномъ заводѣ...“ Предостереженіе Львова было совершенно справедливо, такъ какъ бѣгство Бакунина, усиливъ недовѣріе мѣстной администраціи къ политическимъ ссыльнымъ, значительно усилило и надзоръ за ними, что можно видѣть уже изъ однихъ затрудненій, какія ставились Львову, желавшему увидѣться съ Михайловымъ. Но такъ какъ послѣдній хотѣлъ все же такъ или иначе увидѣться съ нимъ, то пришлось придумать для этого такой планъ. Михайловъ просилъ у полицеймейстера позволенія погулять; позволеніе это было дано, хотя онъ могъ выйти на прогулку не иначе, какъ въ сопровожденіи казака. Доктора же, бывавшаго у Михайлова въ острогѣ каждый день, Михайловъ попросилъ передать Львову, что онъ будетъ ожидать его въ извѣстный день и часъ по дорогѣ изъ острога въ городъ—на мосту, гдѣ они и могутъ встрѣтиться. Планъ этотъ удался какъ нельзя лучше. Сопровождавшій Михайлова на прогулку казакъ оказался настолько деликатнымъ, что даже перешелъ на другую сторону моста, чтобъ не стѣснять своимъ присутствіемъ бесѣдующихъ.

Во вторникъ на первой недѣлѣ поста Михайлову сообщили отъ имени генералъ-губернатора Корсакова, что, по точному смыслу высочайшаго повелѣнія, онъ долженъ отправиться въ Нерчинскій горный округъ, и что, когда всѣ формальности будутъ окончены, его извѣстятъ объ этомъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ назначилъ день отъѣзда. Наканунѣ этого дня къ Михайлову пріѣхалъ полицеймейстеръ съ приглашеніемъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Корсакову. Послѣдній принялъ его весьма любезно, высказалъ сожалѣніе, что не можетъ измѣнить высочайшаго повелѣнія, сообщилъ о томъ, что получилъ изъ

Петербурга письмо отъ кн. Суворова объ оказаніи ему всякаго снисхожденія и что въ этомъ же смыслѣ онъ напишетъ и самъ въ Нерчинскій заводъ къ горному начальнику, и кончилъ все это дружескимъ совѣтомъ Михайлову не ссориться съ будущимъ его начальствомъ и не жаловаться на него, какъ это дѣлали нѣкоторые другіе политическіе (Петрашевскій, Львовъ, Бакунинъ и друг.). 24-го февраля Михайловъ выѣхалъ изъ Иркутска на заводъ въ сопровожденіи казака [1]).

Въ апрѣлѣ (1862 г.) въ III Отдѣленіе пришелъ доносъ мѣстнаго жандарма о всѣхъ послабленіяхъ, дѣлаемыхъ въ Тобольскѣ властями Михайлову. Жандармъ сообщалъ, что все тобольское общество оказывало ему сочувствіе; что, по прибытіи въ Тобольскъ, Михайловъ былъ раскованъ и такъ содержался въ тюремномъ замкѣ; что вице-губернаторъ Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ и начальникъ провіантской комиссіи, полковникъ Жданъ-Пушкинъ, не только принимали его у себя, но вмѣстѣ съ нимъ и обѣдали; что къ Михайлову въ тюремный замокъ пріѣзжали и выказывали сочувствіе къ его положенію военный медикъ Онучинъ, жена его, директриса тюремнаго комитета—купчиха Пиленкова и другія дамы, которыя подносили Михайлову букеты цвѣтовъ; что въ тотъ день, когда Михайловъ долженъ былъ отправляться изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, изъ которой онъ былъ отправленъ, разбиты были его кандалы, и кольцо изъ нихъ послѣ видѣли на столѣ у вице-губернатора Соколова съ привязанною дощечкою, на которой было написано: „Покровителю угнетенныхъ—отъ Михайлова“; что при самомъ выѣздѣ Михайлова изъ города повозка его остановлена была у заставы, гдѣ многіе мужчины и дамы прощались съ нимъ, пили шампанское и кричали „ура!“; а за заставою онъ былъ остановленъ вице-губернаторомъ Соколовымъ, который прощался тутъ съ нимъ и далъ коробку съ чѣмъ-то.

Дѣло было доложено государю. Александръ II назначилъ произвести строгое разслѣдованіе, для чего и назначенъ былъ свиты его величества генералъ-маіоръ Сколковъ. Ему приказано было выяснить на мѣстѣ слѣдующее: 1) сколько времени находился Михайловъ въ Тобольскѣ, и почему

---

[1]) „Русская Мысль“, 1903 г., III, 58—68.

онъ не былъ отправленъ въ дальнѣйшій путь немедленно: 2) по чьему распоряженію онъ былъ освобожденъ отъ оковъ и допускаемы къ нему, въ мѣсто его заключенія, постороннія лица; 3) на какомъ основаніи и кто разрѣшилъ ему отлучки изъ тюремнаго замка въ частные дома, и почему это злоупотребленіе не было сейчасъ же остановлено военнымъ начальствомъ, которое не могло не знать о такомъ противозаконномъ снисхожденіи къ государственному преступнику и сношеніяхъ съ нимъ тамошняго общества, сдѣлавшихся гласными въ городѣ; 4) кто былъ главнымъ руководителемъ и виновникомъ въ этомъ дѣлѣ, и у кого именно въ домѣ былъ Михайловъ; 5) дѣйствительно ли кандалы его были, при отъѣздѣ изъ Тобольска, разбиты лекаремъ Онучинымъ и розданы присутствовавшимъ и справедливо ли, что нѣсколько колецъ этихъ кандаловъ съ вышеупомянутою надписью нашли для себя мѣсто на письменномъ столѣ вице-губернатора Соколова; и 6) былъ ли затѣмъ Михайловъ вновь закованъ при отправленіи его изъ Тобольска, или онъ слѣдовалъ безъ оковъ; и какими обстоятельствами сопровождался выѣздъ его оттуда.—При слѣдствіи оказалось, что со стороны начальствующихъ лицъ города Тобольска дѣлано было одинаковое послабленіе съ Михайловымъ государственному преступнику Обручеву и безсрочно-ссыльно-каторжному Макееву.

Показанія обвиняемыхъ при слѣдствіи были слѣдующія.

Смотритель тобольскаго тюремнаго замка, Козаковъ. Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ, во время бытности ихъ въ Тобольскѣ, содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ, съ разрѣшенія, по отношенію къ Михайлову, тобольскаго вице-губернатора. Камеры ихъ не запирались. Обручевъ и Макеевъ были доставлены въ Тобольскъ безъ оковъ и незакованными же были отправлены изъ Тобольска къ мѣсту ссылки. Михайловъ прибылъ закованный; по прибытіи помѣщенъ былъ не въ замкѣ, а въ квартирѣ надзирателя острога, Устюгова, и въ тотъ же день, по приказанію полицеймейстера, былъ раскованъ и затѣмъ переведенъ во флигель для подсудимыхъ дворянъ. Камера его, также какъ у Обручева и Макеева, не запиралась. Увольнялся онъ изъ замка, съ разрѣшенія полицеймейстера, къ вице-губернатору Соколову, лекарю Онучину и другимъ лицамъ. Посѣтители бывали у Михайлова съ разрѣшенія ви-

це-губернатора. Его посѣщали: вице-губернаторъ Соколовъ, подполковникъ Жданъ-Пушкинъ съ женою, лекарь сибирскаго казачьяго войска Онучинъ съ женою, учитель тобольской гимназіи Плотниковъ, надзиратель той же гимназіи Каталинскій, товарищъ предсѣдателя тобольскаго губернскаго суда Андрониковъ, бывшій совѣтникъ того же суда Губаревъ, учитель тобольской духовной семинаріи Знаменскій, учитель тобольской гимназіи Бѣлорусцевъ, студенты, исключенные изъ казанскаго университета, Семеновъ и Добродѣевъ, директриса тобольскаго женскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, купчиха Пиленкова, и учительница танцевъ Затопляева. Всѣ эти лица входили къ Михайлову, съ дозволенія тюремнаго начальства, безъ билетовъ; предметъ разговора былъ у нихъ о литературѣ, эмансипаціи женщинъ, состояніи тобольскаго общества, о сибирской жизни; другіе разспрашивали о своихъ знакомыхъ (Жданъ-Пушкинъ) или о своихъ дѣтяхъ (Каталинскій).

Отъ этого послѣдняго показанія Козаковъ на другомъ допросѣ отказался, объяснивъ, что ссылку на вице-губернатора научилъ его сдѣлать полицеймейстеръ Кувичинскій, а что на самомъ дѣлѣ впускалъ посѣтителей онъ самъ, безъ билетовъ, въ чемъ и сознаетъ себя виновнымъ.

Показаніе полицеймейстера Кувичинскаго. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ; но это было сдѣлано по издавна заведенному порядку въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ отдѣлялись содержавшіеся преступники привилегированныхъ сословій отъ простого. Что же касается того, что давалъ ли онъ прямо приказанія смотрителю замка Козакову о содержаніи Михайлова, Обручева и Макеева во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, то онъ этого не помнитъ; но, можетъ быть, и давалъ. Камеры означенныхъ трехъ преступниковъ никогда не запирались, также по существующему издавна порядку. Отдавалъ ли онъ приказаніе смотрителю расковать Михайлова по прибытіи его въ Тобольскъ, не помнитъ, но не отрицаетъ, что могъ и отдавать, уважая въ преступникѣ дворянское сословіе, къ которому послѣдній прежде принадлежалъ. О посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ Михайлову разными лицами, онъ вначалѣ ничего не зналъ, но когда смотритель доложилъ ему объ

этомъ, то онъ не приказалъ никого пропускать безъ его записокъ; самъ же дозволилъ бывать у Михайлова только полковнику Жданъ-Пушкину, а также дозволилъ Михайлову быть на обѣдѣ у лекаря Онучина. Въ самый день отправленія Михайлова изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, онъ дозволилъ ему быть въ домѣ Жданъ-Пушкина, откуда Михайловъ отправился въ Нерчинскъ, а не заковалъ его при отправленіи потому, что не пришло это въ голову.

Генералъ-маіоръ Сколковъ, при производствѣ слѣдствія, открылъ, по отношенію къ Михайлову, слѣдующее обстоятельство: на другой день, по прибытіи его въ Тобольскъ, лекарь тюремнаго замка, по обыкновенію, осматривалъ его и нашелъ, что у него сильное кровохарканіе, а на тѣлѣ были синяки на нижней части голеней, почему началъ его лечить, но, по тѣснотѣ помѣщенія въ больницѣ, Михайловъ, во время леченія, оставался въ своей камерѣ и поэтому же оставленъ былъ въ Тобольскѣ съ 31-го декабря 1861 г. до 27-го января 1862 г. Въ январѣ 1862 года Михайловъ подавалъ прошеніе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ—о разрѣшеніи ему отправиться къ мѣсту ссылки, по болѣзненному его состоянію, не съ партіею пересыльныхъ арестантовъ, а на почтовыхъ. Вслѣдствіе этого прошенія, тобольская врачебная управа свидѣтельствовала Михайлова и нашла, что онъ дѣйствительно не можетъ не только что идти съ партіею арестантовъ, но не можетъ даже слѣдовать и на пересыльныхъ подводахъ, почему разрѣшено ему было отправиться на свой счетъ на почтовыхъ. Въ день отправленія его въ ссылку изъ Тобольска, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, по показанію находившагося у послѣдняго въ услуженіи человѣка Лыскова, капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій взялъ изъ чемодана Михайлова, гдѣ лежали арестантскія его вещи, кандалы, разбивалъ ихъ молоткомъ, а жена Жданъ-Пушкина сказала, будто бы, что кольцо отъ этихъ кандаловъ нужно оставить на память о Михайловѣ. Но это показаніе Лыскова опровергается показаніями двухъ жандармовъ, сопровождавшихъ Михайлова изъ Тобольска, которые объяснили слѣдственной комиссіи, что, принимая изъ квартиры Жданъ-Пушкина арестантскія вещи Михайлова, они приняли, вмѣстѣ съ ними, и кандалы его, совсѣмъ цѣлые. Кромѣ того, въ комиссіи, для большаго убѣжденія, по распоряженію генералъ-маіора Сколкова, при кузнецахъ, разбивались арестант-

скіе кандалы молоткомъ, и оказалось, что, безъ помощи кузнеца, разбить ихъ невозможно, о чемъ и составленъ былъ генералъ-маіоромъ Сколковымъ актъ.

Показаніе тобольскаго губернатора Виноградскаго. О послабленіяхъ, которыя оказывались Михайлову, Обручеву и Макееву, онъ совершенно ничего не зналъ. Вице-губернаторъ и директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, напротивъ, всегда представляли ему, что въ тюремномъ замкѣ нѣтъ никакихъ безпорядковъ; самъ же онъ не могъ бы допустить ихъ, потому что хорошо знаетъ, что всякое послабленіе, оказываемое такимъ преступникамъ, какъ Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ, есть протестъ противъ правительства. Объ этихъ послабленіяхъ онъ не могъ имѣть даже частныхъ свѣдѣній, потому что не имѣлъ никакихъ частныхъ сношеній съ обществомъ: все время его поглощалось служебными занятіями, въ которыхъ онъ, какъ человѣкъ бѣдный, видѣлъ всю цѣль своей дѣятельности. Кромѣ того, во время бытности Михайлова въ Тобольскѣ, онъ занятъ былъ приготовленіемъ къ ожидавшейся ревизіи генералъ-губернатора, и потому узналъ о послабленіяхъ, дѣлавшихся преступникамъ, только изъ бумаги, полученной имъ отъ генералъ-губернатора, вслѣдствіе которой онъ потребовалъ донесенія объ этомъ предметѣ отъ полицеймейстера и получилъ объясненіе, что послабленія преступникамъ дѣлались смотрителемъ замка по приказанію вице-губернатора и прокурора. Это донесеніе онъ препроводилъ отъ себя къ генералъ-губернатору.

Показаніе вице-губернатора Соколова. Какъ предсѣдатель губернскаго правленія, онъ постоянно занимался дѣлами о преступникахъ; какъ директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, онъ постоянно бывалъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ для наблюденія за помѣщеніемъ арестантовъ, а какъ докторъ [1]), считалъ своею обязанностью всегда помогать преступникамъ въ ихъ недугахъ, и Михайлова онъ сожалѣлъ, какъ больного человѣка. Занимаясь въ продолженіе 10 лѣтъ изученіемъ легочной чахотки, въ доказательство чего представляетъ нѣсколько статей своихъ объ этой болѣзни, онъ видѣлъ въ Михайловѣ не только что больного, достойнаго сожалѣнія, но и интереснаго субъекта для изученія со стороны

[1]) По образованію.

МИХАЙЛОВЪ ВЪ СИБИРСКОЙ ТЮРЬМѢ.

науки; зналъ онъ его только по литературнымъ трудамъ и, въ особенности, по его статьямъ о женщинахъ. На квартиру къ себѣ Михайлова онъ дѣйствительно призывалъ для подания медицинскаго пособія; а такъ какъ Михайловъ являлся къ нему къ 4-мъ часамъ, то онъ оставлялъ его у себя обѣдать, но въ 6 часовъ отправлялъ въ замокъ, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, который его къ нему и привозилъ. Этихъ случаевъ было только два. Впрочемъ, главный начальникъ всѣхъ тюремныхъ заключеній въ губерніи — губернаторъ, который, въ продолженіе трехъ лѣтъ совмѣстнаго служенія съ нимъ, никогда не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній по поводу неисполненія лежавшихъ на немъ обязанностей относительно тюремныхъ заключеній, между тѣмъ какъ самъ губернаторъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, былъ въ острогѣ не болѣе трехъ разъ. Что касается прощанія съ Михайловымъ за заставою, то происходило оно слѣдующимъ образомъ: онъ поѣхалъ съ женою своею, по случаю болѣзни послѣдней, въ загородный монастырь; но, не доѣзжая до монастыря, долженъ былъ возвратиться назадъ, по причинѣ усилившагося вдругъ холода и вѣтра. На возвратномъ пути увидѣлъ онъ ѣхавшую по направленію отъ города повозку, но не зналъ, кто въ ней сидитъ, а когда подъѣхалъ къ ней, то увидѣлъ сидящаго въ повозкѣ Михайлова, и потому остановился проститься, причемъ отдалъ послѣднему бывшую съ нимъ коробку съ 5 рябчиками; но это было сдѣлано подаяніе, которое законъ не воспрещаетъ давать преступникамъ и которое дѣлается въ Россіи повсемѣстно.

Показаніе прокурора Жемчужникова. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ содержались во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, потому что, по порядку, изстари заведенному въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, содержащіеся арестанты изъ привилегированнаго сословія отдѣлялись отъ простыхъ, что, по его мнѣнію, не противорѣчитъ 101 ст. XIV т. уст. о содержаніи подъ стражею; такъ какъ Михайловъ и Макеевъ помѣщались хотя и въ одномъ коридорѣ, но въ разныхъ камерахъ, то, слѣдовательно, 101 ст. не была нарушена. Во время содержанія онъ видѣлъ ихъ раскованными, но приказанія расковывать не давалъ; заковать же онъ ихъ не могъ приказать, потому что, на основаніи законовъ, лица привилегированнаго сословія освобождаются отъ оковъ, и онъ считаетъ, что дѣй-

ствія его были бы болѣе противозаконныя, еслибъ онъ приказалъ заковать Михайлова и Макеева. Кромѣ того, вопросъ о заковываніи преступниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимается различно; такъ, Михайловъ, осужденный въ каторгу на 6 лѣтъ, присланъ былъ въ оковахъ, а шведскій подданный Бонгардъ, изъ Варшавы, осужденный въ каторгу на 12 лѣтъ,—безъ оковъ; слѣдовательно, закованіе Михайлова можетъ быть отнесено къ ошибочному пониманію закона. О посѣщеніи Михайлова разными лицами онъ ничего не зналъ. Одинъ разъ бралъ его къ себѣ обѣдать, съ тою цѣлью, чтобъ дать ему возможность, при его сильной болѣзни, воспользоваться хорошею пищею, и разрѣшенія на это ни у кого не спрашивалъ. Разговоровъ съ нимъ ни о чемъ противозаконномъ не имѣлъ, а говорилъ только о своихъ племянникахъ, которыхъ Михайловъ зналъ давно, потому что жилъ въ томъ городѣ, въ которомъ жила его родная сестра. Сочувствія къ нему, какъ къ государственному преступнику, не имѣлъ, а сочувствовалъ ему, какъ человѣку несчастному и больному, и смотрѣлъ на это сочувствіе, какъ на дѣло состраданія къ ближнему, примѣръ котораго показывалъ самъ государь императоръ. Конфирмаціи надъ Михайловымъ онъ не читалъ; но изъ словъ послѣдняго узналъ, что онъ осужденъ былъ за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобъ отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора, и это обстоятельство не могло не возбудить въ немъ, Жемчужниковѣ, сочувствія къ осужденному, пострадавшему за другихъ; о самомъ же этомъ сочиненіи онъ ничего не зналъ. Притомъ онъ не предполагалъ, чтобъ правительство, ввѣривъ ему должность прокурора, усомнилось въ его преданности и чистотѣ дѣйствій.

Генералъ Сколковъ донесъ, что тобольское общество вовсе не сочувствовало преступленію Михайлова, что букетовъ дамы ему не подносили, потому что при сибирскихъ морозахъ очень трудно имѣть живые цвѣты, и что если нѣкоторыя изъ лицъ города и выказывали сочувствіе Михайлову, то это дѣлалось или изъ желанія прослыть передовыми людьми, покровительствующими литератору, или изъ подражанія другимъ. Вице-губернаторъ Соколовъ оказывалъ сочувствіе Михайлову, съ цѣлью сблизиться черезъ него съ литераторами и пріобрѣсти для себя сотрудничество въ какомъ-нибудь журналѣ. Полков-

никъ Жданъ-Пушкинъ знакомъ былъ съ Михайловымъ въ Петербургѣ и потому встрѣтилъ его въ Тобольскѣ, какъ знакомаго.

Произведенное такимъ образомъ слѣдствіе передано было на соглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ корпуса жандармовъ, по докладу которыхъ государь велѣлъ передать его въ 1-ый департаментъ правительствующаго сената, для опредѣленія порядка отвѣтственности виновныхъ, такъ какъ они принадлежали къ разнымъ министерствамъ. 1-ый департаментъ потребовалъ заключенія соотвѣтствующихъ министровъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ, что губернаторъ Виноградскій и вице-губернаторъ Соколовъ подлежатъ отвѣтственности, послѣ удаленія отъ должности, за превышеніе и бездѣятельность власти, по 383 ст. XV т., а шефъ корпуса жандармовъ нашелъ нужнымъ предать военному суду тобольскаго жандармскаго штабъ-офицера. Послѣ этого 1-ый департаментъ правительствующаго сената опредѣлилъ губернатору Виноградскому, уволенному отъ должности, сдѣлать выговоръ въ административномъ порядкѣ, а вице-губернатора, прокурора, полицеймейстера и смотрителя тюремнаго замка предать суду. Комитетъ министровъ, въ который поступило опредѣленіе это правительствующаго сената, нашелъ, что губернаторъ Виноградскій, также какъ и другіе, долженъ быть преданъ суду, на что воспослѣдовало высочайшее соизволеніе. Военный медикъ Онучинъ и капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій, по распоряженію военнаго министра, уволены отъ службы безъ прошеній.

Дѣло кончилось въ сенатѣ весьма неблагопріятно для обвиняемыхъ.

Пріѣхавъ въ Нерчинскій заводъ, Михайловъ услышалъ подтвержденіе того, что уже узналъ немного раньше,—ему разрѣшено было жить на Казаковскомъ пріискѣ, которымъ завѣдывалъ его родной братъ. Тамъ онъ былъ освобожденъ отъ работъ, за что вскорѣ пострадалъ начальникъ нерчинскаго округа полковникъ Дейхманъ, разжалованный въ рядовые.

Вскорѣ на пріискъ прибыли супруги Шелгуновы съ цѣлью освободить Михайлова и всѣмъ бѣжать за-границу [1]). Этимъ Шелгуновъ хотѣлъ какъ бы выкупить страданія Михайлова за свою прокламацію.

Но планъ не удался: Шелгуновы были арестованы до этого и привезены въ Петербургъ, а М. И. перевели на Кондинскій пріискъ.

Михайловъ, узнавъ объ участи Дейхмана, пострадавшаго за свою доброту и благородство, принялъ 3-го августа 1865 года ціанъ-кали и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже мертвъ [2]).

---

[1]) *Дубровина*—„Памяти М. И. Михайлова". „Бесѣда", 1905. XII.

[2]) Разсказъ о смерти отъ „брайтовой болѣзни" г-жа Дубровина категорически отрицаетъ.

Письма М. И. Михайлова Всеволоду Костомарову.

Печатаемыя ниже письма отобраны были отъ Костомарова во время веденія процесса Чернышевскаго.

1.

20 апрѣля 1861 года, С.-Петербургъ.

Дорогой другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, спасибо Вамъ за вѣсточку о себѣ. Я ждалъ ее съ нетерпѣніемъ и потому только не писалъ къ Вамъ. Книги, посланныя Вами съ Бергомъ [1]), я получилъ и съ нимъ же посылаю Вамъ Томаса Гуда и свой портретъ, который таки сдѣлалъ [2]). Сегодня я видѣлъ Н. Гавр. [3]), и онъ мнѣ сказалъ, что посылаетъ Вамъ письмо съ предложеніемъ ѣхать заграницу [4]). Какъ бы я желалъ, чтобы это уладилось и я могъ бы встрѣтиться съ Вами тамъ гдѣ-нибудь. Во всякомъ случаѣ прошу Васъ — пишите ко мнѣ туда и если вздумаете отвѣчать на это письмо (чего я жажду), то адресуйте къ Herrn Michel Michailoff, Frankfurt am Main, poste restante. У меня послѣ свиданія съ Чери. составилась уже пріятная мечта, какъ мы будемъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ, на какомъ-нибудь этакомъ Рейнѣ или въ какой-нибудь этакой Ниццѣ или Флоренціи. Кстати я нѣсколько измѣнилъ планъ своего странствія. Я думалъ ѣхать купаться въ морѣ на Гернсей, но не знаю, удастся ли это теперь. Вѣрнѣе, что это купанье будетъ происходить въ Ниццѣ. Мнѣ вообще очень хочется побывать въ Италіи, гдѣ я не былъ еще. Надо будетъ и поправильнѣе поучиться. Въ Англіи буду я, вѣроятно, ненадолго, на недѣлю, можетъ быть, и только въ Лондонѣ, куда съѣзжу изъ Парижа. Первое же мѣстопребываніе мое будетъ, какъ Вы знаете, въ Наугеймѣ, на водахъ, близъ Франкфурта. Письма Вы, всетаки, адресуйте во

---

[1]) Ѳ. Н. Бергъ—тоже поэтъ-переводчикъ, преимущественно Гейне, начавшій печататься въ „Современникѣ" 1860 г., а потомъ, съ 1889 г., редактировавшій реакціонный „Русскій Вѣстникъ".

[2]) Онъ воспроизведенъ въ началѣ этой книги.

[3]) Н. Г. Чернышевскаго.

[4]) Оно напечатано ниже, въ „Процессѣ Н. Г. Чернышевскаго".

Франкфуртъ и не франкируйте ихъ. Это вѣрнѣе. Мнѣ очень жаль, что ни у меня, да и ни во всемъ Петербургѣ нѣтъ книгъ, которыя Вамъ нужны для затѣянныхъ статей о сатирикахъ. Если мечта моя не сбудется и Вы не поѣдете нынче за-границу, гдѣ можно будетъ заняться, то я постараюсь привезти съ собою всѣхъ этихъ Чальмерсоновъ и Вильтоновъ, которыхъ Вамъ нужно. Если вы останетесь на лѣто въ Россіи, что, опять-таки скажу, очень меня огорчитъ, знаете что попробуйте сдѣлать. Вы, вѣроятно, знакомы съ произведеніями нѣмца Грегоровіуса объ Италіи. Хорошо бы любое изъ нихъ изложить въ сокращеніи, и я Вамъ ручаюсь за помѣщеніе ихъ въ „Современникѣ“. Стихи, какъ меня не будетъ, посылайте или къ Ник. Гавр., или прямо къ Некрасову. Жаль, что я Васъ съ нимъ не познакомилъ. О Фурье едва ли цензура что-нибудь пропуститъ, и я боюсь, какъ бы Вы, занимаясь его біографіей и характеристикой, не потеряли, какъ говорится, oleum et olium. Въ редакціи „Совр.“ была большая статья о Фурье и не могла пойти „по независящимъ обстоятельствамъ“. „Бориса“ Вашего прочиталъ и возьму съ собой. Если пришлете мнѣ за-границу конецъ, я напишу о немъ въ „Современникѣ“. Впрочемъ, лучше пусть изданіе не кончится, но Вы будете за-границей. Вотъ я съ какимъ эгоизмомъ цѣпляюсь за Васъ. Жаль, что Вы не поработали побольше надъ „Суб. вечеромъ“; немного бы нужно, чтобы переводъ вышелъ безукоризненный. А Бергъ все носится съ своимъ Андерсеномъ, защищаетъ Карла Бека и проч. Онъ, по всей вѣроятности, добрый и хорошій малый, да ужъ очень мягокъ и слишкомъ ударяется въ романтическія сферы. Впрочемъ, онъ былъ у меня еще разъ только и сидѣлъ недолго. Я, подобно бѣлкѣ въ колесѣ, мечусь передъ отъѣздомъ и единственно поэтому пишу мало, а то готовъ бы толковать съ Вами безъ конца. Людмила Петровна [1]), по страсти своей къ корреспонденціи вообще, съ хорошими людьми въ особенности, хотѣла къ Вамъ тоже писать и остановилась только потому, что не имѣетъ на то Вашего согласія. Она очень Вамъ кланяется, также, какъ и Ник. Вас. [2]). Крѣпко цалую Васъ, дорогой другъ, и желаю Вамъ всего добраго, чего только Вы сами можете пожелать себѣ. Пишите же ко мнѣ, а я немедленно буду Вамъ отвѣчать. Дай Богъ, чтобъ—до свиданія за-границей.

Всею душой любящій Васъ

Мих. Михайловъ.

Мы ѣдемъ на святой, во вторникъ, т. е. 25 апрѣля.

---

[1]) Жена Н. В. Шелгунова.
[2]) Шелгуновъ.

2.

20 іюля 1861 г., С.-Петербургъ.

Дорогой другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ! Вы, можетъ быть, ждете (если только ждете) письма отъ меня изъ-за границы, а я пишу уже Вамъ изъ славнаго града Питера. Мое гнусное молчаніе Вы простили уже? Не правда-ли? Надѣясь на Вашу доброту, разскажу Вамъ кое-что о себѣ. Воротился я въ Петербургъ потому, что заграницей шляться мнѣ надоѣло. Я постоянно задавалъ себѣ вопросъ: что я тамъ забылъ? и не могъ ничего дѣлать. По привычкѣ къ работѣ, обходиться безъ нея мнѣ было просто не вмочь, а къ работѣ тамъ рѣшительно ничто не располагало. Изъ Наугейма я отправился черезъ Голландію (большая гадость!) въ Лондонъ, пробылъ тамъ недѣли двѣ и черезъ Парижъ, гдѣ прожилъ тоже не больше, и Берлинъ, Штеттинъ и море пріѣхалъ сюда. Здѣсь, разумѣется, чувствую болѣе, чѣмъ обыкновенно, на первыхъ порахъ горестное отсутствіе разныхъ удобствъ европейскихъ, но зато принялся хоть за дѣло, каково оно ни есть. За-границей не сдѣлалъ я ровно ничего и теперь догоняю прожитое даромъ время. Прилагаю письмо къ Вамъ Людмилы Петровны, которое привезъ съ собой. Я думаю, она съ Ник. Вас. не останутся долго за-границей и въ половинѣ августа (или къ 20 ч.) будутъ уже здѣсь. Не браните меня, голубчикъ, за мою неаккуратность и отвѣчайте мнѣ. Я поведу себя похвальнѣе, чѣмъ прежде. Крѣпко Васъ цалую.

Михайловъ.

P. S. Гдѣ Бергъ и получили ли вы отъ него книгу и портретъ? Что Плещеевъ? Кланяйтесь ему отъ меня хорошенько.

3.

5 августа 1861 года.

Дорогой другъ, Всеволодъ Дмитричъ, тороплюсь послать вамъ хоть малую толику денегъ, сколько у меня есть. Мы сочтемся, когда Вы пришлете что-нибудь въ „Современникъ“. Извините, что сумма такъ ничтожна; я самъ теперь, что называется, въ тонкихъ, а изъ конторы „Современника“ всѣ разъѣхались. Кромѣ того, посылаю вамъ тетрадь изъ исторіи Шлоссера для перевода. Плата за переводъ очень хорошая (хоть не могу опредѣленно сказать) и вамъ, немедленно по доставленіи рукописи, будутъ высланы деньги.

Я бы въ этотъ же нумеръ „Современника“ пустилъ вашего „Бориса“ и „Деревенскаго кузнеца“, да ни того, ни другого не могу у себя найти; а потому пришлите, какъ получите это письмо. По окончаніи перевода, который я посылаю вамъ, я постараюсь достать вамъ еще какую-нибудь работу. Это будетъ легче, когда въ Петербургъ съѣдутся всѣ издатели и редакторы. Ради Бога простите меня, голубчикъ, что я пишу вамъ рѣдко и мало. Вѣдь вы не выведете изъ этого заключенія, что я не люблю и не уважаю васъ отъ всей души. Но, во-первыхъ, я заваленъ работой съ утра до вечера, и, во-вторыхъ, совсѣмъ не умѣю писать писемъ. Мнѣ очень бы хотѣлось перетащить васъ сюда, но въ настоящую минуту ничего не могу придумать. Можетъ быть, зимой это будетъ возможно, особенно если удастся мое намѣреніе издавать газету [1]). Вашъ „Мостъ вздоховъ“ — прекрасная вещь, только, извините, это не „Bridge of Sighs“ Гуда. Хорошіе стихи въ пьесѣ вы, конечно, и сами знаете, а относительно неудачныхъ скажу: зачѣмъ это вы ставите такія вымученныя риѳмы, какъ *ежели, нежели, ближе ли, ни жили* и пр.? Я все еще одинъ: Шелгуновы не пріѣхали, и я жду ихъ съ нетерпѣніемъ къ 15 августа. До свиданія, милый Всеволодъ Дмитричъ. Будьте здоровы и, если васъ не сердятъ мои краткіе отвѣты, пишите мнѣ. Я всегда радъ вашимъ письмамъ и всегда радъ исполнять ваши порученія, если только могу. Мнѣ бы очень хотѣлось узнать отъ васъ, сколько бы вамъ нужно было приблизительно имѣть въ мѣсяцъ для жизни въ Петербургѣ съ семействомъ, чтобы не терпѣть лишеній. Я имѣлъ бы это въ виду, чтобы ухватиться обѣими руками за первую возможность извлечь васъ изъ Москвы.

Цалую Васъ крѣпко.

Мих. Михайловъ.

[1]) Эта мечта не осуществилась.

Процессъ Д. И. Писарева.

Д. И. ПИСАРЕВЪ.

Процессъ Д. И. Писарева.

Врядъ ли можно знать меньше, чѣмъ извѣстно было до сихъ поръ о причинахъ и обстоятельствахъ очень интереснаго политическаго процесса нашего знаменитаго критика и публициста, Д. И. Писарева. Бѣдность свѣдѣній по этому поводу прямо поразительна. Точно все оно произошло не на глазахъ живыхъ людей и потомъ было кѣмъ-то вырвано изъ ихъ памяти.

Очень обширное дѣло сенатскаго архива даетъ возможность пополнить, и притомъ весьма содержательно, такой непростительный пробѣлъ.

I.

13-го іюня 1862 г. къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства, Горбановскому, явился студентъ Баллодъ[1]) и просилъ напечатать съ принесеннаго имъ готоваго набора 360 экземпляровъ прокламаціи по адресу офицеровъ. Получивъ согласіе на исполненіе такого заказа, онъ сказалъ, что зайдетъ за нимъ утромъ 15-го, и удалился. Вечеромъ того же дня Горбановскій принесъ полученный наборъ экзекутору департамента и разсказалъ все, что зналъ, не скрывъ при томъ, что въ квартирѣ своей жены онъ недавно открылъ небольшую типографію, еще не заявленную полиціи.

Разумѣется, сейчасъ же обо всемъ было сообщено по на-

[1]) Сынъ священника въ Лифляндской губерніи, Петръ Давидовичъ Баллодъ воспитывался въ рижской семинаріи; окончивъ ее, поступилъ въ Петербургѣ въ Медико-Хирургическую академію, а въ 1858 г. перешелъ на естественный факультетъ тамошняго университета.

чальству, и раннимъ утромъ 15-го іюня у квартиры Горбановскаго дежурила полицейская засада.

Дѣйствительно, къ 7 часамъ туда явился слуга Баллода, Лисенковъ, и въ качествѣ удостовѣренія, что онъ присланъ именно за прокламаціей, предъявилъ одинъ ея экземпляръ. Его арестовали, сняли допросъ и отправили въ полицію; то же сдѣлано было съ Горбановскимъ.

Въ 11 часовъ утра нагрянули къ Баллоду, жившему въ меблированныхъ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ. Тамъ нашли всевозможныя прокламаціи, типографскія принадлежности и бумаги самого хозяина и уѣхавшаго товарища его, Еленина. Затѣмъ направились въ сосѣднюю комнату, занимаемую Н. И. Жуковскимъ, которому тоже служилъ Лисенковъ. Тамъ въ его отсутствіе взяли кое-какія бумаги. Баллодъ былъ арестованъ при полиціи.

Вечеромъ случайно обнаружили его вторую квартиру на Выборгской сторонѣ, произвели въ ней обыскъ, обнаруживъ много шрифта, типографскихъ принадлежностей и нѣсколько заграничныхъ изданій. 18-го привезли туда Баллода, удостовѣрившаго принадлежность себѣ всего найденнаго.

20-го іюня членъ особой высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ князя А. Ѳ. Голицына, генералъ-маіоръ Слѣпцовъ, объявилъ комиссіи, что государь лично приказалъ ему передать комиссіи свою непреклонную волю, „чтобы она обратила преимущественно и безотлагательно вниманіе на дѣйствія арестованнаго при полиціи студента Баллода“. Немедленно были приняты мѣры, и уже 25-го числа д. ст. сов. Каменскому было поручено разсмотрѣніе бумагъ Баллода, Жуковскаго и Еленина. Вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-полицеймейстеру было предписано разыскать Жуковскаго, а III Отдѣленію сообщено о необходимости обратить вниманіе на Еленина и хозяйку второй квартиры Баллода—Максимовичеву.

27-го, когда Каменскій ознакомилъ уже комиссію съ содержаніемъ переданныхъ ему бумагъ, послѣдняя въ полномъ своемъ составѣ[1]) допросила Баллода и Лисенкова. Первый

[1]) Кн. Голицынъ, оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, командированный отъ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-маіоръ Огаревъ, управляющій III Отдѣленіемъ—генералъ Потаповъ, командированный военнымъ министромъ свиты его величества ген.-маіоръ Слѣпцовъ, командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ д. ст. сов. Туруновъ (а потомъ

былъ уже 21-го заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а второй отпущенъ на свободу подъ надзоръ полиціи.

Баллодъ съ самаго начала заявилъ комиссіи, что дастъ вполнѣ вѣрныя и подробныя показанія, которыя будутъ отличаться отъ сдѣланныхъ раньше въ полиціи. „Къ показаніямъ, даннымъ мною на приложенныхъ листахъ, я не имѣю ничего прибавить“,—написалъ онъ въ концѣ своихъ вторыхъ показаній.

Относительно своей, по теперешней терминологіи—конспиративной, квартиры Баллодъ заявилъ, что не прописался тамъ только потому, что еще не вполнѣ переѣхалъ, такъ какъ хозяйка ея, Максимовичева, уѣхала сама лишь 20-го мая. Съ Николаемъ Жуковскимъ знакомъ около трехъ лѣтъ, черезъ брата его, Владиміра, судебнаго слѣдователя въ Уфѣ; Еленинъ—товарищъ по рижской духовной семинаріи, уѣхалъ на лѣто въ Ригу и, думая возвратиться осенью, оставилъ ему свои вещи. „Все участіе Николая Жуковскаго состояло въ томъ, что онъ мнѣ досталъ отъ Горбановскаго одинъ старый и новый валикъ и краски. Больше же никакого участія онъ не принималъ; онъ даже иногда смѣялся надъ безполезностью моихъ трудовъ. Листки, напечатанные мною, я давалъ ему, но какіе именно и сколько, я не помню“. Съ Горбановскимъ познакомился въ конторѣ Янова и К°, которою управлялъ Н. Жуковскій. До этого въ январѣ просилъ послѣдняго переговорить съ Горбановскимъ, не возьмется ли тотъ напечатать статью Огарева — „Что нужно народу“, приложенную къ „Колоколу“. Горбановскій далъ согласіе, началъ наборъ, но затѣмъ отказался, сказавъ, что она требуетъ много шрифта, а убыль его въ казенной типографіи легко можетъ быть замѣчена[1]).

Слѣдующіе вопросы комиссіи касались найденныхъ при обыскахъ у Баллода прокламацій и бумагъ.

Среди первыхъ особеннымъ вниманіемъ ея пользовалась про-

Ждановъ), командированный министромъ юстиціи оберъ-прокуроръ 4 департамента сената, д. ст. сов. Гедда и дѣлопроизводитель—д. ст. сов. Волянскій.

[1]) Баллодъ много работалъ и въ области естествознанія. Онъ велъ изданіе перевода извѣстной анатоміи Гиртля, который дѣлалъ вмѣстѣ съ академикомъ Ал. С. Фаминцынымъ, тогда студентомъ. По ходатайству послѣдняго, ему были выданы потомъ всѣ рукописи перевода, взятыя у Баллода на обыскѣ.

кламація „Молодая Россія“. Распространена она была, повидимому, въ массѣ экземпляровъ. Напримѣръ, изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ Валуева къ предсѣдателю комиссіи, кн. Голицыну, ясно, что въ половинѣ мая въ Москвѣ ее разбрасывали на бульварахъ, площадяхъ и у подъѣздовъ, посылали по городской почтѣ, а нѣсколько экземпляровъ найдены были даже въ адресной книгѣ студентовъ университета.

Она очень взволновала не только правительство и реакціонеровъ, но и либеральную часть общества, а въ болѣе радикальной не вполнѣ одобрялась, благодаря нѣкоторымъ своимъ пунктамъ, вродѣ уничтоженія семьи и брака. „Молодую Россію“ осуждалъ даже такой „бунтарь“, какъ Бакунинъ, въ своей брошюрѣ „Романовъ, Пугачовъ или Пестель“, изданной въ 1862 году въ Лондонѣ. Разразившіеся, вслѣдъ за ея появленіемъ, пожары въ Петербургѣ были приписаны центральному революціонному комитету, и потому понятно, какъ хотѣлось комиссіи кн. Голицына узнать что-нибудь отъ Баллода.

Въ виду безусловнаго интереса этой прокламаціи привожу ее по возможности полностью съ подлинника.

МОЛОДАЯ РОССІЯ.

„Крайности ни въ комъ нѣтъ, но всякій можетъ быть незамѣнимой дѣйствительностью; предъ каждымъ открытыя двери. Есть что сказать человѣку—пусть говоритъ,—слушать его будутъ; мучитъ его душу убѣжденіе—пусть проповѣдуетъ. Люди не такъ покорны, какъ стихіи, но мы всегда имѣемъ дѣло съ современной массой; ни она несамобытна, ни мы независимы отъ общаго фона картины, отъ одинакихъ предшествовавшихъ вліяній,—связь общаго есть. Теперь вы понимаете, отъ кого и кого зависитъ будущность людей и народовъ?

„— Отъ кого?

„— Какъ отъ кого?.. Да отъ насъ съ вами, напримѣръ. Какъ же послѣ этого сложить намъ руки“.

А. Герценъ. (Робертъ Оуэнъ).

Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія. Прослѣдите жизнь всѣхъ сословій, и вы увидите, что общество раздѣляется въ настоящее время на двѣ части,

интересы которыхъ діаметрально противоположны, и которыя, слѣдовательно, стоятъ враждебно одна къ другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа, угнетаемаго и ограбляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти, народа, который грабятъ чиновники и помѣщики, продающіе ему его же собственность—землю . . . . . увеличивающій болѣе чѣмъ вдвое прямыя и косвенныя подати и употребляющій полученныя деньги не на пользу государства, а на увеличеніе распутства двора, на приданое . . . . . на награду холоповъ, прислуживающихъ ему, да на войско, которымъ хочетъ оградиться отъ народа.

Опираясь на сотни тысячъ штыковъ . . . отрѣзываетъ у большей части народа (у казенныхъ крестьянъ) землю, полученную ими у своихъ отцовъ и дѣдовъ, дѣлаетъ это въ видахъ государственной необходимости и въ то же время, какъ бы въ насмѣшку надъ бѣднымъ, ограбляемымъ крестьяниномъ, ... по нѣсколько тысячъ десятинъ генераламъ, покрывшимъ русское оружіе неувядаемою славою побѣдъ надъ безоружными толпами крестьянъ, чиновникамъ, вся заслуга которыхъ—немилосердный грабежъ народа, тѣмъ, которые умѣютъ ловчѣе подать тарелку, налить вина, красивѣе танцуютъ, лучше льстятъ.

Это всѣми притѣсняемая, всѣми оскорбляемая партія, партія—*народъ*.

Сверху надъ нею стоитъ небольшая кучка людей, довольныхъ, счастливыхъ. Это помѣщики, предки которыхъ, или они сами, были награждены населенными имѣніями за свою прежнюю холопскую службу. Это—потомки бывшихъ любовниковъ императрицъ, щедро одаренные при отставкѣ. Это — купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежомъ и обманомъ; это—чиновники, накравшіе себѣ состоянія. Однимъ словомъ, всѣ имущіе, всѣ, у кого есть собственность родовая или благопріобрѣтенная. . . . . Ни онъ безъ нея, ни она безъ него существовать не могутъ. Падетъ одинъ,—уничтожится и другая. Въ настоящее время партія либеральничаетъ, обиженная отнятіемъ у нея права на даровую работу крестьянъ, ругаетъ государя, требуетъ конституціи, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и звеномъ соединенія—собственность. Она понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности, и потому въ

минуту возстанія окружитъ своего естественнаго представителя—царя. Это—партія *императорская*.

Между этими двумя партіями издавна идетъ споръ,—споръ, почти всегда кончавшійся не въ пользу народа. Но едва проходило нѣсколько времени послѣ пораженія, народная партія снова выступала. Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачовымъ—за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею. Она пойдетъ рѣзать помѣщиковъ, какъ было въ восточныхъ губерніяхъ въ 30-хъ годахъ, за ихъ притѣсненія; она встанетъ съ благороднымъ Антономъ Петровичемъ—и противъ всей императорской партіи.

Къ этой безурядицѣ, къ этому антагонизму партій,—антагонизму, который не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталами, являются распорядителями участи остальныхъ, — присоединяется и невыносимый общественный гнетъ, убивающій лучшія способности современнаго человѣка.

Въ современномъ общественномъ строѣ, въ которомъ все ложно, все нелѣпо отъ религіи, заставляющей вѣровать въ несуществующее, въ мечту разгоряченнаго воображенія—Бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно изъ основаній которой не выдерживаетъ даже поверхностной критики; отъ узаконенія торговли, этого организованнаго воровства, и до признанія за разумное положеніе работника, постоянно истощаемаго работою, отъ которой получаетъ выгоды не онъ, а капиталистъ; женщины, лишенной всѣхъ политическихъ правъ и поставленной наравнѣ съ животными.

Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія, губящаго современнаго человѣка, и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшія силы,—одинъ: революція, революція кровавая и неумолимая,—революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.

Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это—и всетаки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!

Понимаетъ необходимость революціи инстинктивно и масса народа, понимаетъ и небольшой кружокъ нашихъ дѣйствительно передовыхъ людей . . . и вотъ изъ среды ихъ выходятъ одинъ за другимъ эти предтечи революціи и призываютъ народъ на святое дѣло возстанія, на расправу со своими притѣснителями, на судъ съ императорской партіей. Разстрѣливаніе за непониманіе дурацкихъ положеній 19-го февраля, работа въ рудникахъ за указаніе безнадежности настоящаго положенія, ссылка въ отдаленныя губерніи, ссылка гуртомъ въ каторжныя работы за публичное заявленіе своего мнѣнія, за молитву въ церквахъ по убитымъ,—вотъ чѣмъ отвѣчаетъ императорская партія имъ!

Императорская партія! думаете ли вы остановить этимъ революцію, думаете ли запугать революціонную партію? или до сихъ поръ вы не поняли, что всѣ эти ссылки, аресты, разстрѣливанія, засѣченія на смерть мужиковъ ведутъ къ собственному же вашему вреду, усиливаютъ ненависть къ вамъ и заставляютъ тѣснѣе и тѣснѣе смыкаться революціонную партію; что за всякаго члена, выхваченнаго вами изъ ея среды, отвѣтите вы своими головами? Мы предупреждаемъ и ставимъ на видъ это только вамъ, члены императорской партіи, и ни слова не говоримъ о вашихъ начальникахъ, около которыхъ вы группируетесь . . . . . —съ тѣми расчетъ другой! Своею кровью они заплатятъ за бѣдствія народа, за долгій деспотизмъ, за непониманіе современныхъ потребностей. Какъ очистительная жертва, сложитъ головы . . . . . .

Больше же ссылокъ, больше казней! Раздражайте, усиливайте негодованіе общественнаго мнѣнія, заставляйте революціонную партію опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всѣмъ этимъ ускорите революцію, и что, чѣмъ сильнѣе гнетъ теперь, тѣмъ безпощаднѣе будетъ месть!

Революціи все способствуетъ въ настоящее время: волненіе Польши и Литвы, финансовый кризисъ, увеличеніе налоговъ, окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса весною 1863 года, когда крестьяне увидятъ, что они кругомъ обмануты царемъ и дворянами; а тутъ еще носятся слухи о новой войнѣ, поговариваютъ, что государь поздравилъ уже съ нею гвардію. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы,—и Россія дойдетъ до банкротства. Тутъ-то и вспыхнетъ

возстаніе, для котораго достаточно будетъ незначительнаго повода! Но можетъ случиться, что крестьяне возстанутъ не сразу въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а отдѣльными деревнями, что войско не успѣетъ пристать къ нимъ, что революціонная партія не успѣетъ сговориться, не достаточно централизуется, и заявитъ свое существованіе не общимъ бунтомъ, а частными вспышками,— императорская партія подавитъ ихъ—и дѣло революціи снова остановится на нѣсколько лѣтъ.

Для избѣжанія этого центральный революціонный комитетъ въ полномъ своемъ собраніи 7-го апрѣля рѣшилъ:

Начать изданіе журнала, который выяснилъ бы публикѣ принципы, за которые онъ борется, и въ то же время служилъ бы органомъ революціонной партіи въ Россіи. Въ немъ будутъ помѣщаться отчеты о засѣданіяхъ комитета, будутъ предлаг. вопросы на обсужденіе пров. комитетамъ, будутъ заявляться публикѣ мнѣнія революціонной партіи о каждомъ важномъ событіи. Комитетъ вынужденъ былъ приступить къ изданію своего органа и тѣмъ, что еще ни одинъ изъ издаваемыхъ журналовъ не выяснилъ обществу революціонной программы. Для доказательства этого мы обратимся къ двумъ органамъ: „Колоколу“ и „Великоруссу“.

Несмотря на все наше глубокое уваженіе къ А. И. Герцену, какъ публицисту, имѣвшему на развитіе общества большое вліяніе, какъ человѣку, принесшему Россіи громадную пользу, мы должны сознаться, что „Колоколъ“ не можетъ служить не только полнымъ выраженіемъ мнѣній революціонной партіи, но даже и отголоскомъ ихъ.

Съ 1849 года у Герцена начинается реакція: испуганный неудачной революціею 48 года, онъ теряетъ всякую вѣру въ насильственные перевороты. Два, три неудавшихся возстанія въ Миланѣ, ссылка и смерть на его глазахъ французскихъ республиканцевъ, наконецъ — казнь Орсини окончательно тушатъ его революціонный задоръ, и онъ принимается за изданіе журнала съ либеральною (не болѣе) программою.

„Колоколъ“, встрѣченный живымъ привѣтомъ всей мыслящей Россіи, какъ первый свободный органъ, вскорѣ становится загадкою для людей дѣйствительно революціонныхъ. Гдѣ же разборъ современнаго политическаго и общественнаго быта Россіи, гдѣ проведеніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ должно построиться новое общество?

Проходитъ еще годъ, и „Колоколъ“, оказывая вліяніе на правительство, уже совсѣмъ становится конституціоннымъ. Увлеченіе имъ молодежи уменьшается, революціонная партія ищетъ другого органа, и, если онъ читается, то этому способствуетъ еще прежняя слава Герцена, Герцена, привѣтствовавшаго революцію, Герцена, упрекавшаго Ледрю-Роллена и Луи-Блана въ непослѣдовательности, въ томъ, что они, имѣя возможность, не захватили диктатуры въ свои руки и не повели Францію по пути кровавыхъ реформъ для доставленія торжества рабочимъ.

Наконецъ, его надежды на возможность принесенія добра Александромъ или кѣмъ-нибудь изъ императорской фамиліи; его близорукій отвѣтъ на письмо человѣка, говорившаго, что пора начать бить въ набатъ и призвать народъ къ возстанію, а не либеральничать; его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи; надежда на мирный переворотъ; его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми однѣми можно только что-нибудь сдѣлать,—окончательно уронили журналъ въ глазахъ республиканской партіи.

Но намъ могутъ возразить, что ошибаемся мы, а не Герценъ, что отвращеніе его отъ насильственныхъ переворотовъ проистекло изъ знакомства съ исторіею Запада, отъ его увѣренности, что каждая революція создаетъ своего Наполеона.

Мы отвѣтимъ на это, что и самъ Герценъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, да и революціи кончались худо отъ непослѣдовательности людей, поставленныхъ во главѣ ея. Мы изучали исторію Запада, и это изученіе не прошло для насъ даромъ: мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ террористовъ 92 года; мы не испугаемся, если увидимъ, что для ниспроверженія современнаго порядка приходится пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито якобинцами въ 90-хъ годахъ!

Въ іюлѣ прошлаго года появился въ Россіи „Великоруссъ“.

Несмотря на всю ошибочность и отсталость его мнѣній, несмотря на радикальную противоположность съ нашими, мы, всетаки, должны заявить свое уваженіе къ редакціи его, издавшей въ Россіи же протестъ противъ существующаго порядка. Успѣхъ „Великорусса“ былъ громадный, что и надо было предвидѣть вначалѣ. Удовлетворяя и, какъ нельзя лучше, совпадая съ желаніями нашего либеральнаго общества, т. е. массы

помѣщиковъ, стремящихся хоть чѣмъ-нибудь нагадить правительству и опасающихся въ то же время даже тѣни революціи, грозящей поглотить ихъ самихъ, кучки бездарныхъ литераторовъ, сданныхъ за ветхостью въ архивъ, а во времена Николая считавшихся за прогрессистовъ, — онъ, всетаки, не могъ составить около себя партіи. Его читали, о немъ говорили—да и только. Онъ вызывалъ улыбку революціонеровъ своимъ мнѣніемъ о томъ, что государь побоится отдать приказъ стрѣлять въ собравшійся народъ, своими невинными адресами, которыми думаетъ спасти Россію.

Объ остальныхъ заграничныхъ журналахъ даже и упоминать не стоитъ. Не понимаемъ, зачѣмъ это уѣзжаютъ изъ Россіи господа вродѣ Блюммера и князя Долгорукова: шли бы себѣ, шли они рука объ руку съ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Сѣверной Почтой“, да вызывали бы всѣ вмѣстѣ своими принципами презрѣніе всѣхъ честныхъ людей. О прокламаціяхъ (на всякой брошюрѣ, изданной нами, будетъ стоять: „изд. центр. рев. ком.“), выходившихъ въ послѣднее время въ такомъ изобиліи, тоже распространяться не стоитъ: неимѣніе опредѣленныхъ принциповъ, пустое, ничего не значащее и ни къ чему не ведущее либеральничанье — вотъ отличительныя черты ихъ.

Не находя ни въ одномъ органѣ полнаго выраженія революціонной программы, мы помѣщаемъ теперь главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество, а въ слѣдующихъ номерахъ постараемся развить подробнѣе каждое изъ этихъ положеній.

Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, причемъ вся власть должна перейти въ руки національнаго и областныхъ собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякій человѣкъ долженъ непремѣнно приписаться къ той или другой изъ общинъ; на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли, отъ которой онъ, впрочемъ, можетъ отказаться или отдать ее въ наемъ. Ему

предоставляется также полная свобода жить внѣ общины и заниматься какимъ угодно ремесломъ, только онъ обязанъ вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не въ пожизненное пользованіе, а только на извѣстное количество лѣтъ, по истеченіи которыхъ міръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество членовъ общины остается неприкосновеннымъ въ продолженіе ихъ жизни, но по смерти дѣлается достояніемъ общины.

Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбирались самимъ народомъ; требуемъ, чтобы общинамъ было предоставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ.

Мы требуемъ, чтобы, кромѣ національнаго собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія—областныя собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней. Національное собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ; желаемъ, чтобы онъ падалъ всею своею тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого мы требуемъ, чтобы національное собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣлило бы его только между областями. Уже областныя собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины въ полномъ своемъ собраніи рѣшаютъ, какую подать долженъ платить какой членъ ея, причемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго,—однимъ словомъ, вводится налогъ прогрессивный.

Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а

не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія на счетъ общества больныхъ и стариковъ,— однимъ словомъ, всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія.

Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины; требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а, слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства.

Мы требуемъ уничтоженія главнаго притона разврата—монастырей, мужскихъ и женскихъ,—тѣхъ мѣстъ, куда со всѣхъ концовъ государства стекаются бродяги, дармоѣды, люди, ничего не дѣлающіе, которымъ пріятенъ даровой хлѣбъ, и которые въ то же время желаютъ провести всю свою жизнь въ пьянствѣ и развратѣ. Имущества какъ ихъ, такъ и всѣхъ церквей должны быть отобраны въ пользу государства и употреблены на уплату долга внутренняго и внѣшняго.

Мы требуемъ увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья войску и уменьшенія солдату срока службы. Требуемъ, чтобы по мѣрѣ возможности войско распускалось и замѣнялось національной гвардіею.

Мы требуемъ полной независимости Польши и Литвы, какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіею.

Мы требуемъ доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшить по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной республики русской.

Безъ сомнѣнія, мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы, какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно

скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ Выборы въ національное собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы—доказываетъ прошлое французское собраніе 48 года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, къ намъ обратятся съ вопросомъ: на кого же мы надѣемся, гдѣ тѣ элементы, сгруппировать которые мы хотимъ, кто на нашей сторонѣ?

Мы надѣемся на народъ; онъ будетъ съ нами, въ особенности старообрядцы, а вѣдь ихъ нѣсколько милліоновъ. Забитый и ограбленный крестьянинъ станетъ вмѣстѣ съ нами за свои права, онъ рѣшитъ дѣло, но не ему будетъ принадлежать инициатива его, а—войску и нашей молодежи.

Мы надѣемся на войско, надѣемся на офицеровъ . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Оно вспомнитъ сентябрьскій приказъ, разберетъ хорошенько, въ какое положеніе поставитъ себя, если станетъ исполнять его, да кстати вспомнитъ и свои славныя дѣйствія въ 1825 году, вспомнитъ безсмертную славу, которой покрыли себя герои-мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззваніемъ къ ней мы оканчиваемъ нынѣшній нумеръ журнала, потому что она заключаетъ въ себѣ все лучшее Россіи, все живое, все, что станетъ на сторонѣ движенія, все, что готово пожертвовать собою для блага народа.

Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главѣ движенія, что на тебя надѣется революціонная партія! Будь же готова къ своей славной дѣятельности, смотри, чтобъ тебя не застали врасплохъ! Готовься, а для этого сбирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайныя общества, съ которыми центральный революціонный комитетъ самъ постарается войти въ сообщеніе, разсуждайте больше о политикѣ, уясняйте себѣ современное

положеніе общества, а для большаго успѣха приглашайте къ себѣ на собранія людей дѣйствительно революціонныхъ, и на которыхъ вы можете вполнѣ положиться.

Скоро, скоро наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, знамя красное и съ громкимъ крикомъ: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская! . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но не забывай при каждой новой побѣдѣ, во время каждаго боя повторять: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!

А если возстаніе не удастся, если придется намъ поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ нетрепетно, безстрашно и, кладя голову на плаху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: *„да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!“*

Баллодъ не отрицалъ своихъ связей съ центральнымъ комитетомъ и далъ слѣдующее показаніе о своемъ съ нимъ знакомствѣ, происшедшемъ, по особому приглашенію, въ Александровскомъ паркѣ.

„Въ Александровскій паркъ впервые, въ первой половинѣ мая, я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во-время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ какихъ-то два господина и сказали:

„— Здравствуйте, Баллодъ. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобъ провести пріятно время, а для того, чтобъ поговорить о дѣлѣ.

„Оба они были съ бородами, средняго роста. Одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ: ему было около 40 лѣтъ; онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27; одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у второго—русая.

„— Мы слышали, что вы—честный и энергичный человѣкъ: вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

„Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвалъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мной назвали мнѣ его своимъ. Видя, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они—члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листковъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

„— Напрасно,—отвѣчали они. — Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція или нѣтъ?

„Я сказалъ, что инстинктъ, который у меня очень силенъ, говоритъ мнѣ, что революція будетъ.

„— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки,—нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

„— Не знаю,—сказалъ я.—Что придется.

„— Странно! Вы—человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и такъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, еслибъ вамъ предложили?

„— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

„— Вотъ мы дадимъ вамъ программу,—и вы скажите намъ ваше слово.

„Здѣсь они повели меня къ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ „Молодой Россіи“, подали мнѣ и сказали:

„— Вотъ наша программа.

„Послѣ этого мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили, что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ ихъ общества сказалъ даже, что меня нужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ-нибудь, можетъ напакостить. При этомъ я вспомнилъ выходки Ноздрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

„— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣжденій?

„— Нисколько,— но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забыться. Вспомните 8-е марта. Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность [1]).

„Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня придти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

„Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое; одного изъ нихъ я видѣлъ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ „Молодой Россіи“. Я возражалъ; они отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились со словами:

„— Отчего вы не были у насъ третьяго-дня?

„— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

„— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ ѣхать.

„— Знаю. Я былъ сейчасъ у...; тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

„— Я вамъ привозилъ деньги; вотъ онѣ и вотъ вамъ инструкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете, куда обратиться?

---

[1]) Потомъ, на вопросъ комиссіи, что это значитъ, Баллодъ объяснилъ, что 8 марта 1862 г., на извѣстной „думской исторіи“ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ, Баллодъ, разстроенный оскорбленіемъ, нанесеннымъ аудиторіей почтенному профессору, кричалъ, чтобы его выслушали, и добился своего.

„— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

„Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

„Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

„— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

„Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: „къ чему вы меня торопите?“

„— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейскою частью. У насъ этою частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

„Я спросилъ, что это за должность.

„— Слѣдить за всякимъ вновь вступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ. Вамъ это легко: у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще и компаньоны.

„Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не постоимъ.

„— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторыя юго-западныя губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

„— На это, можетъ быть, и соглашусь,—сказалъ я.

„Потомъ они стали говорить о „карманной типографіи“ и сказали:

„— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

„Я сказалъ, что она моя.

„— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

„Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой никто не знаетъ.

„— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?

„— Если статья не будетъ имѣть характера „Молодой Россіи“,—сказалъ я,—то, пожалуй.

„Вскорѣ послѣ этого мы разстались.

„Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверкскому проспекту.

„Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я при-

шелъ въ паркъ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

„— Какова наша полиція?

„Потомъ спросили, рѣшилъ ли я. Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ „Молодой Россіи“, и тогда скажу.

„— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

„— Если такъ, то хорошо.

„Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, потому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ [1]).

„— Нѣтъ,—сказали они,—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

„Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ въ шагахъ 50, взяли у нихъ бумагу, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать [2]). Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы „Карманная типографія [3])“. Я согласился. Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье и 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда доставить.

„Это было въ 12 часу дня.

„Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія,

---

[1]) Станокъ, около 9 пуд. вѣсомъ, по особому чертежу, былъ заказанъ Санъ-Галли, но и ко времени обыска у Баллода еще не былъ имъ взятъ. Его взяла уже полиція, по указанію самого Баллода.

[2]) Диктовалъ бывшій въ пальто à la Гарибальди.

[3]) Въ двухъ экземплярахъ этой прокламаціи написаны чернилами. Баллодъ объяснилъ, что, вернувшись домой, онъ сейчасъ же переписалъ ее чернилами. Печатать просили 700 экземпляровъ.

а говорилъ съ ними потому, что разсчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы".

Къ этому въ высшей степени характерному разсказу Баллодъ прибавилъ, что изъ полученныхъ экземпляровъ „Молодой Россіи" онъ 4 сжегъ, одинъ или два далъ Н. Жуковскому, а объ остальныхъ ничего не помнитъ.

II.

Упомянутая Баллодомъ прокламація, озаглавленная: „Предостереженіе", настолька важна и интересна, что я приведу ее полностью. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалось указанія на то, что центральный комитетъ самъ считалъ необходимымъ поправить сдѣланныя въ „Молодой Россіи" ошибки и извинить ея увлеченія. Между тѣмъ это очень важно, какъ доказательство, насколько сильно было вліяніе реактивовъ на большое общество, съ которымъ хотѣли имѣть дѣло.

Покойный И. И. Гольцъ-Миллеръ, одинъ изъ членовъ центральнаго революціоннаго комитета, разсказывалъ своему пріятелю С. Н. Южакову, что Чернышевскій прислалъ къ нимъ въ Москву виднаго революціоннаго дѣятеля той эпохи и одного изъ основателей общества „Земля и Воля", нынѣ покойнаго А. А. Слѣпцова, [уговорить комитетъ сгладить какъ-нибудь крайне неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на общество „Молодой Россіей". Къ сожалѣнію, г. Южаковъ не помнитъ теперь, что сказалъ его пріятель о результатахъ пріѣзда Слѣпцова, но мнѣ кажется, что, высоко ставя мнѣніе Чернышевскаго, бывшаго несомнѣннымъ руководителемъ радикальнаго движенія эпохи, весьма возможно, что Зайчневскій, Аргиропуло, Гольцъ-Миллеръ и ихъ товарищи признали справедливымъ совѣтъ Николая Гавриловича и написали какъ разъ приводимую ниже прокламацію. Тогда остается вопросъ, почему же ее печатали не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ? Но почему не предположить, что это было сдѣлано именно въ видахъ лучшей конспираціи. Впрочемъ, это только мое предположеніе.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

„Правительство говоритъ, что революціонеры жгутъ Петербургъ. Установленъ во всей Россіи судъ по полевымъ военнымъ законамъ противъ злоумышленниковъ, потому что правительство полагаетъ, будто во всѣхъ провинціяхъ революціонные комитеты возбуждаютъ къ бунту и поджогу. Петербургское общество само дало правительству возможность принять подобныя мѣры: оно дало эту возможность своими сплетнями и, читая повтореніе своихъ выдумокъ въ оффиціальныхъ объявленіяхъ, совершенно убѣдилось, что сплетни эти справедливы.

„Мы достовѣрно знаемъ, что такихъ революціонеровъ нѣтъ и не было. Нѣсколько пылкихъ людей написали и напечатали публикацію, рѣзкія выраженія которой послужили предлогомъ для нелѣпыхъ обвиненій[1]). Довольно прочесть эту публикацію со вниманіемъ, чтобы понять чувства ея издателей: эти люди— экзальтированные и уже по тому самому неспособные имѣть никакихъ низкихъ намѣреній. Они сказали нѣсколько опрометчивыхъ словъ, но, конечно, не придавали имъ того смысла, какой хочетъ въ нихъ видѣть правительство и находитъ петербургская публика. Изъ ихъ словъ для насъ ясно было ихъ желаніе сказать только, что правительство ведетъ народъ къ возстанію, и что они готовы стать въ ряды народа при наступленіи вооруженной борьбы. Но не отстать отъ народа, когда онъ поднимется, вовсе не то, что возбуждать его къ рѣзнѣ. Думать, что облегченіе судьбы простого народа не будетъ слишкомъ дорого куплено цѣною революціи,—вовсе не то, что поджигать жилища и лавки бѣдняковъ. Эта разница очень ясна, но теперь публикѣ угодно было заняться сплетнями вмѣсто того, чтобы вникнуть въ дѣло. Исторія свидѣтельствуетъ, что демократы никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличила, что если много разъ винили ихъ въ этомъ, то обвиненье всегда было

[1]) Рѣчь, какъ уже сказано, идетъ о „Молодой Россіи“. Она умышленно, очевидно, никѣмъ не подписана, чтобы сдѣлать „Предостереженіе“ якобы голосомъ сторонннхъ лицъ (все же революціонеровъ), хотя и хорошо знающихъ центральный комитетъ.

клеветою, которую порождало легковѣріе, и которою пользовались деспотическія правительства, всегда склонныя къ реакціоннымъ мѣрамъ.

„Такъ и теперь. Но мы хотимъ указать публикѣ на послѣдствія ея лекомыслія, на злоупотребленія, которыя дѣлаетъ изъ него правительство, хотимъ предостеречь публику, чтобы она не повторяла подобныхъ шалостей, за которыя всегда приходилось ей же тяжело расчитываться.

„Революціонная партія никогда не бываетъ въ силахъ сама по себѣ совершить государственный переворотъ. Примѣръ тому многочисленныя попытки парижскихъ республиканцевъ и коммунистовъ, которыя всегда такъ легко подавлялись нѣсколькими батальонами солдатъ. Перевороты совершаются народами.

„Еслибы начавшаяся теперь реакція ограничила свое вліяніе только преслѣдованіями свободномыслящихъ людей,—изъ этого не вышло бы ничего важнаго для праздной толпы такъ называемаго просвѣщеннаго общества. Но реакція отразится и на крестьянскомъ вопросѣ,—она окончательно отниметъ у правительства всякую заботу объ удовлетвореніи требованій крѣпостныхъ крестьянъ, а это уже плохая шутка для всего образованнаго общества. Крестьяне уже начинаютъ готовиться къ возстанію и поднимутся, если не получатъ новой воли. Это уже рѣшено между крестьянами во всѣхъ губерніяхъ. Не вѣрьте слухамъ, отрицающимъ этотъ фактъ,—они лживы. Они распространяются или малодушными людьми, зажмуривающими глаза отъ опасности, или правителями, обманывающими публику. *Народное* возстаніе близится. Пусть пойметъ это публика и пусть помнитъ. Пусть сообразитъ теперь, что реакція, порожденная ея же сплетнями, поддерживается ея легковѣріемъ, даетъ возстанію чернаго парода характеръ столь свирѣпый, что никакія усилія революціонеровъ не будутъ въ состояніи ни смягчить переворота, ни положить ему предѣловъ.

„Мы, революціонеры, т. е. люди, не производящіе переворота, а только любящіе народъ настолько, чтобы не покинуть его, когда онъ самъ безъ нашего возбужденія ринется въ борьбу,—мы умоляемъ публику, чтобы она помогла намъ въ нашихъ заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстаніе. Намъ жаль образованныхъ классовъ; просимъ ихъ уменьшить грозящую имъ опасность. Но для этого нужно, чтобы публика

сдѣлалась болѣе хладнокровна и менѣе легкомысленна, чѣмъ какою выказала она себя въ сплетняхъ о пожарахъ. Перестаньте поощрять правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ.

„Обращаемся съ просьбою и къ правительству. Пусть оно хорошенько поищетъ насъ, пусть поищетъ получше, чѣмъ до сихъ поръ искало. Какъ намъ ни жалко несчастныхъ страдальцевъ, которыхъ оно мучитъ и судитъ за насъ, какъ доходятъ до насъ слухи, но мы все же не объявимъ себя, чтобы снять съ этихъ людей ложное обвиненіе. И въ этомъ мы всегда и передъ всѣми останемся правы: мы не посылали этихъ людей на опасность; мы, наши люди, цѣлы и будутъ цѣлы. Мы считали бы себя слишкомъ слабыми, еслибы могли попадаться. Насъ узнаютъ только тогда, когда мы явимся сами въ рядахъ народа, открыто добывающаго себѣ человѣческія права“.

III.

Затѣмъ комиссія поинтересовалась второй прокламаціей, взятой у Баллода,—„Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти“.

Здѣсь я не считаю нужнымъ познакомить читателя сначала со сложными обстоятельствами, предшествовавшими появленію этой прокламаціи.

Псевдонимъ „Шедо-Ферроти“ принадлежалъ нашему бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, назначенному на эту должность по личному повелѣнію государя, которому онъ былъ рекомендованъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Великаго князя окружали люди вродѣ министра народнаго просвѣщенія Головнина, которые внушали ему, что для умиротворенія всколыхнувшейся Россіи необходимо настоять на проведеніи и другихъ реформъ, могущихъ удовлетворить либеральную часть общества. Предполагалось заручиться такимъ образомъ поддержкой этихъ многочисленныхъ тогда элементовъ и, пользуясь ею, гарантировать страну отъ революціоннаго взрыва, въ которомъ тогда были увѣрены не только радикалы. Въ то время, по мнѣнію многихъ, революція вотъ-вотъ назрѣвала...

Головнинъ считалъ, что для осуществленія его плановъ необходимо прежде всего отвлечь русское общество отъ Герцена, котораго онъ и его присные совершенно не понимали. Считая его за яраго демагога и сторонника всеразрушительной революціи, они боялись его дальнѣйшаго вліянія... Но борьба возможна была исключительно на почвѣ слова, какъ единственнаго оружія самого Герцена... Писатели нашлись, недостатка въ нихъ не было... Катковъ, дѣйствовавшій, правда, по собственной иниціативѣ, но частью въ планахъ Головнина, Скарятинъ, Аскоченскій, Н. Ф. Павловъ и многіе другіе—всего этого было мало. Купили перо разбитного Шедо-Ферроти.

Въ августѣ 1861 года онъ разразился первой брошюрой „Lettre à monsieur Herzen".

Въ ней говорится о Герценѣ вообще, безотносительно къ какому-либо его отдѣльному шагу, дѣлается его общая характеристика и—что особенно важно—оцѣнивается его громадный талантъ, который авторъ съ удовольствіемъ бы видѣлъ приложеннымъ къ черновой русской работѣ. Знающіе Герцена и его сочиненія, конечно, не подпишутся подъ письмомъ Шедо-Ферроти, но оно и не важно со стороны критики его работы. Важно, что Герцену предлагалось помочь правительству. Съ этой стороны, свободное допущеніе письма въ Россію—фактъ очень знаменательный. Правда, французскій его текстъ гарантировалъ не особенно-то широкое распространеніе брошюры, но все же фактъ остается фактомъ.

Остановлюсь на брошюрѣ подробнѣе.

Прежде всего Шедо-Ферроти касается не содержанія, а только формы, въ которую облекаетъ Герценъ свои мысли,—такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ самъ. Авторъ надѣется, что слова его будутъ приняты безъ предубѣжденія, и, можетъ быть, эта строгая критика заставитъ Герцена задуматься и даже умѣрить рѣзкій тонъ своихъ статей! Вѣдь, публицистъ долженъ иногда жертвовать своимъ самолюбіемъ, если того требуютъ принципы, которымъ онъ служитъ.

Шедо-Ферроти съ благодарностью вспоминаетъ строгихъ критиковъ, которые ему самому посовѣтовали умѣрить рѣзкость въ выраженіяхъ; онъ никогда не раскаивался въ этомъ, такъ какъ умѣренный тонъ даетъ ему возможность говорить о такихъ вопросахъ, какъ, напр, о военной службѣ. И эту статью не только читали высшіе военные чины, но, быть

можетъ, они даже проводили въ жизнь нѣкоторыя высказанныя въ ней мысли. Для Герцена же, съ его необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и талантомъ, такое вліяніе будетъ обезпечено. Получая цѣнныя свѣдѣнія изъ провинціи, имѣя цѣнныхъ сотрудниковъ,—сколько можно было бы сказать о причинахъ неурядицъ въ Россіи—но сказать серьезно и безъ озлобленія—и тогда, конечно, всѣ прислушивались бы къ этому *авторитетному* голосу. „И вы могли бы быть увѣрены, что васъ выслушаютъ и оцѣнятъ ваши идеи, разъ эти идеи удовлетворяли бы двумъ условіямъ: 1) они должны быть примѣнимы при существующемъ положеніи вещей, и 2) должны быть изложены въ выраженіяхъ, не задѣвающихъ за живое никого изъ тѣхъ, кто можетъ провести въ жизнь ваши идеи“ (стр. 6).

Рѣзкость же тона Герцена и его личныя нападки мѣшаютъ такому благопріятному ходу вещей. Нападать надо на учрежденія, а не на личности.

Въ Россіи надо измѣнить всѣ законы, оставивъ неприкосновеннымъ лишь монархическій принципъ,—административныя формы не соотвѣтствуютъ болѣе нуждамъ страны,—а для этой цѣли далеко недостаточно перемѣнить только людей. Пусть друзья Герцена говорятъ, что его произведенія будутъ по достоинству оцѣнены только послѣдующими поколѣніями. Если ихъ послушать, можно повторить ошибку средневѣковыхъ монаховъ, которые учили народъ не сѣять, не работать, въ виду близкой кончины міра. Герценъ, вѣдь, тоже предсказываетъ конецъ нынѣшняго соціальнаго строя и наступленіе новой эры. Неужели же на основаніи этого предсказанія надо всѣмъ бросить исполненіе своихъ обязанностей, не указывая притомъ точно наступленія эпохи торжества новыхъ началъ?

Шедо-Ферроти приводитъ примѣръ прежнихъ цивилизацій. Весь соціальный строй нѣкогда могущественныхъ государствъ—Ниневіи, Египта и т. п.—основывался на тѣхъ же двухъ принципахъ, которые положены въ основаніе и теперешнихъ обществъ — частной собственности и семейномъ началѣ. Прошли вѣка, Ниневія и Вавилонъ погибли и занесены пескомъ, а эти два принципа все такъ же сильны. Онъ не берется рѣшить, какія соціальныя отношенія создадутся въ то время, когда на мѣстѣ Лондона и Парижа будутъ бродить стада овецъ. Вѣдь, не могли же люди временъ Семостриса предвидѣть тѣхъ формъ, въ какія вылились обще-

ственныя отношенія въ наше время. Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ счастливѣе его: „Если вы не опредѣляете точно формъ, то во всякомъ случаѣ вы провозглашаете основной принципъ будущаго—соціализмъ". Авторъ не смѣетъ спорить съ Герценомъ — пусть соціализмъ восторжествуетъ въ концѣ-концовъ, хоть и трудно сказать, будетъ ли это благомъ для человѣчества... Возвращаясь къ предыдущему, онъ говоритъ такъ, если прошло столько вѣковъ и два принципа — собственности и семейнаго начала — все такъ же, какъ и раньше, служатъ основой государственнаго строя во всѣхъ странахъ, то трудно предположить, чтобъ они сразу были отброшены. 50 вѣковъ для этого было мало! А вѣдь пока человѣчество не освободилось изъ-подъ власти этихъ двухъ идей, трудно говорить о проведеніи въ жизнь соціализма.

Конечно, легче поручать воспитаніе дѣтей обществу, спокойнѣе не чувствовать, что надо работать для блага дѣтей, заманчиво думать неимущимъ, что собственность будетъ распредѣлена между всѣми трудящимися. Но скоро ли это будетъ? Шедо-Ферроти сомнѣвается.

Пусть до водворенія соціалистическаго строя пройдетъ еще 5.000 лѣтъ, онъ считаетъ, что это очень скромная цифра, вѣдь, прогрессъ движется весьма медленными шагами. Допустимъ даже, что теперь развитіе общества пойдетъ усиленнымъ темпомъ, пусть торжество соціализма наступитъ черезъ 1.000 лѣтъ... Но, вѣдь, до тѣхъ поръ будутъ существовать правительства, болѣе или менѣе сходныя съ нынѣшними. Автору кажется, что именно необходимо убѣдить правительство въ преимуществѣ новыхъ идей, и для этого нужно, чтобъ идеи эти были примѣнимы къ жизни и осуществимы въ данное время и въ данной странѣ.

Вѣдь, и для народа мало привлекательны, хотя бы и блестящія, перспективы, которыя могутъ осуществиться лишь черезъ 1.000 лѣтъ.

Въ виду этого, неужели же не заслуживаютъ вниманія тѣ поколѣнія, которыя будутъ жить до введенія новаго строя? Неужели больше стоитъ трудиться для 2861 г., чѣмъ для людей 1861 г.? Честь и слава человѣку, который поднялся высоко надъ дѣйствительностью и заглянулъ въ будущее. Но зачѣмъ же такъ неумѣренно строго относиться къ настоящему и такъ рѣзко о немъ отзываться?

Массы не поймутъ его. По мнѣнію автора, трудъ Герцена будетъ гораздо продуктивнѣе, если онъ обратится *къ людямъ просвѣщеннымъ и, наконецъ, къ правительству*; вѣдь нельзя отрицать, что въ настоящее время оно преисполнено благихъ намѣреній. Шедо-Ферроти увѣренъ, что Герценъ могъ бы быть очень полезенъ Россіи,—надо только оставить рѣзкій тонъ, иногда доходящій даже почти до бранныхъ выраженій, и говорить о недостаткахъ существующаго строя серьезно, пользуясь всѣмъ своимъ обширнымъ матеріаломъ. Неужели это былъ бы безполезный трудъ? Вѣдь, правительство въ Россіи теперь не то, что было во времена молодости Герцена; нужно только, конечно, помнить, что дѣло идетъ объ обыкновенныхъ людяхъ, а не о гигантахъ, которыхъ Герценъ рисуетъ въ будущемъ.

Но, могутъ сказать, разъ Герценъ соціалистъ-республиканецъ, то будетъ измѣной убѣжденіямъ, если онъ вступитъ въ какія бы то ни было отношенія съ монархическимъ правительствомъ. Авторъ старается стать на точку зрѣнія Герцена и разсуждаетъ такъ: пока не существуетъ въ Россіи соціалистическаго строя, желательно, вѣдь, чтобъ законы и порядки были возможно лучшіе. Не полезнѣе ли было бы для русскихъ, еслибъ Герценъ, вмѣсто разработки кодексовъ будущаго государства, занялся изслѣдованіемъ и обработкой законовъ для нынѣшняго правительства, существованіе котораго, вѣдь, все-таки, нельзя отрицать? Предположимъ даже, что всѣ его идеи окажутся въ данное время слишкомъ передовыми, что ихъ сейчасъ не примутъ во вниманіе, но, вѣдь, онѣ укажутъ будущимъ изслѣдователямъ путь, по которому нужно идти. А теперь, вѣдь, никто въ Россіи не смотритъ на „Колоколъ“ и на отдѣльныя статьи Герцена, какъ на серьезныя сочиненія.

Серьезные ученые и люди, интересующіеся благомъ родины, ихъ болѣе не читаютъ. Учащаяся молодежь читала „Колоколъ“, пока это было запрещенной вещью. Теперь, когда въ Россіи вообще стало свободнѣе жить, сочиненія Герцена потеряли прелесть тайны, и ихъ стали читать не такъ охотно. Остаются еще читатели — чиновники. Они съ большимъ интересомъ ищутъ сообщенія о какомъ-либо скандалѣ въ чиновничьей сферѣ. Никто не интересуется больше взглядами Герцена на общество и политическій строй. „Васъ больше не читаютъ“, говоритъ Шедо-Ферроти. Ищутъ остраго словечка, восхищаются смѣлостью человѣка, бранящаго тѣхъ, передъ

кѣмъ всѣ пресмыкаются. Но, вѣдь, такіе читатели не посмѣютъ провести въ жизнь ни одной изъ идей Герцена. „Одни признаютъ эти идеи безплодными; другіе отстраняются отъ нихъ, вслѣдствіе грубой формы, въ которой онѣ выражены; третьи считаютъ ихъ неосуществимыми мечтаньями; на остальныхъ читателей вы не можете разсчитывать, какъ на борцовъ". А между тѣмъ, какъ цѣнны были бы статьи Герцена, еслибъ онъ захотѣлъ примѣнить свои силы къ выясненію дѣйствительныхъ нуждъ родины!

Подписывается авторъ псевдонимомъ и объясняетъ, что онъ выставляетъ его на всѣхъ своихъ брошюрахъ, что позволяетъ ему свободно говорить многое, не стѣсняясь родственными и другими связями и знакомствами.

Такова въ краткихъ чертахъ первая брошюра...

Скоро, въ декабрѣ того же 1861 года, появилась и вторая— „Lettre de m-r Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique et quelqus observations de D. K. Schédo-Ferroti" („Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями"), напечатанная по поводу классическаго письма Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ, бар. Брунову — „Бруты и Кассіи III Отдѣленія", помѣщеннаго въ „Колоколѣ" [1]), и, кромѣ того, разосланнаго на французскомъ языкѣ въ массѣ экземпляровъ.

Сначала Шедо-Ферроти написалъ небольшое письмо, полное „обличеній" Герцена въ хвастовствѣ и нескромности, и послалъ его въ „Колоколъ". Искандеръ отвѣчалъ тамъ, что не имѣетъ никакого желанія печатать присланное, и тутъ же подсказалъ, что письмо лучше выпустить отдѣльно. Тогда Шедо-Ферроти, присоединивъ къ первоначальному тексту очень длинное возраженіе на отказъ Герцена и самое письмо послѣдняго Брунову, издалъ все это брошюрой одновременно на двухъ языкахъ (французскомъ и русскомъ), что, несомнѣнно, дѣлало ее уже болѣе распространенной.

Я не могу познакомить читателей со всей брошюрой, а потому отмѣчу лишь, что среди массы неблагопріятныхъ отзывовъ и заключеній о себѣ и „Колоколѣ" Герценъ встрѣтилъ тамъ вещи, не позволяющія ставить Шедо-Ферроти за одну скобку съ Катковымъ.

Въ ней нѣтъ уже прежняго сплошного признанія важности

[1]) 1861 г., № 109, 15 октября.

и талантливости Герцена, зато есть много полемическихъ красотъ и отзвуковъ личной обиды.

И все-таки, снова указывалось на умъ Герцена, на его важное значеніе, на его глубокія убѣжденія, искренность и безстрашіе, которыхъ нельзя не уважать, на его прекрасныя прирожденныя качества, на его большой талантъ; говорилось, что „Колоколъ"—„журналъ не маловажный", что ревностнѣйшіе его читатели „чиновники наши" и т. п. Конечно, все это тонуло въ общей массѣ брошюры, но, во всякомъ случаѣ, было напечатано чернымъ по бѣлому, такъ же, какъ и самое письмо Герцена бар. Брунову, какъ и возраженія Шедо-Ферроти на обвиненіе его Герценомъ въ преднамѣренной защитѣ правительства и въ консерватизмѣ. „По естественной склонности, намъ — писалъ авторъ брошюры — пріятнѣе хвалить ближняго, нежели бранить его, а потому мы бы чрезвычайно рады были, еслибы всегда могли дѣлаться защитникомъ правительства, но, къ сожалѣнію, это не всегда возможно. Когда мы видимъ, что правила, которыми руководствуется правительство, дѣлаются причиною развращенія служащаго класса; что непомѣрная централизація останавливаетъ ходъ администраціи и парализируетъ дѣйствіе правосудія — тогда мы не только не защищаемъ правительства, но сами становимся въ ряды обвинителей, стараясь обратить вниманіе публики какъ на самыя ошибки, такъ и на средства къ исправленію. Когда общественное мнѣніе возстаетъ противъ господствующаго еще у насъ предразсудка, что генеральскіе или адмиральскіе эполеты—вѣрнѣйшій признакъ административныхъ способностей; противъ отсутствія общей системы въ образѣ управленія, противъ самоволія цензуры, противъ гоненія раскольниковъ и т. п.,—тогда мы также не можемъ явиться заступниками правительства" [1].

Казалось бы, все это не могло расположить Головнина и Валуева къ пропуску брошюръ Шедо-Ферроти въ Россію для свободной у насъ продажи. Но они, конечно, понимали, что тамъ были вещи и совсѣмъ другого порядка...

Въ теченіе 1862 г. вторая брошюра была издана русскимъ правительствомъ въ четырехъ изданіяхъ. Очевидно, этимъ самымъ изъ „письма" какъ бы вычеркивалась слѣдующая фраза Шедо-

[1] Стр. 30—31.

Ферроти: „Одно упоминаніе фамиліи „Герценъ“ достаточно для того, чтобы цензура вычеркнула цѣлую статью, даже написанную не въ тонѣ и не въ духѣ г-на Герцена“. И, дѣйствительно, лишь только брошюры перешли русскую границу—а это было, кажется, въ мартѣ 1862 г.—какъ тяготѣвшее четырнадцать лѣтъ молчаніе надъ именемъ Искандера-Герцена было прервано...

Въ „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника“, постоянный ея сотрудникъ Пановскій, между прочимъ писалъ:

„Что же такое читаетъ теперь Москва? Еще не такъ давно, я отвѣчалъ бы: Не спрашивайте такъ громко... Москва читаетъ теперь то, что читаютъ украдкой,—это не для всѣхъ... Но это недавнее время прошло, и теперь я отвѣчу во всеуслышаніе: Москва читаетъ письмо г. Герцена, извѣстнаго русскаго „réfugié“, къ русскому посланнику въ Лондонѣ и комментаріи на это письмо г. Шедо-Ферроти. Эта книжка распускается въ Москвѣ тысячами экземпляровъ въ недѣлю.

„Брошюрка „Ферроти“, какъ ее называютъ въ Москвѣ, представляетъ литературную расправу по личному вопросу, который не могъ бы возбудить такого всеобщаго любопытства, даже въ нашей публикѣ, такъ падкой до всякихъ скандаловъ, еслибы не особенныя обстоятельства. Но независимо отъ своего содержанія, книжка эта имѣетъ большой современный интересъ: она служитъ свидѣтельствомъ, что наше правительство убѣждается въ пользѣ широкой гласности, и общество видитъ въ этомъ явленіи задатокъ такъ жадно ожидаемой свободы печатнаго слова.

„Какъ не порадоваться такому утѣшительному явленію, какъ не прочесть эту книжку! Мы такъ усердно заботимся о правахъ литературной собственности, а сказать правду, правду всѣмъ извѣстную, у насъ въ литературѣ нѣтъ еще *собственности мысли*. Книга или статья, подписанная тѣмъ или другимъ именемъ, можетъ ли у насъ быть признана вѣрнымъ представителемъ убѣжденій автора, его мнѣній, его искреннихъ вѣрованій? Стоитъ ли у насъ страховать закономъ право литературной собственности? Стоитъ ли передавать потомству мысли сочинителя, когда въ этомъ трудѣ онъ, какъ новый Гамлетъ, говоритъ загадками, намеками и когда безпрестанныя недомолвки затемняютъ и часто даже искажаютъ настоящій смыслъ его рѣчи. Прежде, чѣмъ хлопотать о томъ, что станется съ нашею воплощенною мыслью послѣ нашей кончины, не лучше ли позаботиться,

пока мы живы, о свободѣ этой мысли въ печатномъ словѣ, о томъ, чтобы различныя убѣжденія могли войти въ состязаніе и чтобы въ этомъ конкурсѣ правда могла быть увѣнчана на судѣ общественнаго мнѣнія.

„Брошюра Ферроти—у насъ небывалое явленіе; мы не видимъ у ней, на оборотѣ первой странички (не даромъ называемой въ типографскомъ argot: Schmuz-Titel), обычной надписи, встрѣчаемой во всѣхъ читаемыхъ нами русскихъ книгахъ; не обозначено даже, сколько экземпляровъ этого сочиненія слѣдуетъ доставить въ публичную библіотеку... Все это для насъ новость, а Москва до новостей охотница. Вотъ почему она такъ раскупаетъ, читаетъ брошюру г. Скедо-Ферроти, толкуетъ о ней и споритъ“ [1]).

Такимъ путемъ надѣялись ослабить вліяніе геніальнаго Искандера!.. Какъ только въ мартѣ 1862 г. брошюры Шедо-Ферроти появились въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, часть русскаго общества поддалась на удочку... А когда реакціонное начало стало крѣпнуть, то апологетъ III Отдѣленія имѣлъ уже довольно замѣтный успѣхъ... Разумѣется, лучшіе люди не могли не презирать такую гнусную борьбу, и первымъ противъ нея публично высказался студентъ Павелъ Мошкаловъ, написавшій прокламацію:

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ [2]).

„Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На-дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро, и на людей,

[1]) „Современ. Лѣтопись“ 1862 г., № 16. Курсивъ подлинника.

[2]) Отъ заглавія была сдѣлана слѣдующая выноска: „Интересно бы знать, во сколько обходится это покровительство?!“

мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

„Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно—убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль! — она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроти, ему не вполнѣ удалось замаскировать и предать посмѣянію подобную мысль.

„Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не преминетъ дать пощечину въ своемъ „Колоколѣ“ какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству.

„Печатано въ Петербургѣ, въ карманной типографіи“.

Баллодъ сознался, что напечаталъ эту прокламацію, давъ ей заглавіе и снабдивъ ее примѣчаніемъ, сначала, въ мартѣ, въ 125—150 экземплярахъ, а затѣмъ, по выходѣ второго изданія брошюры, уже послѣ Пасхи, въ 300—400 экз. Наборъ сдѣлалъ самъ Мошкаловъ, учившій этому искусству Баллода; онъ же и распространилъ большую часть экземпляровъ, оставивъ немного на долю Баллода.

IV.

На вопросъ комиссіи, кто авторъ взятой у него рукописной статьи, направленной тоже противъ брошюры Шедо-Ферроти, Баллодъ отвѣтилъ:

„Я не хотѣлъ сказать фамиліи писавшаго статью противъ Шедо-Ферроти, потому что знаю автора этой статьи очень хорошо, какъ не-революціонера, но котораго будутъ, какъ я думалъ, судить, какъ революціонера, за высказанное имъ въ концѣ статьи мнѣніе въ пользу революціи. Причины, по кото-

рымъ онъ впалъ въ крайность, два несчастія, постигшія его одно за другимъ. Коренева, которую онъ сильно любилъ и которую давно считалъ своей невѣстой, вышла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ замужъ за другого. Второе несчастіе—закрытіе журнала „Русское Слово“, отъ котораго онъ только и получалъ средства къ жизни. Содержаніе статьи противъ Шедо-Ферроти я мало помню и потому не могу сказать, какихъ исправленій она требуетъ. Писалъ эту статью Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, кандидатъ петербургскаго университета. Однажды пришелъ ко мнѣ Писаревъ. Это было въ половинѣ мая. Мы говорили о брошюрѣ Шедо-Ферроти. Писаревъ сказалъ мнѣ, что онъ писалъ противъ него, но что цензура не пропустила; я просилъ у Писарева эту статью, но онъ сказалъ, что не стоитъ ее читать; я сказалъ: „такъ ты напиши такую, чтобъ стоило прочитать“.—„Зачѣмъ тебѣ?“—спросилъ Писаревъ. Я сказалъ, что, можетъ быть, мнѣ удастся устроить напечатаніе этой статьи. „Изволь“, сказалъ Писаревъ. Въ началѣ іюня я зашелъ къ Писареву, и онъ далъ мнѣ 1½ листа этой статьи. За день до моего ареста Писаревъ принесъ мнѣ вторую половину этой статьи.

Статья Писарева, приложенная къ дѣлу въ подлинномъ автографѣ автора, до сихъ поръ была никому неизвѣстна и потому приводится ниже съ полной точностью.

„Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себѣ вовсе не заслуживаетъ вниманія, но изъ-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживаетъ въ немъ и патріотическій жаръ, и литературный талантъ. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, какъ маневръ нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умнѣе самого Шедо-Ферроти, но что дѣлать, мы покуда отъ нихъ зависимъ, мы съ ними боремся, стало быть, надо же взглянуть въ глаза нашимъ естественнымъ притѣснителямъ и врагамъ.

„Обскурантовъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣтъ того квартальнаго надзирателя, нѣтъ того цензора, нѣтъ того академика, нѣтъ даже того великаго князя, который не считалъ бы себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ мирнаго прогресса. Считая себя либераломъ, какъ-то неловко сажать людей подъ арестъ или высылать ихъ въ дальнія губерніи за печатно выраженное мнѣніе или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоитъ изъ

либераловъ, начинаетъ это чувствовать . . . . . [1]) совѣстно ссылать Михайлова и Павлова [2]); сослать-то онъ ихъ сослалъ, но, Боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Студенту Лебедеву проломили голову, но правительству тутъ же сдѣлалось такъ прискорбно, что оно напечатало въ газетахъ объясненіе: такъ и такъ, дескать, это случилось по нечаянности, ножнами жандармской сабли [3]). Словомъ, наше либеральное правительство уважаетъ общественное мнѣніе и для своихъ мирно-прогрессивныхъ цѣлей пускаетъ въ ходъ благородныя средства, какъ-то печатную гласность. Валуевъ и Никитенко сооружаютъ газету съ либеральнымъ направленіемъ [4]), а при этомъ и продолжаютъ, все-таки, преслѣдовать честную журналистику доносами и цензурными тисками [5]). Публицистъ III Отдѣленія, баронъ Фиркъ, Шедо-Ферроти тожъ, по порученію русскаго правительства, пишетъ и печатаетъ въ Берлинѣ брошюры безъ цензуры; великодушное правительство смотритъ сквозь пальцы на ввозъ этого заказаннаго, но официально запрещеннаго товара; его продаютъ открыто въ книжныхъ лавкахъ; не давая своего официальнаго разрѣшенія, правительство упрочиваетъ за книжкою заманчивость запретнаго плода; допуская и поощряя изъ-подъ руки продажу книжки, правительство обнаруживаетъ свое великодушіе. О, какъ все это тонко, остроумно и политично. А между тѣмъ журналамъ не позволялось разбирать книжонку; Шедо-Ферроти, какъ въ прошлую осень Борисъ Чичеринъ, объявляются личностями священными и неприкосновенными [6]). Горбатаго одна могила исправитъ; наши умѣренные либералы ни при какихъ условіяхъ не сумѣютъ быть честными людьми;

[1]) Точки поставлены вмѣсто словъ, неудобныхъ по соображеніямъ цензурнымъ.

[2]) Проф. П. В. Павловъ высланъ въ Вятлугу въ мартѣ 1862 г. за публичную рѣчь о тысячелѣтіемъ юбилеѣ Россіи. Дѣло это тогда очень нашумѣло.

[3]) Во время студенческой демонстраціи осенью 1861 г. въ Петербургѣ.

[4]) Валуевъ съ 1 января 1862 г. открылъ газету министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверную Почту", редакторомъ которой первое время былъ А. В. Никитенко, а потомъ И. А. Гончаровъ.

[5]) Намекъ на старанія Никитенки въ главномъ управленіи цензуры и на неистовства Валуева.

[6]) 1 января 1862 г. министромъ народнаго просвѣщенія, Головинымъ, было предписано по цензурѣ не допускать никакихъ рѣзкостей и оскорбленій по адресу публициста „Нашего Времени" Б. Н. Чичерина.

наше правительство никогда не отучится отъ николаевскихъ замашекъ. У него есть особенный талантъ оподлять всякую идею, какъ бы ни была эта идея благородна и сама по себѣ чиста.

„Напримѣръ, всѣ порядочные люди имѣютъ привычку на печатное обвиненіе отвѣчать также печатно и защищаться, такимъ образомъ, тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ противникъ. Наше правительство захотѣло доказать, что оно тоже порядочный человѣкъ. Находя, что Герценъ несправедливо обвинилъ его, наше правительство высылаетъ своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведеніе Шедо-Ферроти впущено въ Россію, а сочиненія Герцена остаются запрещенными. Публика видитъ, что Герцена отдѣлываютъ, а того она не видитъ, за что его отдѣлываютъ. Конечно, и „Полярная Звѣзда“, и „Колоколъ“, и „Голоса изъ Россіи“, и грозное „Подъ Судъ“ извѣстны нашей публикѣ, но вѣдь всѣ эти вещи провозятся и читаются вопреки волѣ правительства; стало быть, если оцѣнивать только намѣренія правительства, то надо будетъ убѣдиться въ томъ, что оно хочетъ чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять въ свою очередь. Чернить человѣка, котораго сочиненія строжайше запрещены! Подло, глупо и безполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герценѣ, правительство, очевидно, хочетъ продиктовать обществу мнѣнія на будущее время. Это видно по тому, что мнѣнія, противоположныя мысленкамъ Шедо-Ферроти, не допускаются въ печати. Правительство сражается двумя оружіями: печатною пропагандою и грубымъ насиліемъ, а у общества отнимается и то единственное средство, которымъ оно могло и хотѣло бы воспользоваться... Обществу остается или либеральничать съ разрѣшенія цензуры, или идти путемъ тайной пропаганды, тѣмъ путемъ, который повелъ на каторгу Михайлова и Обручева [1]). Хорошо, мы и на это согласны; это все отзовется въ день суда, того суда, который, вѣроятно, случится гораздо пораньше втораго пришествія Христова.

„Изъ чтенія брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отрадное впечатлѣніе. Насъ порадовало то, что при всей своей щедрости правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Пріятно видѣть, что правитель-

[1]) В. А. Обручевъ, сотрудникъ „Современника“, въ 1861 году былъ сосланъ за составленіе и распространеніе „Великорусса“.

ство не умѣетъ выбирать себѣ умныхъ палачей, сыщиковъ, доносчиковъ и клеветниковъ: еще пріятнѣе думать, что правительству не изъ чего выбирать, потому что въ рядахъ его приверженцевъ остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что неспособно по человѣчески мыслить и чувствовать.

„Брошюра Шедо-Ферроти имѣетъ двѣ цѣли: 1) доказать, что петербургское правительство не имѣетъ ни надобности, ни желанія убить Герцена, 2) осмѣять и обругать при семъ удобномъ случаѣ Герцена, какъ пустого самохвала и какъ загордившагося выскочку.

„Чтобы доказать первое положеніе, Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ вовсе не опасенъ для русскаго правительства и что, слѣдовательно, даже III Отдѣленіе не рѣшится убить его. Процессъ доказательствъ идетъ такъ: убиваютъ только такихъ людей, отъ смерти которыхъ можетъ перемѣниться весь существующій порядокъ вещей въ одномъ или въ нѣсколькихъ государствахъ; если Герценъ, получая подметныя письма о намѣреніяхъ русскаго правительства, вѣритъ этимъ письмамъ, тогда онъ считаетъ себя особою европейской важности и, слѣдовательно, обнаруживаетъ глупое тщеславіе; если же онъ, не вѣря этимъ письмамъ, поднимаетъ гвалтъ, тогда онъ пустой и вздорный крикунъ. Весь этотъ процессъ доказательствъ разсыпается, какъ карточный домикъ. Во-первыхъ, правительства ежегодно убиваютъ нѣсколько такихъ людей, которые могли бы оставаться въ живыхъ, вовсе не нарушая существующаго порядка. Дезертиръ, котораго запарываютъ шпицрутенами, вовсе не особа европейской важности. Бакунинъ, котораго захватили обманомъ, Михайловъ, Обручевъ, поручикъ Александровъ [1]) вовсе не особы европейской важности, а между тѣмъ правительство заживо хоронитъ ихъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ. Правительство вовсе не такъ дорожитъ жизнью отдѣльнаго человѣка, чтобъ казнить и

[1]) Ошибка — капитанъ варшавской телеграфной станціи Александровъ. Онъ сосланъ въ вѣчную каторгу за то, что, получивъ изъ Петербурга телеграмму отъ Александра II на имя Намѣстника Царства Польскаго, Лидерса, предписывавшую „разгонять толпу холоднымъ оружіемъ, а если нужно, то употребить картечь", и не желая подвергать разстрѣлу поляковъ, собиравшихся служить помники по убитымъ въ 1861 г. на улицахъ Варшавы, Александровъ передалъ Лидерсу телеграмму иначе „дѣйствовать увѣщаніемъ". Кровопролитіе было устранено, мистификація обнаружена и честный офицеръ погибъ.

миловать со строгимъ разборомъ. Вѣдь, турецкій султанъ и персидскій шахъ вѣшаютъ зря, какъ вздумается, а, кажется, въ наше время только учебники географіи проводятъ различіе между деспотическимъ правленіемъ и правленіемъ монархическимъ, неограниченнымъ. На основаніи какого закона повѣшено пять декабристовъ? А если правительство казнитъ по своему произволу, то отчего же оно не можетъ, по тому же произволу, подослать убійцу? Гдѣ разница между казнью безъ суда и убійствомъ изъ-за угла? Въ наше время каждый неограниченный монархъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ держаться только непрерывнымъ рядомъ . . . . Чтобы подданные его не знали о своихъ естественныхъ человѣческихъ правахъ, надо держать ихъ въ невѣжествѣ—вотъ вамъ преступленіе противъ человѣческой мысли; чтобы случайно просвѣтившіеся подданные не нарушили субординаціи, надо дѣйствовать насиліемъ—вотъ еще преступленіе; чтобъ имѣть въ рукахъ орудіе власти—войско, надо систематически уродовать и забивать нѣсколько тысячъ молодыхъ, сильныхъ, способныхъ людей—опять преступленіе. Идя по этой дорогѣ преступленій, нельзя отступать отъ убійства. Посмотрите на Александра II; въ его личномъ характерѣ нѣтъ ни подлости, ни злости, а сколько . . . . . лежитъ уже на его совѣсти. Кровь поляковъ, кровь мученика Антона Петрова [1]), загубленная жизнь Михайлова, Обручева и другихъ, нелѣпое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, исторіи со студентами—на что ни погляди, вездѣ или грубое преступленіе или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко дѣлаются злодѣями. . . . . на которое никогда не рѣшился бы Александръ II, какъ частный человѣкъ, будетъ непремѣнно совершено имъ, какъ самодержцемъ всея Россіи. Тутъ мѣсто портитъ человѣка, а не человѣкъ мѣсто. Если бы наше правительство потихоньку отправило Герцена на тотъ свѣтъ, то, вѣроятно, въ этомъ не нашли бы ничего удивительнаго тѣ люди, которые знаютъ, что дѣлалось въ Варшавѣ и Казанской губерніи. Но допустимъ даже, что наше правительство не намѣревалось убить Герцена; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы III Отдѣленіе не могло написать къ нему нѣсколько писемъ, наполненныхъ глупыми угрозами и площадною бранью;

[1]) Антонъ Петровъ организовалъ крестьянскія волненія въ с. Бездна Казанской губерніи.

судя по себѣ, Бруты и Кассіи нашей тайной полиціи могли надѣяться, что Герцена можно запугать; чтобы разомъ покончить всѣ эти нелѣпыя продѣлки, Герценъ написалъ и напечаталъ письмо къ представителю русскаго правительства. Этимъ письмомъ онъ заявилъ публично, что еслибы за угрозами послѣдовали дѣйствія, то вся тяжесть подозрѣнія упала бы на Александра II. Агенты, подсылавшіе къ Герцену письма, должны были увидѣть, что Герценъ ихъ угрозъ не боится. Слѣдовательно, имъ осталось или дѣйствовать, или замолчать. Дѣйствовать они не рѣшились—духу не хватило; замолчать тоже не хотѣлось; вѣдь, они думаютъ, что правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово; вотъ они и выдумали пустить противъ Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо-Ферроти и сочинителями подметныхъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію; не даромъ же Шедо-Ферроти на двухъ языкахъ отстаиваетъ передъ Россіею и передъ Европою нравственную чистоту III Отдѣленія. Свой своему поневолѣ другъ.

Шедо-Ферроти плохо защитилъ правительство; онъ ничѣмъ не доказалъ, что оно не могло имѣть намѣренія извести Герцена или, по крайней мѣрѣ, запугать его угрозами. Усилія его оклеветать и оплевать Герцена еще болѣе неудачны. Шедо-Ферроти, этотъ умственный пигмей, этотъ продажный памфлетистъ, силится доказать, что Герценъ самъ деспотъ, что онъ равняетъ себя съ коронованными особами, что онъ только изъ личнаго властолюбія враждуетъ съ теперешнимъ русскимъ правительствомъ. Доказательства очень забавны. Герценъ деспотъ потому, что не согласился напечатать въ „Колоколѣ“ отвѣтъ Шедо-Ферроти на письмо Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. Да какой же порядочный редакторъ журнала пуститъ къ себѣ Шедо-Ферроти съ его остроуміемъ, съ его казеннымъ либерализмомъ и съ его пристрастіемъ къ III Отдѣленію. Герценъ не думаетъ запрещать писать кому бы то ни было, но и не думаетъ также открывать въ „Колоколѣ“ богадѣльню для нравственныхъ уродовъ и умственныхъ паралитиковъ, подобныхъ Шедо-Ферроти. Панегиристъ III Отдѣленія требуетъ, чтобы его статьямъ было отведено мѣсто въ „Колоколѣ“; въ случаѣ отказа онъ грозитъ Герцену, что будетъ издавать свои произведенія отдѣльно съ надписью: „запрещено цензурою „Колокола“. Вотъ испугалъ-то! Да всѣ статьи Булгарина, Аскоченскаго, Рафаила Зотова, Скарятина, Модеста

Корфа [1]) и многихъ другихъ достойныхъ представителей русской вицмундирной мысли запрещены цензурою здраваго смысла. Приступая къ изданію своего журнала, Герценъ вовсе не хотѣлъ сдѣлать изъ него клоаку всякихъ нечистотъ и нелѣпостей. Эпиграфомъ къ „Полярной Звѣздѣ“ онъ взялъ стихъ Пушкина: „Да здравствуетъ разумъ“. Этотъ эпиграфъ прямо и рѣшительно отвергаетъ всякое ханжество, всякое раболѣпство мысли, всякое преклоненіе передъ грубымъ насиліемъ и передъ нелѣпымъ фактомъ. „Да здравствуетъ разумъ“ и да падутъ во имя разума дряхлый деспотизмъ, дряхлая религія, дряхлыя стропила современной официальной нравственности! Всякія попытки мирить разумъ съ нелѣпостью, всякое требованіе уступокъ со стороны нравственности противорѣчитъ основной идеѣ дѣятельности Герцена. Еслибы даже Шедо-Ферроти былъ просто честный простачокъ, вѣрующій въ возможность помирить стремленія къ лучшему съ существованіемъ нашего средневѣковаго правительства, то и тогда Герценъ, какъ человѣкъ, искренно и честно служащій своей идеѣ, не могъ бы помѣстить въ „Колоколѣ“ его старушечью болтовню. Но теперь, когда всѣ знаютъ, что онъ наемный агентъ III Отдѣленія, теперь его претензіи печатать свои литературные доносы въ „Колоколѣ“ кажутся намъ въ то же время смѣшными и возмутительными по своей безпримѣрной наглости.

„Шедо-Ферроти упрекаетъ Герцена въ томъ, что тотъ будто бы сравниваетъ себя съ коронованными особами. Въ этомъ упрекѣ выражается какъ нравственная низость, такъ и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разница между простымъ человѣкомъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Но посмотримъ, на чемъ же Шедо-Ферроти основываетъ свое обвиненіе? „Вы убѣждены, — пишетъ онъ Герцену, — что вы не только либералъ, но и соціалистъ-республиканецъ, врагъ

[1]) Баронъ М. А. Корфъ, авторъ книги о Сперанскомъ, „Записокъ“, директоръ Публичной Библіотеки и т. д.

монархическому началу, а поминутно у васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами. Въ письмѣ къ барону Бруннову, сказавъ, что вы не допускаете мысли, чтобы императоръ Александръ вооружилъ противъ васъ спадасиновъ, вы присовокупляете: „я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ“. Въ томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разосланныхъ за моря и горы den Dolch im Gewande, и цитируя стихи Шиллера, вы опять сравниваете себя съ царствующимъ лицомъ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Наконецъ, самое оглавленіе (заглавіе) статей „Колокола“, извѣщающихъ всю Европу о грозящей вамъ опасности: „Бруты и Кассіи III Отдѣленія“ — содержитъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. Брутъ и Кассій были убійцами Юлія Кесаря“.

„Шедо-Ферроти, какъ умственный пигмей и какъ сыщикъ III Отдѣленія, вполнѣ выражается въ этой тирадѣ. Онъ не можетъ, не умѣетъ опровергать Герцена въ его идеяхъ; поэтому онъ придирается къ случайнымъ выраженіямъ и выводитъ изъ нихъ невѣроятныя по своей нелѣпости заключенія; эта придирчивость къ словамъ составляетъ постоянное свойство мелкихъ умовъ; кромѣ того, она замѣчается особенно часто въ полицейскихъ чиновникахъ, допрашивающихъ подозрительныя личности и желающихъ изъ усердія къ начальству сбить допрашиваемую особу съ толку и запутать ее въ мелкихъ недоговоркахъ и противорѣчіяхъ. Вступая въ полемику съ Герценомъ, Шедо-Ферроти не могъ и не умѣлъ отстать отъ своихъ полицейскихъ замашекъ. Адвокатъ III Отдѣленія остался вѣренъ какъ интересамъ, такъ и преданіямъ своего кліента.

„Вся остальная часть брошюры состоитъ изъ голословныхъ сравненій между Шедо-Ферроти и Герценомъ. Шедо-Ферроти считаетъ себя истиннымъ либераломъ, разумнымъ прогрессистомъ, а Герцена признаетъ вреднымъ демагогомъ, сбивающимъ съ толку русское юношество и желающимъ возбудить въ Россіи возстаніе для того, чтобы возвратиться самому въ Россію и сдѣлаться диктаторомъ. Шедо-Ферроти, какъ адвокатъ III Отдѣленія, старается увѣрить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намѣреніями, и что отъ него должны исходить для великой, малой и бѣлой Россіи всевозможныя блага, матеріальныя и духовныя, вещественныя и невещественныя. Шедо-Ферроти, конечно, не пред-

видитъ возможности переворота или, по крайней мѣрѣ, старается увѣрить всѣхъ, что, 1-хъ, такой переворотъ невозможенъ и что, 2-хъ, онъ во всякомъ случаѣ повергнетъ Россію въ бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всѣмъ порядочнымъ людямъ отвращеніе и презрѣніе къ его личности и дѣятельности. Низверженіе . . . . . и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла.

„Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы дольше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать.

„ . . . . . и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

„То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчекъ и забросать грязью ихъ смердящіе трупы“.

Вотъ та статья, которая повлекла за собой Писарева въ казематъ Алексѣевскаго равелина [1]).

[1]) Только Е. А. Соловьевъ упоминаетъ вполнѣ вѣрно о причинѣ его ареста (смотр. павленковское изданіе его біографіи Писарева, изд. 3-е).

V.

Но это было еще не все, найденное у Баллода.

Не прошелъ незамѣченнымъ и небольшой листокъ слѣдующаго содержанія [1]):

ОФИЦЕРЫ!

„Настало время каждому честному офицеру спросить у своей совѣсти, чего ему держаться въ виду совершающихся событій.

„Жизнь Россіи невозможна безъ коренныхъ реформъ. Правительство само это сознало; оно даже приступило къ нимъ и—струсило. Эгоистическое, нелюбящее Россіи, оно втягиваетъ государство съ пути реформъ въ путь революціонный. . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Реформа, сопровождающаяся заточеніями, ссылками, каторгой и обагряемая кровью, есть уже настоящая революція. Правительство первое стало прибѣгать къ оружію, оно само начало революцію и разовьетъ ее дальнѣйшими своими дѣйствіями. Отечеству нашему предстоитъ пора великихъ бѣдствій. Столкновеніе между правительствомъ, упорствующимъ остановить жизнь Россіи, и силою этой жизни—неизбѣжно. Изъ какихъ элементовъ составятся противныя стороны? Положительно можно сказать, что партіи сложатся не по сословіямъ, а по убѣжденіямъ. Въ этомъ столкновеніи сословія перемѣшаются. И потому ваши задачи—не искать, къ какому пристать сословію, а къ какимъ пристать убѣжденіямъ. И обдумать это, провѣрить свои и чужія убѣжденія надобно теперь же. Въ минуту столкновенія разсуждать будетъ поздно: можно надѣлать горькихъ ошибокъ, въ которыхъ вѣчно придется раскаиваться.

[1]) Привожу точно съ оригинала.

„На каждомъ человѣкѣ лежитъ прежде всего служба истинѣ и отечеству. Каждый русскій знаетъ, что для блага его родины необходимо: освободить крестьянъ съ землей, выдавъ помѣщикамъ вознагражденіе; освободить народъ отъ чиновниковъ, отъ плетей и розогъ; дать всѣмъ сословіямъ одинаковыя права на развитіе своего благосостоянія; дать обществу свободу самому распоряжаться своими дѣлами; устроить судъ гласный, и дать каждому право свободно высказывать свои мысли. Само правительство не можетъ отвергнуть честности этихъ убѣжденій. А между тѣмъ оно поведетъ васъ противъ нихъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но кто же изъ васъ не краснѣлъ отъ такой благодарности?! . . . . . подумайте о бѣдномъ, угнетенномъ народѣ и нашей жалкой родинѣ.

„Въ первый день Пасхи воззваніе это поразило долгорукодолгоухое шпіонство въ самую шишку честолюбія: въ дворцовой церкви, передъ самымъ носомъ государя, оно было роздано въ большомъ количествѣ“.

Петербургъ, карманная типографія.

мп ѣб нити соосо нзесв засв—лбоа Внпо датож овтвн теріе“.

На вопросъ комиссіи объ этой прокламаціи Баллодъ сообщилъ, что ему принадлежитъ лишь второе ея изданіе, которое онъ сдѣлалъ, за неимѣніемъ подлинника, по „Колоколу“, полученному изъ-за-границы черезъ Мошкалова, во второй половинѣ мая, всего въ 70 или 80 экземплярахъ.

При этомъ онъ указалъ на студента Алексѣя Яковлева, какъ на просившаго его посодѣйствовать напечатанію прокламаціи. Не показавъ ему виду, что онъ имѣетъ свою типографію, Баллодъ и исполнилъ его просьбу. Съ Яковлевымъ же онъ иногда мѣнялся изданіями Герцена. Ему же онъ далъ для распространенія 20 экз. прокламаціи о Шедо-Ферроти и 10-о капитанѣ Александровѣ.

Относительно послѣдней прокламаціи Баллодъ показалъ, что тоже сдѣлалъ лишь второе ея изданіе, перепечатавъ съ перваго, выпущеннаго обществомъ „Великоруссъ“. Она была напечатана въ 400 — 500 экз. При этомъ онъ замѣтилъ: „Въ первомъ экземплярѣ этого вопроса я написалъ, что статью о капитанѣ Александровѣ напечаталъ мнѣ наборщикъ Горбановскій; я солгалъ тамъ—мнѣ было совѣстно смотрѣть на написанное мною, и я поспѣшилъ уничтожить тотъ экземпляръ вопроса“.

Относительно способа распространенія своихъ изданій Баллодъ показалъ:

„Я разбрасывалъ отпечатанные мною листы преимущественно на Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, около Медико-Хирургической академіи, на Невскомъ проспектѣ и на Литейной. Это бывало обыкновенно вечеромъ. Въ кафе-ресторанахъ Еремѣева и Доминика я вкладывалъ ихъ въ газеты и клалъ иногда просто на столъ. У перваго я бывалъ между 3—5 часами, а у послѣдняго, кромѣ того, по вечерамъ“.

На вопросъ: „Въ показаніи своемъ вы говорите, что распространеніе сихъ листковъ въ публикѣ находили полезнымъ по собственному убѣжденію. На чемъ основано это убѣжденіе, и какихъ послѣдствій вы желали достигнуть своими преступными дѣйствіями?“—Баллодъ отвѣчалъ: „На этотъ вопросъ, который я только теперь обдумалъ хорошо, я долженъ отвѣтить тѣмъ, что все это была шалость и увлеченье. Дѣйствительно, я иногда думалъ, что подобные листки склонятъ правительство на уступки, какъ, напримѣръ, на свободу книгопечатанія, но это было только между прочимъ“.

Найденный у него „Колоколъ“ Баллодъ, по его словамъ, получилъ по почтѣ, благодаря студенту Лобанову, предложившему сначала мѣняться съ нимъ номерами, а потомъ устроившему ему и аккуратное полученіе герценовскаго журнала.

Ознакомившись съ отвѣтами Баллода, комиссія поинтересовалась, куда же дѣвался уничтоженный отвѣтъ на вопросъ о прокламаціи „Подвигъ капитана Александрова“. Баллодъ сознался, что бросилъ клочки въ печку каземата. Тотчасъ туда былъ посланъ офицеръ; вернувшись, онъ представилъ комиссіи разорванный полулистъ. Въ концѣ его Баллодъ писалъ: „Государь, когда будете подписывать мнѣ приговоръ, то вспомните, что я жилъ среди воплей и стона, и трудно было мнѣ,

отъ природы очень чувствительному, не сказать упрека тому, кто смотритъ на нихъ равнодушно". Къ слѣдующему разу привели этотъ листокъ въ порядокъ и спросили Баллода, что онъ хотѣлъ сказать своимъ обращеніемъ къ Государю. Онъ отвѣчалъ: „Слова эти я относилъ къ правительству, которое я считалъ въ своихъ дѣйствіяхъ вялымъ и даже равнодушнымъ ко всѣмъ хорошимъ начинаніямъ".

Тогда же, въ замѣнъ разорваннаго, Баллодъ представилъ слѣдующее письмо къ Государю:

„Я напечаталъ три листка, которые называются возмутительными. Я не думаю, чтобы мои листки могли возмутить кого-нибудь, потому что, какъ мнѣ кажется, они не могутъ перемѣнить убѣжденій ни въ комъ, а для того, чтобы возмутить кого-нибудь, необходимо перемѣнить въ немъ убѣжденія, т. е. довести до того, чтобы онъ соглашался съ такими листками. Попадись мнѣ мои же листки лѣтъ шесть тому назадъ, я напалъ бы на нихъ точно такъ же, какъ теперь напалъ на брошюру Шедо-Ферроти. Появленіе подобныхъ листковъ показываетъ то, что есть уже люди, которые понимаютъ ихъ. Въ прошломъ году въ это время вышелъ „Великоруссъ"; цѣль его, какъ мнѣ кажется, была зондировать общество. Когда зондированіе дало успѣшные результаты, тогда комитетъ „Великорусса" выпустилъ второй и третій номера.

„Потомъ вышло еще нѣсколько листковъ; объ нихъ говорили много, но никогда почти не говорили съ особенно дурной стороны.

„Нѣсколько человѣкъ, недовольныхъ этими листками, засѣли въ кабинетъ, прочитали всѣхъ соціалистовъ и демократовъ, вскочили, подумали, что строятъ памятникъ второму тысячелѣтію Россіи, и стали зондировать общество. Общество приняло ихъ за нѣмцевъ и сухо сказало, что оно по-нѣмецки не знаетъ.

„Очень естественно, Государь, что такое движеніе могло увлечь за собой человѣка неопытнаго. Теперь меня изолировали отъ общества и спрашиваютъ, зачѣмъ я печаталъ и какихъ послѣдствій ожидалъ я отъ распространенія этихъ листковъ?

„Печатая свои листки, я никогда не задавалъ себѣ вопроса, предложеннаго мнѣ комиссіею. Петропавловская крѣпость дала мнѣ возможность обдумать этотъ вопросъ серьезно. Серьезное

размышленіе объ немъ привело меня къ несерьезному результату: я увлекся, отъ нечего дѣлать вздумалъ пошалить и сталъ печатать; когда я печаталъ, мнѣ было весело, я смѣялся и никогда не воображалъ, что эта шалость заведетъ меня такъ далеко.

„Я виноватъ, Государь, передъ Вами. Оправдаться я не могу.

„Въ концѣ своего письма, позвольте, Государь, обратиться къ Вамъ и просить Ваше Величество при подписаніи мнѣ приговора вспомнить о моей молодости, которая была причиной моего увлеченія“.

Горбановскій не призналъ показанія Баллода правильными и настаивалъ на томъ, что ровно ничего ему не печаталъ, красокъ и вальковъ не доставлялъ и шрифта не покупалъ. Потомъ и самъ Баллодъ сознался, что напрасно оговорилъ Горбановскаго, что всѣ типографскія принадлежности получалъ отъ Мошкалова.

Послѣ перваго допроса Баллода и Горбановскаго, комиссія поручила III Отдѣленію немедленно арестовать Мошкалова, Писарева и Лобанова и произвести у нихъ тщательный обыскъ.

VI.

2 іюля Писаревъ и Лобановъ были арестованы и заключены въ крѣпость, а Мошкаловъ оказался вполнѣ легально уѣхавшимъ за границу еще въ концѣ апрѣля. 3-го числа Писарева возили на квартиру штабсъ-капитана Попова, воспитателя 2 кадетскаго корпуса, у котораго онъ нанималъ комнату, опечатали всѣ его бумаги и вернули въ крѣпость. Шкапъ съ бумагами самого Попова былъ пока не тронутъ, но все же запечатанъ...

Комиссія съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждала показаній Писарева. Кн. Голицынъ былъ увѣренъ, что во всемъ движеніи роль инспиратора принадлежитъ литературѣ и не столько даже ей, сколько отдѣльнымъ литераторамъ. Какъ и теперь, эти люди не понимали, что во главѣ всей оппозиціонной арміи шло нѣчто большее отдѣльныхъ лицъ и группъ, что шла сама жизнь. Искали лицъ и рады были каждой находкѣ. Конечно, Писаревъ, уже тогда бывшій крупной фигурой,

казался комиссіи очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, которымъ она была обязана Баллоду.

Впервые на допросъ Писаревъ былъ приведенъ 6 іюля. Ему сразу же предъявили статью, взятую у Баллода. Какъ же раздражена была комиссія, когда получила въ отвѣтъ: „Я. кандидатъ С.-Петербургскаго университета, Дмитрій Писаревъ, предъявленной мнѣ статьи не писалъ и не сочинялъ!“.. Упорствовавшаго отправили обратно въ каземать и рѣшили дать ему очную ставку съ Баллодомъ. Разсмотрѣніе бумагъ его было поручено Каменскому. Генералъ-губернатору сообщили, что необходимо имѣть и тѣ бумаги Попова, которыя оставлены запечатанными въ шкапу.

Когда все это было исполнено, 9-го іюля Писареву снова предъявили рукопись статьи и одно изъ его писемъ, взятыхъ на обыскѣ. Дмитрій Ивановичъ написалъ: „Я, кандидатъ Дмитрій Писаревъ, дѣйствительно писалъ предъявленное мнѣ письмо, но статья, заключающая въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, написана не мною, хотя почеркъ поразительно похожъ на почеркъ моей руки“... 11-го ему была дана очная ставка съ Баллодомъ. Писаревъ оставался твердъ: „Уликъ г. Баллода я не признаю и остаюсь при прежнемъ показаніи моемъ, данномъ въ комиссіи“... Послѣ этого его не безпокоили ровно мѣсяцъ. Очевидно, хотѣли показать, что могутъ рѣшить дѣло безъ его показаній, и тѣмъ напугать.

Посаженный въ Алексѣевскій равелинъ, Писаревъ былъ подвергнутъ непривычному, особенно для него, человѣка избалованнаго и нѣжнаго, довольно суровому режиму.

Каковы были тогда порядки въ равелинѣ—разсказываетъ самъ помощникъ смотрителя этого самодержавнаго заведенія.

Въ каждой двери каземата, выходившей во внутренній коридоръ, было небольшое, въ одно звено, окошко, прикрытое со стороны коридора зеленою шерстяною занавѣскою. Приподнявъ ея уголъ, часовой могъ бдительно наблюдать за арестованнымъ. Двое часовыхъ съ обнаженными саблями ходили по всѣмъ коридорамъ; толстый, мягкій половикъ совершенно скрадывалъ ихъ шаги. Казематы отапливались небольшими голландками изъ коридора, тепловыя же отдушины были въ казематахъ. Обстановка послѣднихъ состояла: изъ деревянной зеленой кровати съ двумя тюфяками изъ оленьей шерсти и двумя перовыми подушками, съ двумя простынями и байко-

вымъ одѣяломъ, изъ деревяннаго столика съ выдвижнымъ ящикомъ и стула. Одѣвали заключенныхъ во все казенное: холщевое бѣлье, носки, туфли и байковый халатъ; послѣдній безъ обычныхъ шнуровъ, замѣненныхъ короткими байковыми же завязками. Вообще всѣ крючки и пуговицы въ бѣльѣ и одеждѣ были изъяты; вмѣсто нихъ были вездѣ матерчатыя завязки. На голову надѣвалась мягкая русская фуражка; у кого головной уборъ былъ свой, могли носить его, если только это не былъ цилиндръ. Собственное платье и бѣлье выдавались только для выходовъ на свиданье съ родственниками и на допросы. Вся обѣденная и чайная посуда была изъ литого олова; ножей и вилокъ не полагалось, все подавалось уже нарѣзаннымъ и лишеннымъ костей. Обѣдъ и чай подавались солдатами равелинной команды подъ наблюденіемъ караульнаго начальника изъ унтеръ-офицеровъ. Эти же солдаты по утрамъ убирали казематы. На пищу и чай отпускалось на человѣка въ день 50 копеекъ. Обѣдъ состоялъ изъ щей или супа съ мясомъ или рыбой и жаркого; въ праздники давалось что-нибудь сладкое, а въ царскіе дни еще и по стакану виноградnаго вина. Чай утромъ и вечеромъ съ французской булкой. Бѣлье мѣнялось каждую субботу, а русская баня, устроенная въ одномъ изъ казематовъ, топилась два раза въ мѣсяцъ. Изъ библіотеки выдавались книги по исторіи и религіи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. У каждаго заключеннаго была оловянная чернильница и гусиныя перья, уже заранѣе очиненныя. Бумага выдавалась по требованію. Вся корреспонденція въ равелинъ и изъ него шла черезъ III Отдѣленіе [1]).

Разобравшись въ бумагахъ и въ показаніяхъ другихъ, 11 августа Писарева призвали на четвертый допросъ. Показанія его были очень обширны и довольно полно удовлетворили любопытство комиссіи, предложившей массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

„Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, 21 годъ отъ рожденія [2]), православнаго вѣроисповѣданія, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно. Родители мои: отставной штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичъ Писаревъ и Варвара Дмитріевна Писа-

[1]) *Борисовъ*, „Алексѣевскій равелинъ въ 1862—1865 гг.“, „Русская Старина“ 1901 г., XII.

[2]) Родился 2 октября 1840 года.

рева, урожденная Данилова, проживаютъ въ Тульской губ., въ Новосильскомъ у., въ сельцѣ Бутырки. У меня двѣ сестры [1]), братьевъ нѣтъ. Состояніе моего отца заключается въ деревнѣ или сельцѣ Бутыркахъ, около 600 дес. земли. Я окончилъ курсъ въ университетѣ въ маѣ 1861 г., а въ сентябрѣ того же года получилъ кандидатскій дипломъ; проживалъ послѣ того въ Петербургѣ, на квартирѣ штабсъ-капитана Василія Петровича Попова, занимался работами для журнала „Русское Слово“ и содержалъ себя, какъ деньгами, получаемыми за статьи, такъ и жалованьемъ за исправленіе должности помощника редактора означеннаго журнала; получилъ я эту должность въ декабрѣ 1861 года. До настоящаго арестованія я былъ подъ слѣдствіемъ въ началѣ мая 1862 г. за то, что въ вокзалѣ желѣзной дороги ударилъ отставного прапорщика Евгенія Николаевича Гарднера хлыстомъ по лицу. Слѣдствіе производилось въ Каретной [2]) части слѣдственнымъ приставомъ Ласовскимъ, и кончилось тѣмъ, что мы оба подали мировое прошеніе“.

Какъ уже извѣстно, Гарднеръ женился, въ апрѣлѣ 1862 года, на Раисѣ Александровнѣ Кореневой, которую Писаревъ считалъ своей невѣстой. По словамъ самой г-жи Гарднеръ, по смерти ея матери, мать Писарева замѣнила ей самую заботливую и нѣжную мать. Дѣтство свое она провела съ Дмитріемъ Ивановичемъ. „Митя былъ довольно равнодушенъ къ большинству окружающихъ, но мы съ нимъ были однихъ лѣтъ, и я стала исключительною, но горячею и безповоротною его привязанностью. Привязанность эта только росла съ годами и становилась все болѣе и болѣе предметомъ страданій и всевозможныхъ опасеній для матери. Она положительно сдѣлала какое-то пугало для себя изъ этой привязанности и ожидала отъ нея самыхъ ужасныхъ послѣдствій“ [3]). Несмотря на это, Писаревъ искренно и глубоко все время любилъ дѣвушку и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда будетъ имѣть возможность связать съ нею жизнь... И, конечно, Дмитрій Ивановичъ не могъ спокойно перенести этотъ тяжелый ударъ и написалъ своему сопернику еще до свадьбы очень характерное для него

[1]) Вѣра и Екатерина.

[2]) Нынѣ Александро-Невской. Столкновеніе произошло на Царскосельскомъ вокзалѣ.

[3]) *Р. А. Гарднеръ*, „В. Д. Писарева“, „Русская Старина“, 1880 г. XII.

письмо. Привожу его съ писаревской копіи, имѣющейся въ дѣлѣ.

„Милостивый государь Евгеній Николаевичъ! Какъ вы легко можете себѣ представить, я вовсе не радуюсь тому, что вы женитесь на моей двоюродной сестрѣ. Не питая къ вамъ особенной симпатіи, не имѣя высокаго мнѣнія о вашемъ умѣ и характерѣ, я намѣренъ высказать вамъ нѣсколько горькихъ истинъ: я считаю васъ за . . . . . [1]) и за фата и со свойственной мнѣ откровенностью выражаю это мнѣніе. Я выражалъ его другимъ людямъ, говоря по поводу вашей женитьбы слѣдующую русскую пословицу: „не въ коня кормъ“ и варіируя ее иногда такъ: „не въ . . . . [2]) кормъ“.

„Вы удивитесь моему письму и не будете знать, что съ нимъ дѣлать. Я вамъ укажу три образа дѣйствій:

1) Вы можете разорвать это письмо, притвориться, какъ будто вы его не получали, продолжать со мною пріятельскія отношенія и даже при случаѣ порисоваться великодушіемъ и даже видѣть меня шаферомъ на вашей свадьбѣ.

2) Вы можете вызвать меня на дуэль, и я буду къ вашимъ услугамъ.

3) Вы можете представить это письмо III-му Отдѣленію, и меня тогда посадятъ подъ арестъ, какъ нарушителя общественнаго спокойствія.

„Въ первомъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы проглотили непозолоченную пилюлю. Во второмъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно сорвать зло на васъ или на самомъ себѣ. Въ третьемъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы сдѣлали подлость. Во всякомъ случаѣ мнѣ пріятно подбавить капельку горечи въ ваше незаслуженное счастье, которое достается вамъ на долю только потому, что теперь весна пробуждаетъ чувственность женщинъ и усыпляетъ мозговую дѣятельность. Еслибы я васъ уважалъ, я бы не написалъ этого письма, а просто спокойно отошелъ бы въ сторону.

Готовый къ услугамъ вашимъ

Дмитрій Писаревъ.

---

[1]) Опускаю ругательство.

[2]) Тоже.

„P. S. Предупреждаю васъ, что я оставилъ у себя копію этого письма и что эту копію я, когда мнѣ вздумается, покажу, кому вздумается. Фактическихъ дерзостей я вамъ не сдѣлаю, потому что уважаю самого себя. Это письмо, въ сущности, не дерзость, это откровенно выраженное мнѣніе. Если вы съ нимъ согласны, проглотите пилюлю и смолчите; если, паче чаянія, несогласны, протестуйте. Можете даже затѣять диспутъ, въ которомъ я буду доказывать, что вы . . . . . [1]) фатъ, а вы будете доказывать совершенно противное".

4-го апрѣля.
1862 г.

Гарднеръ, ничего, повидимому, не отвѣтилъ Писареву, зная его, какъ не только вспыльчиваго, но и больного человѣка; Писаревъ былъ еще болѣе возмущенъ... Въ первыхъ числахъ мая онъ отправился на Царскосельскій вокзалъ, дождался тамъ своего соперника, уже мужа Кореневой, и, подойдя къ нему въ упоръ, ударилъ хлыстомъ по лицу. Завязалась борьба, въ результатѣ которой послѣдовалъ полицейскій протоколъ и возбужденіе дѣла о нарушеніи тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ этого Писаревъ получилъ отъ Гарднера слѣдующее письмо отъ 4 мая:

„Милостивый государь! Вы хорошо понимаете, что, не устроивъ предварительно состоянія моей жены и не обезпечивъ по возможности ея спокойствія, я не могъ стрѣляться съ вами. Обвиняя меня на желѣзной дорогѣ въ отказѣ дать вамъ удовлетвореніе, вы только сдѣлали еще одну лишнюю и совершенно безполезную для себя подлость. Г. Чужбинскій, а равно и братъ мой свидѣтели, что вызовъ вашъ былъ мною принятъ. Причина, по которой я назначилъ дуэль въ Москвѣ и требовалъ 10-дневнаго срока, послѣ всего сказаннаго должна быть вамъ ясна. Я думаю, что вы не захотите покончить это дѣло побоищемъ на желѣзной дорогѣ, которое, впрочемъ, оказалось совсѣмъ не въ вашу пользу, чему можетъ служить свидѣтельствомъ плачевное состояніе вашей физіономіи. А потому повторяю, что по окончаніи полицейскаго дѣла я снова готовъ къ вашимъ услугамъ, но все же не иначе, какъ въ

[1]) Опускаю обидный эпитетъ

Москвѣ и по истеченіи 10-дневнаго срока, считая со дня моего выѣзда изъ Петербурга.

Е. Гарднеръ."

Затѣмъ впослѣдствіи отношенія между Писаревымъ и Гарднеромъ вовсе не были недружелюбны [1]).

VII.

На второй вопросъ (тоже ясный, какъ и первый, изъ отвѣта) Писаревъ отвѣчалъ:

„Въ Петербургѣ я знакомъ съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, съ г. Благосвѣтловымъ, съ г. Поповымъ, съ г. Минаевымъ [2]), съ г. Крестовскимъ [3]) — составляющими ближайшій кругъ редакціи „Русскаго Слова". Сошелся я съ ними въ концѣ 1860 г., а съ гр. Кушелевымъ-Безбородко весною 1861 г. Въ университетѣ я былъ знакомъ съ очень многими студентами; въ началѣ моего курса, отъ 1856 до 1859 г.—преимущественно съ студентами историко-философическаго факультета: Трескинымъ, Майковымъ [4]), Ординымъ [5]), Полевымъ [6]), Замысловскимъ [7]), Скабичевскимъ [8]) и Макушевымъ [9]). Въ концѣ 1859 г. я сошелъ съ ума, и меня помѣстили въ психіатрическую лѣчебницу доктора Штейна, гдѣ я пробылъ до половины апрѣля 1860 г., потомъ я уѣхалъ въ деревню къ моимъ родителямъ, для возстановленія силъ, и пробылъ тамъ до конца сентября. Пріѣхавши въ Петербургъ, я перемѣнилъ кругъ знакомства и, поселившись на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ Бѣлянина, въ квартирѣ кухмистерши Мазановой,

---

[1]) Кое-что о Раисѣ Александровнѣ Кореневой интересующіеся найдутъ въ біографіи Писарева, написанной покойнымъ Е. А. Соловьевымъ.

[2]) Дмитрій Дмитріевичъ, извѣстный поэтъ и переводчикъ. Писалъ политическіе фельетоны подъ псевдонимомъ „Темный человѣкъ".

[3]) Всеволодъ Владиміровичъ, потомъ спустившійся до своей печальной извѣстности.

[4]) Леонидъ Николаевичъ, младшій братъ А. Н.

[5]) Братъ извѣстнаго финофоба К. Д. Ордина.

[6]) Петръ Николаевичъ, старшій сынъ извѣстнаго въ первой половинѣ XIX ст. журналиста.

[7]) Егоръ Егоровичъ, небезызвѣстный историкъ.

[8]) Нынѣ здравствующій писатель.

[9]) Викентій Васильевичъ, извѣстный славистъ.

сблизился съ моими сосѣдями студентами: тремя братьями Жуковскими, двумя Даниловыми, Баллодомъ, Сурковымъ и Федотовымъ. Потомъ, въ сентябрѣ 1861 г., сблизившись съ редакціею „Русскаго Слова", я, по приглашенію г. Попова, поселился у него на квартирѣ, гдѣ и былъ арестованъ. Встрѣчался я у гр. Кушелева со многими литераторами и познакомился довольно коротко съ г. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ [1]), Палаузовымъ [2]), Шишкинымъ, съ братьями Тибленами [3]), съ Достоевскими [4]), съ Кремпинымъ, у котораго я еще прежде, въ 1859 г., работалъ въ журналѣ „Разсвѣтъ". Съ другими редакціями я не сходился и только два раза былъ, по дѣламъ журнала, у г. Чернышевскаго.

„Съ студентомъ Баллодомъ я познакомился, какъ сосѣдъ по квартирѣ и какъ товарищъ по университету. Видались мы съ нимъ осенью 1860 г. и весною 1861-го почти ежедневно, осенью 1861-го рѣже, разъ въ недѣлю или въ двѣ, а съ начала 1862 г., послѣ того, какъ пріятель мой, Владиміръ Жуковскій, уѣхалъ въ Уфу, я пересталъ бывать въ домѣ Бѣлянина и не видался съ Баллодомъ до мая. Въ маѣ мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ; онъ упрекнулъ меня, зачѣмъ я его забылъ; я обѣщалъ зайти къ нему и звалъ его также къ себѣ; потомъ я былъ у него раза два или три, и онъ у меня раза два, но засталъ меня дома только одинъ разъ. Когда я бывалъ у Баллода ежедневно, то встрѣчалъ обыкновенно нашихъ сосѣдей по квартирѣ, игралъ съ ними въ карты; иногда мы пили вмѣстѣ и принимали женщинъ. О политической дѣятельности своей Баллодъ мнѣ ничего не говорилъ; иногда только, осенью 1861 г., сосѣди предупреждали меня, чтобы я не входилъ къ Баллоду, потому что у него собрался интимный кружокъ. Не желая мѣшать ихъ занятіямъ, я всегда пользовался этимъ предостереженіемъ и потому близкихъ и довѣренныхъ лицъ Баллода не знаю. Участія въ дѣйствіяхъ Баллода я не принималъ. Я догадывался, что кружокъ Баллода имѣетъ политическія стремленія, но такъ какъ самъ Баллодъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, то я и не разспрашивалъ, чтобы не показать любопытства и навязчивости.

[1]) Извѣстный беллетристъ и этнографъ.

[2]) Спиридонъ Николаевичъ, знатокъ исторіи балканскихъ государствъ.

[3]) Содержатели типографіи и издатели.

[4]) Ѳедоръ и Михаилъ.

„Я вообще говорилъ съ Баллодомъ о моихъ журнальныхъ работахъ, какъ о предметѣ, наиболѣе занимавшемъ меня; при этомъ я упомянулъ вскользь о статьѣ по поводу Шедо-Ферроти, пожаловался на строгость цензуры, которая даже такихъ пустяковъ не пропускаетъ, и когда Баллодъ просилъ показать ему запрещенную статью, я отвѣчалъ ему, что это ничтожная статья, которую не стоило ни читать, ни запрещать, ни отстаивать отъ цензуры. При этомъ я долженъ оговориться, что запрещенная статья моя не заключала въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, а только группировку отзывовъ его о Герценѣ и Огаревѣ. Она никуда не пошла и, вѣроятно, не сохранилась [1])".

Но вотъ, выслушавъ, вѣроятно, всевозможныя увѣщанія, увѣренія и пр. комиссіи, Писаревъ, наконецъ, даетъ такъ долго отъ него ожидавшееся сознаніе:

„Я вижу, что дальнѣйшее запирательство безполезно и невозможно, и потому рѣшаюсь разъяснить все дѣло. Разговоръ мой съ Баллодомъ происходилъ дѣйствительно такъ, какъ показываетъ Баллодъ. Я принялъ его предложеніе и исполнилъ данное ему обѣщаніе. Въ разговорѣ съ Баллодомъ, я выразилъ раздраженіе противъ цензурныхъ притѣсненій и вообще противъ отношеній правительства къ литературѣ. Баллодъ предлагалъ мнѣ выразить это раздраженіе, и я согласился, потому что, во 1-хъ, это предложеніе давало мнѣ возможность вылить накопившуюся жолчь; во 2-хъ, оно льстило моему авторскому самолюбію; въ 3-хъ, оно было такъ поставлено, что не принять его значило бы обнаружить трусость. Вотъ побужденія, заставившія меня писать эту статью. Опредѣленной цѣли у меня не было, потому что я не зналъ и не разспрашивалъ, какимъ образомъ Баллодъ намѣренъ распространить мою статью. Я слышалъ отъ него только, что онъ можетъ ее напечатать. Когда я сталъ писать, то уже увлекся за предѣлы всякой осторожности и благоразумія; я далъ полную волю моему раздраженію и обругалъ всѣхъ и все, что только попалось мнѣ подъ руку. Статья эта, какъ и большая часть моихъ журнальныхъ статей, писана безъ черновой, прямо

[1]) Въ „Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году", тогда же изданномъ секретно министерствомъ народнаго просвѣщенія, эта статья почему-то не напечатана. Поэтому врядъ ли теперь можно надѣяться найти ее.

набѣло, подъ впечатлѣніемъ минуты. А впечатлѣнія эти были: закрытіе воскресныхъ школъ и читаленъ, закрытіе Шахматнаго клуба[1]), пріостановленіе журналовъ „Современникъ“ и „Русское Слово“[2]), упраздненіе II отдѣленія Литературнаго Фонда. Все это волновало меня и отражалось на моей статьѣ. Поэтому она написана рѣзко, заносчиво и доходитъ до такихъ крайностей, которыя я въ спокойномъ расположеніи не одобряю.

„Что я дѣйствительно человѣкъ впечатлительный и сильно увлекающійся—это доказывается, во 1-хъ, моимъ умопомѣшательствомъ, о которомъ я упомянулъ въ отвѣтѣ на второй вопросный пунктъ. Свѣдѣнія о моемъ темпераментѣ могутъ быть получены отъ докторовъ Штейна и Шульца, пользовавшихъ меня во время моей душевной болѣзни; во 2-хъ, моею исторіею съ г. Гарднеромъ, о которой я упоминаю въ отвѣтѣ на 1-й пунктъ; въ 3-хъ, моими карточными долгами, о которыхъ говорится въ 10 пунктѣ. Написавши свою отчаянно рѣзкую статью, я отдалъ ее Баллоду, который вскорѣ послѣ того былъ арестованъ. Когда меня арестовали и привели въ комиссію, я рѣшился не сознаваться. Главною побудительною причиною моею въ этомъ случаѣ было нежеланіе набросить тѣнь на ту часть журналистики, къ которой я принадлежалъ. Я не хотѣлъ подать повода думать, что литераторы замѣшаны въ тайныя агитаціи, тѣмъ болѣе, что нелѣпые толки въ обществѣ и даже въ газетахъ (въ „Сѣверной Пчелѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“) приводили эту агитацію въ связь съ петербургскими пожарами. Такъ какъ я самъ принялъ участіе въ агитаціи совершенно случайно, то я не хотѣлъ, чтобъ мое неосторожное поведеніе повредило въ какомъ бы то ни было отношеніи литераторамъ, съ которыми я работалъ.

„Объяснивши, такимъ образомъ, дѣло мое по чистой совѣсти, я совершенно предаю себя правосудію комиссіи. Находясь теперь въ спокойномъ состояніи духа, рѣшившись откровенно сознаться въ моемъ преступленіи, я осмѣливаюсь

---

[1]) Шахматный клубъ былъ, собственно, литературнымъ клубомъ.

[2]) И Баллодъ и Писаревъ сдѣлали, разумѣется, умышленно передержку: „Современникъ“ и „Русское Слово“ были пріостановлены на восемь мѣсяцевъ фактически 12 іюня, а официально объ этомъ объявлено 19-го. Баллодъ же начало статьи получилъ отъ Писарева еще въ маѣ. Комиссія не замѣтила этой неточности въ показаніяхъ.

обратиться къ милосердію Монарха, хотя чувствую, что не имѣю на то ни малѣйшаго права. Я умоляю Его Величество не считать меня закоренѣлымъ преступникомъ и взглянуть на мою преступную статью, какъ на минутный порывъ, а не какъ на выраженіе обдуманнаго плана дѣйствій. Я такъ молодъ, такъ способенъ увлекаться и ошибаться, такъ мало знаю жизнь, что часто не умѣю взвѣсить свои слова и поступки. Все это нисколько не оправдываетъ меня, но я увѣренъ, что высочайше утвержденная комиссія повергнетъ эти обстоятельства на милостивое вниманіе Его Величества, и что милосердіе Монарха дастъ мнѣ возможность загладить послѣдующимъ моимъ поведеніемъ совершенное мною преступленіе"...

На вопросъ, насколько было близко знакомство съ Благосвѣтловымъ и Поповымъ, Дмитрій Ивановичъ отвѣчалъ:

„Съ гг. Поповымъ и Благосвѣтловымъ я познакомился въ октябрѣ 1860 года. Знакомство мое съ ними началось съ того, что я принесъ въ редакцію „Русскаго Слова" переводъ поэмы Гейне—„Атта Троль", который былъ помѣщенъ въ XII книжкѣ „Русскаго Слова" за 1860 г. Потомъ я сталъ получать заказы на каждый мѣсяцъ, сталъ часто бывать у Благосвѣтлова, въ сентябрѣ 1861 г. поселился у Попова, въ ноябрѣ того же года мы съ Благосвѣтловымъ стали говорить другъ другу „ты", а въ декабрѣ онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ по редакціи. Я согласился и исправлялъ эту должность до пріостановленія „Русскаго Слова", происшедшаго въ іюнѣ. Отношенія наши съ Благосвѣтловымъ были самыя дружескія; онъ принималъ даже участіе въ томъ, что касалось лично до меня и до моего семейства. Съ Поповымъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ" [1]).

VIII.

Затѣмъ были заданы вопросы по найденнымъ на обыскѣ бумагамъ.

Между прочимъ, въ письмѣ матери отъ 18 сентября 1861 г. обратило на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: „Въ Сѣверной

[1]) Ниже, въ особомъ приложеніи, я печатаю нѣсколько писемъ Благосвѣтлова къ Попову; по моему мнѣнію, они недурно освѣщаютъ взгляды руководителя „Русскаго Слова". Разумѣется, они печатаются съ подлинниковъ.

Пчелѣ“ пишутъ, что устраивается подписка въ пользу бѣдныхъ студентовъ; вотъ бы ты подписался — неужели у тебя умерло чувство жалости—право, вѣдь это лучше, нежели пообѣдать у Дюссо въ честь какихъ-то странныхъ убѣжденій“. При этомъ приписка сестры: „Понимаю обѣдъ 5 сентября и отъ души сочувствую“. На вопросъ, что это за обѣдъ, Писаревъ отвѣчалъ: „Обѣдъ у Дюссо 5 сентября давался мною въ честь моей двоюродной сестры, Раисы Александровны Кореневой, съ которою я воспитывался и въ которую былъ влюбленъ. Въ этотъ день—ея именинъ—я хотѣлъ ихъ праздновать. На обѣдѣ присутствовали г. Баллодъ и Владиміръ Жуковскій; насъ было всего трое. Сестра моя сочувствовала любви моей, а мать моя смотрѣла на нее недоброжелательно, но почему она называетъ ее „странными убѣжденіями,“—этого я не знаю“.

Затѣмъ въ другомъ письмѣ матери, отъ 13 января 1862 г., она между прочимъ писала сыну: „Ты упорно молчишь—ну, и Богъ съ тобой; слишкомъ занятъ соціальными вопросами, чтобъ къ матери написать: резонъ“. Сестра въ припискѣ высказалась тоже противъ пути, по которому пошелъ братъ, и упрекнула его за охлажденіе къ матери. На вопросъ комиссіи, что все это значитъ, Писаревъ отвѣтилъ: „Моя мать была недовольна тѣмъ, что я рѣдко пишу къ ней; кромѣ того, ей не нравилось реальное направленіе мыслей, проявлявшееся въ моихъ статьяхъ для „Русскаго Слова“, поэтому она и отзывается съ укоризною о соціальныхъ вопросахъ и о ложной дорогѣ“.

Въ числѣ бумагъ былъ клочокъ слѣдующаго содержанія:

„Поповъ	927
Чужбинскій	650
Апухтинъ	344
Быковскій	224
Кушелевъ	463
Благосвѣтловъ	88
Новинскій	41
Баллодъ	38
Нехлюдовъ	40
Козлова	30
Деляновъ	50
	2,895.
	105“.

Писаревъ расхолодилъ комиссію, сказавъ, что это цифры его карточныхъ долговъ...

Заинтересовало слѣдственную комиссію и письмо къ Писареву Л. Тиблена, отъ 3 марта 1862 г., слѣдующаго содержанія: „Надобно достать, добрѣйшій Дмитрій Ивановичъ, на полчаса отъ Павлова его статью, подписанную Бекетовымъ. Я буду сейчасъ у Рахманинова и увѣдомлю его, что статья процензурована. Павловъ не можетъ отдать совсѣмъ подписаннаго Бекетовымъ экземпляра, потому что его, какъ слышно, сегодня же потянутъ въ 3 отдѣленіе, и онъ долженъ имѣть подпись цензора для оправданія. А статью надо только показать Рахманинову, иначе онъ не выпуститъ книжки, въ особенности, если будетъ скандалъ“.

Писаревъ далъ такое объясненіе, кстати сказать, очень интересное и для насъ, потому что освѣщаетъ малоизвѣстный фактъ: „Здѣсь идетъ дѣло о статьѣ профессора Павлова — „Тысячелѣтіе Россіи“, читанной имъ, 2-го марта 1862 г., въ домѣ Руадзе, на публичномъ чтеніи. Статья эта была разрѣшена для чтенія цензоромъ Бекетовымъ и пріобрѣтена редакціей „Русскаго Слова“ для напечатанія въ февральской книжкѣ. Я былъ на чтеніи 2 марта и, взявъ у г. Павлова писанный экземпляръ его рѣчи, отвезъ въ типографію и приказалъ поскорѣе набрать ее, чтобъ успѣть выпустить февральскую книжку 3 или 4 марта. Г. Павловъ не далъ мнѣ того экземпляра, который былъ подписанъ г. Бекетовымъ, говоря, что онъ нуженъ ему, какъ доказательство, что статья дѣйствительно пропущена цензурою. Но такъ какъ нашимъ цензоромъ былъ г. Рахманиновъ, то ему надо было предъявить экземпляръ, подписанный Бекетовымъ, иначе онъ могъ отказать въ выдачѣ билета на выпускъ книжки. Объ этомъ и пишетъ мнѣ Тибленъ, въ типографіи котораго печаталось „Русское Слово“. Такъ какъ рѣчь Павлова произвела сильное впечатлѣніе на публику, то въ обществѣ стали ожидать, что Павлову достанется, и Тибленъ упоминаетъ объ этомъ словами: „если будетъ скандалъ“. Я принималъ во всемъ дѣлѣ такое участіе: взялъ рѣчь Павлова и отвезъ ее въ типографію, хлопоталъ о разрѣшеніи ея, ѣздилъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета и къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ эти старанія оказались безплодными, и

рѣчь Павлова, несмотря на подпись цензора Бекетова, осталась ненапечатанною".

Что касается маленькой фотографической группы—Герценъ и Огаревъ, взятой у Писарева, то онъ показалъ: „Фотографическіе портреты Герцена и Огарева продаются почти во всѣхъ бумажныхъ лавкахъ. Въ одной изъ нихъ я купилъ этотъ экземпляръ. Съ этими лицами я не знакомъ и не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, ни личныхъ, ни письменныхъ: купилъ я ихъ миніатюрный портретъ изъ любопытства, какъ могъ бы купить портретъ Гарибальди, Кавура или Людовика-Наполеона".

Наконецъ, относительно нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ, считавшихся безусловно запрещенными, Писаревъ отвѣчалъ: „Сочиненіе Бюхнера „Physiologische Bilder" служило мнѣ для составленія статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Русскаго Слова". Въ этой статьѣ я прямо указываю на источникъ, а такъ какъ эта статья пропущена цензурою, то и книгу Бюхнера я считалъ незапрещенною. Всѣ указанныя сочиненія были куплены мною лично въ разныхъ магазинахъ иностранныхъ книгъ въ Петербургѣ въ теченіе 1861 и 1862 годовъ".

IX.

Обратимся теперь къ знакомству съ другими лицами, замѣшанными въ дѣло.

Арестовавъ Лобанова, комиссія узнала, что взятъ не тотъ, котораго надо было. Вмѣсто Василія взяли Николая. 5 іюля ошибка была исправлена.

Василій Лобановъ [1]) былъ опрошенъ 6 іюля. Онъ отвѣчалъ, что ни одного номера „Колокола" не получалъ, а потому и не могъ снабжать имъ Баллода, котораго зналъ по университету ближе обыкновеннаго, потому что Баллодъ былъ редак-

[1]) 19-лѣтній студентъ петербургскаго университета, куда поступилъ въ 1859 г.; послѣ безпорядковъ 1861 г. вышелъ оттуда, былъ подъ слѣдствіемъ и сидѣлъ вмѣстѣ со многими товарищами въ Петропавловской крѣпости. Затѣмъ былъ привлеченъ по дѣлу „Великорусса", отъ котораго отдѣлался строгимъ внушеніемъ, а по суду получилъ высочайшее прощеніе. Л. Ф. Пантелѣевъ характеризуетъ его, какъ человѣка несерьезнаго (см. стр. 55—56 его книги—„Изъ воспоминаній прошлаго").

торомъ студенческаго сборника отъ разряда естественныхъ наукъ, а Лобановъ—депутатомъ кассы для бѣдныхъ студентовъ, и они часто встрѣчались на дѣловыхъ сходкахъ и собраніяхъ. Но 9-го числа сознался, что дважды давалъ Баллоду „Колоколъ“, полученный еще два года назадъ отъ студента Печаткина. При этомъ онъ подтвердилъ, что Баллодъ выразилъ ему желаніе получать „Колоколъ“ аккуратно и что, возвращая полученный отъ него номеръ, онъ, Лобановъ, сообщилъ объ этомъ Печаткину. Послѣдній отвѣтилъ, что это можно устроить, и взялъ адресъ Баллода.

Разумѣется, ночью 11-го арестовали и Печаткина [1]). У него нашли, между прочимъ, слѣдующую записку отъ 26 апрѣля 1862 г.: „Евгеній Петровичъ, я васъ прошу достать мнѣ по мѣрѣ силъ вашихъ послѣднія прокламаціи и передать мнѣ ихъ лично; одинъ студентъ сегодня просилъ меня непремѣнно добыть ихъ; одинъ его хорошій знакомый ѣдетъ въ провинцію и желаетъ распространить ихъ тамъ; такъ какъ онъ человѣкъ надежный, то мнѣ бы хотѣлось услужить ему,—я ему пообѣщалась и до сихъ поръ ничего не могу исполнить своего обѣщанія. Прошу Васъ, Евгеній Петровичъ, исполнить мою просьбу, Вы меня очень обяжете, и я вамъ очень благодарна. Прощайте. *В.* Доставьте мнѣ ихъ завтра, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“.

По сличеніи почерка съ письмами той же руки, комиссія признала, что записка эта писана нѣкоей Варварой Глушановской. Приказано было обыскать ее и арестовать.

Е. П. Печаткинъ разсказалъ мнѣ, что потомъ Лобановъ, видимо, очень страдалъ отъ неосторожности и откровенности своихъ показаній, о чемъ онъ заключилъ изъ того тона, которымъ звучалъ голосъ Лобанова, какъ-то случайно увидавшаго Печаткина въ крѣпостномъ коридорѣ и крикнувшаго ему: „Прости меня, Печаткинъ“. Онъ также замѣтилъ, что не раз-

[1]) Печаткинъ учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, въ университетъ поступилъ въ августѣ 1860 г. 12 октября слѣдующаго года былъ заключенъ въ крѣпость за безпорядки въ университетѣ; 6 декабря освобожденъ. Былъ тогда же депутатомъ отъ студенчества вмѣстѣ съ Гердомъ, Гайдебуровымъ, Макаровымъ, Ламанскимъ, Спасскимъ, Пантелѣевымъ, Гогоберидзе, Утинымъ и Неклюдовымъ. Братья Печаткина, Константинъ и Василій, занимались писчебумажнымъ производствомъ, а Вячеславъ—книжной торговлей.

считывалъ отдѣлаться такъ легко, какъ отдѣлался въ концѣ концовъ. Во-первыхъ, онъ никакъ не думалъ, что пришедшіе дѣлать обыскъ не посмотрятъ въ дверной почтовый ящикъ: тамъ лежала пачка какихъ-то прокламацій. Во-вторыхъ, совершенно неожиданно получилъ товарищеское сообщеніе о томъ, что слѣдовало показывать, чтобы выйти сухимъ изъ воды.

14 іюля Печаткинъ показалъ, что ни Лобанову, ни Баллоду „Колокола“ не давалъ; въ 1861 г. самъ купилъ нѣсколько номеровъ у букиниста и, можетъ быть, тогда и давалъ Лобанову — не помнитъ. О конспиративной дѣятельности Баллода ничего не знаетъ; съ Глушановскою знакомъ поверхностно, по лекціямъ въ университетѣ, куда она ходила въ числѣ другихъ женщинъ. Позже, уже въ серединѣ ноября, когда Печаткину предъявили сознаніе Владимірова (привлеченнаго по другому дѣлу) въ передачѣ Печаткину „Колокола“, онъ сознался, что дѣйствительно получилъ отъ Владимірова номеровъ восемь, но потомъ, по просьбѣ родителей, просилъ прекратить эти присылки.

28 августа предупрежденная о допросѣ Глушановская заявила, что выразила въ письмѣ не то, что было на самомъ дѣлѣ: она сама хотѣла прочесть прокламацію къ офицерамъ и для этого, зная любезность Печаткина, сочинила свою записку, но не была увѣрена, что онъ могъ исполнить ея просьбу. Она была отдана на поруки.

Арестованный студентъ Алексѣй Яковлевъ 5 іюля показалъ, что вовсе не обращался къ Баллоду съ просьбой посодѣйствовать напечатанію прокламаціи къ офицерамъ, будучи съ нимъ для этого слишкомъ мало знакомъ, равно и не получалъ отъ него никакихъ прокламацій. Черезъ мѣсяцъ онъ признался, что давалъ Баллоду „Полярную Звѣзду“ и „Колоколъ“.

Съ большимъ вниманіемъ отнеслась комиссія ко всему, касавшемуся Николая Жуковскаго и Мошкалова. Отсюда вниманіе и къ братьямъ перваго.

Въ числѣ взятыхъ у Николая бумагъ была, напримѣръ, такая записка его брата Василія: ...„Дядя посылаетъ тебѣ 4 № „Колокола“, одинъ „Подъ Судъ“ и одинъ номеръ „Будущности“. Если успѣешь прочитать къ завтрему, то завтра получишь слѣдующіе номера съ Володей, а старые отдашь ему“. Или письмо какой-то дамы къ кн. Е. А. Долгоруковой въ Мо-

скву, въ которомъ сообщалось, что податель его, Николай Жуковскій, вполнѣ заслуживаетъ довѣрія, и ему слѣдуетъ передать деньги, собранныя въ пользу Бакунина. Очевидно, готовился его отъѣздъ за-границу...

3 августа комиссія постановила представить государю, что Николай Жуковскій и Мошкаловъ обвиняются въ злоумышленныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ, и испросить, не угодно ли будетъ повелѣть распорядиться о вызовѣ ихъ для отвѣта въ Россію, а если не явятся въ положенный срокъ, то поступить съ ними по закону. 5-го государь изъявилъ на это согласіе.

Немедленно комиссія сообщила все министерству иностранныхъ дѣлъ.

Какъ разъ къ этому времени привезли изъ Уфы двухъ братьевъ Жуковскаго, Владимира и Василія, и заключили въ крѣпость. Они были арестованы въ Уфѣ 26 іюля; при обыскѣ ровно ничего не найдено, кромѣ тетради, въ которой помѣщено одно длинное стихотвореніе—„Быль о чудо-звѣрѣ“. 17-го августа допросили ихъ обоихъ. Владимиръ [1]) показалъ, что жилъ одно время съ Баллодомъ въ меблированныхъ комнатахъ Мазановой, а потомъ поселился съ братомъ Николаемъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ въ 1860 г. Николай у него и познакомился съ Баллодомъ. О томъ, что они занимались какою бы то ни было политической дѣятельностью, онъ не знаетъ. Считаетъ Николая сейчасъ въ Петербургѣ. Насколько помнитъ, Василій не посылалъ Николаю черезъ него герценовскихъ изданій, а что Баллодъ получалъ по почтѣ „Колоколъ“ аккуратно, это знаетъ точно. „Дядя“ въ письмѣ Василія значилъ Баллодъ: такъ его прозвали товарищи.

Василій [2]) категорически утверждалъ, что „съ 1860 г. сентября мѣсяца и до сентября 1861 г. Баллодъ велъ себя очень хорошо; кромѣ рѣзкихъ выраженій, касающихся правительства, ничего не было замѣтно. Съ сентября же было видно участіе

[1]) Учился сначала въ петербургской, а потомъ въ оренбургской гимназіи, въ 1857 г. поступилъ въ казанскій университетъ, который кончилъ въ 1861 г. Въ январѣ 1862 г. уѣхалъ на мѣсто судебнаго слѣдователя въ Уфу, къ матери. Она сдавала въ аренду свои золотые прииски на Уралѣ.

[2]) Воспитывался въ Оренбургской гимназіи; окончивъ ее въ 1860 г., поѣхалъ въ петербургскій университетъ. Въ январѣ 1862 г. тоже поѣхалъ въ Уфу на службу.

въ сходкахъ, гдѣ онъ игралъ роль вожака"; сочиненія Герцена у него были всегда, и „я знаю, что онъ ихъ распространялъ". Онъ самъ иногда бралъ у него „Колоколъ". Гдѣ въ данное время Николай—не знаетъ.

Черезъ мѣсяцъ III Отдѣленіе сообщило комиссіи, что Владиміръ Жуковскій, будучи слѣдователемъ, внушалъ крестьянамъ Оренбургской губ. „вредныя понятія". Комиссія просила министра внутреннихъ дѣлъ навести по этому поводу соотвѣтствующія справки и не оставить ее увѣдомленіемъ обо всемъ, что станетъ извѣстно.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, непосредственно прикосновенныхъ къ дѣлу о распространеніи возмутительныхъ сочиненій, комиссія въ разное время привлекала еще двухъ: учителя Викторова и писателя Н. В. Альбертини. 2 іюня 1862 года, вслѣдъ за страшными пожарами въ Петербургѣ, вдругъ загорѣлось уѣздное училище въ Лугѣ. Оказалось, что поджегъ его умышленно одинъ изъ учителей, Викторовъ, самъ потомъ сознавшійся въ преступленіи, совершённомъ въ нетрезвомъ состояніи. Начали добираться до его связей и знакомствъ и обнаружили, что онъ бывалъ иногда у Баллода, бралъ у него заграничныя изданія и вообще находился подъ его вліяніемъ. Открыто было и знакомство съ Альбертини, тоже снабжавшимъ его „герценовщиной" и давшимъ рекомендательное письмо къ Баллоду передъ своимъ отъѣздомъ за-границу. Баллодъ отрицалъ сколько-нибудь близкое знакомство съ Викторовымъ, хотя не скрылъ, что „Колоколъ" ему давалъ. Альбертини былъ вытребованъ изъ-за-границы, но просилъ позволить докончить курсъ лѣченія. Потомъ, ужъ въ сенатѣ, въ маѣ 1863 г., онъ категорически отвергъ указаніе на снабженіе Викторова нелегальной литературой, сказавъ, что давалъ ему „Годъ на сѣверѣ" Максимова, а вовсе не „Полярную Звѣзду" и т. п. Онъ былъ отпущенъ безъ всякихъ непріятностей. Викторовъ былъ затѣмъ судимъ военно-полевымъ судомъ уже собственно за поджогъ и попалъ на поселеніе въ Сибирь.

Когда такимъ образомъ были опрошены лица, указанныя самымъ ходомъ дѣла, Баллоду 11-го сентября пришлось дать комиссіи нѣкоторыя разъясненія [1]). Онъ отрицалъ свое дѣя-

[1]) Г. Пантелѣевъ говоритъ, что ему документально извѣстно, что однажды Баллодъ былъ вызванъ въ слѣдственную комиссію. „Тамъ оказался только одинъ членъ Ждановъ.—„Вы, пожалуй, меня не узнаете,—началъ Ждановъ: —

тельное участіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г., сказавъ, что на демонстраціяхъ въ стѣнахъ университета не бывалъ, вожакомъ не держался. Съ товарищами по семинаріи совѣтовался объ устройствѣ коммуны, и эти-то собранія у него Василій Жуковскій считалъ конспиративными, предупреждая Писарева, желавшаго войти къ Баллоду, но о политикѣ не бесѣдовали.

Что касается Писарева, то послѣ допроса 11-го августа его больше не безпокоили. Было рѣшено лишь, ознакомившись съ письмами Благосвѣтлова къ Попову, сообщить III Отдѣленію, что за ними обоими необходимо учредить секретное наблюденіе и о послѣдствіяхъ его просить освѣдомить комиссію.

17 сентября она имѣла удовольствіе прочесть въ 144 № „Колокола“ слѣдующее письмо Николая Жуковскаго:

„Милостивые государи!

„Преслѣдуемый правительствомъ по дѣлу одной изъ петербургскихъ типографій, я бѣжалъ за-границу.

„Собраты наши—поляки—избавили меня въ Польшѣ отъ непріятностей и помогли перебраться за-границу.

„Не имѣя возможности писать прямо къ нимъ, я прибѣгаю къ посредству „Колокола“. Прошу васъ извѣстить моихъ друзей о томъ, что я въ Лондонѣ, и передать имъ мою искреннюю признательность за сочувствіе и помощь.

„Подробности моего бѣгства сообщу въ другое время, когда можно будетъ говорить о людяхъ, не подводя ихъ подъ *крѣпость* или *каторгу*, которыми доживающее свой вѣкъ императорство хочетъ натѣшиться вволю.

„Преданный вамъ *Николай Жуковскій*.

„8 сентября 1862 г.“

ранѣе вы всегда меня видѣли при лентѣ и орденахъ, поговоримъ запросто о вашемъ дѣлѣ; оно очень серьезно, но я постараюсь помочь вамъ“. И съ этими словами Ждановъ вынулъ изъ кармана № „Колокола“, гдѣ самъ Жуковскій сообщалъ о своемъ побѣгѣ за-границу. — Но вы меня не забудьте,—сказалъ Ждановъ, — когда ваша партія восторжествуетъ, вѣдь я уже старъ и опасенъ для васъ быть не могу (336 стр.). Случай этотъ очень характеренъ для иллюстраціи того, какъ, всетаки, наверху крѣпка была вѣра въ возможность коренного политическаго перелома.

Тогда же комиссія была увѣдомлена министромъ внутреннихъ дѣлъ, что по всеподданнѣйшему его докладу о томъ, что „въ настоящее время представляется неудобнымъ вызывать изъ-за-границы политическихъ преступниковъ, тѣмъ болѣе, что самый порядокъ вызова ни законами, ни бывшими примѣрами не установленъ“, повелѣно вызовъ Жуковскаго и Мошкалова пріостановить.

26 ноября комиссія постановила просить соизволенія государя отдѣлить производство слѣдствія о Баллодѣ, Писаревѣ, Лобановѣ, Печаткинѣ, братьяхъ Жуковскихъ и Мошкаловѣ отъ общаго дѣла о распространеніи возмутительныхъ воззваній и первыхъ четырехъ предать суду сената, о Владимирѣ Жуковскомъ выждать отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Василія возвратить матери въ Уфу, а о Николаѣ и Мошкаловѣ произвести слѣдствіе по возвращеніи ихъ изъ-за-границы, для чего сдѣлать вызовъ.

Александръ II все утвердилъ.

X.

Сенатъ былъ освѣдомленъ объ этомъ въ послѣдній день 1862 года.

Дѣло перешло въ I отдѣленіе 5 департамента, гдѣ первоприсутствовавшимъ былъ М. М. Карніолинъ-Пинскій, а членами въ разное время: Н. М. Карнѣевъ, А. П. Бутурлинъ, А. В. Веневитиновъ, Б. И. Беръ, К. Б. Венцель, Н. Е. Лукашъ, М. Н. Любощинскій и гр. Д. А. Толстой.

Въ концѣ ноября генералъ-губернаторъ прислалъ въ сенатъ такъ называемые „повальные обыски“ объ образѣ жизни и поведеніи Баллода, Лобанова и Печаткина, а о Писаревѣ сообщилъ, что обыскъ не былъ произведенъ, потому что „во время проживанія его здѣсь, въ домѣ иностранца Дорна, онъ велъ себя такимъ образомъ, что о образѣ жизни этого подсудимаго зналъ только квартирный хозяинъ его“, Поповъ, спрашивать же его, состоящаго подъ надзоромъ, конечно, неудобно. 31-го января Лобановъ и Печаткинъ были выпущены изъ крѣпости на поруки съ „приличнымъ внушеніемъ“, чтобы вели себя вполнѣ безукоризненно.

Даже принимая во вниманіе, что, кромѣ интересующихъ

насъ подсудимыхъ, сенатъ имѣлъ дѣло еще съ семью другими, всетаки надо удивляться той медленности, съ какою велось все дѣло. Баллода впервые допросили лишь 16 и 18 апрѣля. Понявъ, что и Мошкаловъ, подобно Жуковскому, тоже эмигрировалъ, а можетъ быть, даже узнавъ и это отъ Жданова, онъ сознался, что многое приписалъ Горбановскому, не желая сразу назвать Мошкалова; послѣдній самъ написалъ прокламацію о Шедо-Ферроти.

Писарева допросили впервые 22 апрѣля. На вопросъ, ради чего онъ обратился къ милосердію государя, не ради ли желанія отдѣлаться меньшимъ наказаніемъ, онъ отвѣчалъ:

„Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что не имѣю никакого права обращаться къ милосердію Монарха: я сочту совершенно справедливымъ и безъ малѣйшаго ропота перенесу всякое наказаніе. Обращеніе мое къ милосердію Монарха было вызвано не разсчетомъ на смягченіе моей участи, а желаніемъ выразить мое полное смиреніе и чистосердечное раскаяніе. Сознаніе мое было полное: въ немъ не было ни задней мысли, ни утайки. Сношенія мои съ Баллодомъ начались съ того, что мы встрѣчались съ нимъ у студента Шефнера и у братьевъ Жуковскихъ. Намъ случалось кутить вмѣстѣ; мы выпили съ нимъ брудершафтъ и стали говорить другъ другу „ты“; изъ этого не вышло особенной короткости, потому что во время моего студенчества я былъ на „ты“ съ 20-ю или съ 30-ю человѣками. Мы съ Баллодомъ почти никогда не говорили серьезно, потому что встрѣчались за карточнымъ столомъ или за бутылкою вина; занятія науками не могли насъ сблизить: онъ былъ натуралистъ, а я—филологъ; мы никогда не довѣряли другъ другу никакихъ задушевныхъ мыслей; я не знаю ни семейныхъ, ни сердечныхъ дѣлъ Баллода; между нами была только дружеская безцеремонность, безо всякаго нравственнаго сближенія. Эти отношенія не измѣнились и тогда, когда я поселился въ одномъ домѣ съ Баллодомъ, потому что другомъ моимъ былъ только Владимиръ Жуковскій. Куда ходилъ Баллодъ, съ кѣмъ онъ видѣлся, замышлялъ ли онъ что-нибудь—объ этомъ я рѣшительно ничего не зналъ и не догадывался. Одинъ разъ, когда я уже переѣхалъ на квартиру Попова, въ декабрѣ или въ концѣ ноября 1861 г., я зашелъ къ Жуковскимъ и, не заставши Владимира, хотѣлъ зайти на минуту къ Баллоду. Тогда Василій Жуковскій сказалъ

мнѣ: „не ходи,—у него какое-то интимное собраніе; онъ не любитъ, чтобъ къ нему входили". Какое это было собраніе и дѣйствительно ли оно было, этого я не знаю. Василій, какъ мальчикъ недальняго ума и совершенно неразвитой, могъ принять за собраніе съ особымъ значеніемъ простую сходку студентовъ, ругавшихъ матрикулы. Я не сталъ его разспрашивать, потому что не люблю вывѣдывать чужіе секреты. Я высказалъ въ своихъ показаніяхъ, что предполагаю политическій характеръ этого собранія только потому, что Баллодъ теперь арестованъ за агитацію. Объяснить, почему я, очертя голову, согласился, по предложенію Баллода, написать статью, я могу только указаніемъ на весь мой характеръ. Человѣкъ благоразумный не сдѣлалъ бы этого, а я сдѣлалъ это изъ мальчишескаго ухарства. Кромѣ того, я страдалъ тогда оттого, что любимая мною женщина вышла замужъ за другого; я былъ разстроенъ закрытіемъ „Русскаго Слова". Написать статью было недолго, и я не успѣлъ одуматься, когда Баллодъ былъ уже захваченъ съ моею статьею. Ни въ моемъ предыдущемъ поведеніи, ни въ моихъ бумагахъ, ни въ книгахъ, ни въ журнальныхъ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на обдуманное намѣреніе и установившіяся политическія убѣжденія. Баллодъ предложилъ мнѣ написать рѣзкую декламацію,—я такъ и сдѣлалъ. Эти показанія вполнѣ истинны; я готовъ подтвердить ихъ даже подъ присягою".

Писаревъ просилъ освободить его на поруки ожидаемой въ Петербургъ матери, но сенатъ не нашелъ возможнымъ исполнить просьбу; противъ же свиданій съ нею ничего не имѣлъ. Въ маѣ пріѣхала мать, и съ этого времени начинаются довольно частыя свиданія ея съ сыномъ. По разсказу дяди, А. Д. Данилова, Писаревъ, имѣя въ своемъ распоряженіи очень ограниченное, вѣрнѣе, точно провѣряемое число листовъ писчей бумаги, но не стѣсненный въ количествѣ книгъ, отрывалъ въ послѣднихъ поля и на этихъ узенькихъ ленточкахъ микроскопическими буквами писалъ тѣ письма матери, Благосвѣтлову и другимъ лицамъ, которыя только частью напечатаны самимъ же дядею и Е. Соловьевымъ. Мать, приходя домой, немедленно садилась за переписываніе получаемыхъ черезъ одного изъ служащихъ въ крѣпости „шариковъ" и въ такомъ уже видѣ посылала письма по назначенію [1]).

[1]) „Русское Обозрѣніе", 1893 г., I.

Со дня своего ареста въ продолженіе почти года Писаревъ мучился невозможностью писать, особенно когда въ срединѣ февраля 1863 года „Русское Слово", отбывъ свою восьмимѣсячную пріостановку, снова стало издаваться... Въ началѣ іюня мать обратилась къ генералъ-губернатору, кн. Суворову, за разрѣшеніемъ сыну заниматься литературной дѣятельностью, мотивируя свою просьбу необходимостью поддерживать гонораромъ существованіе не только самого арестанта, но и его семьи. Суворовъ запросилъ сенатъ. Послѣдній не встрѣтилъ препятствій въ удовлетвореніи ходатайства. Съ 10—12 іюня Писаревъ принялся за лихорадочное писаніе. Онъ просто засыпалъ своими статьями. Такъ, 30 іюля, Суворовъ представилъ сенату первую готовую работу—„Наша университетская наука"—и запрашивалъ, не встрѣчается ли по обстоятельствамъ дѣла препятствій къ ея напечатанію. Сенатъ препятствій не встрѣтилъ, статья была возвращена Суворову, а имъ направлена къ министру внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшему цензурой. Затѣмъ она прошла обычнымъ порядкомъ и появилась въ „Русскомъ Словѣ".

Черезъ мѣсяцъ, 31 августа, Суворовъ прислалъ въ сенатъ „Очерки изъ исторіи труда", а 8 октября — ихъ продолженіе и статью „Мысли о русскихъ романахъ". Первая не встрѣтила препятствій и была затѣмъ напечатана, а относительно второй сенатъ 14 октября увѣдомилъ Суворова, что, ничего не имѣя противъ разрѣшенія ея общимъ порядкомъ, считаетъ, однако, нужнымъ сообщить, что „сочиненіе Писарева „Мысли о русскихъ романахъ", заключающее по преимуществу разборъ романа содержащагося подъ стражею литератора Чернышевскаго, подъ заглавіемъ „Что дѣлать?", и преисполненное похвалъ сему сочиненію съ подробнымъ развитіемъ матеріалистическихъ и соціальныхъ идей, въ немъ заключающихся, по мнѣнію правительствующаго сената, въ случаѣ напечатанія его, можетъ имѣть вредное вліяніе на молодое поколѣніе, проникнутое этими идеями". Кончался указъ очень ядовито: „впрочемъ, предметъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію цензуры"... Конечно, Суворовъ и не сталъ посылать статью дальше, а вернулъ ее Писареву. Такъ до сихъ поръ она и неизвѣстна.

27 ноября Суворовъ прислалъ „Историческіе эскизы", окончаніе которыхъ дослалъ 11 января 1864 г. Статья была напечатана. 27 января присланы „Цвѣты невиннаго юмора". 11 фев-

раля—„Мотивы русской драмы“, 4 марта—начало „Прогресса въ мірѣ животныхъ и растеній“, 16 апрѣля — продолженіе, 20 іюля—окончаніе и еще два новыхъ произведенія: „Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби“ и начало „Реалистовъ“, конецъ которыхъ присланъ 8 августа. Все это было напечатано. 16 сентября была прислана статья „Картонные герои“. 21-го сенатъ предписалъ Суворову, что „по соображеніямъ статьи съ политическими производствами сената, изъ которыхъ къ одному прикосновененъ сей авторъ, правит. сенатъ не находитъ удобнымъ допустить напечатаніе статьи“. Что въ ней заключалось, о чемъ шла рѣчь — неизвѣстно. Статья была возвращена автору.

4 ноября прислана была послѣдняя статья—„Промахи незрѣлой мысли“—и вскорѣ напечатана.

8 февраля 1863 г. генеральный консулъ въ Лондонѣ, Бергъ, прислалъ Жуковскому повѣстку. На другой день онъ получилъ отвѣтъ: „На повѣстку отъ 8 февраля 1863 г. Николай Жуковскій увѣдомляетъ господина ген. консула въ Лондонѣ, что онъ въ консульство являться не считаетъ нужнымъ и проситъ г. консула сообщить Жуковскому письменно тѣ причины, по которымъ онъ желаетъ видѣть его лично“. Не желая давать въ руки документовъ, которые Жуковскій, слѣдуя примѣру Герцена, Огарева и другихъ эмигрантовъ, конечно, опубликовалъ бы, и точно слѣдуя мнѣнію кн. В. А. Долгорукова, признавшаго незадолго передъ тѣмъ лишнимъ писать въ подобныхъ случаяхъ. посолъ приказалъ консулу ограничиться вызовомъ Жуковскаго черезъ „Times“.

Вслѣдъ за напечатаніемъ и своего вызова Мошкаловъ тоже обратился къ Бергу съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему письменно увѣдомить, для чего его вызываютъ. Такимъ образомъ правительству оставалось снова черезъ „Times“ назначить срокъ, къ которому Жуковскій и Мошкаловъ должны были явиться въ сенатъ. Положено было остановиться на 1 іюня стараго стиля.

Разумѣется, они не явились.

25 мая 1864 года сенатъ имѣлъ послѣднее собраніе, закончившееся составленіемъ, наконецъ, опредѣленія, подписаннаго 2 іюня Карніолинъ-Пинскимъ, Венцелемъ, Лукашомъ и Веневитиновымъ.

Привожу его, разумѣется, только въ резолютивной части,

потому что все остальное есть лишь воспроизведеніе уже извѣстнаго читателю.

XI.

„Настоящее дѣло имѣетъ предметомъ составленіе, печатаніе и распространеніе возмутительныхъ противу правительства воззваній. Подсудимые по роду обвиненія должны быть раздѣлены на три категоріи, не имѣющія между собою связи (исключая только одного Печаткина, о чемъ изложено будетъ ниже). Къ первой категоріи относятся: бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Петръ Баллодъ, кандидатъ СПБ. у. литераторъ Дмитрій Писаревъ, бывшій студентъ СПБ. у. Василій Лобановъ и почетный гражданинъ, бывшій вольнослушатель того же университета Евгеній Печаткинъ. Ко второй: студентъ Медико-Хирургической академіи Сергѣй Рымаренко, типографщикъ купецъ Илья Марковъ и студенты упомянутой академіи Помпей Мультановскій и Юлій Гюбнеръ. Наконецъ, къ третьей: бывшій студентъ Московскаго университета Леонидъ Ольшевскій, студенты СПБ. у. Петръ Ткачевъ и Кемарскій и упомянутый въ I категоріи Печаткинъ".

Затѣмъ, послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, относящихся до каждаго изъ названныхъ лицъ, шла уже и самая резолюціонная часть опредѣленія:

„Разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства дѣла сего, правительствующій сенатъ находитъ, что изъ подсудимыхъ:

„1. Бывшій студентъ СПБ. университета Баллодъ виновенъ, по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла совершенно согласному: а) въ принятіи участія въ заговорѣ противу правительства и въ заведеніи тайной типографіи для напечатанія возмутительныхъ противу онаго сочиненій, б) въ печатаніи сихъ сочиненій и в) въ распространеніи ихъ посредствомъ подкидыванія. Первое изъ преступленій его составляетъ злоумышленіе противъ правительства, предусмотрѣнное въ сводѣ законовъ уголовныхъ, въ главѣ о государственныхъ преступленіяхъ, въ статьѣ 283. Но какъ это злоумышленіе Баллода открыто правительствомъ при самомъ началѣ его, и посему никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ онаго не произо-

шло, то, на основ. послѣдующей 284 статьи, онъ подлежитъ наказанію по 3 или 4 степени 21 ст. уложенія. Обращаясь къ выбору одной изъ сихъ двухъ степеней наказанія, сенатъ находитъ, что неискренность Баллода въ сознаніи, ибо онъ, пойманный правительствомъ на самомъ преступленіи, не будучи въ состояніи скрыть этого, тщательно утаивалъ своихъ сообщниковъ, и нераскаянность въ его преступныхъ дѣйствіяхъ, ибо и при самыхъ послѣднихъ показаніяхъ своихъ онъ, вмѣсто подробнаго и точнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ требовалъ отъ него правит. сенатъ, дозволилъ себѣ иронически отзываться о своемъ преступленіи, сравнивая себя съ охотникомъ, идущимъ на медвѣдя,—приводятъ сенатъ къ тому убѣжденію, что онъ долженъ подвергнуться строжайшему изъ приведенныхъ наказаній, т. е. по 3 степени 21 статьи. За напечатаніе и распространеніе посредствомъ разбрасыванія возмутительныхъ противъ правительства воззваній Баллодъ, на основ. 285 ст., подлежитъ наказанію по 5 степени 21 статьи. По совокупности преступленій, на основ. 165 ст., онъ долженъ быть подвергнутъ строжайшему изъ вышеприведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторгу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселенъ въ Сибири навсегда.

„2. Кандидатъ СПБ. унив. Писаревъ виновенъ, также по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла вполнѣ согласному, въ составленіи возмутительной статьи, заключающей въ себѣ опроверженіе брошюры Шедо-Ферроти и преисполненной дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій и противъ правительства, и противъ священной особы самого Государя Императора. Сочиненіе это написавъ, онъ отдалъ Баллоду, который сказалъ ему, что, можетъ быть, ему удастся его напечатать. При такомъ положеніи дѣла, обращаясь къ опредѣленію свойства преступленія Писарева, сенатъ находитъ, что полныхъ требуемыхъ закономъ юридическихъ доказательствъ къ признанію Писарева виновнымъ въ составленіи сочиненія его съ цѣлью распространенія въ дѣлѣ не содержится, ибо передача имъ статьи своей Баллоду не ведетъ еще къ заключенію, чтобы онъ непремѣнно старался распространить ее, хотя по тѣмъ же обстоятельствамъ онъ въ преступленіи семъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе. Такимъ образомъ, не будучи признаваемъ вполнѣ изобличеннымъ въ покушеніи распространить свое

возмутительное сочиненіе, онъ положительно виновенъ въ составленіи его. Такое преступное дѣйствіе законъ называетъ приготовленіемъ и началомъ покушенія къ возбужденію бунта и подвергаетъ виновнаго въ ономъ наказанію, въ 3 ч. 285 ст. изложенному, т. е. заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. На основаніи указа 17 апрѣля 1863 года п. 7, заключеніе это должно быть сокращено на одну треть, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, оно можетъ быть уменьшено и на половину. Посему, обращаясь къ сужденію о мѣрѣ наказанія Писарева и сокращеніи онаго по указу 17 апрѣля, сенатъ находитъ, что первоначальное упорное запирательство его въ преступленіи, а потомъ неискренность и въ самомъ сознаніи, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему увѣщанія, ведутъ къ тому, что онъ долженъ понести наказаніе, ему слѣдующее, въ высшей онаго мѣрѣ, а сокращено должно быть оное на основаніи вышеприведеннаго указа сенату только на одну треть, т. е. онъ долженъ быть лишенъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и подвергнутъ заключенію въ крѣпости на 2 года и 8 мѣсяцевъ, а по предмету покушенія на распространеніе сочиненной имъ возмутительной статьи оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Писаревъ во время производства дѣла сего ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, оправдывая себя тѣмъ, что преступленіе его было плодомъ минутнаго увлеченія, и что онъ—человѣкъ впечатлительный до такой степени, что даже подвергался умопомѣшательству, отъ коего и былъ пользуемъ. Таковое ходатайство Писарева сенатъ признаетъ не заслуживающимъ уваженія, потому что статья, составленная имъ и заключающая два листа весьма мелкаго письма, написанная при томъ не въ одинъ разъ, а съ значительнымъ промежуткомъ времени, доказываетъ обдуманность преступнаго его дѣйствія.

„3. Бывшій студентъ Спб. у. Лобановъ, обвиняемый въ способствованіи Баллоду къ постоянному полученію имъ „Колокола“, въ томъ не сознался, показавъ, что давалъ ему только нѣкоторые номера „Колокола“, простая же передача для чтенія „Колокола“ не составляетъ злоумышленнаго распространенія сего вреднаго изданія, посему, на точномъ основ. 304 ст. 2 кн. XV т., онъ долженъ быть отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освобожденъ.

„4. Бывшій вольнослушатель Спб. у. Печаткинъ обвиняется,

вслѣдствіе показанія Лобанова, въ томъ, будто бы онъ доставлялъ Баллоду „Колоколъ“ изъ-за-границы, но Печаткинъ въ семъ не сознался, и самъ Баллодъ въ томъ его не оговариваетъ. Кромѣ сего, Печаткинъ обвиняется въ знаніи о преступныхъ замыслахъ студента Ольшевскаго, сочинявшаго возмутительныя воззванія. Обвиненіе это основано единственно на запискѣ, найденной у Ольшевскаго отъ Печаткина. и на предостереженіи, выраженномъ Ольшевскимъ въ письмѣ къ Кемарскому, но Печаткинъ ни въ участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ, ни даже въ знаніи о нихъ не сознался, Ольшевскимъ не оговоренъ, и другихъ доказательствъ къ обвиненію его въ дѣлѣ нѣтъ. Но при обыскѣ, произведенномъ у него, найдена возмутительная статья подъ заглавіемъ „Къ русскому народу“. Храненіе такого содержанія статьи, безъ права на то, подвергаетъ виновнаго, на основ. послѣдней части 285 ст., аресту отъ 7 дней до трехъ мѣсяцевъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи на время отъ 1 года до 3 лѣтъ. Правительствующій сенатъ при первоначальномъ обсужденіи степени вины подсудимыхъ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія для опредѣленія того, должны ли они быть содержимы въ крѣпости или могутъ быть освобождены изъ оной, нашелъ, что Печаткинъ можетъ быть отданъ на поруки, но предварительно освобожденія призналъ полезнымъ сдѣлать ему, въ числѣ прочихъ, внушеніе, чтобы онъ велъ себя осторожнѣе и не дозволялъ себѣ дѣйствій, законами воспрещенныхъ. Но несмотря на это, во время производства въ сенатѣ слѣдствія по доносу кол. рег. Кучинскаго, обнаружено, что, когда Ольшевскій былъ на излѣченіи во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, то Печаткинъ, не имѣя права посѣщать его, видѣлся съ нимъ подъ предлогомъ навѣщанія бывшаго тамъ же на излѣченіи поручика Жукова, ему вовсе незнакомаго, и приносилъ Ольшевскому деньги. Хотя въ прочихъ выведенныхъ въ доносѣ Кучинскаго поступкахъ Печаткинъ не сознался, и доказательствъ на сіе Кучинскимъ не представлено, но и посѣщеніе Ольшевскаго, котораго достигнулъ онъ чрезъ обманъ больничнаго начальства, несмотря на сдѣланное ему въ присутствіи прав. сената внушеніе, чтобы велъ себя безукоризненно, доказываетъ крайнюю его легкомысленность, за что и слѣдуетъ сдѣлать ему выговоръ (примѣч. къ ст. 62). По совокупности проступковъ его, онъ долженъ быть присужденъ къ строжайшему

изъ приведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. его слѣдуетъ подвергнуть аресту на 3 мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

„5 и 6. Бѣжавшій за-границу губ. секретарь Николай Жуковскій и находившійся тамъ, съ разрѣшенія начальства, студентъ Мошкаловъ, прикосновенные къ дѣлу студента Баллода, о коихъ, по вызовѣ ихъ изъ-за-границы, высочайше повелѣно произвести слѣдствіе, а въ случаѣ неявки ихъ—поступить съ ними по законамъ, будучи вызываемы правительствомъ въ Россію, не явились, а посему за таковое ослушаніе, на основ. 368 ст. кн. 1 тома XV, должны быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства.

„7. Студентъ М.-Х. академіи Рымаренко [1]) и 8. типографщикъ купецъ Марковъ, бывшій также нѣкоторое время студентомъ М.-Х. академіи, изобличаются: первый въ заказѣ столяру Вагнеру типографскихъ прессовъ для тайнаго печатанія и въ увозѣ съ неизвѣстными лицами одного изъ этихъ прессовъ, а Марковъ въ содѣйствіи Рымаренко по заказу означенныхъ прессовъ. По закону, пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія признается лишь приготовленіемъ къ оному (10 ст. улож. о наказ.). За приготовленіе къ совершенію преступленія виновный подвергается наказанію, смотря по тому, во-первыхъ, употребленныя имъ для сего средства были ли противозаконныя, во-вторыхъ, самое пріобрѣтеніе сихъ средствъ не было ль соединено съ опасностью для какого-либо частнаго лица, или многихъ, или всего общества. Наказаніе за одно, безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, приготовленіе къ преступленію опредѣляется лишь въ особыхъ, именно означенныхъ законами случаяхъ (124 ст. улож.). Принимая засимъ на видъ, что одно пріобрѣтеніе типографскихъ прессовъ само по себѣ не составляетъ противозаконнаго дѣйствія и не соединено съ опасностью ни для частныхъ лицъ, ни для общества, и что въ нашихъ уголовныхъ законахъ не постановлено наказанія за заказъ или пріобрѣтеніе типографскихъ прессовъ, хотя бы это и было дѣлаемо съ цѣлью тай-

[1]) Сергѣй Рымаренко родился въ 1839 году, въ 1857 году поступилъ въ Харьковскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ. Среди молодежи онъ пользовался большой популярностью и много работалъ въ воскресныхъ школахъ и другихъ легальныхъ организаціяхъ.

наго печатанія, правит. сенатъ находитъ, что Рымаренко за заказъ двухъ типографскихъ прессовъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ имъ полученъ, а Марковъ за принятіе участія въ этомъ заказѣ, на точномъ основаніи 124 ст. улож., не подлежатъ никакому наказанію. Но совпаденіе времени заказа студентомъ Рымаренко типографскихъ прессовъ со временемъ распространенія въ значительномъ количествѣ разныхъ возмутительныхъ и другихъ преступныхъ сочиненій, тайно печатаемыхъ, первоначальное запирательство Рымаренко и Маркова, а потомъ разнорѣчивыя и изворотливыя объясненія ихъ по предмету заказа прессовъ и противуправительственное направленіе Рымаренко, ясно видимое изъ найденныхъ у него при обыскѣ бумагъ, навлекаютъ подозрѣніе на Рымаренко въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, а на Маркова, по близкому знакомству съ Рымаренко, въ знаніи сего. Сверхъ того, всѣ эти обстоятельства представляютъ достаточное основаніе къ принятію въ отношеніи Рымаренко и Маркова въ административномъ порядкѣ одной изъ мѣръ, указанной въ примѣч. къ 62 ст. улож., а именно: Рымаренко, какъ личность, представляющуюся по дѣлу весьма упорною и вреднаго образа мыслей, надлежитъ выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, а Маркова отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненія Маркова въ заказѣ вдовѣ унтеръ-офицера Андреевой пальто и шапокъ съ особыми знаками, то по сему предмету онъ, какъ совершенно неизобличенный, долженъ быть отъ суда освобожденъ.

„9. Студентъ М.-Х. академіи Мультановскій [1]) обвиняется въ участіи съ Рымаренко въ заказѣ станковъ. Основаніемъ къ обвиненію сему послужило токмо то, что онъ жилъ вмѣстѣ съ Рымаренко, что Марковъ писалъ къ нему записку о платежѣ денегъ за станокъ, и что, по показанію Маркова, онъ будто бы сказывалъ ему, что первый станокъ увезенъ студентомъ Гюбнеромъ. Но Мультановскій ни въ какомъ участіи съ Рымаренко и Марковымъ въ заказѣ станковъ, ни даже въ знаніи о томъ не сознался, и самими ими, кромѣ вышеизъясненнаго показанія Маркова, не оговоренъ, а посему по обвине-

[1]) Впослѣдствіи небезызвѣстный хирургъ.

нію этому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ, равно какъ и по обвиненію въ заказѣ Андреевой пальто и шапокъ, по непредставленію ею никакихъ противу него доказательствъ.

„10. Сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ должно быть отложено впредь до полученія окончательныхъ свѣдѣній отъ министра иностранныхъ дѣлъ насчетъ помѣщика Черкесова, вызываемаго изъ-за-границы, отъ котораго слѣдуетъ отобрать по сему дѣлу показаніе [1]).

„11. Бывшій студентъ Москов. у. Ольшевскій виновенъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ „Разсказъ дяди Кузьмича“, съ намѣреніемъ напечатать и распространить его, что доказывается тѣмъ, что на самомъ сочиненіи отмѣчено его рукою „отдать въ корректуру“ и означено, сколько экземпляровъ этого сочиненія и куда слѣдуетъ ихъ разослать. Принимая во вниманіе, что одно намѣреніе напечатать и распространить сочиненіе возмутительнаго содержанія составляетъ лишь преступный умыселъ на это преступленіе, и что за подобный умыселъ въ законахъ не опредѣлено какого-либо особаго наказанія (9 и 123 ст. улож.), правит. сенатъ находитъ, что Ольшевскій долженъ быть подвергнутъ наказанію лишь за сочиненіе упомянутаго возмутительнаго воззванія, а именно на основ. 3 ч. 285 ст. улож. По этой статьѣ, виновные въ составленіи возмутительныхъ сочиненій, но не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, подлежатъ заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. При несовершеннолѣтіи Ольшевскаго наказаніе это, на основ. 5 п. 152 ст. улож. по прод. 1863 г., должно быть уменьшено для него одною степенью, по отсутствію уменьшающихъ вину его обстоятельствъ, и назначено въ средней мѣрѣ по неискренности его въ сознаніи (10 п. 145 ст.) съ сокращеніемъ на одну треть, согласно примѣчанію къ ст. 147 улож. по тому же продолженію (высоч. указъ 17 апрѣля 1863 г.). По симъ основаніямъ Ольшевскій подлежитъ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ (1 степень 39 ст. улож.), а по освобожденіи изъ крѣпости, согласно высоч. повелѣнію, послѣдовавшему въ отношеніи его по дѣлу о происходившихъ въ Спб. университетѣ безпорядкахъ, выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ

[1]) Потомъ былъ оправданъ.

подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненій, взведенныхъ на него, Ольшевскаго, въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, то онъ долженъ быть по сему предмету отъ суда освобожденъ, такъ какъ доносъ сей произведеннымъ прав. сенатомъ слѣдствіемъ не подтверждается.

„12 и 13. Студенты Спб. у. Кемарскій и Ткачевъ, обвиняемые въ знаніи и участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ его, въ преступленіяхъ сихъ не сознались, Ольшевскимъ не оговорены и другихъ доказательствъ противъ нихъ въ дѣлѣ нѣтъ, а потому ихъ слѣдуетъ отъ суда освободить. Но изъ нихъ Ткачевъ виновенъ въ имѣніи у себя возмутительной статьи „Что нужно народу“, полученной будто бы имъ отъ неизвѣстнаго, и недонесеніи о томъ, кому слѣдуетъ. За таковой проступокъ онъ, на основ. 285 ст. и 138 ст. 1 ч. XV т. св. закон. угол., долженъ подлежать заключенію въ крѣпости въ теченіе года съ смягченіемъ наказанія сего по несовершеннолѣтію его, на основ. 152 ст. улож. по прод. 1863 г. и высоч. указа отъ 17 апрѣля 1863 г., т. е. онъ долженъ быть заключенъ въ крѣпость на три мѣсяца; по обвиненію же ихъ вслѣдствіе доноса кол. рег. Кучинскаго, какъ доносъ сей слѣдствіемъ не подтвердился, слѣдуетъ отъ суда освободить.

„и 14. Обстоятельства дѣла, относящіяся до студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ слѣдствіемъ не подтвердившіяся, должны быть оставлены безъ послѣдствій.

„По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правит. сенатъ полагаетъ:

1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

„2. Кандидата Спб. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и Государя Императора сочиненія, лишить нѣкоторыхъ, особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочи-

неніе оставить въ сильномъ подозрѣніи: ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

„3. Бывшаго студента Спб. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія со студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ „Къ русскому народу" и за посѣщеніе студента Ольшевскаго посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

„4. Бѣжавшаго за-границу губ. секр. Николая Жуковскаго за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

„5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, взведеннымъ на него въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить.

и 6. Бывшаго студента Спб. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время нахожденія его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ „Что нужно народу" и за недонесеніе о томъ, кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

„Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кн. 2 тома XV, представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

„Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: а) находившагося за-границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкалова за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства; б) бывшаго студента М.-Х. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ

городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ; в) типографщика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ участіи бывшаго студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заказѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить; г) студентовъ Лобанова, Мультановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить; д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикѣ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіяся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіяся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. спб. военному генералъ-губернатору".

28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее на мнѣніе государственнаго совѣта. Послѣдній вполнѣ присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, государь положилъ резолюцію: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами".

5 ноября въ 12 час. дня при открытыхъ дверяхъ въ собраніи I отдѣленія 5 департамента всѣмъ упомянутымъ въ опредѣленіи была объявлена высочайшая воля.

Письма Г. Е. Благосвѣтлова къ В. П. Попову.

I.

1857 г., іюль. Лозанна.

Драгоцѣнный и добрѣйшій мой Василій Петровичъ.

Письмо ваше, отданное на почту за-границей, я получилъ въ Лозаннѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Женеву. Сильныхъ душевныхъ потрясеній стоила мнѣ каждая строчка; несмотря на горькіе, но совершенно справедливые упреки, я читалъ его съ такимъ восторгомъ, какой рѣдко испытывается въ жизни. Понятно, ваше письмо было первымъ извѣстіемъ съ родимой земли, первымъ голосомъ друга, котораго образъ носится предо мной ежеминутно по вершинамъ Альпъ и въ долинахъ счастливой Швейцаріи. Лучшія минуты моей петербургской жизни въ послѣднее время принадлежатъ *тебѣ* (да освятитъ твое теплое сердце эту патріархальную, но искреннюю частицу)— тебѣ, благороднѣйшій мой другъ. И вотъ новое доказательство твоего самоотверженнаго ко мнѣ расположенія: не измѣняй ему, и я буду вѣрить, что звѣзда моего счастія еще не совсѣмъ потухла. Брани меня — и я буду тебя слушать, какъ послушное дитя свою кормилицу; совѣтуй мнѣ—я приму всякій твой совѣтъ съ совершенною признательностію: требуй отъ меня — я все готовъ исполнить, что не превышаетъ силъ моихъ. Торжественно утверждаю мои обѣты — обѣты чистѣйшей любви къ тебѣ и неизмѣнной дружбы.

Итакъ, письма мои читаются въ почтамтѣ [1]; одинъ англичанинъ очень умно замѣтилъ, что въ б . . дскомъ домѣ подобные обычаи могутъ быть допущены и то только потому, что бл . дь въ юридическомъ смыслѣ не имѣетъ чести и не отвѣчаетъ за нее. Не помню, насколько мои письма были откровенны; знаю только, что общее ихъ направленіе не обвиняетъ меня, даже съ точки зрѣнія шпиона. Отдѣльныя выраженія, можетъ быть, были неосторожны, но гдѣ же мѣра этой осторожности? Притомъ я писалъ ихъ подъ вліяніемъ

[1] Поповъ получилъ письмо Благосвѣтлова съ ясными слѣдами бывшей перлюстраціи.

новаго общества, другой умственной атмосферы, другихъ понятій. Видя вокругъ себя безграничную свободу мысли и глубокаго уваженія къ ней, трудно удержаться въ предѣлахъ полицейскаго деспотизма, трудно не сказать того, что чувствуешь. Я не боюсь за себя: пусть казнятъ въ добрый часъ: всякая новая жертва — шагъ впередъ къ расплатѣ за нее... Но меня сильно тревожитъ одно обстоятельство,—не повредилъ ли я тебѣ своимъ бумагомараніемъ? Не думаю, впрочемъ. Но чтобы отклонить всякую тѣнь подозрѣнія, я въ каждомъ къ тебѣ письмѣ скажу что-нибудь въ пользу колпаковъ. Вѣроятно, М. М. Поповъ попробовалъ мою переписку — на здоровье [1]). Будемъ называть его въ официальныхъ письмахъ г. Смородина (кисло-сладкое качество идетъ къ нему) — и когда я тебя спрошу, а что думаетъ обо мнѣ г. Смородина? Это значитъ, что думаетъ 3 отдѣленіе, въ лицѣ своего вожатая. Ты можешь все сообщить мнѣ, съ извѣстнымъ тактомъ, относительно г. Смородины, — а все прочее не стоитъ и слова. Лишь бы не затворили дверей въ Россію, а о крѣпости нечего заботиться: даровая квартира по пріѣздѣ — это недурно. Во всякомъ случаѣ постараюсь сдерживать себя, сколько возможно больше, хоть и знаю, что этотъ постъ и молитва обходятся моимъ нервамъ очень дорого: но прими это, какъ первую жертву моей дружбы и горячаго расположенія къ тебѣ, любезный другъ. И чтобы смыть старыя пятна, посылаю тебѣ самое трезвое письмо, которое было для меня рвотнымъ, но для полиціи будетъ исцѣленіемъ... На этомъ развратномъ письмѣ будетъ стоять въ заглавіи крестъ †, какъ символъ насильственнаго распятія моей мысли.

Да здравствуетъ статья о Гончаровѣ [2]); какъ бы я желалъ прочитать ее! Сократи ее въ письмѣ — и это будетъ славнымъ праздникомъ для меня. Дѣло въ томъ, что справедливый протестъ нашелъ себѣ мѣсто въ печати — и это меня радуетъ, за это спасибо „Молвѣ“ [3]). Пора срывать маски съ шарлатанства, пора оставить кумовство и раболѣпство — и передъ кѣмъ? — передъ подлѣйшимъ цензоромъ, трусомъ, лѣнивцемъ и лицемѣромъ. Теперь я понимаю, что могъ написать порядочный человѣкъ, объѣхавъ полсвѣта, когда съ перемѣной каждой станціи въ головѣ мыслящаго человѣка и наблюдательнаго ума являются тысячи новыхъ идей и бездна интересныхъ наблюденій. Намъ нужны не справочныя цѣны апельсиновъ и трактирныхъ обѣдовъ, а честная живая мысль, согрѣтая

[1]) Тотъ М. М. Поповъ, который, сначала будучи учителемъ между прочимъ и Бѣлинскаго, потомъ пошелъ по пути сыска и былъ видимъ человѣкомъ въ III отдѣленіи съ половины 1840-хъ годовъ.

[2]) Статья самого Попова въ № 13 „Общезанимательнаго Вѣстника“ 1857 г. И. А. Гончаровъ считалъ возможнымъ совмѣщеніе писательской и цензорской дѣятельности и, разумѣется, сильно возмущалъ каждаго, кто смотрѣлъ на литературу прежде всего, какъ на служеніе свободѣ. Благосвѣтловъ радуется, что наконецъ-то Гончарову дано было нѣсколько вполнѣ заслуженныхъ щелчковъ.

[3]) Здѣсь что-то непонятное. „Молва“ издавалась въ Москвѣ и ничего тогда о Гончаровѣ не говорила

добрымъ чувствомъ. Бейте этого . . . . . до конца: я не отстану отъ тебя, когда будетъ нужно говорить въ защиту правды.

Очень радъ, что В. Н. Рюминъ началъ свой журналъ [1]). Но ты слишкомъ лакониченъ: съ какимъ впечатлѣніемъ приняла его публика, что говорили журналы, что говорило общее мнѣніе? — Все это неизвѣстно мнѣ, а между тѣмъ каждое твое слово, каждая буква дорога мнѣ. Но о позволительныхъ вещахъ можно говорить и въ другомъ письмѣ, а теперь потолкуемъ о предметахъ, болѣе близкихъ сердцу.

Дѣло вотъ въ чемъ, Василій Петровичъ, — западная Европа страшно ненавидитъ Россію. За что? За прошлыя ея казни, за прошлое противодѣйствіе общечеловѣческому прогрессу. Повѣришь ли, иногда стыдно произносить „я русскій": „ты рабъ" — отвѣчаетъ на это общее мнѣніе. Съ именемъ нашего добраго настоящаго государя Европа соединяетъ великолѣпныя надежды, но уже начинаютъ въ умахъ рѣзкихъ возникать сомнѣнія, и не дай Богъ, если повернется общій голосъ назадъ.. Сообщу при свиданіи, въ какомъ отношеніи мы находимся къ мыслящей Германіи, Англіи и Швейцаріи. Насъ боятся и презираютъ въ одно и то же время.

Какъ далеко мы отстали въ цивилизаціи отъ западно-европейскихъ народовъ — трудно измѣрить это разстояніе. Здѣсь жизнь кипитъ, рвется по всѣмъ направленіямъ. Народъ грызетъ послѣднее звено своихъ ржавыхъ цѣпей и съ каждой минутой ожидаетъ воззванія къ себѣ: масса пороху готова — нужна одна искра, чтобы все вспыхнуло. Наполеонъ качается на канатѣ, очень ненадежномъ: послѣдніе выборы были пощечиной его французскому величеству: лучшіе умы Франціи потеряли всякое довѣріе къ правительству: національная гордость, имѣвшая право на уваженіе за свое прошедшее, просыпается послѣ минутнаго обольщенія — и полюбишь оборвется, если только не уступитъ своей власти другимъ началамъ. Такъ думаетъ вся Европа, и лихорадочные припадки Франціи подтверждаютъ это мнѣніе.

Долго хотѣлось бы бесѣдовать съ тобою, — но два часа ночи, а я долженъ проснуться въ 6 часовъ и цѣлый день трястись въ дилижансѣ, по дорогѣ въ Шамуни. Изъ Шамуни или по возвращеніи изъ Люцерна напишу тебѣ подробное письмо..

Прощай, любезный другъ, — или лучше до свиданія.

Письмо это посылаю съ И. П. Аронстомъ, г. учителемъ Маріинскаго Института, бывшимъ моимъ товарищемъ по ремеслу. Изъ вѣрныхъ рукъ его получишь. За благодѣтельство его совершенно ручаюсь.

Б. П. Преженцову напишу особенное письмо и вложу его въ твое. Вручи его по назначенію и не лѣнись писать ко мнѣ.

Извѣстный тебѣ лозанскій житель (*Г. П.*).

[1]) „Общезанимательный Вѣстникъ". Успѣхомъ этотъ журналъ не пользовался.

II.

1857 г., сентябрь.

Дорогой Василій Петровичъ.

Если я не совсѣмъ исчезъ изъ твоей памяти, то прими участіе въ настоящемъ моемъ письмѣ.

1. Завтра я ѣду въ Парижъ, черезъ Южную Францію; буду въ Лионѣ, Байонѣ, Бордо и Орлеанѣ и потомъ въ царствѣ жандармовъ, на берегахъ Сены. Грустно разставаться съ Швейцаріей, которую я полюбилъ и которой обязанъ самымъ гостепріимнымъ пріемомъ. Послѣдній мѣсяцъ я жилъ въ Женевѣ; послѣднюю недѣлю въ Веве, гдѣ въ прошлую зиму прекрасное юношество пѣло республиканскую серенаду подъ окномъ не русскаго генерала, а даровитѣйшаго инженера, Тотлебена. Виноградники, теплое осеннее солнце и ненаглядная природа такъ приласкали меня, что я боюсь ѣхать въ Парижъ: но дѣлать нечего! Въ немъ одномъ можно найти всевозможные источники образованія. Итакъ, съ 18-го сентября пиши ко мнѣ въ Парижъ.

Пиши! — Это слово показалось мнѣ очень наивнымъ послѣ безчисленныхъ моихъ просьбъ и одного, только одного письма, полученнаго мной отъ моихъ *незабвенныхъ* пріятелей. Ко мнѣ пишутъ нѣкоторые изъ учениковъ, я съ удовольствіемъ читаю письма даже отъ петербургскихъ дамъ, но ни одного звука изъ того кружка, съ которымъ я соединенъ нѣкоторыми нравственными отношеніями. Какъ ясно виденъ въ этомъ русскій человѣкъ! Впрочемъ, извините, недавно я получилъ очень забавное письмо, подписанное буквами: *К. С.* Письмо писано послѣ обѣда, и, признаюсь, оно диктовано тупымъ желудкомъ, въ которомъ квасъ и каша еще не успѣли химически соединиться; изъ этого же письма я вижу, что авторъ его „поэтъ“,—поэтъ послѣ обѣда и прозаикъ натощакъ, — возлюбленное чадо Аполлона, застегнутое на всѣ крючки гвардейскаго мундира. Эти зашнурованные поэты ярко рисуются мнѣ издали... Въ четыре мѣсяца заграничной моей жизни ничто меня такъ глубоко не оскорбило, какъ это поэтическое письмо. Почему эта прекрасная маска не хотѣла подписать своего имени?—Понятно. Она пишетъ либералу: но подумала ли она, по крайней мѣрѣ, о томъ, что въ этой неумѣстной осторожности есть грубая лакейская выходка: мы чванимся какими-то свѣтскими приличіями, тонкимъ обхожденіемъ съ людьми, и не знаемъ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній. О, поборники русской мысли, люди прогресса, — у нихъ достаетъ смѣлости только на громкіе звуки, на величавую проповѣдь въ кулакъ, а гдѣ коснется дѣло сказать правду открыто, стать за себя,—они готовы бросить всѣ свои убѣжденія за лишнюю звѣздочку на эполетъ: да проститъ ему Богъ его воспитаніе по силѣ стараго прусскаго военнаго устава! К. С. проситъ меня или, лучше,

намекаетъ, чтобы я извѣстилъ его отвѣтомъ на его письмо: пусть подойдетъ къ моему костру, на которомъ жгутъ либераловъ, съ горячими клещами, и тогда не дождется отъ меня ни одного слова, развѣ съ ума сойду.

И какъ пріятно подумать объ отечествѣ, въ которомъ ожидаетъ презрѣніе, насмѣшка и, можетъ быть, шпіонскій доносъ. И за что? За то, что я сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Я обрекъ себя на всѣ лишенія ради того, чтобы ѣхать за границу, собрать что-нибудь годное и привезть его тому же отечеству. И кто смѣетъ заподозрить меня въ томъ буйномъ либерализмѣ, который выдумалъ Дубельтъ [1]) и подарилъ его Россіи... Я либералъ, говорю это съ гордостію, но либералъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ долженъ быть всякій мыслящій человѣкъ. Какъ будетъ толковать мои мысли и чувства глупый шпіонъ — до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Не написалъ бы я этого, еслибъ не чувствовалъ гнетущей тоски при взглядѣ на русскаго поэта и литератора.

Извѣсти и другихъ: кто боится писать либералу, — пусть передастъ какъ-нибудь свое имя; я нигдѣ даже не упомяну его въ своихъ письмахъ и тѣмъ спасу его отъ мнимыхъ гоненій и угрызеній совѣсти. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы храбры на то только, чтобы набуянить на улицѣ или въ трактирѣ?

Если и ты, любезный другъ, боишься вести хлѣбъ-соль съ отчаяннымъ либераломъ, — уничтожь посвященіе, которое я поставилъ въ заглавіи своихъ писемъ, и поставилъ отъ души. Я хотѣлъ видѣть твое имя, слишкомъ близкое моему сердцу, впереди тѣхъ строкъ, которыми обязанъ тебѣ. Это — начало того ряда писемъ, которыя я намѣренъ вести о заграничномъ путешествіи. Я обѣщалъ первую работу В. П. Рюмину — исполняю слово. Отдай „Часы моего досуга“ [2]) въ его журналъ, если онъ не отвергнетъ моихъ листковъ. Я желалъ бы напечатать поскорѣй, чтобы прислушаться къ мнѣнію другихъ. Если недурно — стану продолжать. Во всякомъ случаѣ, второе письмо, болѣе интересное и почти готовое, я пришлю не раньше, когда услышу твое мнѣніе и судъ читателей. Если же Рюминъ не напечатаетъ, отдай Старчевскому [3]) и возьми деньги впередъ. Пожалуйста, наблюди за корректурой и, если цензоръ исказитъ отдѣльныя выраженія, исправь ихъ.

Все идетъ прекрасно: работается съ успѣхомъ, здоровье въ общемъ составѣ поправилось; но зрѣніе гаснетъ: при двухъ свѣчахъ едва читаю. Рукописи подрываютъ глаза. О Лагарпѣ ты писалъ, — но то Лагарпъ другой, — Франсуа, а я спрашивалъ тебя о Фредерикѣ Цезарѣ, воспитателѣ Императора Александра I. Но дѣло рѣшено; его переписки ни на одномъ языкѣ не существуетъ: она отчасти хранится въ Лозанской библіотекѣ, отчасти въ государ-

[1]) Оставленный передъ этимъ незадолго управляющій III Отдѣленемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи съ 1839 по 1856 годъ.

[2]) Напечатаны въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“

[3]) А. В. Старчевскій, издатель „Сына Отечества“

ственномъ архивѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы сообщить ее р. публикѣ: не знаю, успѣю ли въ этомъ. Для историка Александра это драгоцѣнная вещь.

Завтра посылаю статью въ женевскій журналъ на фр. языкѣ: одинъ критикъ задѣлъ нашего Пушкина; я отвѣчаю ему, доказывая 1) то, что онъ ни бельмеса не смыслитъ въ р. литературѣ, 2) не знаетъ и азбуки р. языка, 3) пишу, что всѣ женевскіе поэты не стоятъ и сапога Пушкина. Здѣсь иное царство: можно обличать все,—все, что ложь и мерзость. Редакторъ самъ просилъ статью, слѣдовательно напечатаетъ. Жалѣю одно, что журналъ не имѣетъ европейскаго авторитета.

Пиши Христа ради скорѣй. На адресѣ вездѣ съ этой минуты ставь полное имя Blahoswetloff; въ Парижѣ предъявляется паспортъ и слѣдитъ полиція за всѣми иностранцами. Въ Швейцаріи я не вынулъ ни одного раза своего ярлыка.

Поклонись, кто помнитъ.

2. P. S. Да скажи слово и о томъ, что мои деньги за статью „Карамзинъ“. Неужели обманутъ? А что мои бѣдныя статьи въ „Общезаним. Вѣстникѣ“?

Искренно любящій тебя *Благосвѣтловъ*.

P. S. Я намѣренъ написать письмо генеральшѣ Лазаревой, которая просила меня извѣстить ее, когда я ворочусь домой. Я забылъ ея имя: сдѣлай милость, пошли человѣка узнать, какъ ее зовутъ. Она живетъ на углу [1]) улицы и Вознесен. пер., въ домѣ *Зейферта*. Да извѣсти меня, согласишься ли ты давать уроки ея дочери: славная дѣвушка. Если да,—я буду писать Лазаревой объ этомъ,—она ждетъ моего совѣта.

А что твои дѣла въ Нижнемъ-Новгородѣ? Пиши о нихъ.

III.

1858 г., 15 января. Парижъ.

Любезный другъ, Василій Петровичъ, кажется, я поздравлялъ тебя съ новымъ годомъ, да еще вдвоемъ [2]). Желаю же тебѣ совершеннаго успѣха въ твоихъ любовныхъ похожденіяхъ, въ литературныхъ трудахъ и чинахъ. Особенно желаю исправленія въ упорно осторожномъ характерѣ и слишкомъ набожномъ поведеніи относительно твоихъ друзей.

До насъ доходятъ страшные слухи о Васъ. 1-хъ, будто Вы освободили крестьянъ, на что очень сердятся въ Парижѣ помѣщики, разумно думающіе, что послѣ уничтоженія кабалы имъ нельзя будетъ мотать даровыя деньги въ парижскихъ кафэ и въ собраніяхъ

[1]) Названіе не разобрано.
[2]) Поповъ вскорѣ женился.

лоретокъ. Нѣкоторые такъ обижаются, что, сломя голову, поѣхали къ святымъ мѣстамъ умолять Спасителя о спасеніи ихъ крѣпостныхъ душъ. 2-хъ, будто бы Вы уничтожили чины. На это особенно негодуютъ гвардейскіе офицеры и лакеи, думавшіе получить со временемъ коллежскаго регистратора. Вообще Вы поступаете очень смѣло, впередъ идете, а ты, не обращая вниманія на окружающій тебя прогрессъ, продолжаешь прятаться въ своихъ письмахъ за перегородкой старыхъ убѣжденій. Не перестану я браниться съ тобой (какъ мнѣ это ни тяжело) до тѣхъ поръ, пока ты не распустишь своей дѣвственной скромности [1]).

Что Вы особенно дурно дѣлаете, это то, что посылаете офицеровъ за-границу. Они совершенно испортили нашу репутацію, такъ что скоро не будутъ пускать насъ ни въ одинъ порядочный домъ, ни въ одно учебное и ученое заведеніе. Одни изъ нихъ подкупаютъ нищихъ поляковъ, чтобы узнать какой-нибудь секретъ и, сообщивъ его въ Петербургъ, выслужиться; другіе добиваются чести представиться Наполеону III, какъ будто выше этой чести ничего лучшаго нѣтъ на землѣ; одинъ изъ нихъ сидитъ въ Клиши за долги; одного попросили убираться къ чорту изъ Парижа за неприличное поведеніе даже съ полиціей. Скажи ты, пожалуйста, гвардейскимъ и негвардейскимъ офицерамъ, что прежде надобно чему-нибудь поучиться, а потомъ уже за границу ѣхать. Хуже насъ, русскихъ, никто не путешествуетъ, глупѣе насъ никто не живетъ въ Парижѣ. Съ однимъ мы горды, какъ помѣщики, съ другимъ до гадости *подобострастны*, какъ лакеи, и всѣ съ наклонностью сподлить. Въ Парижѣ говорятъ о насъ такъ: Россія такъ отстала въ образованіи, что правительство принуждено посылать своихъ чиновниковъ, для изслѣдованія, какъ строятся помойныя ямы. И это дѣйствительно. Въ одномъ со мной отелѣ живетъ русскій инженеръ Шуберскій, посланный Чевкинымъ [2]) единственно для того, чтобы посмотрѣть, какъ дѣлаются паровые котлы у локомотивовъ. Этотъ малый, воспитанникъ Клейнмихеля [3]), часто приходитъ ко мнѣ съ вопросами: „что значитъ логика? Скажите, пожалуйста, какая наука учитъ правильно и красиво писать?“

Я не преувеличиваю ни на одну іоту глубокаго невѣжества этого дѣтины, получившаго 8.000 тысячъ франковъ казенныхъ денегъ для годичнаго путешествія. Однажды онъ приноситъ мнѣ поправить рапортъ, написанный имъ министру Чевкину: на 18 строчкахъ — 28 грамматическихъ ошибокъ. Но многіе гораздо глупѣе и этого господина. Что же Парижъ долженъ думать о насъ? Я не говорилъ бы объ этомъ, еслибъ не зналъ, что ты великій патріотъ.

14 января въ 8 часовъ вечера Парижъ, богомерзкій и проклятый

[1]) Поповъ очень былъ остороженъ въ перепискѣ съ Благосвѣтловымъ. Послѣдній часто на это негодуетъ.

[2]) К. В. Чевкинъ, министръ путей сообщенія.

[3]) Предшественникъ Чевкина, извѣстный своими „добродѣтелями“ и изувѣрствомъ.

городъ, вздумалъ охотиться бомбами по Наполеону III и его худенькой супругѣ. Въ театрѣ представляли „Вильгельма Теля“, оперу, написанную вовсе не для императоровъ. Наполеонъ отправился слушать Теля; едва его карета въѣхала въ улицу Пельтье, какъ вдругъ изъ огромной толпы народа, всегда сопровождающей своего царя, выбѣжалъ худенькій, низенькій человѣкъ и, крича: „Vive l'Empereur!“ замахалъ бѣлымъ платкомъ. Это былъ богомерзкій и, выражаясь слогомъ парижскаго архіепископа Марло, распроклятый сигналъ. По этому сигналу изъ той же толпы полетѣли три бомбы, цилиндрическаго устройства, начиненныя порохомъ и гремучей ртутью (одна бомба упала въ клоакъ и не лопнула). Взрывъ страшный, озарившій весь Итальянскій бульваръ пожаромъ. Карета Наполеона III разлетѣлась въ дребезги; двѣ лошади были убиты; кто попалъ подъ пули, или упалъ замертво, или былъ раненъ. Помазанникъ же божій успѣлъ выскочить изъ кареты съ женой, и только получилъ легкую царапину на носу. Одинъ изъ заговорщиковъ, видя, что ударъ не удался, бросился за императоромъ съ ножемъ, и въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ поразить его въ затылокъ (Наполеонъ III постоянно носитъ стальную кольчугу), полиц. солдатъ хватаетъ его за руку. Объ этомъ умалчиваютъ журналы, но Парижъ все знаетъ. Блѣдный, испуганный племянникъ великаго героя вошелъ въ театръ и прослушалъ оперу до конца. 400 человѣкъ арестовано; судъ въ Тюильери; пойду на мѣсто казни. Въ декабрѣ было другое покушеніе. Непріятное положеніе Наполеона: онъ находится хуже, чѣмъ въ осадномъ положеніи. На другой день я ходилъ на мѣсто этого ужаснаго происшествія — погромъ необыкновенный. Всѣ окна въ нижнихъ этажахъ выбиты, стѣны исцарапаны пулями. Болѣе 100 человѣкъ ранено; 12 убито. Я хожу по самой горячей почвѣ; не нынче, такъ завтра явятся баррикады; но сами французы боятся будущей революціи, хотя и убѣждены въ неизбѣжной ея необходимости. Мишно справедливо замѣтилъ: „мы носомъ чувствуемъ, что есть какой-то заговоръ и, вѣроятно, въ войскѣ“.

Послалъ я тебѣ книгъ черезъ Дюфура [1]), путемъ секретнымъ, но совершенно безопаснымъ.

Отъ г. Гейгенбаха [2]) можешь узнать объ этихъ книгахъ. Чтобы не смѣшать ихъ съ чужими, на моихъ книгахъ стоитъ буква V. Посланы — 6 № „Колокола“ [3]), 3 части „Полярной Звѣзды“ [3]), 4 кн. „Голосовъ изъ Россіи“ [3]), 1 кн. „Съ того берега“ [4]), 1 кн. „Тюрьма и ссылка“ [4]), 1 кн. „Крещеная собственность“ [4]), 1 кн. Стих. Рылѣева, 1 кн. Лермонтова („Демонъ“), 1 кн. „Войнаровскій“, 1 кн. „L'avenir de la Russie“ [5]), 1 кн. „La Cour de la Russie“ и еще

[1]) Книгопродавецъ.
[2]) Знакомый Благосвѣтлова.
[3]) Изданія Герцена въ Лондонѣ.
[4]) Сочиненія Герцена.
[5]) Сочиненіе эмигранта кн. П. В. Долгорукова.

двѣ французскія книги Таландье и Жантильома. NB. Еще забылъ назвать одну книжку „Les femmes de la revolution, par Michelet". Читай, давай другимъ, но не теряй эти книги. Онѣ дороги во всѣхъ отношеніяхъ. Этимъ же путемъ я буду и впредь посылать запрещенныя книги. Передъ отъѣздомъ изъ Франціи перешлю незапрещенныя моремъ. Пожалуйста, береги книги и отвѣчай мнѣ, сколько получено, отмѣчая цифрой ихъ счетъ.

Если у тебя отъ Катерины Николаевны [1]) останутся лишнія деньги, посылай ихъ мнѣ; я сумѣю купить тебѣ порядочныхъ книгъ: это и дешевле, и лучше.

Холодно въ Парижѣ, т. е. въ Парижѣ очень тепло, но для насъ—русскихъ—холодно, потому что нѣтъ печей. Надобно постоянно грѣться у камина. Впрочемъ, зима очень мягкая. Работы мои идутъ хорошо: въ послѣднее время усталъ—и кутнулъ въ двухъ маскарадахъ. Парижскіе маскарады — это бѣшеная веселость, упоеніе канканомъ и всевозможными глупостями. Но все прилично: нѣтъ ни пьяныхъ, ни буяновъ.

Моя Мими [1]) тебѣ кланяется попрежнему и постоянно спрашиваетъ: „as tu reçu la lettre de M. Popoff?" На что я отвѣчаю: „Il est bien méchant et toujours capable de m'oublier".

Ну прощай, любезный другъ: не забывай меня своей *теплой и благоразумно откровенной строчкой.*

Г. Рюмину я посылаю съ г. Гейгенба статью для печати. Теперь работаю надъ составленіемъ лекціи о Пушкинѣ въ Парижѣ. А что если мои работы будутъ немножко поверхностны, — станутъ ли ихъ печатать? Скажи откровенно; хотѣлось бы сберечь побольше времени и побольше денегъ. Вокругъ меня все богачи, съ казенными деньгами. Я спасибо сказалъ бы своей судьбѣ, еслибъ могъ заработать 5.000 франковъ въ годъ. Съ этимъ можно жить въ Парижѣ. Поклонись папашѣ своему и не сердись на меня.

Блан.

Петру Михайловичу [2]) кланяйся въ поясъ, ниже, и скажи, чтобы онъ не безпокоился писать ко мнѣ, если нѣтъ времени или не хочется.

IV.

Парижъ. 1858. 18 января.

Храбрѣйшій и самолюбивѣйшій мой капитанъ,

Василій Петровичъ.

Сейчасъ получилъ твоего опрятнаго, хорошо отпечатаннаго „Корсара" [3]). Бравый авторъ, славный „Корсаръ"! За одно я сер-

[1]) Неизвѣстно, о комъ рѣчь.
[2]) Неизвѣстно кто.
[3]) „Корсаръ"—трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ Попова.

жусь на этого морского разбойника, именно за то, что онъ разорилъ меня на цѣлые 10 франковъ, которые я заплатилъ за его путешествіе въ Парижъ. На первый разъ прощаю ему и очень радуюсь его смѣлому явленію въ печати. Чтеніе откладываю до болѣе досужной минуты.

Письмо твое (подъ № 1) согрѣло и утѣшило. Благодарю искренно. Я созданъ такъ, что безъ симпатическаго слова душа моя устаетъ, безъ дружески благородной руки я слабѣю. Не моя вина, что не могу довольствоваться одной обыденной, пошлой дѣйствительностью. Есть инстинкты выше нашихъ разсчетовъ, воли и силъ—они ведутъ своимъ тайнымъ путемъ за черту той жизни, которую такъ строго указываетъ горькая необходимость. За всѣмъ тѣмъ, напрасно ты обвиняешь меня въ увлеченіи идеальнымъ, поэтическимъ царствомъ. Я желалъ бы жить въ этомъ мірѣ какъ можно чаще. Все равно, какъ ни обманывать себя, лишь бы обманывать безъ тяжкихъ разочарованій, безъ сердечныхъ потрясеній и проклятій. Если я спокоенъ, доволенъ,—однимъ словомъ, счастливъ хотя двѣ минуты въ сутки—я благословляю этотъ день, и онъ стоитъ благословенія для каждаго изъ насъ. Но мѣра счастія слишкомъ различна... Одного удовлетворяетъ вполнѣ крестъ съ алой лентой, какъ собачій ошейникъ; другой восторгается пріобрѣтеніемъ новой тысячи рублей, украденной изъ кармана ближняго; третій... Я немножко строгъ, взыскателенъ къ своему самодовольствію—и вотъ въ этомъ заключается весь мой разладъ съ окружающимъ міромъ, источникъ горячихъ слезъ, которыя текутъ въ душѣ безмолвно... Но довольно элегіи: ты слишкомъ черствъ, чтобы понимать ее...

Я удивляюсь, почему не получено мое 3-е письмо (о Швейцаріи)? Оно послано въ первыхъ числахъ декабря. Я боюсь, чтобы оно не пропало; черновые листы, къ сожалѣнію, уничтожены: придется составлять его почти вновь[1]). Сдѣлай милость, упомяни объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ и попроси В. П. Рюмина справиться въ почтамтѣ, въ р.[2]) подлѣйшемъ почтамтѣ. Только двѣ почты воровскія, мерзкія, отвратительно-безнравственныя и существуютъ въ мірѣ — берлинская и р—кая[3]). Впрочемъ, ты напрасно думаешь, что твои письма читаются. Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника—положительно запрещено раскрывать частную переписку. Не мѣшаетъ, однако-жъ, во всякомъ случаѣ быть *благоразумно*-осторожнымъ.

В. П. Рюминъ вѣжливо, не говорю, великодушно, распорядился, прославъ мнѣ 736 франковъ; спасибо ему глубокое. Разумѣется, заплачу статьями и, не умѣя работать нашаромыжку, надѣюсь заплатить сторицею. Только я не знаю, сколько изъ этихъ денегъ я остаюсь ему долженъ; сосчитай это и увѣдомь,—только, пожалуйста, не въ убытокъ мнѣ. Относительно присылки біографіи В. и „Общ. В.“

[1]) Третье письмо и напечатано не было. Первыя два вошли въ собраніе сочиненій Благосвѣтлова подъ заглавіемъ „Изъ путешествія по Швейцаріи“ и посвящены Попову.

[2]) Конечно—россійскомъ.

[3]) Россійская.

не безпокойся; я не думалъ, чтобы фр. почта была такъ дорога. Ты поступилъ по-гусарски, прославъ „Корсара“ въ Парижъ. Я тебя знаю и долженъ знать не по печати; „если мы будемъ судить другъ о другѣ по статьямъ,—писалъ Дидро Гримму,—то едва ли и въ 1000 лѣтъ узнаемъ другъ друга“. Помни это. Твоего „Корсара“ я крестилъ прямо изъ колыбели; напрасно ты вписалъ вымаранныя цензоромъ строчки—я помнилъ ихъ хорошо,—вотъ тебѣ лучшій комплиментъ, какъ я люблю тебя и какъ близко принимаю къ сердцу, что производитъ твоя головушка. Пиши больше, только не спѣши издавать скоро — давай созрѣть и устояться въ ящикѣ. Увѣдомь, какъ принятъ „Корсаръ“ публикой и критикой. Своего мнѣнія я не высказываю, потому что очень слабъ и пристрастенъ къ тебѣ. Притомъ я нянчилъ его, когда онъ только-что вышелъ изъ твоего мозга. Теряй меньше времени по маскарадамъ и вечерамъ: у насъ все это такъ пошло, ничтожно, натянуто, что не стоитъ ни одной минуты въ жизни, какъ бы она пуста ни была. Хорошо бы ты сдѣлалъ, еслибъ написалъ ѣдкую статью на р.[1]) дураковъ, особенно богатыхъ дураковъ, которые шатаются по З. Европѣ. Ихъ надобно осмѣять и оплевать. Результатъ скверный, повѣрь мнѣ. Разумѣется, многимъ это путешествіе принесетъ огромную пользу, но это единицы, а общая сумма—толпа праздныхъ мерзавцевъ, развратныхъ, равнодушныхъ къ образованію и клеветниковъ всякой доброй мѣры нашего правительства. Брошюра за брошюрой появляется въ Парижѣ—одна глупѣе другой, одна подлѣе другой—и все нашего, доморощеннаго произведенія, „смѣсь франц. съ нижегородскимъ“.

Относительно каѳедры въ парижскомъ университетѣ я думаю и глубоко, и печально. Мѣсто великолѣпное, но достиженіе его трудно. Въ Парижѣ начинаетъ развиваться кумовство и вѣчно царствуетъ интрига. Сходцко[2]) не удержится на своемъ мѣстѣ; его прогонятъ. Но чтобы замѣнить его, надобно быть немножко подлецомъ передъ фр. академіей. Во всякомъ случаѣ думаю объ этомъ и попробую. Напрасно ты говорилъ объ этомъ М. Попову. Пожалуйста, не читай моихъ писемъ никому и не сообщай ничего о моихъ предпріятіяхъ. Я пишу тебѣ,—и тебѣ одному. Лекція у Мишлэ о Пушкинѣ не состоялась, по случаю его болѣзни; вѣроятно, это устроится въ февралѣ. Я познакомился съ Тэномъ, авторомъ (La philosophie de XIX s.) — прекрасный молодой человѣкъ, живой, умный и трудолюбивый. Онъ любитъ меня и навѣщаетъ мою бѣдную келью. Вообрази, я живу пятую недѣлю совершенно въ собачьей конурѣ. Переѣзжая въ Hotel de Rollin, я взялъ себѣ большую и просторную комнату, — и меня обманули. Отель полна; нанятая мной комната взята женщиной, родившей дочь; я изъ вѣжливости уступилъ, взялъ себѣ студенческую конуру, въ ожиданіи лучшаго помѣщенія — и до сихъ поръ не могу дождаться. Впрочемъ, останусь здѣсь: все близко и подъ рукой. *Шишковъ*[3]) уѣзжаетъ изъ Парижа, и я перебир. въ его комнату. Это славный, рѣдкій р. офицеръ, хоть и есть лигатура.

[1]) Россійскихъ.
[2]) Неизвѣстно кто.
[3]) Тожe.

Съ русскими не сближаюсь, а съ кѣмъ сблизился, стараюсь бросить. Мерзость—люди. Бываю, впрочемъ, у Комарова, который пишетъ фельетонъ въ „Отеч. Зап.“. Врунъ необыкновенный, но добрый человѣкъ. Жена его—прекрасная дама. Недавно познакомился съ Манъ-Магу, бывшимъ другомъ Введенскаго [1]): мы сосѣди и потому видимся часто.

Относительно Старчевскаго ты лицемѣришь, не желая вредить своему пріемышу—„Общ. В.“. Не можетъ быть, чтобы онъ не платилъ хорошихъ денегъ за достойную статью. Съ московскими профессорами я разошелся: одинъ связался съ дѣвкой, взятой имъ изъ-подъ лакея, другой—Лохвицкій [2])—совершенный и.....: ну ихъ къ чорту и съ ихъ протекціей передъ „Р. Вѣстникомъ“. Когда приготовлю рукопись, увѣдомлю тебя, какъ надобно поступить. Денегъ у Ростовцева не стану просить, потому что не знаю о послѣднихъ отзывахъ о моемъ руководствѣ; притомъ Іак. Ив. п..... гнусный, способный возмутить мало-мальски живую душу. Исторія Басистова попала подъ „Колоколъ“; но это еще цвѣтики,—плоды привезу въ Лондонъ“ [3])...

Съ Поповымъ веди хлѣбъ-соль [4]). Прощай.

ХВ. Книгъ моихъ не переплетай до моего пріѣзда; въ деньгахъ нуждаюсь: чѣмъ дальше живу, тѣмъ больше тратится въ Парижѣ. У французовъ безъ внѣшняго лоска—пропалъ. Дай Богъ силъ зарабатывать кой-что. До мая денегъ моихъ достанетъ; далѣе надѣюсь на правую руку и голову; съ Визгинымъ [5]) не церемонься: это простой и добрый человѣкъ. Деньги (35 р.) вышли послѣ, съ другими, что́ заработаю и когда поднимется курсъ. Теперь теряю я слишкомъ много.

Мими моей я передалъ твой холодный поклонъ и прибавилъ, что ты поцѣловать ее не хочешь: она отвѣчала: „Est-t-il marié?—Non.—Mais il a quelque chose d'ours comme lui-meme dans les moments d'indisposition.—C'est juste.—Dis lui, que je suis bien mécontant de bon ami“.

Дѣвушка умная, денегъ не проситъ, времени не отнимаетъ. О Мими никому—ни гу-гу. Изъ русскихъ никто ее не знаетъ; она мой первый и самый важный секретъ.

Въ карты играй меньше или вовсе не играй, если проигрываешь. Думай, дѣйствуй, пиши и меня люби.

Біографію В. надо бы взять изъ книжныхъ лавокъ: мы, кажется, осрамились ея изданіемъ. Обдѣлай это поумнѣй, если не расходится. Вѣдь это первый ярлыкъ моего имени.

Передай комплиментъ В. Н. Рюмину за прекрасную бумагу и

---

[1]) Ир. Ив. Введенскій—учитель Благосвѣтлова, очень видный педагогъ.

[2]) А. В. Лохвицкій исключенъ былъ изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ постановленіемъ московскаго совѣта; потомъ власти отмѣнили эту мѣру.

[3]) Въ „Колоколѣ“ очень рѣзко была освѣщена исторія съ извѣстнымъ педагогомъ Басистовымъ. Можно предполагать, что ее сообщилъ Герцену Благосвѣтловъ.

[4]) Съ М. М. Поповымъ. Поддерживать съ нимъ знакомство слѣдовало по мнѣнію Благосвѣтлова, чтобы быть въ курсѣ дѣла.

[5]) Неизвѣстно кто.

печать его журнала. Желаю ему счастія, а тебѣ — умнаго редакторства. Веди дѣло умнѣй и осторожнѣй.

V.

1858 г., августъ.

..... Въ Лондонѣ я надѣюсь купить, вмѣстѣ съ твоими книгами, до 120 сочиненій, которыя имѣю уже въ виду. Ихъ перешлю въ октябрѣ. Но какъ много хорошихъ, капитальныхъ трудовъ, которые могли бы украсить любую библіотеку! Поэтому-то я и прошу тебя позаботиться о сборѣ денегъ и выпискѣ этихъ книгъ: у кого бы онѣ ни были, но если онѣ въ Петербургѣ, я безъ слезъ уѣду изъ Лондона.

Случевскій былъ у меня въ Парижѣ; я послалъ съ нимъ Шекспира, въ новомъ Ментеевскомъ изданіи: оно лучшее изъ современныхъ. Прими эту книгу на память старыхъ дней.

Портретъ свой, пожалуй, охотно вышлю изъ Лондона; но вотъ условія: 1) пришли мнѣ немедленно портретъ Дженни [1]); я хочу ее видѣть, страстно хочу видѣть; 2) позволь написать ей письмо (разумѣется, съ ея позволенія и когда получу ея портретъ).

Жалѣю, что я не буду у тебя на свадьбѣ; но желаю тебѣ полнаго счастія. Уважай и люби отца; онъ старикъ добрый; о перевоспитаніи его поздно думать, но надо умѣть ладить съ нимъ. Онъ мнѣ жаловался на тебя, какъ на самаго негоднаго господина: я скажу это Дженни.

Искренно поздравляю тебя съ обрученіемъ. Пусть первое кольцо на твоей рукѣ будетъ первымъ и послѣднимъ символомъ твоей чистой, святой и благородной любви къ умной дѣвушкѣ. Поздравилъ бы я съ крестомъ, еслибъ не видѣлъ въ немъ дурного признака будущаго Попова. Въ Лондонѣ мальчишки бросаютъ грязью въ васъ— великолѣпныхъ кавалеровъ.... Но ты въ Петербургѣ, и потому носи свое отличіе на здоровье.

Съ завтрашняго дня я занимаюсь въ British Museum; сегодня у меня былъ мистеръ Поповъ, р. попъ въ Лондонѣ,—совершенный англичанинъ: вчера былъ Стрѣчь, котораго я училъ по-русски въ Петербургѣ—онъ былъ при посольствѣ. Былъ я и у лондонскаго патріарха; онъ кланяется всѣмъ вамъ [2])...

Я здоровъ; Парижъ оставилъ съ удовольствіемъ,—впрочемъ, придется еще разъ завернуть въ него. Адреса моего не пишу, потому что я скоро переѣду на частную квартиру или уѣду въ Оксфордъ. Пиши poste restante до моего второго увѣдомленія. За-границей я остаюсь до ноября, если только не до крестинъ твоего сына.

Въ Лондонѣ жить очень хорошо, немного дороже, чѣмъ въ

[1]) Невѣста Попова.

[2]) Разумѣется, рѣчь идетъ о Герценѣ.

Парижѣ, но въ тысячу разъ удобнѣй и честнѣй. Искренно благодарю за высылку 700 франковъ.

P. S. Я Кушелеву предложилъ, и онъ принялъ статью: „Исторія Сорбоны или Париж. университета“. 500 фр. я получилъ за статью; еще 100 фр. придется получить [1]).

VI.

1859 г. янв.

Въ прошломъ письмѣ я забылъ сообщить тебѣ двѣ очень нужныя вещи:

1. Относительно Дюфура. Сдѣлай милость, повидайся съ нимъ и переговори о книгахъ. Въ этомъ дѣлѣ ничего нѣтъ запрещеннаго. Ты, вѣрно, найдешь тысячи разныхъ способовъ обдѣлать это дѣло. Только въ Петерб. и можно разъяснить его, съ глазу на глазъ, въ присутствіи тѣхъ мошенниковъ, которые украли ихъ. Скажи ему прямо, что книги посланы иностранцемъ, которому нѣтъ дѣла ни до нашей божественной цензуры, ни до нашихъ пошлыхъ цензоровъ. Этотъ иностранецъ требуетъ отъ него возвращенія книгъ въ Парижъ, если онъ не можетъ отдать ихъ тамъ. Поставь вопросъ ясно, и я увѣренъ, что 300 фр. черному псу не будутъ брошены. Говорятъ, ты сдѣлался храбрѣй; лучшаго не могу пожелать тебѣ даже для новаго года.

2. Я забылъ въ прошломъ письмѣ поправить эпитафію Людовику XV, которая стоитъ въ примѣчаніи къ статьѣ о Тюрго. Эта эпитафія начин. такъ: Ci—git и проч. Послѣдніе три стиха надо измѣнить такъ:

Français ne faites plus la mine,
Il rend comte sur le charbon.
Des vols qu'il fit sur la farine.

Вставь ихъ, пожалуйста, вмѣсто тѣхъ трехъ стиховъ, которые написаны въ рукописи. Память измѣнила, и я перевралъ ихъ, а потомъ встрѣтился съ ними въ книгѣ.

Почему ты не пишешь ни слова о смѣнѣ Палаузова? [2]). Вѣдь это такой фактъ, по которому можно догадываться о многомъ; онъ прямо относится ко мнѣ. Что-то теперь сдѣлаетъ „Р. Слово“? Оно могло составить себѣ, если не завидную, то порядочную репутацію, благодаря превосходному цензору. Мы шагаемъ быстро къ развязкѣ. Я въ одномъ убѣжденъ, что худшаго быть не можетъ.

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ „Значеніе Парижскаго университета“, напечатанной въ январской (первой) книжкѣ „Русскаго Слова“ 1859 года. Ясно, что статью эту, еще осенью 1858 года, взялъ у Благосвѣтлова самъ гр. Кушелевъ-Безбородко, издатель журнала, а не Полонскій, какъ разсказываетъ Шелгуновъ (см. стр. VIII біограф. очерка при собраніи сочиненій Благосвѣтлова).

[2]) Цензоръ „Русскаго Слова“.

Не знаю, что сдѣлаютъ съ моимъ „Кольберомъ“ и „Тюрго“,—признаюсь, работать страшно не хочется. Неизвѣстность хуже всякаго извѣстнаго зла; ей обязанъ я совершеннымъ разстройствомъ здоровья. Не знаю отчего, но съ твоимъ отъѣздомъ на меня стали набѣгать такія грустныя, тяжелыя минуты, что, право, жизнь становится проклятіемъ. Я никуда не выхожу, ничего новаго не пріобрѣтаю: газеты еще кой-чѣмъ интересуютъ, да и все тутъ. Не знаю, насколько справедливо мое чутье, но мы живемъ наканунѣ какого-то ужаснаго разгрома; я читаю его въ признакахъ времени и своей собственной тоски.

Сближеніе Франціи съ Англіей и, вѣроятно, уступка первой—Савои и Ниццы—тебѣ, конечно, извѣстны. Католич. попы, разбуженные брошюрой, какъ летучія мыши, побиты вдвойнѣ—и въ литературѣ, и въ политикѣ. Въ Парижѣ ходитъ слухъ, что Валевскій смѣненъ за будущую взятку; ему обѣщано изложен. принцами 1 милліонъ до конгресса, другой во время конч. и третій послѣ. Наполеонъ III узналъ это и прогналъ своего родича. Императоръ жандармовъ очень много работаетъ.

VII.

1859 г., февраль.

Неосторожнѣйшій изъ самыхъ осторожныхъ Василій Петровичъ, твое послѣднее письмо стоило мнѣ стакана, который я разбилъ отъ испуга. Я никакъ не думалъ, чтобъ твои дипломатическія способности такъ низко падали. Прежде чѣмъ разъѣзжать по Дюфурамъ, ты потрудись спросить у Гейгенбаха, какія книги должны быть посланы. Ну что, если Мелье перемѣшалъ какъ-нибудь, да отправилъ протестантскія вмѣсто католическихъ,—вѣдь ценз. комитетъ отведетъ мнѣ даровую квартиру въ Петропавл. крѣпости мѣсяцевъ на шесть.

Разумѣется, книги посланы съ тѣмъ, чтобъ ты получилъ ихъ отъ Дюфура: другія имена здѣсь ничего не значатъ; но вотъ вопросъ: какъ получить ихъ? На это нужна вся твоя сноровка, умѣнье и, главное, способность понимать меня, когда я не могу очень ясно выражаться. Потрудись, пожалуйста, такъ распорядиться: спроси Гейгенб., какія книги я поручилъ Мелье, и потомъ, когда пережуешь его отвѣтъ, попроси кого-нибудь изъ очень близкихъ людей, хорошо знающихъ Дюф., выручить эти книги и что слѣдуетъ заплатить за пересылку ихъ. Я тоже что-то слышалъ о Наинскомъ, но, я думаю, его вовсе не существуетъ на свѣтѣ. А что ты понялъ?

Гейгенбаху нечего надуваться. Моя записка была взаимной грубостью, вызванною имъ самимъ. Онъ употребилъ выраженіе: „Comme si vous avez dit à M. Blag....“ Вѣдь это, я думаю, очень пошло. Съ чего же онъ взялъ думать, чтобъ я оклеветалъ или солгалъ на Мелье. Говорить подобныя вещи на далекомъ разстояніи можно, но на близкомъ не совсѣмъ удобно. Вѣдь это то же значило: если не

лжетъ онъ, то вы, франц. подмастерье, развяжитесь съ нимъ. У васъ и вѣжливости-то понимаются на свой ладъ, и грубости говорятся безъ сознанія. Потому я и поднесъ ему свою собственную пилю [1]), на которую жаловаться нельзя, потому что кто даетъ ихъ, тотъ и долженъ принимать. Растолкуй ему это; я не имѣю причины особенно гнѣваться на него, но наступить себѣ на ногу тоже не позволю каждому слесарю по типографіи. Онъ, въ первую минуту моего знакомства съ нимъ, видѣлъ во мнѣ человѣка, способнаго быть очень вѣжливымъ, но вѣжливымъ до тѣхъ поръ, пока я вижу въ другомъ, кромѣ свѣтскихъ „ridicules precieuses“, и честность. Относительно предложенія его выслать мнѣ деньги—пошли его къ чорту. Я знаю не только нѣмецкую, но и русскую щедрость. Я требую не денегъ, а чести слова и рекомендаціи. А что, домъ умалишенныхъ все еще на седьмой верстѣ отъ Петерб., или ближе? Beati i poveri di spirito, говор. итал. пословица.

О Зотовѣ и его литературной чести не спорю съ тобой [2]). Дѣло не въ евреяхъ, а въ принципѣ; вѣдь и мы—христіане—не далеко ушли въ нравственныхъ доблестяхъ. Ты бы прибавилъ къ Краевскому и Курочкину еще Галахова или Семевскаго и потомъ бы заключилъ: видишь ли, неучъ, какія знаменитости бываютъ у Зотова; слѣдовательно, онъ—добродѣтельнѣйшій человѣкъ. А что логика Бахмана все еще преподается у насъ?

О „Рус. Словѣ“, вмѣсто пустой импровизаціи, я думаю, не мѣшало бы прибавить, что говорится о журналѣ въ обществѣ, въ чемъ выразилось его направленіе или тѣнь направленія, отпечатанъ ли мой „Маколэ, какъ ораторъ“ [3]), или нѣтъ, и какъ напечатанъ; если онъ вышелъ скверенъ, нечего молчать, если хорошъ—тоже не мѣшаетъ сказать. Ты очень щедръ на пустяки, но фактами скупишься. Вотъ будешь за-границей,—увидишь, что значитъ хорошее, толковое свѣдѣніе кабинетному человѣку, отдѣленному отъ родного міра 12 тыс. миль, и оцѣнишь, что значитъ умное, искреннее и теплое письмо. Мнѣ и въ этомъ надо просить свою судьбу Христа ради. Ахъ! гадость — жизнь, если повернешь ее вмѣсто права да налѣво.

О сіятельной бездарности нечего иначе думать [4]). Это мальчишка, накрытый юбкой пройдохи женскаго рода. Статья твоя во всякомъ случаѣ будетъ напечатана, если поймете ее графская безмозглость.

Ты меня не очень испугаешь тѣмъ, что отложишь свою поѣздку,—я привыкъ къ географическимъ меридіанамъ и всегда любилъ уединеніе, если нѣтъ общества,—но себѣ повредишь. Мнѣ кажется, тебѣ слѣдовало проситься на 6 мѣсяцевъ, а потомъ изъ-за-границы черезъ

[1]) Должно быть—„пилюлю“.

[2]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ инцидентѣ, начавшемся гнусной статьей въ „Иллюстраціи“ В. Р. Зотова—„Западно-русскіе жиды и ихъ современное положеніе“, а кончившемся коллективнымъ протестомъ русскихъ литераторовъ всевозможныхъ направленій.

[3]) Статья озаглавлена потомъ: „Ораторская дѣятельность Маколэ“.

[4]) Гр. Кушелевъ-Безбородко, издатель „Рус. Слова“.

позольство представить свидѣтельство о болѣзни,—и дѣло съ концомъ. Во всякомъ случаѣ, хорошо дѣлаешь, что ѣдешь на 11 мѣсяцевъ. Послѣ 3 первыхъ мѣс. каждый день будетъ новой школой для тебя.

Моимъ глазамъ немного лучше; но все еще плохо видятъ, и работать положительно запрещено. Съ утра и до вечера играю на скрипкѣ,—одного сосѣда выгналъ и другого надѣюсь прогнать. Зато первые аккорды вытвержены отлично. Когда ослѣпну совершенно, пойду въ уличные музыканты: все же кусокъ хлѣба, и едва ли не болѣе легкій, чѣмъ литератора.

Поклонись Евгенію Алексѣевичу и Петру Михайловичу.

VIII.

1859 г., 26 апрѣля. Фонтенай.

Послѣднее твое письмо подарило мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ; я выпросилъ ихъ. Искренно благодарю. Для меня всегда казалось величайшимъ изъ золъ—потеря вѣры въ самого себя, въ свои силы и отвагу. Кажется, это нравственное разложеніе подходитъ ко мнѣ. Страхъ этого положенія тяготитъ меня тяжестью Монъ-Блана. Съ той минуты, когда изсякнетъ послѣдняя капля самоувѣренности, существованіе для меня сдѣлается безразличнымъ, а какъ скоро оно безразлично, прощай и дѣятельность, и борьба, и, если угодно, жизнь. За этой чертой лежитъ одна могила, т. е. горсть пыли и тѣнь ничтожества. Вотъ что отуманиваетъ мою мысль и косвенно падаетъ темнымъ оттѣнкомъ на мои письма къ тебѣ. Если еще достанетъ воли и силы, увижу берегъ и устрою пристань.

Но силы падаютъ, юношескій огонь потухъ и сквозь сѣдыя пряди волосъ проглядываетъ отвратительное качество человѣка—малодушіе. Не думай однако-жъ, чтобъ я ошибался насчетъ своего положенія. Я принялъ его по доброй волѣ и не по ошибкѣ: я зналъ, что ожидало впереди, я зналъ его трудъ и горечь, но не могъ измѣрить силъ, которыя необходимы, чтобъ вынести его. Въ этомъ весь вопросъ моей души, моихъ назойливыхъ просьбъ къ тебѣ. Я счелъ бы кровной обидой и для тебя, и для себя, еслибъ не былъ прямодушенъ съ тобой: твои утѣшенія (еще разъ благодарю за нихъ) имѣютъ огромное значеніе для меня, но они отзываются какимъ-то офиціальнымъ тономъ. Остались ли мои друзья вѣрны мнѣ или нѣтъ—это всего менѣе интересуетъ меня. Я сталъ равнодушенъ къ звукамъ, подъ которыми мало дѣйствительнаго смысла. Дружба—героизмъ,—высокое мужество, которому нѣтъ предѣловъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понималъ это святое имя. Я заплатилъ ему свой долгъ, можетъ быть, безумно и неразсчетливо, но заплатилъ сполна. Оставь мнѣ нѣсколько твоего искренняго расположенія, и я больше не буду просить. Что касается до любви, въ моей душѣ всегда было мѣсто для этого чувства; но разорванный нервъ трудно настроить попрежнему. Отъ этого тайнаго, глубокаго и не

раскрывшагося вулкана осталась куча пепла и нѣсколько искръ. Прими это слово въ менѣе широкомъ значеніи, и тогда я скажу и соглашусь, что есть люди, которые, дѣйствительно, отдали мнѣ съ теплой рукой и теплое сердце. На это не жалуюсь, но это вчужѣ. Объ извѣстности я всего меньше хлопоталъ; я знаю срокъ ея и степень. Извѣстность дается годами и заслугами. Доселѣ я хотѣлъ быть усернымъ работникомъ, чистымъ жрецомъ науки, не той пошлой академической науки, какъ ее понимаютъ у насъ, нѣтъ—науки, какъ средства къ развитію въ себѣ прежде всего человѣка. Половина пути самаго скучнаго и труднаго—пройдено; за вторую половину боюсь и горюю. Когда я прошу тебя сообщать мнѣ всякое замѣчаніе, всякое сужденіе—и личное, и другихъ—о моихъ печатныхъ бездѣлицахъ, это не значитъ, чтобъ я напрашивался на похвалу. Я хочу суда, потому что жажду совершенства. Я не слышу ни голоса критики, ни отзывовъ частныхъ; я живу далеко отъ того міра, который въ правѣ миловать и казнить меня, безъ протеста и апелляціи: въ такомъ положеніи, ты поймешь, больше чѣмъ интересно знать мнѣніе людей, достойныхъ моего уваженія. Ты не хочешь взвѣсить этого требованія или держишься правила старой басни, очень понятной у насъ, но слишкомъ преувеличенной тобой. Переписка съ человѣкомъ, поставленнымъ въ самыя невинныя отношенія къ тебѣ, не вредитъ даже тогда, когда-бъ этого человѣка вели на висѣлицу. Мнѣ больно за это, больно, потому что я вѣрю и пылко вѣрилъ въ тебя. Дай Богъ, чтобъ этотъ вопросъ скорѣй окончился. Реакціи моей души круты и невозвратны. Умоляя тебя о подробностяхъ, я умоляю о знаніи дѣла, которое мнѣ нужно. Почему, напримѣръ, не сказать, что ты думаешь о той или другой моей статьѣ, что думаетъ N и что думаетъ X.—все это дорогіе факты для меня. Отъ нихъ зависитъ многое не только въ успѣхѣ, но и въ моихъ отношеніяхъ къ Россіи, въ которую я долженъ возвратиться.

Относительно книгъ можно успокоить меня однимъ ловкимъ словомъ; я пойму его и перестану думать [1]).

Жалко и очень жалко, что такое прекрасное предпріятіе, какъ журналъ Кушелева, упадетъ [2]). Графа я никогда не считалъ выше глупаго мальчишки, но его журналомъ всегда дорожилъ; онъ могъ безкорыстно помочь р. литературѣ и освободить хоть нѣсколькихъ писателей отъ каторжной работы на Краевскаго или Панаева [3]). Это много значитъ у насъ; это страшно много значитъ для тѣхъ, которые хотятъ прожить десять лѣтъ лишнихъ и трудомъ литератора обезпечить себѣ дневной кусокъ хлѣба. Разсуди объ этомъ и увидишь, что это первый вопросъ нашего успѣха, нашей цивилизаціи. Литераторъ и чиновникъ или помѣщикъ всегда будетъ дрянь, если онъ соединяетъ въ себѣ эти два призванія. Я говорю не за свое

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о той „нелегальщинѣ“, которую такъ давно Благосвѣтловъ послалъ Попову, а послѣдній долго не могъ ее получить.

[2]) Послѣ выхода оттуда Я. П. Полонскаго.

[3]) Краевскій издавалъ „Отечественныя Записки“, а Панаевъ съ Некрасовымъ „Современникъ“.

собственное рабство, но и за другихъ. Краевскій, какъ м. . . . . явленіе обыкновенное; онъ-то и выигрываетъ, когда вы не сумѣете поддержать „Рус. Слово". Разумѣется, ничего не могло быть нелѣпѣе, какъ призвать къ себѣ холуя въ критики, подобнаго Ап. Григор. [1]). Но что же дремлетъ Полонскій? Почему не протестуютъ другіе? Въ васъ нѣтъ ни капли любви къ общему дѣлу: мы служимъ и больше этого ни на что не способны. Попроси отъ меня Полонскаго, что я посылаю ему свои статьи, и только ему, и никогда бы не желалъ вмѣшат. московскаго кожевника [2]) въ мои литературные взгляды. Переговори объ этомъ съ Полонскимъ и передай мнѣ его мнѣніе: я боюсь за урывки, поправки и измѣненія своихъ статей, если онѣ будутъ проходить сквозь рецензію Ап. Григорьева; поговори объ этомъ обстоятельно. Не знаю также, почему онъ не хочетъ отвѣтить, что рѣшено у нихъ относительно корреспонден. о Монтанелли [3]). Личнаго отвѣта его я не требую; онъ можетъ сказать тебѣ, а ты передашь его. Къ іюню я пошлю новую статью въ „Рус. Слово", также объ Италіи: это вопросъ живой и всей Европы, вопросъ глубокій и свободный [4])... У насъ нѣтъ политическаго чутья,—надо развивать его.

Я просилъ о деньгахъ: пожалуйста, поспѣши выслать ихъ, если заплатятъ за мои послѣднія работы. Я нуждаюсь. Передъ отъѣздомъ твоимъ за-границу я попрошу взять у Кушелева даже впередъ, хоть за одну работу—не больше, попрошу его письмомъ. И если онъ обяжетъ меня, я проведу съ тобой первый мѣсяцъ беззаботно. Это нужно для твоего перваго взгляда на заграничную жизнь.

Да, пожалуйста, слушай мои совѣты. Выѣзжай въ концѣ мая. Знаю, разлука твоя будетъ тяжелая [5]), но жертва искупается вполнѣ полезнымъ результатомъ. Чѣмъ раньше выѣдешь весной, тѣмъ больше увидишь на первый разъ, тѣмъ легче войдешь въ новую сферу. Это такъ.

Благ.

IX.

5 января. 1860.

Твой третій рапортъ изъ Петербурга дошелъ благополучно и своевременно. Изъ всего, что ты повелѣваешь знать мнѣ, я, собственно, ничего не знаю, кромѣ печальнаго положенія Евг. Алексѣевича [6]). Разумѣется, я не могу оправдывать отца; онъ спятилъ съ ума отъ старости лѣтъ и красно- [7]) Зарембы, но не могу

[1]) Конечно, Ап. Григорьевъ.
[2]) Григорьевъ.
[3]) О статьѣ „Реформа Италіи, какъ понимаетъ ее Монтанелли".
[4]) Статья „Надежды Италіи".
[5]) Съ женой.
[6]) Инспекторъ Павловскаго института, расположенный къ Благосвѣтлову.
[7]) Слово не разобрано.

(насколько мнѣ можно играть роль жюри въ чужихъ процессахъ) согласиться и съ тобой, что всѣ окружающіе люди мѣшаютъ нашему счастію. Да на что же наша добрая воля и кусокъ мозгу, данный каждой головѣ?

Въ нервныхъ болѣзняхъ, разумѣется, магнетическія средства— почти единственныя средства: но не они первыя. Спокойствіе, мягкость воздуха и теплота чувства близкихъ людей — вотъ лучшій спаситель отъ столбняковъ и аневризмовъ. Я самъ страдаю сжатіемъ сердца, но и спасибо скажу судьбѣ, если она совершенно разорветъ его. Поздно же ты увѣровалъ въ магнетизмъ; какъ будто эгоизмъ долженъ мѣшать тебѣ видѣть даже въ вѣрованіяхъ; будь помягче, полюбезнѣй—и непремѣнно увѣруешь во многія вещи, а вѣра спасетъ тебя отъ паралича.

Сочиненія Полежаева, если хочешь передать прямо мнѣ черезъ кого-нибудь, то давай; а то вели бросить въ Берлинѣ, прямо по назначенію. Тар. [1]) скажетъ тебѣ не малое спасибо.

Я все ожидалъ, авось хоть слово скажешь,—напечатанъ „Кольберъ“ въ декабрѣ или нѣтъ? Ты знаешь, что „Рус. Слова“ въ Парижѣ нѣтъ, а другихъ журналовъ достать почти невозможно.

Второе—я желалъ бы знать, сколько заплатилъ Зотовъ за Лолу Монтесъ? [2]). Знать—ради любопытства и хоть какого-нибудь факта.

Столько же интересуютъ меня отношенія мои къ редакціи „Рус. Слова“. „Монтанелли“ не высылаютъ, и ни одного слова въ отвѣтъ. Пожалуйста, разъясни всѣ эти гадости и подлости совершенно откровенно; поставь вопросъ такъ, какъ я поставилъ бы его: дальше писать для гнусной редакціи нѣтъ ни желанія, ни возможности. Со всѣми лишеніями бѣдности готовъ помириться, чѣмъ мѣшаться въ это стадоословъ. „Отеч. Зап.“, „Библіот.“ и „Рус. Вѣстн.“ съ меня довольно. Если „Тюрго“ не возьмутъ, не замедли отдать его Краевскому; но пусть не ошибаются: я отдаю имъ 1-ю статью и только ее за 300 р. сер., а за вторую—счетъ будетъ особенный. „Тюрго“ стоилъ большого труда, и если не оборветъ цензура—выйдетъ недуренъ [3]).

А почему твои статьи отложились до февраля? Я одного боюсь: ты выдашь и себя, и меня Хмѣльницкому [4]). Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь; я помню твое мудрое правило: „вѣдь всѣхъ нельзя передѣлать на свой ладъ“.—Но прогнать дурака съ чужого ему мѣста всегда слѣдуетъ порядочному человѣку.

Сдѣлай милость, вставь поправки въ статью „Тюрго“. Я прилагаю ихъ здѣсь,—и прошу убѣдительно тебя вписать ихъ въ руко-

---

[1]) ?

[2]) Въ №№ 91 и 92 „Иллюстраціи“ 1859 г. статья „Автобіографія Лолы Монтесъ“.

[3]) Напечатана въ „Рус. Словѣ“.

[4]) Л. А. Хмѣльницкій, человѣкъ совершенно необразованный и нелитературный, по страннному капризу Кушелева, велъ журналъ 1859 года и совсѣмъ-было погубилъ его своимъ неумѣніемъ.

пись. Онѣ очень важны. Безъ твоей корректуры эти невѣжи и мерзавцы опять испортятъ работу. Спаси отъ литературной милиціи.

Ну, что новаго у васъ? Авось не побоишься написать хотя о смерти своего кума и назначеніи Муравьева [1]). Хотѣлось бы знать, что цензура Корфа и Гончарова съ компаніей? [2]). Неужели крыса и бульдогъ также способны цензоровать человѣческую мысль! Исполать нашему прогрессу! Еще немного—и мы, дѣйствительно, убѣдимся, что игра въ жмурки не есть настоящая реформа.

Ну, конгресса не будетъ. И опять мы отличились; какъ будто по ту сторону Одера ни въ одной головѣ даже нѣтъ собачьяго смысла. A la bonne heure—въ дружбу съ Австріей.

Тебѣ кланяется Chasferant и совѣтуетъ не только быть здоровымъ, но и не ругать Европу, вовсе не виноватую въ нашемъ пристрастіи къ отечеству, съ чеснокомъ и хрѣномъ.

Въ Парижѣ опять дуэль и опять дождь. Тепло весеннее; первый день новаго года былъ удивительный. Я отдыхаю четвертый день; вчера обѣдалъ у Шантини и познакомился съ Reclue; сегодня прогналъ отъ себя нахала Гейгенбаха, отвратительную гадость, какую я только недавно узналъ. Хитрость—эта способность крысъ и кошекъ, интриги и ложь всякаго чувства въ немъ развиваются быстро. А что мой процессъ съ Семевскимъ [3])—не подбавить ли?

Поклонись женѣ и скажи душевное желаніе выздоровѣть совершенно.

Говорятъ, Тимашева смѣнили [4]). Тебѣ есть искренній привѣтъ изъ Лондона [5])...

---

[1]) Неизвѣстно, о какомъ Муравьевѣ идетъ рѣчь. Если о М. Н., то, будучи съ 1857 по 1862 г. министромъ госуд. имуществъ, въ 1860 г. онъ не получалъ никакого назначенія.

[2]) Рѣчь идетъ о пресловутомъ „Bureau de la presse“ 1859 года, гдѣ Корфъ игралъ активную роль, а И. А. Гончарова приглашали туда дѣло производителемъ. Подробности объ этомъ высшемъ цензурномъ учрежденіи интересующіеся найдутъ въ моей книгѣ „Очерки по исторіи рус. цензуры и журналистики XIX стол.“. СПБ. 1903 г.

[3]) М. И. Семевскимъ, издателемъ „Русской Старины“

[4]) А. Е. Тимашевъ, бывшій тогда управляющимъ III отдѣленіемъ.

[5]) Отъ Герцена.

Процессъ Н. Г. Чернышевскаго.

Процессъ Н. Г. Чернышевскаго.

„Невозможно ожидать справедливости отъ богадѣльни дряхлыхъ стариковъ, величаемой громкимъ именемъ правительствующаго сената“.

Герценъ.

Сорокъ два года тому назадъ русское общество узнало о ссылкѣ Чернышевскаго въ каторжныя работы и до сихъ поръ неизмѣнно задаетъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: за что?

Напечатанная тогда же въ „Колоколѣ“ краткая сенатская записка не разрѣшаетъ этой загадки и только заставляетъ задумываться надъ рѣшеніемъ многихъ другихъ вопросовъ. Въ литературѣ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по этому поводу не появилось. Самъ Чернышевскій, повидимому, никому ничего не разсказалъ, по крайней мѣрѣ, близкіе ему люди многаго не знаютъ, а о степени участія его въ революціонномъ движеніи не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

На мою долю выпало познакомить, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго,—съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ процессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣлъ, которыя неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неугодныхъ, не стѣсняясь никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было „политикой“, имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время.

Про процессъ Чернышевскаго вполнѣ можно повторить то же, что сказалъ Мышкинъ про извѣстный процессъ 193-хъ: „Это не судъ, а простая комедія или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужою жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества“...

Когда Чернышевскій говорилъ: „Богъ ихъ знаетъ. Можетъ быть, имъ и извѣстно, за что сослали, а я не знаю“ [1]),—онъ былъ правъ: въ рукахъ правительства не было ни одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, не поддѣланнаго документа. Тотъ матеріалъ, съ которымъ оно имѣло дѣло, былъ совершенно негоденъ въ рукахъ любого сколько-нибудь добросовѣстнаго слѣдователя, не только высшаго въ имперіи суда.

Это, однако, не значитъ, чтобы я становился на точку зрѣнія, болѣе или менѣе общепринятую въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ-де *совершенно* невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, будто Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновененъ къ революціонной работѣ своего времени.

Не такой это былъ умъ и не такой человѣкъ, который сидѣлъ бы сложа руки и только и дѣлалъ, что писалъ въ „Современникѣ“. Это былъ прежде всего пророкъ и вождь. Припомните некрасовское:

Не говори: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной“...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

[1]) *В. Короленко* „Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ“. Лондонъ. 1894 г., 10.

Такъ мыслитъ онъ, и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ [1]).

Замѣтьте, что это писалъ человѣкъ, знавшій Чернышевскаго изо дня въ день восемь лѣтъ... восемь лѣтъ съ нимъ бесѣдовавшій о самыхъ различныхъ вопросахъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Ему ли, чуткому и проницательному, не понять было вождя своего журнала?! По совершенно справедливому замѣчанію г. Николаева, политическіе взгляды Чернышевскаго можно выразить въ немногихъ словахъ: „катастрофа вскорѣ немыслима, но долгъ мыслящаго и послѣдовательнаго человѣка — стремиться къ ней и *дѣлать* все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше *дѣйствія*“ [2]).

Этого мало: Чернышевскій былъ демократомъ, человѣкомъ, всегда и вездѣ проводившимъ одну и ту же мысль: трудъ и трудящіеся во главѣ всего. Далѣе. Посмотрите на его знакомства: Сигизмундъ Сѣраковскій, Іосафатъ Огризко, В. А. Обручевъ, Николай Серно-Соловьевичъ и многіе другіе дѣятели революціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что Чернышевскій зналъ отъ самого Михайлова о привозѣ имъ изъ-за-границы прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ [3]).

Онъ же говоритъ, что имѣетъ основаніе думать, что Н. Г., быть можетъ, не совсѣмъ чуждъ „Великоруссу“... Николай Утинъ сообщилъ въ свое время г. Пантелѣеву, что, отвергнувъ посланнаго отъ „центральнаго революціоннаго комитета“,

[1]) Привожу это стихотвореніе полностью, съ четвертой строфой, до сихъ поръ не напечатанной въ собраніи сочиненій Некрасова и заимствуемой мною съ автографа, подареннаго Некрасовымъ П. А. Ефремову. Пора бы перестать подписывать подъ его заглавіемъ „Пророкъ“ „Изъ Барбье“—эту ширму авторъ изобрѣлъ спеціально для взоровъ цензуры. На самомъ дѣлѣ, стихотвореніе было озаглавлено (1871 годъ) просто: „Н. Г. Чернышевскій“.

[2]) *Николаевъ*— „Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1867—1872 гг.“. М. 1906 г.

[3]) „Изъ воспоминаній прошлаго“, стр. 330.

издавшаго „Молодую Россію“, Чернышевскій потомъ пожалѣлъ объ этомъ и хотѣлъ написать прокламацію „Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ“, но не успѣлъ. Н. Е. Кудринъ говоритъ, что Лавровъ хорошо сошелся съ Чернышевскимъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный А. Н. Энгельгардтъ ввелъ П. Л. Лаврова въ начавшее организовываться общество „Земля и Воля“. Это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ утвержденія, со словъ Лаврова, о прикосновенности къ этому обществу и Чернышевскаго [1]).

Современники были вполнѣ убѣждены въ томъ, что Чернышевскій принимаетъ активное участіе въ революціонной работѣ.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ одинъ анонимъ, полученный Н. Г. въ концѣ 1861 года отъ какого-то невѣдомаго, злобствовавшаго аграрія. Онъ показываетъ, какой репутаціей пользовался Чернышевскій.

„Г-нъ Чернышевскій! О пропагандѣ Вы знаете; Вы ей сочувствуете; поговоримъ о ней. Вы, наконецъ, пережили себя, нехотя; Вы говорите о нашихъ собраніяхъ, протягиваете руку дворянству; но кого Вы этимъ обманете? Неужели Ваша улыбка украситъ Вашу медузину голову? Неужели мы не видимъ Васъ съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть? Неужели мы можемъ сочувствовать заклятымъ соціалистамъ (направленіе Вашего журнала намъ понятно, да и „Великоруссъ“—Ваше произведеніе), которые ищутъ и будутъ искать нашей погибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества, насъ самихъ, наши семейства?! Кто во главѣ движенія? Желчный, злобный соціалистъ-мужикофилъ Искандеръ, хитро упрятавшій въ свои карманы милліона два русскихъ денегъ и спокойно поджигающій вдали несчастную русскую молодежь. А Вы? Да, Вы его лакеи. У Васъ не станетъ духу обречь себя даже на изгнаніе. Скажите, пожалуйста, неужели же Вы думаете, что мы настолько просты, что будемъ жертвовать собой ради соціализма, признаннаго наукою несчастнымъ произведеніемъ больного ума?! Допустимъ, что идеи соціализма осуществимы, что всетаки онѣ осуществимы въ странѣ, гдѣ нравственное развитіе всей массы слишкомъ вели-

[1]) *Пантелѣевъ*, и. с., 327, 270, *Н. Е. Кудринъ* — „Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ“. „Рус. Бог.“, 1905 г., III, 167.

ко, но никакъ не въ странѣ монголовъ, шамеуговъ и т. д. Повѣрьте, мужички наши мало чѣмъ нравственнѣе этихъ милыхъ народовъ. Въ нашемъ народѣ есть добрыя начала, но они еще въ зародышѣ, и за развитіе ихъ нужно взяться умно, практично, безъ нѣжностей, а нѣжностей Вашихъ они не поймутъ, наплюютъ они на Васъ и найдутъ себѣ другого Антона Петрова, о которомъ такъ искренно сожалѣетъ Ваша хамская натура.

„Не ввѣримся же мы Вамъ, человѣку или совершенно непрактичному, или совершенно подлому: вспомните, въ какую цѣну Вы оцѣнили наши имѣнія. Кого Вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи, дворянство. На кого Вы надѣетесь? На полудикое сословіе мужиковъ, людей, религія которыхъ заключается въ одной ѣдѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Вы хотите безусловной демократіи. Мы видимъ, до чего довела грязная демократія Францію, до чего доводитъ она великую республику Вашингтона. Да, дворянство—лучшее сословіе; нашими деньгами поддерживается журналистика; при всей непрактичности нашего воспитанія, въ чемъ виноваты наши сентиментальные наставники, мы улучшили и улучшаемъ сельское хозяйство; мы давали и даемъ честнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Обратите вниманіе на громадную разницу между выборными и коронными: взгляните на добросовѣстную дѣятельность взятыхъ изъ среды нашей мировыхъ посредниковъ. Вы этого не знаете. Вы говорите о провинціи, не потрудившись даже узнать о ней. Мы, т. е. наши офицеры-дворяне, сдѣлали изъ русской арміи силу, наводящую ужасъ воспоминаніемъ о Севастополѣ и на хвастливыхъ французовъ, и на стоическихъ англичанъ. Вы скажете, что мы же обокрали Россію. Ложь: обокрали ее бюрократы, а истые дворяне дальше поручика не служатъ. Мы хладнокровно встрѣтили разыгравшіяся страсти временно-обязанныхъ, опьянѣвшихъ отъ данной имъ свободы и, дѣйствуя снисходительно, добросовѣстно, мужественно, сохранили и сохраняемъ мужественное спокойствіе. Кого же вы пугаете?! Ха, ха, ха!.. Мы—люди благородные и потому безстрашно встрѣтимъ смерть, защищая права законныя, несомнѣнныя. Совѣсть у насъ чиста. Вашей хамской натурѣ это непонятно. Впрочемъ, опасности большой нѣтъ.

„Вникнемъ въ дѣло: кто угрожаетъ и кѣмъ угрожаетъ? Вы, господа, соціалисты двухъ родовъ: соціалисты безшабашные,

которые, какъ плотоядныя птицы, нетерпѣливо ждутъ поживиться мертвечиной, и соціалисты сентиментальные, которые за несчастныя писульки попадаютъ подъ розги, а иногда и въ каторгу. Какъ это трогательно, но какъ же пошло и тупо. Кровожадность у васъ волчья, да слабость овечья. Есть рьяные, да ихъ немного. Вы не умѣете вооружить Петербургъ и думаете взволновать цѣлую Россію. Вы сами никуда не годитесь и думаете, что грязная лапа мужика выведетъ васъ на дорогу. Замѣтьте, впрочемъ, что мы съ вами поступать будемъ покруче, чѣмъ поступаютъ съ вами въ столицѣ. Насъ много, теперь мы насторожѣ и, повѣрьте, не станемъ съ вами нѣжничать. Кѣмъ вы угрожаете и на кого вы хотите дѣйствовать? На студентовъ. Дѣйствительно, прекрасная молодежь; но вѣдь по окончаніи курса эти мотыльки, по большей части, наперекоръ зоологіи, обращаются въ червячковъ. Въ особенности семинаристы, которые и въ аудиторіи вносятъ свой собственный запахъ. На купцовъ и мѣщанъ — но имъ нѣтъ времени: обмѣрить, обвѣсить, разсыропить водку—это нелегко, всего вдругъ не сдѣлаешь. Дальше что: духовенство?—это сословіе ни рыба, ни ракъ; полудикіе мужики?—я уже о нихъ сказалъ; они могутъ и должны быть пока въ ежовыхъ,— понимаете. Притомъ же государственные крестьяне не только безъ участія, но, кажется, даже и съ нѣкоторою злобою смотрятъ на временно-обязанныхъ. Да и временно-обязанные начинаютъ понимать, что бытъ ихъ значительно улучшенъ, и что нельзя ограбить однихъ въ пользу другихъ. Притомъ нужно сказать, они никогда не раздѣляли Вашихъ литературныхъ убѣжденій, а потому и не смотрѣли на насъ, какъ на злодѣевъ. Дворовые оставляютъ насъ неохотно; крестьяне не спѣшатъ заводить новые порядки.

„Однимъ словомъ, мы всего ожидаемъ отъ государя, которому не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить свои же слова московскому дворянству: „движеніе должно начинаться сверху, а не снизу". Мы будемъ просить его избавить насъ отъ нашей болячки—Польши, которая вмѣстѣ съ остзейскими губерніями взяла, кажется, подрядъ на поставку намъ чиновниковъ-бюрократовъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить Вамъ, г-нъ Чернышевскій, что мы не желаемъ видѣть на престолѣ какого-нибудь Антона Петрова, и, если дѣйствительно произойдетъ кровавое волненіе, то мы найдемъ Васъ, Искандера или кого-

нибудь изъ Вашего семейства, и, вѣроятно, Вы не успѣете еще запастись тѣлохранителями".

Люди, не пользующіеся виднымъ вліяніемъ, такихъ писемъ не получаютъ...

Литературный міръ тоже считалъ Чернышевскаго очень вліятельнымъ въ революціонномъ кругу. Припомните разсказъ самого Достоевскаго, какъ тотъ въ 1862 году явился къ Н. Г. и уговаривалъ его подѣйствовать на составителей какой-то прокламаціи въ сторону ихъ вразумленія [1]).

Таково же, повидимому, было убѣжденіе и правящихъ сферъ. Въ ненапечатанной части воспоминаній Шелгунова есть такой разсказъ князя Суворова-Рымникскаго, бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, человѣка весьма порядочнаго, неглупаго и неставшаго бы говорить неправду. „Я поступалъ иначе,—говорилъ Суворовъ Шелгунову вскорѣ послѣ своей отставки вслѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ.— Мнѣ доносятъ, что подготовляется движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: „пожалуйста, устройте, чтобы этого не было". Онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!" Записывая это, Шелгуновъ замѣтилъ: „пишу съ буквальной точностью, слышу эти слова, какъ бы теперь". Конечно, это показаніе не значитъ, что Суворовъ при помощи Чернышевскаго подавлялъ и парализовалъ революціонныя проявленія. Чернышевскій бы не занялъ такой позиціи. Но, весьма вѣроятно, что нѣкоторыя возможныя проявленія общественнаго неудовольствія, демонстраціи и были предотвращены бесѣдою съ Н. Г., пользовавшимся настолько вліятельнымъ положеніемъ, что его совѣтъ остановиться, снабженный достаточно вѣской аргументаціей, принимался къ исполненію.

Самъ Чернышевскій хорошо видѣлъ, какими глазами смотритъ на него жандармско-полицейское око. Онъ неоднократно отказывался отъ участія въ такихъ общественныхъ начинаніяхъ, которыя, благодаря его присутствію, могли бы быть взяты подъ особо внимательное попеченіе.

[1]) „Дневникъ писателя", IV. Достоевскій ошибочно называетъ эту прокламацію—„Къ молодому поколѣнію" этому противорѣчитъ его же указаніе, что вся она состояла изъ десяти строкъ. Прокламація Михайлова была очень велика.

Нужно думать (а къ этому заключенію приводятъ и бесѣды съ хранящимъ архивъ отца—М. Н. Чернышевскимъ), что революціонная дѣятельность Н. Г., обставленная необыкновенно по тогдашнимъ временамъ конспиративно, такъ и не вскроется для насъ. Она унесена имъ въ могилу.

Какое же преступленіе было поставлено ему въ вину правительствомъ Александра II?

Прежде всего, не одно, а два. Первое—сочиненіе прокламаціи „Къ барскимъ крестьянамъ", второе—приготовленіе къ возмущенію. Было еще и третье—„противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ",—но оно сочтено недоказаннымъ. Изъ основательнаго изученія четырехъ томовъ архивнаго дѣла мнѣ представляется, что Чернышевскій, дѣйствительно, участвовалъ въ составленіи этой прокламаціи (впрочемъ, не увидѣвшей свѣта), но такъ искусно велъ работу, что не далъ положительно никакихъ основаній къ сколько-нибудь юридически обставленному обвиненію.

Не забѣгая, однако, впередъ, приступаю къ изложенію дѣла во всей его полнотѣ и строгой послѣдовательности.

ЧАСТЬ I.

Въ поискахъ за уликами.

I.

Послѣ майскихъ пожаровъ 1862 года, правительство, опираясь на большую часть общества, утомленную непривычнымъ для нея форсированнымъ маршемъ по пути обновленія, стало въ курсъ реакціи и пошло въ немъ все тверже и опредѣленнѣе. Два вліятельныхъ журнала: „Современникъ“ и „Русское Слово“ были закрыты въ началѣ іюня. Учреждена особая слѣдственная комиссія, которая занималась, между прочимъ, уже извѣстнымъ читателю дѣломъ Писарева и другими. Чернышевскій, увидя возможность хоть немного отдохнуть отъ утомлявшей его журнальной работы, хлопоталъ о поѣздкѣ съ семьей въ Саратовъ. Спѣшно продавались вещи, ликвидировались нѣкоторыя дѣла и пр. Въ это время Чернышевскому пришлось быть у управляющаго III Отдѣленіемъ, Потапова, по поводу какой-то дерзости одного гвардейскаго офицера относительно его жены. Въ разговорѣ Н. Г. спросилъ генерала, не имѣетъ ли правительство какихъ-нибудь подозрѣній противъ него, и можетъ ли онъ спокойно ѣхать на родину. Потаповъ увѣрилъ, что ровно ничего не имѣется [1]).

Но Потаповъ уже хитрилъ. Еще въ самомъ началѣ іюня, а именно 5-го числа, онъ направилъ въ слѣдственную комиссію

---

[1]) *П. В. Рейнгардтъ* — „Н. Г. Чернышевскій“. „Рус. Стар.“, 1905 г., II, 470—471. Авторъ слышалъ это отъ самого Н. Г.

кн. Голицына слѣдующій полученный имъ лично анонимный доносъ на Чернышевскаго:

„Что вы дѣлаете? Пожалѣйте Россію, пожалѣйте Царя! Вотъ разговоръ, слышанный мною вчера въ обществѣ профессоровъ. Правительство запрещаетъ всякій вздоръ печатать, а не видитъ, какія идеи проводитъ Чернышевскій; это коноводъ юношей; направленіе корпусныхъ юношей дано имъ [1]); это хитрый соціалистъ; онъ мнѣ самъ сказалъ (говор. проф.), что „я настолько уменъ, что меня никогда не уличатъ". За пустяки сослали Павлова и много другихъ промаховъ дѣлаете, а этого вреднаго агитатора терпите. Неужели не найдете средствъ спасти насъ отъ такого зловреднаго человѣка! Никто вамъ въ глаза не скажетъ, что Чернышевскій язва всему, потому что сочтутъ его доносчикомъ; я вамъ пишу, не подписываясь, потому, что вы спросите, кто говорилъ,—а вы знаете, что многое говорятъ въ обществѣ, сказали бы и Потапову—но никогда не скажутъ жандарму. Передаю вамъ впечатлѣніе, вынесенное изъ общества людей, десятки лѣтъ [2]) знающихъ Чернышевскаго—бывшихъ его пріятелей, но теперь, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, всѣ весьма либеральные люди, настолько благоразумные, что они сознаютъ необходимость существованія у насъ монархизма, — отдалились отъ него и убѣждены, что ежели вы не удалите его, то быть бѣдѣ—будетъ кровь; ему нѣтъ мѣста въ Россіи—вездѣ онъ опасенъ, развѣ въ Березовѣ или Гижинскѣ; не я говорю это,—говорили ученые, дѣльные люди, отъ всей души желающіе конституціи, но путемъ закона—земской думы, но по призыву Царя. Не дастъ Царь ни того, ни другого,—Господь ему судья. А крови не минуете и насъ всѣхъ сгубите—это шайка бѣшеныхъ демагоговъ, отчаянныя головы,—это „Молодая Россія" выказала вамъ въ своемъ проспектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности; быть можетъ, ихъ перебьютъ, и сколько невинной крови изъ-за нихъ прольется! Тутъ же слышалъ, что въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, и вездѣ они разжигаютъ молодежь. Ник. Утинъ—

[1]) Чернышевскій былъ одно время преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

[2]) Очевидный вздоръ: Чернышевскому тогда было 34 года.

правая рука Чернышевскаго; юношу бы за-границу [1]), но навсегда, а Николая Гавриловича—куда хотите, но скорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать.

„Я самъ не знакомъ съ этими злодѣями—пишу, что вчера случайно слышалъ. Не доискивайтесь, кто я,—къ чему вамъ? Въ доносчики не гожусь, а услышу что-либо подобное—напишу,—теперь каждый честный человѣкъ обязанъ указывать правительству все, что слышитъ, что знаетъ, ибо общество въ опасности: сорванцы бездомные на все готовы,—и вамъ дремать нельзя; на васъ грѣхъ падетъ, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло—распустили однажды, теперь не совладаете,—выхода другого нѣтъ, какъ земская дума; боитесь дворянства—пошумятъ только; если потребуютъ конституціи, то путемъ законнымъ она не страшна для Царя, а эта бѣшеная шайка жаждетъ крови, ужасовъ и пойдетъ напроломъ, — не пренебрегайте ею.

„Избавьте насъ отъ Чернышевскаго—ради общаго спокойствія“.

Отрывки изъ этого письма приведены въ сенатской запискѣ, но неисправно. Въ такомъ же видѣ ихъ цитируютъ оттуда и нѣкоторые авторы.

Доносъ этотъ писанъ чьимъ-то очень красивымъ мелкимъ почеркомъ, и можно утверждать—неизмѣненнымъ.

Такимъ образомъ комиссіи (гдѣ самъ Потаповъ былъ членомъ), разыскивавшей по Россіи крамолу, напоминалось о существованіи Чернышевскаго... Но вотъ въ концѣ іюня III Отдѣленіе получаетъ свѣдѣнія, что 27-го числа изъ Лондона выѣдетъ въ Россію нѣкій Павелъ Ветошниковъ и будетъ везти съ собой довольно много писемъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсіева къ самымъ разнообразнымъ лицамъ... Разумѣется, сейчасъ же были приняты мѣры, и Ветошниковъ былъ арестованъ на границѣ со всей корреспонденціей...

Послѣ бѣглаго разбора ея въ III Отдѣленіи нашли, между прочимъ, два письма „лондонскихъ бѣглецовъ“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Приведу ихъ полностью:

---

[1]) Николай Утинъ вскорѣ бѣжалъ за-границу.

1.

„Милостивый Государь,
Николай Александровичъ.

„На письмо ваше, въ которомъ вы спрашиваете мое согласіе на изданіе моихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Россіи,— честь имѣю увѣдомить васъ, что я совершенно согласенъ на ваше предложеніе. Слѣдующія деньги, т. е. 10 процентовъ съ получаемой отъ продажи суммы, предоставляю моимъ дочерямъ.

„Увѣдомляя васъ, Милостивый Государь, честь имѣю пребыть вашимъ покорнымъ слугою *Александръ Герценъ*.

„8/20 іюня 1862. Лондонъ. Орсетъ Гаусъ. Вестборнъ Террасъ. М. Г. Николаю Александровичу Серно-Соловьевичу въ С.-Петербургъ".

2.

„Давно не удавалось побесѣдовать съ вами, дорогой другъ. Въ минуту жизни трудную—мы какъ-то разобщены, и коротенькія вѣсти не достаточно даютъ пищи для людей, жаждущихъ подробностей. Но минута жизни трудная, покачаясь изъ стороны въ сторону, пройдетъ къ осени. Чуть ли даже не такъ досконально пройдетъ, что и вовсе заглохнетъ безъ слѣда. Что же останется? Останется общій фондъ—не минуты, а годины трудной. Мнѣ кажется, что уяснить необходимость земскаго собора становится дѣломъ обязательнымъ. Губернскія земскія думы, о которыхъ пророчатъ къ тысячелѣтію, успокоивъ умы на полгода, дадутъ новый элементъ удобства въ выборахъ и опять приведутъ къ необходимости земскаго собора. Состоится ли онъ? Будетъ ли онъ самъ чѣмъ-то переходнымъ или дѣйствительно организуетъ—какъ знать! Но я думаю, что изъ всѣхъ послѣднихъ событій вы убѣдитесь, что мое озлобленіе на литературную дрязгу не было слишкомъ пусто; мое озлобленіе шло къ тому, что я вообще въ петербургской суетѣ не вижу исхода. Тутъ нѣтъ живой жизни, нѣтъ построенія будущаго и нѣтъ мѣста для коренного движенія и преобразованія. Опять прихожу къ моей темѣ, шепчу и кричу ее вамъ въ уши, чтобъ она неотступно васъ преслѣ-

довала: живая жизнь въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ—ваша работа не пойдетъ въ ростъ. Я даже радъ, что Петербургъ не въ силахъ ничего сдѣлать, потому что все, что онъ ни сдѣлаетъ, будетъ имѣть результатъ только тотъ же—отместку провинцій. Уясните же [1]) провинціямъ. ищите друзей въ провинціяхъ. Вы только въ провинціяхъ встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего менѣе понятна коренная цѣль—земской земли [2]).

„Мнѣ жаль молодежь, которой не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это—физіолого-патологическое явленіе, которое быстро проходитъ. Мнѣ жаль и вашихъ мѣщанъ-извозчиковъ—они не виноваты.

„Рознь верхушекъ ужъ слишкомъ велика, чтобы понять другъ друга, и сближеніе ихъ всего меньше возможно на невской набережной и марсовомъ полѣ,—оно возможно только при рѣкахъ черноморско-каспійскихъ.

„Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ. Работайте въ провинціяхъ.

„Крѣпко обнимаю васъ обоихъ. Вѣстей побольше — ради бога. N [3]) — золотая душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до святости [4]).

„Кажется, рѣчь о нашемъ сбѣжавшемъ восточномъ пріятелѣ. Поклонитесь ему — это преблагороднѣйшій человѣкъ; скажите ему, что мы помнимъ и любимъ его.

„Прилагаю офиціальное письмо; если оно не такъ написано—я готовъ написать и другое. 10[0] „ я поставилъ зря,—уменьшайте и увеличивайте—дѣлайте, какъ знаете.

„Чтобъ не забыть—прибавлю еще маленькую просьбу. Если вамъ нельзя, любезный другъ, самимъ пріѣзжать съ письмами, то пишите ихъ такъ, чтобъ можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день цѣлый—и то не все поняли. Вмѣсто воскресныхъ школъ я становлюсь [5]).

---

[1]) Одно слово не могло быть прочтено, потому что испорчено шнуромъ, скрѣпляющимъ дѣло.

[2]) Намекъ на столичныхъ реформаторовъ, изучавшихъ народъ по петербургскимъ извозчикамъ.

[3]) Подъ этой буквой скрытъ—М. Л. Налбандянъ.

[4]) До сихъ поръ письмо писано Огаревымъ, дальше—Герценомъ.

[5]) Одно слово испорчено шнуромъ.

„Да вы не сердитесь.

„А какова Соврем. лѣтоп.? Вотъ я вамъ вылупилъ хризеиды Кат. и Леонт. [1]).

„Если скоро будетъ оказія, напишите. Знаете ли вы г. Перетца [2])? Онъ, кажется, очень хорошій и образованный человѣкъ.

„Дайте вашу руку. У меня сегодня очень болитъ голова— и потому написалъ одинъ вздоръ. Прощайте.

„Мы готовы издавать Совр. [3]) здѣсь съ Черныш. [4]) или въ Женевѣ—печатать предложеніе объ этомъ.

„Какъ вы думаете?“

Какъ видитъ читатель, имя Чернышевскаго упомянуто лишь одинъ разъ. И по тогдашнимъ порядкамъ этого было вполнѣ достаточно, чтобы на другой же день послѣ ознакомленія съ корреспонденціей, взятой у Ветошникова, а именно 7 іюля, арестовать и Серно-Соловьевича, и Чернышевскаго. Изъ отношенія главноуправляющаго III Отдѣленіемъ къ предсѣдателю высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи, кн. А. Ѳ. Голицыну, отъ 9 іюля видно, что упоминаніе имени Чернышевскаго въ письмѣ Герцена и было причиной ареста перваго.

Арестъ Чернышевскаго произошелъ совершенно для него неожиданно, въ присутствіи бывшихъ у него въ это время М. А. Антоновича и доктора Бокова [5]).

---

[1]) Рѣчь идетъ о „Современной Лѣтописи“ Каткова и Леонтьева.

[2]) Перетцъ былъ однимъ изъ русскихъ, довольно часто посѣщавшихъ Герцена лѣтомъ 1862 г. Потомъ онъ служилъ въ III Отдѣленіи...

[3]) Рѣчь идетъ о „Современникѣ“ Панаева и Некрасова, въ которомъ главная роль принадлежала Чернышевскому. 19 іюня, по высочайшему повелѣнію, были пріостановлены на 8 мѣсяцевъ „Современникъ“ и „Русское Слово“. 8-го же Герценъ уже имѣлъ свѣдѣнія о возможности такой кары и потому сдѣлалъ свое предложеніе. Не получивъ отвѣта отъ Серно-Соловьевича, онъ печатно предложилъ издавать у себя „Современникъ“.

[4]) Конечно, Чернышевскій.

[5]) Подробности этого ареста изложены въ замѣткѣ перваго изъ нихъ въ мартовской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ.

Утромъ 7 іюля въ квартиру Чернышевскаго явились жандармскій полковникъ Ракѣевъ и квартальный надзиратель Мадьяновъ, запечатали всѣ бумаги и часть книгъ въ холщевый мѣшокъ, который и представили въ III Отдѣленіе, а всѣ остальныя книги, по заявленію Н. Г., 2.400 томовъ, корректуры и матеріалы для изданія сочиненій Добролюбова опечатали въ запертомъ кабинетѣ. Самъ Чернышевскій былъ отвезенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на интеллигенцію!.. По словамъ г. Пантелѣева, „если сказать, что арестъ Чернышевскаго на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе, то это значитъ выразиться слишкомъ слабо: съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ о ходѣ его процесса“... Для всѣхъ стало ясно, что Чернышевскому не сдобровать...

Осмотръ его бумагъ комиссія поручила своему члену, д. ст. сов. Каменскому, а опечатанныхъ на квартирѣ книгъ— д. ст. сов. Турунову, въ помощь которому министромъ внутреннихъ дѣлъ были назначены трое чиновниковъ особыхъ порученій: Фридбергъ, Морозъ и Третьяковъ. 17-го числа всѣ они, въ сопровожденіи еще старшаго чиновника III Отдѣленія—Кейзера фонъ-Нилькгейма, состоящаго при оберъ-полицеймейстерѣ поручика Нипше, квартальнаго надзирателя Мадьянова и сторонняго свидѣтеля—отставн. кол. секретаря Сергѣя Николаевича Пыпина, прибыли на квартиру Н. Г. Окончивъ осмотръ, отложили еще нѣсколько книгъ и пакетовъ для сдачи въ III Отдѣленіе, а остальное запечатали и поручили на храненіе полиціи [1]). На другой день печати были сняты, и все имущество Чернышевскаго сдано Мадьяновымъ С. Н. Пыпину [2]).

[1]) М. А. Антоновичъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ на этомъ обыскѣ со спеціальною цѣлью выручить изъ рукъ комиссіи матеріалы по собранію сочиненій Добролюбова, которое не было доведено Чернышевскимъ до конца. Конецъ послѣдняго тома былъ полностью просмотрѣнъ и прокорректированъ уже г. Антоновичемъ. Турунову отнесся внимательно къ его заявленію о возвратѣ запечатанныхъ матеріаловъ. При этомъ удалось выручить и „дневникъ“ Добролюбова, переданный потомъ А. Н. Пыпину.

[2]) Семья Чернышевскаго еще 3 іюля уѣхала въ Саратовъ.

II.

Среди бумагъ Н. Г. особенно заинтересовали всѣхъ двѣ средней толщины тетради размѣромъ въ писчій листъ. Пробовали читать—ничего не понять. А написано такъ часто и мелко.—Каменскій, какъ ни старался, ровно ничего не понялъ, кромѣ того, что это „дневникъ". 7 августа рѣшено было отправить его въ III Отдѣленіе, отличавшееся искусствомъ раскрытія самыхъ замысловатыхъ шифровъ. Но какъ ни старался Потаповъ, а долженъ былъ сознаться, что ввѣренная ему тайная канцелярія тоже безсильна, и направилъ „дневникъ" въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ поработали съ мѣсяцъ, и 15 сентября товарищъ министра Мухановъ сообщалъ Потапову, что рукопись не шифрована, а писана только съ самыми сложными сокращеніями. Для удостовѣренія онъ приложилъ нѣсколько страницъ, написанныхъ полностью, правда, всетаки, съ очень значительными искаженіями и пропусками, и при этомъ замѣчалъ, что при „всемъ желаніи со стороны министерства, по множеству текущихъ, не терпящихъ отлагательства дѣлъ, не было никакой возможности до настоящаго времени разобрать всю рукопись, но изъ содержанія разобраннаго можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ". Министерство иностранныхъ дѣлъ настолько простерло свою внимательность къ „дневнику" Чернышевскаго, что не преминуло даже изслѣдовать его на всѣ возможные способы, при которыхъ обыкновенно удается обнаружить тотъ или иной составъ симпатическихъ чернилъ, особый сортъ скрывающей бумаги и пр. Но и чернила, и бумага оказались самыми обыкновенными.

Комиссію мало удовлетворилъ отвѣтъ Муханова. Имѣя теперь ключъ, въ видѣ нѣсколькихъ развернутыхъ страницъ, она рѣшила поручить добиться толку отъ „дневника" своему члену, сенатору Жданову.

Что же это за дневникъ? Я не рѣшился взяться за кропотливую работу его развертыванія, требующую для своего окончанія, по крайней мѣрѣ, двухмѣсячнаго ежедневнаго посѣщенія сенатскаго архива, тѣмъ болѣе, что все равно не имѣлъ бы возможности напечатать этотъ автобіографическій документъ, съ одной

стороны, въ силу закона объ авторской собственности, съ другой—въ виду интимности нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащей пока опубликованію. Работу эту взялъ на себя сынъ Н. Г.—М. Н. Чернышевскій, и, конечно, все, что можно, будетъ имъ напечатано.

Въ дополненіе къ дневнику не мало интриговали и четыре картонныя полоски, длиною около четверти аршина. Вдоль нихъ слѣва были написаны по порядку буквы русскаго алфавита, а справа—цифры, начиная съ 1. Всѣ полоски содержали въ себѣ буквально одно и то же... Шифръ, шифръ!—рѣшила сначала комиссія, но потомъ какъ-то сама охладѣла, понявъ, вѣроятно, что такими простыми шифрами не работаютъ уже и дѣти.

Затѣмъ комиссія сочла стоящими серьезнаго вниманія приведенный уже мною дворянскій анонимъ и довольно пространное письмо Огарева и Герцена къ неизвѣстному: обращеніе и всѣ фамиліи въ немъ подчищены перочиннымъ ножомъ.

Я не буду приводить здѣсь полностью это письмо, а познакомлю съ нимъ читателей лишь постольку, поскольку оно касается Чернышевскаго.

Сначала написанное Огаревымъ:

„Ну, милый [ ][1]), долго я думалъ и ждалъ, не поѣдетъ ли кто къ вамъ, но не дождался и рѣшился писать просто. Съ чего начать? Да ужъ начну съ того, что стряхну злобу съ сердца. Истинно жаль мнѣ, что васъ нѣтъ въ Питерѣ, потому что наши шалятъ. Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Черн. поручилъ тому господину, который въ [ ] не попалъ, сказать намъ, чтобъ мы не завлекали юношество въ литературный союзъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, никто такъ не уважаетъ скептицизмъ, какъ я. Разсѣкая міръ до математической точки, я дохожу до формулы 0∞, но это не мѣшаетъ мнѣ знать, что нуль также результатъ и $= + -$, и собственно есть предѣлъ. Что я не въ состояніи наполнить бездну или черту, раздѣляющую логическія опредѣленія отъ живого міра, не могу показать, какимъ образомъ предѣлъ переходитъ въ дѣйствительность, и чему какой формулѣ $= 0 \infty$, изъ этого не слѣдуетъ, что я въ ту минуту, когда надо дѣло дѣлать, задалъ бы себѣ задачу: ну,

[1]) Эти скобки стоятъ на мѣстѣ подчищеннаго слова

а если изъ этого ничего не выйдетъ? Такой скептицизмъ равенъ тунеядству и составляетъ преступленіе. А между тѣмъ онъ человѣкъ съ вліяніемъ на юношество; на что жъ это похоже? Ступайте въ Питеръ, возьмите его за воротъ, порастрясите и скажите: стыдно. Вскорѣ послѣ этого, по случаю какой-то исторіи Рима, встрѣчаемъ мы въ „Современникѣ“ (уже прежде смекнувши изъ довольно плохой критики въ „Петерб. Вѣдом.“) статью прямо противъ насъ, т. е. что напрасно, молъ, говорить, что въ Россіи есть возродительное общинное начало, котораго въ Европѣ нѣтъ, что общинное начало—вздоръ, что Европа не умираетъ, потому что одному человѣку 60 лѣтъ, но зато другому 20 (какъ будто историческая смерть есть вымираніе людей, а не разложеніе общественныхъ химическихъ соединеній извѣстнаго порядка!), и что тѣ, кто это говоритъ, дураки и лжецы, съ намекомъ, что рѣчь идетъ о насъ, и забывая, что до сихъ поръ сами держались этимъ знаменемъ. Зачѣмъ это битье по своимъ да еще съ преднамѣренной ложью? Плохо дѣло! [ ]! [ ]! горе, когда личное самолюбіе поднимаетъ голову, завидуя или въ отместку за неуваженіе къ воровству какого-нибудь патрона! Какая тутъ общественная дѣятельность, какое общее дѣло! Тутъ идетъ продажа, продажа правды и доблести изъ-за личныхъ страстишекъ и видовъ; продажа *дѣла* изъ-за искусственнаго скептицизма, который даже не скептицизмъ, а просто сомнѣніе въ приложеніи *себя* къ дѣлу, безъ всякаго пониманія принципіальнаго скептицизма. Вдобавокъ въ этой статьѣ сказано, что растеніе не умираетъ оттого, что питательные соки перестаютъ въ него изъ земли съ любовью всасываться. Хорошъ скептицизмъ! Нѣтъ! Поѣзжайте въ Питеръ и скажите, что это стыдно, что такъ продавать Христа, т. е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называли преступленіемъ противъ духа. Ну! будетъ объ этомъ, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *помѣхой дѣлу*, поэтому и убѣжденъ, что вы обязаны щелкнуть дружески, но военнымъ кулакомъ по такой дребедени“.

А вотъ и герценовская приписка:

„[ ][1]) такую бездну написалъ, что я изъ любви къ ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догада-

[1]) Вѣроятно, подчищено „Огаревъ“.

лись, что Черныш. à la baron Vidil, ѣхавши дружески возлѣ, вытянулъ меня арапникомъ. Это я обязанъ „Спб. Вѣдомостямъ“ — они указали. Впрочемъ, [ ] слишкомъ серьезно это принимаетъ. Я тутъ, какъ въ пресловутомъ письмѣ Чич.[1]), больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выраженій—ругаться слишкомъ простое средство и не есть патентъ на особую эстетичность.

„Если вы увидите [ ], кланяйтесь ему отъ меня: мнѣ очень досадно, что я его не могъ навѣстить [ ] — хлопотъ была бездна.

„Читалъ повѣсть Печерскаго (Мельникова) *Гриша*[2]). Ну скажите, что же это за мерзость—ругать раскольниковъ и дѣлать уродливо-смѣшными! Экой тактъ. A propos, рекомендую вамъ небольшую статейку мою объ открытіи мощей Тихона.

„Будьте здоровы и прощайте“.

Объ этомъ письмѣ будетъ говорить еще самъ Чернышевскій. Я сдѣлаю лишь необходимую для читателя историко-литературную справку, не останавливаясь на очень интересномъ вопросѣ о разрывѣ Герцена и Огарева съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Онъ такъ сложенъ и серьезенъ, что требуетъ особаго изученія.

Извѣстно, какъ реагировалъ Герценъ (а за нимъ и Огаревъ) на событія 1848 года, которыя ему удалось наблюдать лично. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что Западная Европа отжила свой вѣкъ, что ей не возобновить истощенныхъ жизненныхъ элементовъ, не продолжить дѣла прогресса, что вся созидательная роль въ исторіи должна принадлежать молодому русскому народу. Эта мысль съ каждымъ годомъ становилась все ближе и ближе символомъ вѣры издателя „Колокола“. Несомнѣнно, въ ней была наличность нѣкоторой доли славянофильства, т. е. того политическаго ученія, которому такъ не сочувствовалъ Чернышевскій. Онъ считалъ, что говорить о дряхлости Запада и о возродительной роли Россіи значитъ играть въ руку людей, не желавшихъ кореннымъ образомъ сверху донизу реформировать всю нашу жизнь и разсчитывавшихъ ограничиться крестьянской полуреформой. Мысль эту онъ высказывалъ неоднократно. Въ майской книжкѣ „Современника“ за 1861 г.

[1]) Письмо Б. Н. Чичерина, напечатанное въ „Колоколѣ“, противъ Герцена.

[2]) Помѣщена въ мартовской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ.

онъ помѣстилъ статью „О причинахъ паденія Рима“ (подражаніе Монтескьё), написанную по поводу выхода въ свѣтъ перевода „Исторіи цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи“ Гизо. Не называя, разумѣется, нигдѣ Герцена, онъ полемизируетъ тамъ съ его взглядомъ объ изжитіи Запада. Языкъ статьи мѣстами рѣзокъ. Напримѣръ, показавъ нелогичность оспариваемаго взгляда съ точки зрѣнія исторіи же, Чернышевскій говоритъ: „Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ“. Что касается общиннаго землевладѣнія, какъ средства для перестройки соціальной жизни, которое только и имѣется, однако, въ Россіи, то Н. Г. по этому поводу отвѣчалъ: „Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь Западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка. При этомъ Чернышевскій замѣчалъ еще, что, „кромѣ общиннаго землевладѣнія, невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощью“. Тамъ же онъ обращалъ вниманіе Герцена и его единомышленниковъ на ихъ коренную ошибку при констатированіи мнимаго историческаго вырожденія Европы: на то, что творящія истинное перерожденіе массы еще и не жили въ Европѣ историческою жизнью, а на нихъ-то и надо возлагать надежды, а не на Россію.

Статья эта, благодаря своему заглавію, не обратила бы на себя вниманія въ Лондонѣ, еслибы не пространный и довольно

глупый фельетонъ о ней пресловутаго тогда Н. Воскобойникова въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которомъ авторъ взялъ подъ свою защиту „лучшихъ людей русскаго общества“, оскорбленныхъ Чернышевскимъ. И еслибы Герценъ и Огаревъ не прочли подлинной статьи, тогда ихъ негодованіе было бы еще понятно, но какъ могли они такъ понять самую статью—это совершенно непостижимо. Въ ней вовсе нѣтъ того, что имъ казалось.

Среди другихъ бумагъ болѣе или менѣе обратили на себя вниманіе записки и письма Чернышевскаго къ И. Е. Андреевскому по поводу прекращенія публичныхъ лекцій, письмо историка Костомарова по тому же поводу, вырванный листикъ изъ дневника Добролюбова и письмо къ Чернышевскому М. Е. Салтыкова.

2 марта 1862 г., въ присутствіи многочисленной публики, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ Фондомъ, извѣстный профессоръ П. В. Павловъ, одинъ изъ основателей русскихъ воскресныхъ школъ, произнесъ рѣчь по поводу исполнившагося тысячелѣтія Россіи, а 5 марта его уже выслали за это въ Вятлугу. Тогда рѣшено было прекратить чтеніе систематическихъ лекцій въ залахъ Думы и этимъ выразить посильный протестъ по адресу правительства. Нѣкоторые профессора, и въ томъ числѣ извѣстный Н. И. Костомаровъ, не согласились на это. Молодежь собралась 8 марта на его лекцію и на заявленіе Н. И. о своемъ рѣшеніи продолжать курсъ отвѣтила скандаломъ... Большинство его коллегъ рѣшило тоже читать. Такъ или иначе, а надо было уладить возможность уже нѣсколькихъ и большихъ скандаловъ. За это взялся Чернышевскій.

Онъ рѣшилъ обратиться прежде всего къ профессору И. Е. Андреевскому, бывшему ближе другихъ къ комитету студентовъ, вѣдавшему лекціями.

Андреевскій отказался отъ предложенія Н. Г. „быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами“, потому что самъ принадлежалъ къ ихъ числу, и находилъ недостаточно удобнымъ „формальный юридическій способъ“, предлагаемый Н. Г. для разъясненія разногласій о причинѣ прекращенія лекцій.

На другой день Н. Г. отвѣтилъ Андреевскому:

„М. Г. Иван Ефимович. Изъ Вашего отвѣта на мое письмо отъ 17 марта я долженъ вывесть слѣдующее заключеніе:

„Разъясненіе формальной стороны дѣла о прекращеніи лекцій было бы невыгодно для профессоровъ, читавшихъ лекціи;

„еслибы Вы не находили этого, Вы, вѣроятно, не затруднились бы сообщить имъ желаніе, выраженное въ моемъ письмѣ.

„Этотъ выводъ такъ натуралъ, что я буду считать его вѣрнымъ, пока не будетъ доказано противное, и присваиваю себѣ формальное право публично выражать это мнѣніе.

„Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*“.

18-го марта
1862 г.

Андреевскій отвѣчалъ 19-го, что выводъ этотъ совершенно несправедливъ, что способъ не невыгоденъ для профессоровъ, а „не можетъ выяснить существа дѣла“, и заявлялъ, что Чернышевскій не имѣетъ права основывать свое мнѣніе на его письмѣ.

Н. Г. стремился поставить выясненіе дѣла на ясную почву и приготовилъ для Андреевскаго три вопроса, отвѣты на которые разрѣшали бы многое. Вотъ они: „1) Было ли во вторникъ, 6 марта, на квартирѣ профессора В. Д. Спасовича собраніе профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи? 2) Было ли на этомъ собраніи принято профессорами рѣшеніе прекратить чтеніе публичныхъ лекцій? 3) Были ли даваемы профессорами формальныя записки, сообщавшія распоряжавшимся лекціями студентамъ это намѣреніе дававшихъ записки профессоровъ прекратить чтеніе лекцій?“

А вотъ и любопытное письмо Николая Ивановича Костомарова къ Чернышевскому:

„Посѣщеніе Ваше навело на меня грусть... мнѣ стало больно; мнѣ глубоко запали въ душу Ваши слова... да, мы были когда-то друзьями [1]). Три года я боролся самъ съ собой и, наконецъ, рѣшился и написалъ уже формулу, и готовился съ нею ѣхать къ Вамъ... Вдругъ курьеръ отъ Делянова съ извѣщеніемъ, что лекціи мои прекращены по распоряженію мин. н. просвѣщенія.

„Прощайте, Николай Гавриловичъ. Во многомъ, что Вы го-

[1]) Въ Саратовѣ, до переѣзда Чернышевскаго въ Петербургъ.

ворили мнѣ сегодня, я слышалъ голосъ любви и правды... хотя, всетаки, не знаю, въ чемъ бы Вы могли упрекнуть мое поведеніе въ прошедшей печальной исторіи съ публичными лекціями: я дѣйствовалъ логически и справедливо: мнѣ такъ кажется; я такъ увѣренъ... а между тѣмъ Ваши слова такъ встревожили меня... неужели я ошибался? Я не вижу этого. А между тѣмъ Ваши слова звучали любовью и правдою...

„Прощайте, Николай Гавриловичъ: мы, дѣйствительно, были когда-то друзьями... что развело насъ? Не знаю. Но знаю, что болѣе никогда не будемъ! Наши дороги разныя. Вы меня разъ, другой обругаете въ вашемъ Свисткѣ [1]), какъ уже было, со всѣми возможнѣйшими извращеніями дѣла, сообразно іезуитской мудрости, освящающей всякое средство для цѣли, а я въ своихъ нервныхъ увлеченіяхъ сдѣлаю еще два-три шага, которые удалятъ меня еще болѣе отъ Васъ, и такъ будетъ между нами пропасть поглубже, чѣмъ та, которая раздѣляла богача отъ убогаго Лазаря.

„О лекціяхъ я ни мало не сожалѣю. И однако, мнѣ ужасно грустно, такъ грустно, что хоть въ воду...

„Скучно на этомъ свѣтѣ. Вы пріѣзжали обвинять меня въ самолюбіи, въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ: послѣднее совершенно ложно; первое мнѣ кажется ложнымъ... Да неужели же правѣе меня тѣ, которые теперь спасены прекращеніемъ (министерскимъ предписаніемъ) моихъ лекцій отъ послѣдствій, какія постичь ихъ могли за свистки, ругательства и бросаніе яблоками, какъ они обѣщали? Неужели Вы можете ожидать чего-нибудь въ будущемъ отъ такихъ общественныхъ дѣятелей? Неужели, наконецъ, мы должны преклоняться передъ всякою пошлостью, потому только, что она одѣвается въ либеральную одежду? Воля Ваша, Николай Гавриловичъ: мнѣ кажется, ужъ если кому, такъ именно Вамъ слѣдовало бы такихъ героевъ бить по носу, а Вы ихъ по головкѣ гладите. Неужели вы раздѣляете такое мнѣніе, что закрытіе лекцій есть полезное дѣло, а не ребяческій фарсъ, капризъ дитяти, которое, разсердившись на няньку, разобьетъ объ полъ чашку, стаканъ, что ему попадется подъ руки? Неужели не было бы лучше, еслибы лекціи продолжались и публика пріучалась къ серьезному, живому, свободному слову? Утвердились бы онѣ

[1]) Издававшся при „Современникѣ".

въ Петербургѣ, принялись бы въ провинціяхъ, вошли бы въ обычай, послѣ вошло бы въ обычай говорить публично и слушать. Мнѣ кажется, это было бы одно изъ великолѣпнѣйшихъ орудій обновленія нашего общества, котораго мы равно желаемъ. Смотря съ такой точки зрѣнія, я старался во что бы то ни стало удержать отъ паденія учрежденіе, такъ недавно воздвигнутое... Оно пало; поднять его; я возобновлялъ свои лекціи; за мною уже готовились дѣлать три человѣка; можетъ быть, снова все связалось бы, все пошло бы попрежнему...

„Итакъ, вотъ что, а не мелкое самолюбіе руководило мною, какъ Вы хотѣли обличать меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я высказываю Вамъ свое убѣжденіе; можетъ быть, ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ говорю, что думаю. Прощайте, но знайте, что поруганія и клеветы, право, не хуже ссылки въ Саратовъ или въ Ветлугу, чѣмъ можетъ надѣлить Третье Отдѣленіе“.

Это письмо, воспроизводимое мною съ подлинника, несомнѣнно, должно имѣть большое значеніе, поскольку можетъ служить яркой иллюстраціей разницы въ настроеніи тогдашней молодежи и Костомарова. Писано оно очень нервнымъ почеркомъ, не датировано, безъ обращенія и подписи...

Листокъ, вырванный изъ дневника Добролюбова, не имѣетъ никакого отношенія къ данному дѣлу и потому не приводится мною.

Письмо Салтыкова къ Чернышевскому привожу полностью; изъ него видно, какъ высоко ставился литературный авторитетъ Николая Гавриловича.

„Милостивый Государь,
Николай Гавриловичъ.

„Вѣроятно, Вамъ извѣстно, что я вмѣстѣ съ Унковскимъ [1]) и Головачевымъ [2]) задумалъ издавать съ будущаго года въ Москвѣ журналъ, который будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Независимо отъ офиціальной программы, уже поданной

[1]) А. М. Унковскій, извѣстный тверской дѣятель.
[2]) А. А. Головачевъ, авторъ трудовъ по исторіи реформъ 60-хъ годовъ.

въ московскій цензурный комитетъ, мы предполагаемъ съ августа приступить къ печатанію объявленія, въ которомъ съ большою ясностью выразится какъ цѣль изданія журнала, такъ и самое направленіе его. Препровождая при семъ проектъ этого объявленія [1]), мы просимъ Васъ сообщить намъ Ваше искреннее мнѣніе о немъ и не оставить насъ Вашими совѣтами. Глубоко цѣня и уважая Вашу частную и общественную дѣятельность, мы заранѣе можемъ ручаться, что замѣчанія Ваши будутъ приняты нами съ величайшею благодарностью. Не думайте, прошу Васъ, чтобы я писалъ это письмо лишь отъ своего имени: А. Н. Европеусъ можетъ удостовѣрить Васъ въ противномъ, но дѣло въ томъ, что я и будущіе мои соредакторы покуда разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ по лицу Россіи. Если Вы найдете свободную минуту, чтобъ удовлетворить нашей покорнѣйшей просьбѣ, то письмо Ваше прошу адресовать на имя Плещеева, для передачи мнѣ, такъ какъ я на будущей недѣлѣ уѣзжаю изъ Твери въ деревню и не могу еще положительно опредѣлить свой адресъ. Впрочемъ, до 19 числа еще пробуду въ Твери.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте намъ заявить надежду, что, хотя по отношеніямъ своимъ къ „Современнику“ Вы и не можете принять дѣятельнаго участія въ нашемъ журналѣ, но не откажете намъ въ сотрудничествѣ, которое для насъ особенно важно, какъ доказательство Вашей симпатіи къ задуманному нами дѣлу.

„Теперь позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой, лично до меня относящейся. Н. А. Некрасовъ, съ которымъ я видѣлся въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что редакція „Современника“ предполагаетъ находящіеся въ ея распоряженіи три моихъ разсказа раздѣлить на два нумера, т. е. напечатать ихъ въ апрѣльской и майской книжкахъ. По словамъ Некрасова, это сдѣлано въ томъ вниманіи, что разсказы займутъ много мѣста. Но я убѣжденъ, что всѣ разсказы, вмѣстѣ взятые, не займутъ болѣе $3^1/_2$ печатныхъ листовъ, и если это только возможно, то просилъ бы Васъ убѣдительнѣйше пустить ихъ всѣ въ апрѣльской книжкѣ. Это для меня необходимо по многимъ соображеніямъ, которыя я объяснилъ лично Н. А. Некрасову.

[1]) Рѣчь идетъ о журналѣ „Русская Правда“, который такъ и не былъ разрѣшенъ Салтыкову, яко бы подъ предлогомъ пересмотра цензурнаго устава. Къ сожалѣнію, при письмѣ нѣтъ проекта объявленія.

Но каково бы ни было рѣшеніе Ваше по этому предмету, во всякомъ случаѣ прошу Вашего распоряженія насчетъ высылки ко мнѣ цензорскихъ корректуръ: или въ Тверь, если онѣ уже готовы, или на имя Плещеева, если онѣ будутъ готовы не раньше 19 числа. Я возвращу ихъ съ первой почтой. Еще одна просьба: такъ какъ я выѣзжаю изъ Твери, то нельзя ли прекратить высылку „Современника“ на мое имя, а вмѣсто того прислать мнѣ билетъ на полученіе журнала изъ московской конторы.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою“.

М. Салтыковъ“.

14 апрѣля
1862 г.
Тверь.

Кромѣ бумагъ самого Чернышевскаго, было взято довольно много чужихъ рукописей, бывшихъ у него на просмотрѣ. Неизвѣстно, что бы сталось съ ними, еслибъ Некрасовъ (въ серединѣ ноября) не подалъ прошенія о возвращеніи ихъ ему и не получилъ бы часть самъ, а часть, по его порученію,—Салтыковъ. При этомъ изъ 60 рукописей были задержаны двѣ, признанныя комиссіей неудобными для печати: анонимная—„Слѣдственное дѣло о хреяхъ и силлогизмахъ“, и „Изъ воспоминаній дѣтства“—Н. Аристова.

Итакъ, ясно—обыскъ не далъ, въ сущности, ничего, что такъ хотѣлось бы имѣть: бумаги Чернышевскаго обманули ожиданія и комиссіи, и III Отдѣленія...

Но Потаповъ выходилъ и не изъ такихъ положеній...

1 августа онъ внесъ въ комиссію весьма любопытную „Записку изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ“, что, на языкѣ III Отдѣленія, значило: по донесеніямъ той или иной степени рачительныхъ агентовъ... „Записка“ эта, разумѣется, стоитъ того, чтобъ ее привести здѣсь полностью, исправляя по пути наиболѣе важныя ошибки „частныхъ свѣдѣній“.

„Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно проводились свободныя идеи, пріобрѣлъ себѣ извѣ-

стность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодымъ поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и притомъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками [1]; собранія у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему постороннихъ лицъ былъ чрезвычайно затрудненъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную и велъ ее не только въ Россіи, но и за-границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ [2]. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюденіе, которымъ обнаружено:

„Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спалъ не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ, чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, принося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большею частью по почтѣ, но иногда съ поваромъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ; 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія, ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько передъ этимъ временн Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго стола, то, не

---

[1]) Очевидно, имѣлись въ виду В. А. Обручевъ и М. И. Михайловъ.

[2]) О такой прокламаціи до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Несомнѣнно, въ связи съ начатымъ надзоромъ стоитъ и секретный циркуляръ всѣмъ губернаторамъ, данный Валуевымъ 23 ноября 1861 года: „Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему онаго, а представить на разрѣшеніе внутренняго мнѣ министерства". Вотъ, слѣдовательно, когда для Чернышевскаго уже готовилась крѣпостная клѣтка... (См. второе приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи", над. подъ ред. В. Базилевскаго. Paris. 1905 г., стр. 105).

выходя изъ кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность: онъ, всетаки, продолжалъ запирать комнату. Между тѣмъ замѣчено было, что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, угрюмъ и малоразговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ поѣздки въ августѣ мѣсяцѣ въ Самарскую деревню его [1]). 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшаго попечителя округа генерала Филипсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой видимо старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно,—однимъ словомъ, что правительство уморило его [2]).

„Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка; когда же потомъ г-жа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

„Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу Вамъ опять на всякій случай,—можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ—не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ“ [3]). Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ: онъ сталъ запирать кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шелъ обѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ, и единственное лицо, которое пользовалось еще довѣріемъ его, былъ метранпажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ вліяніемъ какого-то паническаго

[1]) Въ Саратовъ.

[2]) Такой же смыслъ рѣчи передаютъ и Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“, и г. Рейнгардтъ на стр. 452—453 „Рус. Стар.“ 1905 г. II.

[3]) М. А. Марковичъ (Маркъ-Вовчокъ). Рѣчь шла о деньгахъ за собраніе ея сочиненій, которое Н. Г. устраивалъ у одного изъ издателей.

страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ [1]). Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ,—изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ,—которые занимались съ нимъ въ кабинетѣ до утра. Въ часъ ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать—и посѣтителей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности, означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ, вѣроятно, изъ простого званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ-то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное же сожженіе бумагъ было повторено [2]). Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія-то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагали, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ „Что нужно народу“ [3]) и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій [4]), давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру „Что нужно народу“, и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ въ 8 линію, на подворье къ монахамъ [5]). Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, разсказывалъ, что къ 26 августа по всей Россіи будутъ устроены манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

„Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ; гласное судопроизводство и т. п. Онъ гово-

[1]) Разумѣется, вздоръ.

[2]) Рѣчь идетъ объ Е. С. Васильевой.

[3]) Во-первыхъ, не Герцена, а Огарева; во-вторыхъ, не брошюра, а листокъ. Ольга Сократовна, конечно, никакой развозкой герценовскихъ изданій не занималась.

[4]) Студенскій не былъ братомъ О. С.

[5]) Тоже вздоръ.

рилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ-то: изъ Кіева, Харькова, Владиміра и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова; на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подпись Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за-границы письмо отъ профессора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими спеціальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскія матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ приготовляетъ для „Современника“ статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

„Наконецъ, Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу [1]). Тамъ положительно увѣряли, что если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, вслѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партіею Чернышевскаго, Іероглифова [3]), Елисѣева [2]) и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Чернышевскаго лицъ и студентовъ [4]), имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него: онъ разстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительно его сношенія съ Герценомъ—и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіе этого времени лицъ было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями; полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

[1]) Разумѣется, явный вздоръ: раздѣлившійся на-двое, литературный міръ относился къ Чернышевскому далеко не одинаково.

[2]) Іероглифовъ ни въ какой связи съ Чернышевскимъ не стоялъ и былъ однимъ изъ мелкихъ газетныхъ дѣятелей.

[3]) Григорій Захаровичъ Елисѣевъ, потомъ одинъ изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

[4]) Кое-кто, дѣйствительно, былъ арестованъ уже по разнымъ поводамъ, но не благодаря знакомству съ Чернышевскимъ.

„Кромѣ сего, извѣстно, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за-границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ „Современника", былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за-границу со стороны лондонской русской прессы стало проявляться сочувствіе къ оному" [1]).

Эта „записка" явилась какъ нельзя болѣе во-время. Комиссія не считала, разумѣется, необходимымъ провѣрить „частныя свѣдѣнія". На нихъ вѣдь былъ штемпель безупречной истины: самого III Отдѣленія...

Кромѣ того, большія надежды возлагались ею на иногороднюю и заграничную корреспонденцію Чернышевскаго, которую со дня его ареста приказано было доставлять прямо въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію. Ждали самой преступной переписки, надѣялись встрѣтить подготовленія манифестаціи

[1]) Полное незнаніе обстоятельствъ. Чернышевскій ѣздилъ вовсе не мириться, а объясняться насчетъ статьи Герцена „Very dangerous!!!", прямо направленной по адресу „Современника" и особенно Добролюбова. Объясненія эти ни къ чему не привели, и, возвратясь, Чернышевскій не разъ выражалъ сожалѣніе, что ѣздилъ въ Лондонъ... Отношенія ихъ съ Герценомъ остались острыя, несмотря на сочувственныя потомъ замѣтки послѣдняго о Добролюбовѣ и т. п. Кое-что о поѣздкѣ разсказываетъ г-жа Тучкова-Огарева, но въ такихъ серьезныхъ событіяхъ на ея освѣщеніе и память совсѣмъ нельзя полагаться: что же касается ея сообщенія о переговорахъ по поводу изданія за-границей „Современника", то оно положительно невѣрно. Иное дѣло—сообщеніе объ этомъ свиданіи двухъ великихъ писателей, какъ нельзя лучше представлявшихъ два послѣдующихъ поколѣнія русскаго общества, хорошо знавшаго Чернышевскаго г. Стахевича. Онъ твердо помнитъ, что, по разсказамъ самого Николая Гавриловича, сущность разговоровъ его съ Герценомъ была та, что Чернышевскій нападалъ на него за чисто обличительный характеръ „Колокола", повторяя такимъ образомъ то же, что постоянно говорилъ и Добролюбовъ. „Если бы наше правительство,—говорилъ Герцену представитель радикальной Россіи,—было чуточку поумнѣе, оно благодарило бы васъ за ваши обличенія: эти обличенія даютъ ему возможность держать своихъ агентовъ въ уѣздѣ, въ нѣсколько приличномъ видѣ, оставляя въ то же время государственный строй неприкосновеннымъ. А суть-то дѣла именно въ строѣ,—не въ агентахъ. Вамъ слѣдовало бы выставить опредѣленную политическую программу, скажемъ,—конституціонную, или республиканскую, или соціалистическую, и затѣмъ всякое обличеніе являлось бы подтвержденіемъ основныхъ требованій вашей программы; вы неустанно повторяли бы свое „Ceterum censeo Carthaginem esse delendam". (С. Стахевичъ,—„Матеріалы для біографіи Н. Г. Чернышевскаго". Закаспійское Обозрѣніе" 1905 г. № 143)

26 августа и т. д. Но и здѣсь постигло серьезное разочарованіе.

Изъ-за-границы были получены сначала два письма Льва Мечникова, въ которыхъ онъ благодарилъ Чернышевскаго за вниманіе къ его литературнымъ предложеніямъ, посылалъ свою статью о Мацціни и разрабатывалъ планъ статей о революціи 1848 года въ Италіи. Потомъ, не получая, разумѣется, отвѣта, Мечниковъ вновь напоминалъ своему корреспонденту о сдѣланныхъ предложеніяхъ и просилъ написать въ первую же свободную минуту.

Изъ провинціи были письма Т. К. Гринвальдъ, просившей Чернышевскаго отвѣтить ей въ Дерптъ на два письма и все еще не вѣрившей возможности потерять умершаго Добролюбова, близкія ея отношенія съ которымъ Н. Г. были хорошо извѣстны; Ив. Захарьина (Якунина)—о передачѣ забракованной статьи въ редакцію „Времени“, и друга Добролюбова—М. И. Шемановскаго, посылавшаго статью „Плата за ученіе и училищный налогъ“ и просившаго выслать ему денегъ, безъ которыхъ невозможно было продолжать начатое путешествіе по югу Россіи.

А. Н. Плещеевъ писалъ изъ Москвы уже арестованному Чернышевскому:

„Добрѣйшій другъ, Николай Гавриловичъ. Въ бытность Суворина [1]) въ Петербургѣ вы сказали ему, между прочимъ, чтобы онъ свою повѣсть доставилъ вамъ. Это подало намъ съ нимъ нѣкоторую надежду на возможность близкаго возобновленія „Современника“. Будьте добры, напишите, въ какой степени эта надежда осуществима. Дѣло вотъ въ чемъ. У Суворина повѣсть готова. Онъ, конечно, желалъ бы всего болѣе отдать ее въ „Современникъ“. Но онъ въ то же время въ такомъ положеніи, что едва-едва имѣетъ насущный хлѣбъ. Съ Краевскимъ [2]) онъ, разумѣется, не сошелся по очень уважительнымъ причинамъ и въ Петербургъ, вѣроятно, не переселится. Значитъ, ему прежде всего нужны деньги за повѣсть. Еслибы онъ могъ теперь же получить ихъ, то отдалъ бы свою повѣсть въ редакцію „Современника“ и готовъ бы былъ ждать ея напечатанія сколько угодно. Мнѣ самому никуда не хотѣлось бы отдавать ничего своего. А у меня теперь кое-что на-

[1]) Рѣчь идетъ объ А. С. Суворинѣ, теперешнемъ королѣ черносотенцевъ.
[2]) Издатель „Отечественныхъ Записокъ“.

копилось. Если „Современникъ" будетъ выходить, то я никуда и не пошлю. Будьте добры, дорогой мой, не полѣнитесь написать. Намъ необходимо знать что-нибудь вѣрное, особливо Суворину. И еще напишите, въ Петербургѣ ли Некрасовъ? У меня есть до него дѣло.

Вашъ весь *А. Плещеевъ*".

Все это прошло бы совершенно безъ вниманія, еслибы не нервное недовольство комиссіи отсутствіемъ прямыхъ и положительныхъ уликъ. Письма Мечникова были исчерканы краснымъ карандашомъ, а письмо Шемановскаго обратило на себя вниманіе черезъ недѣлю, когда онъ прислалъ Чернышевскому нѣсколько лубочныхъ картинъ южнаго производства. Комиссія сейчасъ же пришла къ логическому заключенію, что Шемановскій не иначе, какъ „агентъ Чернышевскаго", и просила III Отдѣленіе „обратить на него вниманіе"...

Остальная корреспонденція не стоила даже и такого вниманія, но, всетаки, вся доставлялась въ „Современникъ" черезъ комиссію. Денежные пакеты—и тѣ не шли къ Некрасову непосредственно.

III.

А Чернышевскій терпѣливо сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ сосѣдями его были Писаревъ, Баллодъ и др.

Онъ хорошо зналъ и былъ твердо увѣренъ, что ни въ его бумагахъ, ни въ бумагахъ близкихъ ему лицъ не найдутъ ровно ничего, могущаго служить матеріаломъ для сколько-нибудь добросовѣстно построеннаго обвиненія. Притомъ онъ вѣрилъ еще въ благоразуміе и элементарную порядочность правительства, не допуская мысли о возможности какихъ бы то ни было подлоговъ.

Поддерживая переписку съ женой (бывшей съ дѣтьми въ Саратовѣ), Н. Г. всячески ее ободрялъ и успокаивалъ. Надо ли говорить, что всѣ письма, и отправляемыя, и получаемыя имъ, прочитывались предварительно въ комиссіи?

Послѣдняя обратила особое вниманіе на письмо Н. Г. отъ 5 октября, признала невозможнымъ отправленіе его женѣ и пріобщила къ дѣлу, чтобы „имѣть въ виду при допросѣ Чернышевскаго".

Вотъ оно полностью:

„Милый мой другъ, моя несравненная, золотая Ляличка.

„Цѣлую тебя, мой ангелъ. Я получилъ твои письма отъ 19 и 22 сентября. Теперь я имѣю основаніе думать, что довѣренность тебѣ вышлю на-дняхъ,—тогда, моя милая, дѣлай, какъ тебѣ угодно, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что мнѣ будетъ казаться наилучшимъ именно то, что ты сдѣлаешь: если не станешь продавать домъ и останешься дожидаться меня въ Саратовѣ,—значитъ, такъ было лучше; если продашь домъ и пріѣдешь въ Петербургъ,—значитъ, такъ лучше. Вѣдь ты знаешь, моя милая, что для меня самое лучшее то, что для тебя лучше. Ты умнѣе меня, мой другъ, и потому я во всемъ съ готовностью и радостью принимаю твое рѣшеніе.—Объ одномъ только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй; одно это важно, остальное все—вздоръ. У тебя больше характера, чѣмъ у меня,—а даже я ни на минуту не тужилъ ни о чемъ во все это время,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть твердой тебѣ, мой дружокъ. Скажу тебѣ одно: [[наша съ тобой жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, и наши имена все еще будутъ милы людямъ; и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами. Такъ надобно же намъ не уронить себя со стороны бодрости характера передъ людьми, которые будутъ изучать нашу жизнь]].—Въ это время я имѣлъ досугъ подумать о себѣ и составить планъ будущей жизни. Вотъ какъ пойдетъ она: до сихъ поръ я работалъ только для того, чтобы жить. Теперь средства къ жизни будутъ доставаться мнѣ легче, потому что восьмилѣтняя дѣятельность доставила мнѣ хорошее имя. Итакъ, у меня будетъ оставаться время для трудовъ, о которыхъ я давно мечталъ. Теперь планы этихъ трудовъ обдуманы окончательно. Я начну многотомную „Исторію матеріальной и умственной жизни человѣчества“,—исторію, какой до сихъ поръ не было, потому что работы Гизо, Бокля (и Вико даже) дѣланы по слишкомъ узкому плану и плохи въ исполненіи. За этимъ пойдетъ „Критическій словарь идей и фактовъ“, основанный на этой исторіи. Тутъ будутъ перебраны и разобраны всѣ мысли обо всѣхъ важныхъ вещахъ, и при каждомъ случаѣ будетъ указываться истинная точка зрѣнія. Это будетъ тоже многотомная работа. Наконецъ, на основаніи этихъ двухъ работъ я составлю „Энциклопедію знанія и жизни“,—будетъ уже экстрактъ, небольшого объема, два-

три тома, написанный такъ, чтобы былъ понятенъ не однимъ ученымъ, какъ два предыдущіе труда, а всей публикѣ. Потомъ я ту же книгу переработаю въ самомъ легкомъ, популярномъ духѣ, въ видѣ почти романа, съ анекдотами, сценами, остротами, такъ чтобы ее читали всѣ, кто не читаетъ ничего, кромѣ романовъ. Конечно, всѣ эти книги, назначенныя не для однихъ русскихъ, будутъ выходить не на русскомъ языкѣ, а на французскомъ, какъ общемъ языкѣ образованнаго міра. Чепуха въ головѣ у людей,—потому они и бѣдны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить имъ, въ чемъ истина и какъ слѣдуетъ имъ думать и жить. Со времени Аристотеля не было сдѣлано еще никѣмъ того, что я хочу сдѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.—А впрочемъ, я заговорилъ о своихъ мысляхъ: онѣ секретъ; ты никому не говори о томъ, что я сообщаю тебѣ одной (тѣхъ, которые будутъ читать это письмо прежде тебя, я не считаю, потому что они этими вещами не занимаются). Но я разсказалъ тебѣ это для того, чтобы ты видѣла, какъ далекъ я отъ всякаго уныній,— о, нѣтъ, мой другъ, рѣдко когда бывалъ я такъ спокоенъ и доволенъ, какъ въ это время. Смотри же, будь и ты спокойна и бодра. Ты здорова—только это и нужно мнѣ, чтобы я былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

„Но что тебѣ сказать о положеніи вздорнаго дѣла, которое служитъ причиною твоего огорченія и лишь по этому одному непріятно мнѣ? Рѣшительно ничего не могъ бы я тебѣ сказать объ этомъ, еслибы даже говорилъ съ тобой наединѣ, потому что самъ ровно ничего не знаю: до сихъ поръ мнѣ не сказано ни одного слова объ этомъ дѣлѣ, и оно остается для меня секретомъ, котораго не разгадалъ бы я при всемъ своемъ умѣ, которымъ такъ горжусь, не разгадалъ бы, еслибы и хотѣлъ думать о вздорѣ, о которомъ и не думаю, будучи увѣренъ, что важнаго тутъ не можетъ быть ничего. Когда это дѣло кончится?—тоже не знаю; но, вѣроятно, скоро—вѣдь не годы же оно будетъ тянуться. Ну, можетъ быть, протянется еще мѣсяцъ, другой,—вѣдь три цѣлыхъ мѣсяца уже прошло,—а можетъ быть, и одного мѣсяца не протянется, -я ровно ничего не знаю, мой дружочекъ. Можно только судить по здравому смыслу, что большая половина этого нашего времени разлуки уже прошла. Будь же умница, мой дружочекъ, будь весела и спокойна,—за это я поклонюсь тебѣ въ ножки и расцѣлую ихъ.—

Быть можетъ, мой милый ангелъ, ты вздумаешь, что лучше тебѣ дождаться въ Саратовѣ довѣренности и выѣхать уже по продажѣ дома,—если такъ, то такъ; а впрочемъ, тебѣ виднѣе это; вѣдь тутъ все зависитъ отъ денегъ,—продавъ домъ, ты будешь имѣть ихъ; а теперь имѣешь ли? Напиши объ этомъ. Когда мнѣ скажутъ что-нибудь, я увѣдомлю тебя, а теперь ровно ничего не знаю и ужъ по этому одному долженъ все предоставлять единственно твоему разсужденію, моя золотая Ляличка, еслибы не былъ всегда расположенъ во всемъ думать, что ты лучше меня можешь судить, какъ и что надобно сдѣлать. Вѣдь ты у меня золотая умница, и за это я цѣлую тебя.

Твой *Н. Чернышевскій.*

„Чуть не забылъ приписать, что я здоровъ. Цѣлую дѣтишекъ. Будь здорова и спокойна. Тысячи и милліоны разъ цѣлую твои ручки, моя несравненная умница и красавица, Ляличка,—не тоскуй же смотри, будь (нѣсколько словъ на нижней строкѣ стерлись отъ времени съ бумагой.— *М. Л.*). А какая отличная борода отросла у меня: просто заглядѣнье“.

Прочтя письмо, читатель, что̀ бы, вы думали, обратило на себя особое вниманіе комиссіи? Мѣсто, заключенное мною въ двойныя прямыя скобки. Комиссія увидѣла въ немъ непомѣрное самовозвеличеніе, преступную гордость! Она совершенно не поняла, что именно умный человѣкъ не могъ серьезно написать такого письма; что потому Чернышевскій и просилъ Ольгу Сократовну никому не разсказывать о его „планахъ“, что понималъ, какъ они должны показаться всякому смѣшными своею совершенною несбыточностью. Онъ просто убѣждалъ жену въ полномъ своемъ спокойствіи. Дальше читатель встрѣтитъ объясненіе этого письма, сдѣланное самимъ Чернышевскимъ.

Наконецъ, когда комиссія увидѣла, что если и можно что получить въ видѣ уликъ, то только путемъ допроса самого Чернышевскаго, который, конечно, де, проговорится,—она дала ему первый допросъ 30 октября, предварительно, слѣдуя общеустановленной формѣ,—сдѣлавъ ему черезъ протоіерея Полисадова „священническое увѣщаніе“, „чтобы показывалъ сущую правду“.

Вотъ этотъ допросъ.

„Николай Гавриловичъ Чернышевскій; происхожу изъ ду-

ховнаго званія: имѣю чинъ титулярнаго совѣтника и нахожусь въ отставкѣ; вѣроисповѣданія православнаго. На исповѣди и у св. причастія бывалъ, но не ежегодно, пропуская иногда обычное время говѣнія по множеству занятій. Женатъ на дочери покойнаго коллежскаго (или статскаго—не помню) совѣтника Сократа Евгеніевича Васильева, служившаго врачомъ при Саратовской удѣльной конторѣ; имя моей жены Ольга Сократовна. Мы имѣемъ двухъ сыновей: Александра, 8 лѣтъ, и Михаила, 4 лѣтъ [1]). Жена и дѣти мои находятся нынѣ въ Саратовѣ.

„Отъ роду мнѣ 34 года. Воспитывался сначала въ Саратовской духовной семинаріи, потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1850 или 1851 году (скажется, въ 1850, но не ручаюсь, что именно тогда, а не годомъ позже) [2]).

„По окончаніи курса служилъ сначала преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ (весною 1851 года, кажется) уѣхалъ учителемъ гимназіи въ Саратовъ [3]); весною 1853 года возвратился въ Петербургъ и служилъ года два опять преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ [4]); прослуживъ срокъ, требующійся для утвержденія въ чинѣ, вышелъ въ отставку,—кажется, въ началѣ 1856 или, можетъ быть, и въ началѣ 1855 года (послѣдняя цифра, вѣроятно, точнѣе, но не помню хорошенько) [5]); потомъ, черезъ годъ или годъ съ небольшимъ, причислился на службу въ С.-Петербургское губернское правленіе [6]), не принимая никакой должности въ немъ, лишь бы считаться на службѣ въ угожденіе отцу, которому это нравилось. Такое зачисленіе на службу устроилъ тогдашній петербургскій вице-губернаторъ, г. Муравьевъ; когда онъ былъ переведенъ изъ Петербурга, и поступилъ новый вице-губернаторъ, незнакомый мнѣ, разумѣется, нельзя стало мнѣ числиться на службѣ, не неся никакихъ занятій по ней, и я

[1]) Оба сына въ настоящее время здравствуютъ. Былъ еще Викторъ, родившійся 31 января 1856 г., но потомъ вскорѣ умершій.

[2]) Въ 1850 г., со степенью кандидата.

[3]) Назначеніе туда произошло 6 января 1851 г.

[4]) Тамъ и въ Саратовѣ преподавалъ русскую словесность.

[5]) Высоч. приказомъ 1 мая 1855 г.

[6]) Высоч. приказомъ 7 декабря 1856 г. зачисленъ канцелярскимъ чиновникомъ съ 13 ноября того же года.

вышелъ въ отставку—кажется, въ 1858 году, а можетъ быть и въ 1859,—не припомню хорошенько [1]).

„Недвижимую собственность я имѣю: по наслѣдству отца своего и своей матушки домъ въ городѣ Саратовѣ и нѣсколько десятинъ земли (должно быть, 25 или 30 десятинъ) въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

„Подъ судомъ не былъ.

„Съ 1854 года, т. е. почти съ самаго возвращенія своего въ Петербургъ изъ учительства въ Саратовѣ, занимался литературой".

В. „Съ кѣмъ вы знакомы въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, равно за-границею; когда и по какому случаю съ каждымъ изъ нихъ познакомились и въ какихъ находились сношеніяхъ?"

О. „Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редакціею одного изъ большихъ журналовъ, я долженъ былъ быть знакомъ съ сотнями или тысячами лицъ въ Россіи. Пересчитывать ихъ всѣхъ здѣсь было бы слишкомъ долго, да и напрасно,—напрасно потому, что нужно только пересчитывать людей, писавшихъ въ журналахъ петербургскихъ и московскихъ,—и тотъ, кто потрудится пересчитывать ихъ, будетъ пересчитывать почти все знакомыхъ мнѣ. Отношенія эти у меня къ нимъ были чисто литературныя,—по помѣщенію статей въ журналѣ „Современникъ" и по платѣ денегъ за статьи.—По случаю помѣщенія статей г. Мечникова въ „Современникѣ" я писалъ ему раза два или три въ Италію, гдѣ онъ тогда (въ первой половинѣ 1862 г.) жилъ. Содержаніе писемъ моихъ къ г. Мечникову было таково: „такая-то статья Ваша получена или напечатана мною. Деньги за нее Вамъ посылаются или будутъ посланы" [2]).

В. „По имѣющимся въ комиссіи свѣдѣніямъ, вы обвиняетесь въ сношеніяхъ съ находящимися за-границею русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду противъ нашего правительства, и съ

[1]) 4 марта 1859 г.

[2]) По отвѣтамъ Мечникова видно, что, въ сущности, письма были, конечно, вовсе не такого казенно-шаблоннаго характера, но Чернышевскій зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и былъ увѣренъ, что писемъ къ Мечникову комиссія никогда не увидитъ.

сообщниками ихъ въ Россіи; равно въ содѣйствіи имъ къ достиженію преступныхъ ихъ цѣлей. Объясните: съ кѣмъ именно изъ этихъ лицъ вы были въ сношеніяхъ, въ чемъ заключались эти сношенія и ваши вслѣдствіе оныхъ дѣйствія, а также, кто участвовалъ съ вами въ этомъ дѣлѣ?"

О. „Мнѣ очень интересно было бы знать, какія свѣдѣнія могутъ имѣться о томъ, чего не было. Подъ русскими изгнанниками тутъ, вѣроятно, разумѣются гг. Герценъ и Огаревъ (это предположеніе я высказываю здѣсь потому, что ихъ фамиліи были мнѣ сказаны лицомъ, предлагавшимъ мнѣ изустные вопросы, имени и фамиліи котораго не имѣю чести знать)[1])—всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной непріязни съ ними по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою изъ-за имѣнія, которымъ управляла г-жа Панаева по довѣренности г. Огарева. Непріязнь эта давнишняя.

„Какихъ соумышленниковъ имѣютъ и имѣютъ ли или нѣтъ какихъ соумышленниковъ въ Россіи гг. Герценъ и Огаревъ—мнѣ неизвѣстно.

„Я принужденъ здѣсь выразить свое удивленіе тому, что мнѣ предлагаются подобные вопросы.

„Прибавлю, что и по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою я не имѣлъ ни съ г. Огаревымъ, ни съ г. Герценомъ никакихъ сношеній. Точно также не имѣлъ я сношеній ни съ кѣмъ другимъ изъ русскихъ изгнанниковъ".

По прочтеніи вопросныхъ пунктовъ Чернышевскому стало совершенно ясно, что онъ не ошибался, что за четыре мѣсяца усиленной работы комиссія не нашла никакихъ серьезныхъ уликъ, и потому онъ рѣшилъ держать себя съ нею совершенно опредѣленно и притомъ вызывающе.

Мало того, что онъ написалъ приведенные отвѣты, но по окончаніи допроса заявилъ еще, что подастъ жалобу на дѣйствія комиссіи, какъ только кончится его дѣло. Можно себѣ представить, какъ обозлилась комиссія всесильнаго Голицына...

Но она понимала свое неловкое положеніе.—На слѣдующій день она постановила признать послѣдніе отвѣты Чернышевскаго „неумѣстными" и, имѣя въ виду статью закона, по которой отвѣты должны излагаться безъ всякихъ околичностей,

[1]) Генераломъ Огаревымъ.

положила „потребовать отъ Чернышевскаго, чтобы на предложенные ему вопросы далъ объясненіе, согласное съ требованіемъ закона".

1 ноября Чернышевскій былъ вытребованъ въ комиссію и написалъ другой отвѣтъ на послѣдній вопросъ: „Ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду, и ни съ кѣмъ изъ находящихся за-границею русскихъ изгнанниковъ, и ни съ кѣмъ изъ ихъ сообщниковъ въ Россіи я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Прибавлю, что мнѣ и неизвѣстно, находятся ли таковые сообщники у нихъ въ Россіи".

Повидимому, Чернышевскій надѣялся скоро быть выпущеннымъ и, когда увидѣлъ, что надежда эта становится несбыточной, 20 или 22 ноября рѣшилъ написать два письма: одно государю, другое петербургскому генералъ-губернатору, кн. Суворову. Въ первомъ онъ, вѣроятно, объяснялъ всю беззаконность правительства въ отношеніи къ себѣ, во второмъ—просилъ Суворова, почти единственнаго умнаго и порядочнаго представителя тогдашней придворной и бюрократической камарильи, пояснить государю дѣйствія комиссіи. Дальше читатель нѣсколько разъ встрѣтитъ упоминанія Чернышевскаго объ этихъ письмахъ, но познакомить его съ ними я не имѣю, къ сожалѣнію, возможности: въ сенатскомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, въ комиссію они доставлены не были и, вѣроятно, припрятаны III Отдѣленіемъ, которое, конечно, получило ихъ отъ коменданта. Почему же оно ихъ скрыло? Разумѣется, потому, что считало справедливо рисующими картину собственнаго произвола и понимало, что, передавъ эти письма официально въ комиссію, должно будетъ пустить ихъ и дальше—въ сенатъ и государственный совѣтъ, а это не входило въ разсчеты ни кн. Долгорукова, ни Потапова...

Недавно М. Н. Чернышевскому удалось ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ о своемъ отцѣ, хранившемся въ канцеляріи петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова. Все наиболѣе интересное изъ него онъ сообщилъ въ майской книгѣ „Былого". Тамъ, между прочимъ, приведена и та переписка, которая возникла уже въ началѣ 1863 года по поводу дошедшихъ до Суворова слуховъ, что ему не доставлено письмо Чернышевскаго.

„ ...Считаю долгомъ заявить Вашему Превосходительству,—

писалъ онъ коменданту Сорокину,—что адресуемыя на мое имя письма я обыкновенно распечатываю и прочитываю самъ и никому еще не давалъ права вскрывать и читать подобныя письма прежде меня; поэтому и письмо литератора Чернышевскаго слѣдовало доставить ко мнѣ нераспечатаннымъ.

„С.-Петербургская крѣпость, находящаяся въ губерніи и столицѣ, высочайше ввѣренныхъ моему управленію, состоитъ и въ моемъ вѣдѣніи, какъ здѣшняго военнаго генералъ-губернатора; посему, если Ваше Превосходительство имѣете особую инструкцію, на основаніи которой письма, адресованныя на имя князя Суворова, отъ лицъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости, должны быть передаваемы не мнѣ, а кому-либо другому, въ такомъ случаѣ Вамъ слѣдовало, прежде чѣмъ разрѣшить г. Чернышевскому писать ко мнѣ, довести о такомъ намѣреніи его до моего свѣдѣнія, и тогда я испросилъ бы предварительно у Государя Императора разрѣшеніе, могу ли принять письмо отъ этого арестованнаго. Еслибы высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, въ такомъ случаѣ литератору Чернышевскому не представлялось бы и повода писать вышеупомянутое письмо. Дозволять же ему писать ко мнѣ, не предваривши, что письмо его не можетъ быть доставлено по адресу, по моему убѣжденію, значитъ злоупотреблять моимъ именемъ, потому что Чернышевскій, получивши такое предупрежденіе, безъ сомнѣнія, отказался бы отъ намѣренія обращаться ко мнѣ съ письмомъ“...

Сорокинъ отвѣчалъ, что Алексѣевскій равелинъ съ 3 іюля 1826 г. состоитъ въ вѣдѣніи III Отдѣленія, что всѣ письма арестованныхъ въ равелинѣ всегда передавались секретно въ III Отдѣленіе и что „на томъ же основаніи было поступлено и съ письмомъ содержащагося въ Алексѣевскомъ равелинѣ Чернышевскаго, адресованнымъ на имя Вашей Свѣтлости“.

Тѣмъ все и кончилось...

Досугъ свой Чернышевскій употреблялъ на работу.

Началъ онъ ее переводомъ 16-го тома „Всемірной исторіи“ Шлоссера, разобранной по томамъ имъ, Зайцевымъ, Обручевымъ и Серно-Соловьевичемъ. 15-й былъ готовъ еще до крѣпости и, по просьбѣ Чернышевскаго, былъ переданъ комиссіей въ типографію Огризко. 16-й былъ сначала данъ на просмотръ сенатору Гедда, а потомъ въ декабрѣ переданъ черезъ оберъ-полицеймейстера тоже Огризко, но тотъ отказался принять

его. не зная, у него ли будетъ печататься, и рукопись была сдана въ магазинъ Серно-Соловьевича.

15 января 1863 года Потаповъ передалъ комиссіи начало романа „Что дѣлать?“ и письмо Чернышевскаго женѣ. Рѣшено было романъ передать на просмотръ Каменскому, а письмо не посылать, пока не будетъ прочтена рукопись. 26 января она была послана оберъ-полицеймейстеру для передачи А. Н. Пыпину, съ правомъ напечатать ее „съ соблюденіемъ установленныхъ для цензуры правилъ“. Каменскій, слѣдовательно, не нашелъ въ ней ничего относящагося къ дѣлу Чернышевскаго, а комиссія и не думала смотрѣть на „Что дѣлать?“ съ точки зрѣнія цензора,—предполагалось, что эту обязанность будутъ нести профессіональные цензора.

Начатый такимъ образомъ свой романъ Чернышевскій рѣшилъ, однако, прервать энергичной борьбой съ комиссіей.

22 января онъ написалъ коменданту крѣпости, генералу Сорокину, слѣдующую записку:

„Надѣясь, что дѣло его достаточно разъяснено теперь, Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство представить съ Вашимъ ходатайствомъ на разсмотрѣніе, кому слѣдуетъ, его желанія:

„1. Чтобы ему *немедленно* было разрѣшено видѣться съ его женою постоянно.

„2. Чтобы комиссія пригласила его для сообщенія ему тѣхъ свѣдѣній о положеніи его дѣла, которыя могутъ быть сообщены безъ всякаго нарушенія какой-либо слѣдственной тайны,—именно, въ какое приблизительно время дѣло Чернышевскаго можетъ быть окончено производствомъ. Чѣмъ оно окончится, этого онъ не спрашиваетъ: это ему извѣстно; но *когда* оно кончится,—это онъ желаетъ знать.

Н. Чернышевскій.

„22 января 1863 г.

„P.S. Если онъ не получитъ отвѣта до четверга вечера (24 ч. января), то онъ будетъ знать, что не нашли удобнымъ или нужнымъ обращать вниманіе на эти его желанія.—22 января 1863 года.

Н. Чернышевскій“.

Сорокинъ, по долгу службы, отправилъ эту записку въ III Отдѣленіе.

На слѣдующій день Потаповъ передалъ ее въ комиссію. Она положила „пріобщить къ дѣлу“ новый документъ—и... все. Чернышевскій терпѣливо прождалъ 22-е, 23-е и день 24-го; наконецъ, вечеромъ онъ послалъ Сорокину записку: „Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Превосходительство г-на коменданта извѣстить его, полученъ ли Его Превосходительствомъ какой-либо отвѣтъ на записку Чернышевскаго отъ 22-го числа этого мѣсяца.—Вечеръ 24-го января 1863 г.

Н. Чернышевскій“.

Сорокинъ послалъ и эту записку въ III Отдѣленіе. Отвѣта не получалось. 1 февраля комиссія и ее „пріобщила къ дѣлу“.

Чернышевскій прождалъ еще до утра 28 января и началъ голодовку...

Это было тогда совершенною новостью. Къ ней не были приготовлены.

Вотъ что разсказываетъ помощникъ смотрителя равелина: „Дѣло было такъ: нижніе чины караула да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ дня черезъ четыре караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикѣ, осмотрѣли всю камеру и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшился умереть голодною смертью... Ни увѣщанія добряка-смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III Отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру всю пищу попрежнему ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрагивался до нея и пилъ только по 2 стакана воды въ день. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть, и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился“ [1]).

Состоявшій при крѣпости докторъ Оксель 3 февраля донесъ коменданту, что Чернышевскій голодаетъ, вслѣдствіе чего

[1]) *Ив. Борисовъ* „Алексѣевскій равелинъ въ 1862—1865 гг.“. („Русская Стар.“ 1901 г. XII).

„замѣтно слабъ“, „цвѣтъ лица у него блѣдный, пульсъ нѣсколько слабѣе обыкновеннаго, языкъ довольно чистый; прописанныя ему капли для возбужденія аппетита онъ принималъ только два раза, а 3-го числа объявилъ, что не намѣренъ принимать таковыя, и что онъ воздерживается отъ пищи не по причинѣ отсутствія аппетита, а по своему капризу“.

Утромъ 6 февраля Чернышевскій прекратилъ голодовку, выдержавъ такимъ образомъ девять дней.

7-го Потаповъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія комиссіи. Утромъ 6-го Чернышевскій писалъ коменданту:

„Такъ какъ только черезъ Ваше Превосходительство я имѣю сношеніе съ правительствомъ надежнымъ для меня образомъ и такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ спрошено Ваше мнѣніе о случаѣ, возбужденномъ мною [1]), то я съ Вашего согласія, изустно сообщеннаго мнѣ г. смотрителемъ, письменно прошу Васъ прямо сказать мнѣ, изустно или письменно: достаточно ли убѣждены Вы въ совершенной серьезности и твердости моей воли, которая была изустно объявлена мною Вамъ [2]). По неопытности въ различеніи симптомовъ страданія, я слишкомъ рано пріостановилъ продолженіе начатаго мною. Но я держу свой организмъ въ такомъ состояніи, что результаты, которыхъ я достигъ въ предыдущіе десять дней, нисколько не пропадаютъ; и если Ваше Превосходительство еще недостаточно убѣждены, я возобновлю свое начатое, безъ всякой потери времени, съ прежнимъ намѣреніемъ идти, если нужно, до конца. Мнѣ непріятенъ скандалъ, но не я причина его; вѣроятно, и Ваше Превосходительство также нисколько не причина его,—по крайней мѣрѣ, я въ томъ убѣжденъ, что Вы—не причина его.

„Прошу Васъ отвѣчать мнѣ — этого требуетъ ужъ и обыкновенная учтивость. Но если Вы не будете отвѣчать нынѣ (въ среду), это будетъ для меня значить, что Вы недостаточно убѣждены въ серьезности моего намѣренія. Въ такомъ случаѣ прилагаемая (запечатанная) записка моя къ его свѣтлости г. генералъ-губернатору не можетъ имѣть успѣха, и для меня все равно, какъ вы найдете нужнымъ распорядиться ею.

„Если же Вы достаточно убѣждены въ серьезности и твердости моей воли, я прошу Ваше Превосходительство помочь

[1]) Почему такъ осторожно говоритъ онъ о голодовкѣ—неизвѣстно.

[2]) Очевидно, передъ голодовкой были разговоры лично съ комендантомъ.

мнѣ испытать послѣднее средство избѣжать мнѣ отъ развязки, гибельной для меня и невыгодной для правительства: я прошу Васъ передать его свѣтлости г. генералъ-губернатору мою записку къ нему. Она запечатана, — это требуется деликатностью относительно его свѣтлости. Но копія записки остается у меня, и если Вамъ нужно или угодно. Вы можете взять у меня копію, которую я въ такомъ случаѣ пришлю Вамъ также запечатанною, какъ это письмо,—запечатанною потому, что я желаю избѣжать всякаго скандала. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Чернышевскій*. 7-го февраля 1863".

„P.S. Понятно, почему я пріостанавливаю начатое, когда въ послѣдній разъ пробую вступить въ переговоры, — это для того, чтобы по возможности не имѣть ненужнаго угрожающаго вида. *Н. Чернышевскій*. P.P.S. Прошу, Ваше Превосходительство, не пренебрегайте моею просьбою. Дѣло нисколько не шуточное. Съ этой минуты, если еще эта попытка не удастся, я уже не буду тревожить никого ни однимъ словомъ".

А вотъ что писалось князю Суворову:

„Ваша Свѣтлость, я обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣку, въ которомъ соединяются два качества, очень рѣдкія между нашими правительственными лицами: здравый смыслъ и знаніе правительственныхъ интересовъ. Моя судьба имѣетъ нѣкоторую важность для репутаціи правительства. Она поручена людямъ (членамъ слѣдственной комиссіи), дѣйствія которыхъ показываютъ—тупость ума или всѣхъ ихъ, или большинства ихъ,—говорю прямо, потому что это мое письмо вѣдь не для печати. Для меня жизненный вопросъ, а для репутаціи правительства не ничтожное дѣло, чтобы на мою судьбу обратилъ вниманіе человѣкъ, могущій здраво судить о правительственныхъ интересахъ, какимъ я знаю Вашу Свѣтлость.

„Мои желанія очень умѣренны. Я могу указать средства, которыми правительство можетъ исполнить ихъ съ честью для себя, нисколько не принимая вида, что дѣлаетъ мнѣ уступку,— нѣтъ, видъ будетъ только тотъ, что оно узнало ошибку нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ и, какъ скоро узнало, благородно исправило ее.

„Это объясненіе гораздо удобнѣе было бы сдѣлать изустно, чѣмъ письменно: въ разговорѣ всякія недоумѣнія съ той или другой стороны тотчасъ же могутъ быть устранены. Потому

я прошу Вашу Свѣтлость навѣстить меня. Но если Вы не имѣете времени исполнить эту мою просьбу, я прошу у Васъ разрѣшенія писать къ Вамъ, но лично къ Вамъ и только къ Вамъ,—потому что, какъ я сказалъ, я только въ Васъ вижу качества, какія нужны государственному человѣку для здраваго пониманія государственныхъ интересовъ и выгодъ правительства. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій.* 7-го февраля 1863 г.".

Уже изъ того, что Чернышевскій считалъ свою голодовку въ десять дней и 6-е февраля счелъ за 7-е, которымъ и датировалъ оба документа, можно видѣть, какъ подѣйствовалъ на него самого вполнѣ оригинальный тогда протестъ...

Сорокинъ разсудилъ за лучшее вытребовать у Чернышевскаго и копію—и всѣ три документа тотчасъ отправилъ въ III Отдѣленіе. На слѣдующій день они были получены въ комиссіи, а Суворовъ опять ничего не получилъ. 7-го числа Сорокинъ передалъ свой отвѣтъ Чернышевскому весьма неопредѣленно, и Н. Г. пишетъ ему: „Отвѣтъ Вашего Превосходительства переданъ мнѣ въ неясномъ видѣ,—это обыкновенное неудобство сношеній черезъ третье лицо. Я спрашивалъ Васъ: совершенно ли Вы убѣждены въ твердости моего намѣренія? Прошу Васъ прислать въ отвѣтъ одно изъ двухъ словъ: „да" или „нѣтъ", не прибавляя къ этому одному слову ничего, чтобы опять не вышло путаницы. Итакъ — „да" или „нѣтъ". 7 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*".

Неизвѣстно, что отвѣтилъ на это комендантъ.

11 февраля комиссія положила „всѣ эти документы пріобщить къ дѣлу".

12-го Чернышевскій посылаетъ Пыпину уже 35 убористо написанныхъ страницъ продолженія „Что дѣлать?" и полулистъ замѣтокъ о необходимыхъ поправкахъ при корректурѣ. Все это было получено комиссіей на слѣдующій день. Разсмотрѣніе рукописи было поручено генералу Слѣпцову, и потомъ она была отправлена Пыпину.

Оригинально, что писаніе романа Чернышевскій прерывалъ, и довольно на продолжительные сроки, переводомъ исторіи Гервинуса и Маколея, которые разсматривались обычнымъ порядкомъ и доставлялись полиціей Пыпину.

Должно быть, отвѣтъ коменданта на вопросъ: „да" или

„нѣтъ“ заключалъ въ себѣ какую-нибудь угрозу, потому что, выждавъ семь дней, 14 февраля Чернышевскій пишетъ ему: „Вотъ недѣля проходитъ послѣ моего свиданія съ Вами, и мнѣ кажется, что ждать больше было бы напрасною потерею времени, и что Вамъ пора принимать противъ меня мѣры строгости, о которыхъ Вы говорили. — 14 февраля 1863 г., утро. *Н. Чернышевскій*“.

18 февраля комиссія, наконецъ, рѣшила не вызывать Чернышевскаго на вторичную голодовку и разрѣшить свиданіе съ женою въ присутствіи своихъ нѣкоторыхъ членовъ.

23 февраля, черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ ареста, Чернышевскій, наконецъ, впервые увидѣлъ свою жену.

Передъ этимъ онъ былъ посѣщенъ въ казематѣ членами комиссіи, но объ этомъ ниже мы прочтемъ его собственный разсказъ. Они обѣщали черезъ нѣсколько дней его освободить. Вѣря обѣщанію, Н. Г. пишетъ комиссіи: „Чернышевскій просилъ бы увѣдомить его, когда будетъ назначено новое свиданіе его жены съ нимъ, и, если это не представляетъ неудобствъ, назначить его завтра, въ четвергъ.—Среда, 27 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*“.

Обѣщаніе и просьба, разумѣется, не были исполнены.

Ольга Сократовна поспѣшила прислать мужу довольно много книгъ, рукописей изъ редакціи и новыхъ журналовъ: въ первыхъ числахъ февраля вышли уже первыя книжки „Современника“ и „Русскаго Слова“, отбывшихъ наложенную на нихъ кару. Комендантъ адресовался къ Потапову, а послѣдній сообщилъ комиссіи, прибавивъ, что, „для доставленія арестантамъ Алексѣевскаго равелина развлеченія чтеніемъ, разрѣшено давать имъ книги изъ библіотеки, заведенной для сего при крѣпости“. Комиссія нашла, что все присланное Чернышевскому женой можно ему выдать, исключая современныхъ журналовъ.

4 марта Н. Г. пишетъ вторично въ комиссію: „Чернышевскій имѣетъ честь напомнить о той просьбѣ, которую онъ выражалъ въ своей запискѣ отъ 27 февраля.—Марта 4, 1863 г. *Н. Чернышевскій*“.

Комиссія рѣшила молчать.

Тогда 7 марта Н. Г. пишетъ Сорокину:

„Ваше Превосходительство, со мною опять начинаютъ шалить. Задерживаютъ письма моей жены; не обращаютъ вниманія на мои желанія, о которыхъ я *знаю*, что для исполне-

нія ихъ нѣтъ препятствій; даже не отвѣчаютъ на мои желанія, что уже просто невѣжливо; наконецъ, я не вижу исполненія того, что мнѣ было сказано въ глаза 23 февраля о *нѣсколькихъ* дняхъ.

„Сдѣлайте одолженіе, Ваше Превосходительство, употребите Ваше вліяніе на то, чтобы убѣдить другихъ въ напрасности и неудобствѣ этихъ шутокъ. Я не знаю, кто это шутитъ; но, вѣроятно, лица, говорившія со мною 23 февраля, поддержатъ Ваше мнѣніе, что шутки эти пора прекратить.

„Когда мое терпѣніе истощится, я, по своему обѣщанію, предупрежу Ваше Превосходительство. Теперь пока, я думаю, что его еще достанетъ на нѣсколько времени. Но вѣрнѣе было бы не испытывать его. Нынѣ *восемь* мѣсяцевъ, какъ его испытываютъ,—кажется, этого довольно.

„Боже мой, что у насъ какъ все неловко и неумѣстно шалятъ надъ людьми! Пора бросить эту старую привычку, — ею надѣлано довольно уже много такого, чему вовсе не слѣдовало быть, и что, конечно, не приноситъ пользы правительству. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій.* 7 марта 1863 г.“.

Но комиссія знала, почему шутила. У Потапова созрѣлъ смѣлый планъ, и дѣло изъ фазиса полнаго отсутствія уликъ вотъ-вотъ должно было перейти въ другой.

III Отдѣленіе работало...

ЧАСТЬ II.

Два лжесвидѣтеля и одинъ подложный документъ.

I.

Въ августѣ 1861 года въ Москвѣ было открыто тайное печатаніе противоправительственныхъ изданій. Привлеченными оказались отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, Иванъ Гольцъ-Миллеръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Ященко, Сваричевскій и др. Въ результатѣ разбора въ 6-мъ (московскомъ) департаментѣ сената дѣла „о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій", опредѣленіе котораго было утверждено государственнымъ совѣтомъ, конфирмировано государемъ и объявлено обвиняемымъ 2 января 1863 года, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а передъ этимъ долженъ былъ просидѣть въ крѣпости шесть мѣсяцевъ. Другіе понесли тоже серьезныя кары.

Съ біографіей Костомарова читатель познакомится хорошо впослѣдствіи, а теперь я только напомню ему, что этому господину М. И. Михайловъ обязанъ былъ своей каторгой. Онъ занимался литературой и потому имѣлъ въ ней много знакомствъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Шелгуновъ говоритъ, что у него былъ „какъ бы подавленный, нѣсколько жалкій видъ; въ немъ чувствовались бѣдность и не то какая-то робость, не то какая-то зависимость. Вообще онъ на свое положеніе жаловался и, какъ видно, очень нуждался. У Костомарова былъ узкій кверху и убѣгающій назадъ, совершенно ровный, безъ возвышеній лобъ и подъ гребенку остриженная голова. Костомаровъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ и рѣдко заглядывалъ въ глаза, а если это и случалось, то онъ сей-

часъ же опускалъ глаза книзу. Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и вообще говорилъ немного и имѣлъ видъ человѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій, гладкій лобъ производили впечатлѣніе силы и рѣшимости. Нужно думать, что такое впечатлѣніе производилъ Костомаровъ и не на меня одного. Во всякомъ случаѣ, ему вѣрили, его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности".

Эта часть характеристики написана до приговора надъ Костомаровымъ общественнаго мнѣнія, вслѣдъ за начатіемъ названнаго выше процесса. А вотъ какъ онъ характеризовался Шелгуновымъ послѣ: „Главными отличительными чертами характера Костомарова, какъ мнѣ кажется, были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его и до либеральныхъ стишковъ, и до ихъ печатанія. Вообще эта натура была придавленная, приниженная и пассивная. И вотъ, когда ужъ и такъ урѣзанная жизнь Костомарова кончилась заключеніемъ и солдатчиной, этого оказалось слишкомъ, чтобы онъ могъ вынести безъ протеста, но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. Это обыкновенная форма протеста всѣхъ слабыхъ людей, привыкшихъ повиноваться чужой волѣ. Слабый и неумный, Костомаровъ, потерявъ душевное равновѣсіе, потерялъ и способность правильно понимать и свои поступки. Личное чувство, и такъ ужъ въ немъ, должно быть, безмѣрное, въ заключеніи развилось еще больше; онъ преувеличивалъ свое несчастіе и озлобился. Неоспоримо, что это былъ человѣкъ больной и несчастный" [1]).

Чернышевскій говорилъ, что былъ увѣренъ въ душевной болѣзни Костомарова, въ его психической ненормальности и даже просилъ артиста М. И. Писарева говорить объ этомъ всѣмъ, кто о немъ вспомнитъ [2]).

Итакъ, этотъ самый Костомаровъ сидѣлъ въ „Петропавловкѣ". Повидимому, III Отдѣленіе еще раньше, во время процесса, оцѣнило его. Неизвѣстно, въ какую форму выливались ихъ взаимныя отношенія, насколько они были трогательны и платоничны, но, такъ или иначе, по обстоятельствамъ

---

[1]) Изъ неизданной части воспоминаній, по уцѣлѣвшему отъ сожженія печатному экземпляру.

[2]) *Рейнгардтъ*, и. с. („Рус. Стар". 1905 г., 11, 473, 475).

дѣла Чернышевскаго *понадобилось* извлечь Костомарова изъ каземата и выпустить на свѣжій воздухъ, подъ менѣе суровый и бдительный присмотръ. Для этого III Отдѣленіе пошло на освобожденіе его изъ крѣпости еще въ концѣ февраля, т. е. продержавъ тамъ Костомарова мѣсяцъ съ небольшимъ вмѣсто полугода. 28 февраля его отправили къ мѣсту новаго служенія, на Кавказъ, но не въ сопровожденіи, какъ бы слѣдовало, двухъ нижнихъ чиновъ, а одного изъ выдающихся тогда расторопностью и „способностями“ жандармскаго капитана Чулкова...

1 марта они прибыли въ Москву и, какъ доносилъ Чулковъ, „по слабости здоровья Костомарова“, остановились тамъ на сутки. Къ нимъ явился бывшій переписчикъ Костомарова—Яковлевъ и сдѣлалъ весьма важное открытіе въ разговорѣ съ бывшимъ своимъ принципаломъ: ему-де извѣстны всѣ отношенія Чернышевскаго къ Костомарову. Чулковъ, приготовленный еще раньше къ приходу этого гостя, явившагося по вызову Костомарова особой запиской, очень предупредительно подалъ Яковлеву бумагу и просилъ задокументировать все разсказанное. Яковлевъ, разумѣется, исполнилъ просьбу безъ особыхъ приглашеній...

Надо было, конечно, и дѣйствовать, и благодарить.

Для этого Чулковъ тутъ же написалъ Потапову: „Вашему Превосходительству осмѣливаюсь рекомендовать подателя сего, московскаго мѣщанина Петра Васильева Яковлева, который очень можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ,—онъ мнѣ уже оказалъ услугу,—и покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять его подъ милостивое Ваше покровительство“[1]). Вручивъ Яковлеву эту многозначительную рекомендацію, Чулковъ далъ ему на дорогу въ Петербургъ. Костомаровъ, въ свою очередь, написалъ матери: „Я въ Москвѣ уже, по обыкновенію веселъ, здоровъ и благополученъ. Петръ Васильевичъ оказалъ мнѣ весьма важную услугу—и сообразно этому будетъ, конечно, принятъ тобою. Я подарилъ ему свое пальто—пожалуйста, отдай. Ну, больше я ничего тебѣ не пишу: во-

[1]) Потомъ, когда дѣло было передано въ сенатъ, Чулковъ донесъ Потапову, что подъ „услугой“ Яковлева онъ разумѣлъ полную его готовность объяснить извѣстныя ему отношенія Костомарова къ разнымъ лицамъ и назвать ихъ.

первыхъ, нечего, потому что я ни съ кѣмъ еще не видѣлся, во-вторыхъ... ты догадаешься, почему. Au revoir. Крѣпко цѣлую тебя и мою милую Моху“...

Радостный Яковлевъ отправился на Николаевскій вокзалъ.

Что же онъ написалъ по просьбѣ Чулкова и Костомарова?

„Лѣтомъ 1861 года, около іюля мѣсяца, будучи переписчикомъ бумагъ и разныхъ сочиненій у г. Всеволода Костомарова и занимаясь у него постоянно, я очень часто видалъ у него изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго, и, переписывая бумаги по случаю лѣтняго времени въ бесѣдкѣ сада дома г. Костомарова, когда они, ходя между собою подъ руку и разговаривая между собою, произносили слова, изъ которыхъ мнѣ удалось запомнить слѣдующія фразы, произнесенныя г. Чернышевскимъ: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ“. „Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла“. Называя эту статью своею, г. Чернышевскій упрашивалъ г. Костомарова о скорѣйшемъ ея напечатаніи. Не только не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго, но даже не имѣя рѣшительно никакой возможности понять точнаго смысла статьи, о которой у нихъ шелъ разговоръ, ибо до моего смысла доходило только нѣсколько отрывочныхъ фразъ,—я не считалъ тогда своимъ долгомъ довести это ни до чьего свѣдѣнія. Но когда же услыхавъ впослѣдствіи, что г. Костомаровъ осужденъ будто бы за какія-то противу правительства незаконныя дѣйствія, и чтобы оградить себя отъ всякой могшей бы впослѣдствіи возникнуть отвѣтственности и считая себя въ непремѣнной обязанности и долгѣ всякаго честнаго гражданина, обязаннаго не скрывать предъ правительствомъ лицъ, ему вредящихъ, доводитъ до свѣдѣнія этотъ разговоръ, неясно слышанный имъ между гг. Чернышевскимъ и Костомаровымъ, хотя и теперь не понимая настоящаго его значенія, но единственно догадываясь, что лицу, повидимому, стоящему въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ г. Чернышевскій къ г. Костомарову, можетъ быть, были извѣстны и преступные, какъ оказалось, замыслы друга его г. Костомарова. Московскій мѣщанинъ *Петръ Васильевъ Яковлевъ*“.

На другой день, 2-го, Костомаровъ яко бы сказалъ Чулкову, что ему хуже, и потому, по просьбѣ своего провожатаго, былъ отправленъ на гауптвахту, какъ въ свободное казенное помѣ-

щеніе. Тамъ у него были профессоръ Назарьянцъ съ сыномъ, прапорщикъ Ростовскаго полка Охотскій, докторъ того же полка Меншиковъ, прапорщикъ Днѣпровскаго полка Шостакъ, братъ Костомарова Алексѣй—прапорщикъ резерв. бат. Либавскаго полка, фотографъ Суловъ и содержатель нотнаго магазина Юргенсонъ. Общество, какъ видимъ, довольно разнообразное... 4-го Костомаровъ почувствовалъ себя лучше, и они выѣхали изъ Москвы, прибывъ 5-го утромъ въ Тулу. Тамъ Костомаровъ „снова заболѣлъ“ и просилъ остановиться на два дня. Чулковъ, разумѣется, исполнилъ и эту просьбу.

Но два дня оказались нужны совсѣмъ для другихъ цѣлей...

5-го же Костомаровъ сѣлъ писать письма роднымъ, и вотъ Чулковъ замѣчаетъ у него одно довольно толстое, беретъ прочитать, видитъ, что въ немъ масса матеріала къ начатому дѣлу о Чернышевскомъ, и спѣшитъ послать его въ тотъ же день Потапову. 7-го они „хотѣли“ двинуться изъ Тулы дальше, но, конечно, какъ и было условлено, получили телеграмму Потапова о немедленномъ возвращеніи въ Петербургъ...

Что же это за письмо?

II.

Адресованное въ „Петербургъ, Николаю Ивановичу Соколову, оставить на почтѣ впредь до востребованія“, оно состояло изъ 5 листовъ почтовой бумаги большого формата и было исписано очень мелкимъ почеркомъ по частому транспаранту и почти безъ помарокъ.

Привожу его полностью.

„Тула. 5 марта.

„Ну вотъ, наконецъ, я и дождался возможности говорить съ вами на свободѣ, безъ разныхъ цензурныхъ стѣсненій со стороны агентовъ—хранителей души и тѣла нашихъ. И я дождался этого, какъ видите, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Уѣзжая, я обѣщалъ писать къ вамъ съ мѣста, до котораго, вы знаете, не рукой подать; слышно такъ, что въ Тулѣ приключилась мнѣ болѣзнь нѣкая, такъ что, не имѣя никакой возможности продолжать свое странствіе, мы остановились здѣсь на нѣсколько дней.

„Итакъ, пользуясь этимъ неожиданнымъ отдыхомъ, я, не

откладывая до неизвѣстнаго намъ будущаго, принимаюсь за обѣщанный вамъ комментарій на нашу юридическую войну.

„Принимаюсь... а съ чего начать? Pour le commencement,— конечно, какъ говорятъ французы, или, по древней поговоркѣ, ab ovo—съ яицъ Леды... Но вотъ тутъ-то и камень преткновенія... Съ яицъ... съ которыхъ же именно? Ихъ такъ много... Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы начать съ самой Леды, необъятное чрево которой... но это слишкомъ далеко заведетъ насъ, а у меня слишкомъ мало времени и... бумаги. Поэтому я начну съ Чернышевскаго. „Что за чортъ,—говорите вы (à peu près):—Леда, яица и Чскій! Гдѣ же тутъ Witz, гдѣ-жъ тутъ послѣдовательность, логическая связь, etc?..“—Mais, mon ami, toutes ces choses paraîtrons en temps et lieu; къ тому же я вѣдь собираюсь писать къ вамъ чуть ли не цѣлую эпопею, а—la plupart des poètes epiques se jettent tout d'abord *in medias res:* Horace fait de ce precepte le grand chemin de l'epopée... (изъ этого вы видите, между прочимъ, что я никакъ не могу отстать отъ своей несчастной привычки подражать въ своихъ письмахъ вавилонскому смѣшенію языковъ).

„Итакъ—начнемъ... Но васъ, можетъ быть (я бы даже долженъ былъ сказать „конечно“), удивляетъ, что я начинаю прямо съ лица, о которомъ нѣтъ и помину въ томъ разсказѣ объ юридической войнѣ, на которую я, en nouveau Cézar, пишу свои комментаріи... Но въ томъ-то и штука, другъ мой. Слушайте и рукоплещите явленіямъ всероссійской Ѳемиды... Говорю: рукоплещите—plaudite!—и не „удивляйтесь“, потому что дивиться тутъ нечему, nil mirari. Смиренномудрая богиня правосудія не скрываетъ ни отъ кого, что она носитъ на глазахъ повязку и держитъ въ рукахъ фальшивые вѣсы... Въ такомъ видѣ, in blinde Kuh, ее можно видѣть ежедневно на одномъ изъ интереснѣйшихъ зданій нашей сѣверной пальмиры [1])...

„Но, боже мой—я написалъ ужъ цѣлую страницу и все еще ничего не написалъ. Mais dût mon premier vers me coûter une heure,—я всетаки не начну своей исторіи прежде, чѣмъ познакомлю васъ съ милой личностью моего „потаеннаго“ героя.

„Разумѣется, я буду очень коротокъ и скажу вамъ только

[1]) На сенатѣ.

то, что необходимо знать вамъ пока, чтобы вамъ не показалось страннымъ то озлобленіе, съ которымъ я, при всемъ моемъ желаніи быть сдержаннѣе, не могу не говорить объ этомъ человѣкѣ. Впослѣдствіи, когда я буду имѣть болѣе *свободнаго* времени, я непремѣнно поговорю съ вами о его литературной дѣятельности, тайной и явной,—чтобъ показать вамъ, откуда подулъ тотъ вѣтеръ, который, какъ вы справедливо, хоть и немножко увѣсисто, замѣтили (ну, да вы, чай, не совсѣмъ забыли реторику Кошанскаго-то),—который наслалъ столько жалкихъ жертвъ въ казематы россійскихъ крѣпостей и въ тѣ злачныя мѣста, куда отсылаютъ „по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ“... тогда вы увидите, откуда на святомъ знамени свободы появился тотъ скверный девизъ, во имя котораго дѣйствуютъ наши доморощенные агитаторы, пишутся всѣ эти „Великоруссы“ и „Молодыя Россіи“, всѣ эти безполезныя прокламаціи съ красными и голубыми печатями. Вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы заподозрить меня въ ультра-ренегатствѣ, въ подкупленномъ или вымученномъ кажденіи деспотизму, въ малодушномъ отступничествѣ отъ Христа, „иже свобода есть“, по словамъ Павла, отъ Христа—не идущаго во славѣ судить вселенную, но Христа заушеннаго и угнетеннаго, идущаго на казнь крестную... Вы знаете, чего ищу я; вы знаете, чему я поклоняюсь. Вы знаете, въ чемъ я вижу свободу, и знаете, какимъ путемъ, хотѣлось бы мнѣ, дошла до нея моя родина. Вы давно знаете это, мой старый, мой сердечный другъ,—поэтому-то я такъ смѣло говорю съ вами, увѣренный, что омерзеніе къ лжепроповѣдникамъ свободы вы не назовете іудинымъ лобзаніемъ Христа. Да, я буду и могу говорить съ вами съ чистымъ сердцемъ, съ покойною совѣстью. Вы не имѣете ничего общаго ни съ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ я буду говорить вамъ, ни съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ; вы не имѣете ровно никакого вліянія правительственнаго, поэтому, можетъ быть, слишкомъ рѣзкія, слишкомъ желчныя слова мои не будете объяснять ни личнымъ моимъ озлобленіемъ, ни желаніемъ очернить Чскаго, для того, чтобы самому рядомъ съ нимъ казаться бѣлѣе (потому что ваше мнѣніе составилось обо мнѣ твердо, и его, я увѣренъ, не измѣнить никакая сплетня): вы увидите въ письмѣ моемъ только желаніе, разсказавъ вамъ одинъ изъ подвиговъ нашего аги-

татора,—спросить васъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Матѳеемъ: „*Какъ же могутъ добро глаголать, зли суще?*“ (Я знаю, вы, старый ханжа, любите читать свою старую книгу въ темномъ кожаномъ переплетѣ съ уродливыми мѣдными застежками).

„Вотъ какое длинное вышло предисловіе. Ну, зато я постараюсь сдѣлать какъ можно короче текстъ.

„Чскій—такъ, по крайней мѣрѣ, я его понимаю—человѣкъ съ самолюбіемъ необъятнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ въ мірѣ (онъ даже и не думаетъ дѣлать секрета изъ такого самопризнанія) [1]). Вслѣдствіе этого безцеремоннаго взгляда на самого себя, ему, разумѣется, кажется, что все, что сдѣлано не имъ, никуда не годится. И такъ какъ, кромѣ пагубы нѣсколькихъ десятковъ нашихъ лучшихъ юношей, до сихъ поръ пока еще ничего не сдѣлано, то и выходитъ, что все, елика на небеси горѣ и на землѣ низу и въ водахъ и подъ землею,—не годится ни къ чорту. Молодое поколѣніе воспиталось не въ его школѣ (по крайней мѣрѣ, не все)—молодое поколѣніе дрянь; общество устроилось не по его методѣ—ну, и оно дрянь; да нечего тутъ пересчитывать,—однимъ словомъ, все *существующее* идетъ въ бракъ, въ ломку („всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь въ нелѣпомъ положеніи“,—наприм., говоритъ онъ), и все, имѣющее существовать, должно созидаться по его методѣ, если хочетъ, чтобъ оно на что-нибудь годилось. Итакъ—„давайте все разрушать“... Но, надѣленный отъ природы такими воинственными наклонностями, нашъ Thalaba the Destroyer не одаренъ, къ сожалѣнію, большой храбростью. Онъ, какъ новый Самсонъ, во что бы то ни стало хочетъ разрушить зданіе нашего общественнаго устройства... Только видите ли... старый, сильный израильтянинъ былъ такъ непрактиченъ, что втемяшился въ самую середину зданія и—расшатавъ столбы of his Commonweal—повалилъ всѣ обломки на свою голову:

> The poor, blind slave, the scoff and jest of all,
> Expired, -and thousands perished in the fall...

„Это и коротко, и ясно. Но нашъ Самсонъ разсуждаетъ иначе. Онъ такъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погибать подъ облом-

[1]) Вспомните, читатель, письмо Н. Г. къ женѣ. Не видѣлъ ли его Костомаровъ?..

ками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ развалить его: а самъ посижу пока въ сторонкѣ... Коли развалятъ—хорошо: я займусь тогда постройкой новаго (и, вы уже видите, что *такой* архитекторъ, составляя смѣты, конечно, не обидитъ своего кармана); а не развалятъ—надорвутся, толкая крѣпкіе еще столбы,—такъ мнѣ-то что? Я-то всячески цѣлъ останусь. И пошлю новыхъ работниковъ; авось же найдется когда-нибудь такой крѣпкій лобъ, что и прошибетъ стѣну... и въ писаніи сказано: толцыте—и отверзется, и греческая пословица (которую, помните, зубрили мы когда-то въ грамматикѣ Кюнера) говоритъ: капля долбитъ камень не силою, но часто падая...

„Я сказалъ, что разрушитель нашъ не одаренъ большой храбростью. Не знаю, отчего это я такъ сказалъ. Можетъ быть, для того, чтобы фраза вышла покрасивѣе. Надо было бы сказать: „онъ просто жалкій трусъ“. Это вѣрнѣе. Но многіе — вотъ что удивительно—видятъ въ немъ, напротивъ, чудо храбрости, просто какого-то черкесскаго делибаша или скандинавскаго берсеркера. Но это вотъ отчего: ces braves gens немножко перепутываютъ два понятія: наглость, нахальство, охаверничество съ храбростью, самоотверженіемъ, геройствомъ. Въ „Полемическихъ красотахъ“ [1]) они видятъ, напримѣръ, цѣлую Иліаду храбрости. Отщелкать какого-нибудь Альбертини [2]) они считаютъ подвигомъ, равнымъ убіенію гидры Лернейской. Написать подъ всеохраняющей эгидой матери-цензуры статейку объ іюльской монархіи (т. е. перефразировать Луи-Блана, и въ ней, съ разрѣшенія какого-нибудь Загибенина [3]), поглумиться надъ людьми, *восторгающимися настоящимъ*, надъ отчаяніемъ людей *нетвердыхъ духомъ* или *нетерпѣливыхъ* (ты-то твердъ) — въ этомъ они видятъ цѣлый крестовый походъ противъ настоящаго порядка вещей, цѣлую революцію,—тогда какъ это, съ одной стороны, шишъ въ карманѣ, а съ другой—просто поддразниваніе. Но, боже мой! Неужели Аполлонъ сдѣлалъ великій подвигъ, содравъ кожу съ бѣднаго Марсіаса за то, что бѣдный пастухъ *осмѣлился* лучше его играть на флейтѣ? Неужели Чекій взаправду совершилъ великій подвигъ, отвалявъ на обѣ корки Альбертини, кото-

[1]) Извѣстная статья Чернышевскаго.

[2]) И. В. Альбертини, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“.

[3]) Фамилія цензора.

раго самъ же называетъ ребенкомъ... въ сравненіи съ собой? Нѣтъ, воля ваша, это пакость, а не подвигъ. Отодрать человѣка вдесятеро слабѣйшаго да еще хвастаться: „вотъ, дескать, господа, смотрите, такъ будетъ со всѣми, кто не со мной идетъ, ибо кто не со мной, тотъ противъ меня... милыя дѣти, слушайтесь меня и избѣгайте полемическихъ встрѣчъ со мною, не то выпорю васъ, канальи, обругаю и сотру съ лица земли. А ужъ кого я обругаю, тотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ“... Вотъ вамъ и рыцарь духа, и апостолъ свободы, и проповѣдникъ равенства! Да вѣдь это просто застращиваніе; это хуже всякаго III Отдѣленія; хуже... чортъ знаетъ чего! А потомъ это науськиванье въ его безконечныхъ видоизмѣненіяхъ... этотъ поддѣльный, искусственный скептицизмъ, которымъ онъ такъ удачно бьетъ всегда по двумъ цѣлямъ разомъ: подстрекаетъ *нерѣшительныхъ*, которые видятъ въ этомъ скептицизмѣ глумленіе надъ собой, и отводитъ глаза кому слѣдуетъ... Вотъ, дескать, смотрите, добрые люди: я всѣмъ говорю, что *„изъ этого ничего не выйдетъ“*; меня даже не разъ въ тунеядствѣ укоряли за это... о, этотъ скептицизмъ, это науськиванье, эта дрессировка бульдоговъ!.. Знаю я, хорошо знаю и этотъ скептицизмъ, и эту дрессировку, и это науськиванье: *„сей есть ученикъ, свидѣтельствуяй о сихъ, иже и написа сія“*.

„И вотъ вы, ворчливѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ сотый разъ предлагаете мнѣ свой сердитый вопросъ: „за что-жъ ты, дурень, щадилъ его, этого нехорошаго человѣка? За что-жъ ты взялъ на себя его вину? Вѣдь въ твоихъ рукахъ были всѣ средства увязить его на свое мѣсто! Вѣдь я же самъ видѣлъ эти письма... что-жъ ты теперь-то, снявши голову, плачешь по волосамъ?“—Да, другъ мой, вы правы въ томъ отношеніи, что въ рукахъ моихъ всегда была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ моей сентенціи: „за составленіе возм. воззв. къ б. кр. [1]) осуждается на то-то“—относился не ко мнѣ, а къ Чскому. Но вы ошибетесь, если увидите въ письмѣ моемъ глупый „плачъ по волосамъ, снявши голову“. Тогда я долженъ былъ молчать... даже передъ вами, чтобъ въ жалобѣ моей *даже вы* не видали малодушнаго моленія о чашѣ; теперь, когда уже consummatum est, „совершилось“, говоритъ во мнѣ горькая боль оскорбленнаго сердца. Вы поймете меня. Вы

[1]) Т. е. „Къ барскимъ крестьянамъ“.

знаете, что это не фраза. Вы можете быть судьей между мною и ими. Вы слышали, что они говорятъ объ мнѣ *на основаніи* какой-то *сплетни*, и видѣли, что я могъ сдѣлать *на основаніи* неоспоримаго *факта*. Вы знаете, что было въ моихъ рукахъ, и какъ я *этимъ* воспользовался [1]). Меня обвиняли въ малодушіи, подозрѣвали въ предательствѣ. Многіе, подхвативъ на лету нелѣпую сплетню, молча оставили меня; другіе были почестнѣе и говорили мнѣ, въ чемъ меня обвиняетъ молва. Передъ *этими* мнѣ легко было оправдаться, точно такъ же, какъ *было бы* легко оправдаться передъ закономъ. У меня были письма, которыя въ *моихъ рукахъ* служили мнѣ оправданіемъ передъ тѣми, кто меня обвинялъ въ предательствѣ, а въ *рукахъ правительства* могли служить мнѣ полнымъ оправданіемъ передъ лицомъ закона. Вы знаете, что я выбралъ, *какое* оправданіе я предпочелъ и что сдѣлалъ съ этими письмами... Нечего и говорить, что, выгораживая такимъ образомъ Чскаго и Шнова [2]) изъ этого дѣла, я болѣе щадилъ себя, чѣмъ ихъ. Я не стану объяснять вамъ этой фразы: вы ее поймете и такъ. Знаю я, что, загораживая собою Ч. и ему подобныхъ, я глубоко виноватъ—не говорю: передъ правительствомъ—потому что я не связанъ съ нимъ ничѣмъ,—но передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе, такіе отравленные плоды.

„Не говоря уже о множествѣ личностей, сдѣлавшихся жертвою его науськиванія, я твердо убѣжденъ, что всѣмъ этимъ печальнымъ поворотомъ къ старому порядку, этими тяжелыми цѣпями, которыя снова наложили на наше слово и на нашу мысль, мы обязаны дѣятельности этихъ господъ. Они не избавили насъ отъ того, что они называютъ „рабствомъ египетскимъ“, но своими безумными кривляніями сдѣлали то, что насъ закрѣпощаютъ въ еще большее рабство. Въ 60-мъ году, напримѣръ, пресса наша была въ положеніи, которое можно было назвать весьма близкимъ къ разумной свободѣ. Что же они сдѣлали? Они сейчасъ же воспользовались этой свободой для своего науськиванія (я стою на этомъ словѣ, потому что рѣшительно не признаю въ ихъ писаніяхъ апо-

[1]) Ниже мы увидимъ, что разумѣлъ здѣсь Костомаровъ.

[2]) Т. е. Шелгуновъ.

стольства свободы); они сдѣлали литературу орудіемъ своихъ личныхъ страстей, видѣли въ свободѣ слова только возможность скандальничать и оправдывались тѣмъ, что свобода, „дарованная“ нашей прессѣ, не шла далѣе этого позволенія (но вы хорошо знаете, что это вздоръ). Пр-во, конечно, не могло долѣе терпѣть этого безчинства, оставаясь самимъ собой, т. е. „императорско-россійскимъ“ пр-омъ. Но оно поступило не совсѣмъ справедливо (ради Бога, да останется это между нами), отнявъ свободу слова (т. е. ту долю свободы, которую мы имѣли въ 60-мъ г.) у *всѣхъ*, а не у тѣхъ только, кто не умѣлъ ею пользоваться, хотя, съ другой стороны, нельзя и порицать его за это безусловно. (Я знаю, что его никакъ нельзя порицать, хотя бы оно засмаливало людей и зажигало ихъ вмѣсто факеловъ; но вѣдь... да останется это между нами, другъ мой). Правительство наше постоянно смотрѣло на литературу только издали, считая ее выраженіемъ не общественнаго мнѣнія, а носительницей идей того или другого кружка литераторовъ. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ было,—да и не могло быть иначе,—пока цензура подводила всѣ мнѣнія подъ одинъ общій уровень, мѣра котораго указана была свыше, дана была извнѣ, а не вышла изъ внутренней потребности самого общества. Пр-во имѣло тогда полное право не интересоваться положеніемъ нашей литературы, потому что, давая ей тонъ, оно знало напередъ, что̀ найдетъ въ ней. Но когда оно значительно ослабило цѣпи, тяготѣвшія на нашемъ словѣ, оно должно бы было нѣсколько внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается въ литературѣ. И тогда... (тутъ я дѣлаю большой пропускъ; тутъ многое слѣдовало бы сказать, но ни время, ни мѣсто не позволяютъ этого)... тогда оно увидѣло бы, что голосъ Чскаго и братіи его, раздававшійся, правда, крикливѣе всѣхъ голосовъ въ нашей литературѣ,—не есть голосъ общественнаго мнѣнія; оно увидѣло бы, что этотъ голосъ, изъ-за котораго нашу литературу снова вернули въ тотъ душный казематъ, въ которомъ она задыхалась со дня своего рожденія, снова отдали подъ солдатскій надзоръ разныхъ Фрейганговъ и Флеровыхъ [1]), прогонявшихъ „вольный духъ“ даже изъ поваренныхъ книгъ, какъ—не есть голосъ, выражающій обще-

[1]) Фамиліи цензоровъ.

ственное мнѣніе, а, напротивъ, идущій наперекоръ ему; оно поняло бы, что, говоря словами нѣмецкаго поэта,

Die öffentliche Meinung schreit und klagt:
Ihr habt von mir erborget eure Kraft:
Durch mich geschah, was Grosses ihr geschafft,
Durch mich gelang, was siegreich ihr gewagt.

Und nun ich euch erhöht, wollt ihr als Magd
Mich züchtigen mit Ruthen und mit Haft:
Ihr schämt euch flüchtigen Genossenschaft
Und habt mir, eurer Herrin, widersagt?

Und doch, ihr hörtet meine Donner rollen,
Und der Koloss der Zeit war schon zerstoben,
Von dessen Joch ich kam euch zu erlösen.

Ihr Seifenblasen, die mein Ich geschwollen,
Und flücht'gen Schimmers meine Huld gehoben,
Ihr eitle Seifenblasen—seid gewesen!..

„Но обо всемъ этомъ, *en temps et lieu*, мы еще будемъ говорить съ вами. Въ сотый разъ принимаюсь за „прерванную нить моего разсказа“ (какъ говорилось когда-то) и на этотъ разъ уже съ положительнымъ обѣщаніемъ допрясть ее какъ можно скорѣе.

„Итакъ, если вы что-нибудь поняли изъ моихъ безсвязныхъ словъ (я удивляюсь еще, какъ въ послѣднее время я окончательно не утратилъ всякую способность мыслить и говорить)—вамъ будетъ понятно и то ожесточеніе, съ которымъ я говорю объ этихъ людяхъ, и та глубокая скорбь, которая разрываетъ теперь мое сердце... потому что

„Nessun maggior dolore“—

„Нѣтъ муки больше той, какъ страдать за идею, которой не служишь, и „положить душу свою“ за людей, которыхъ не уважаешь, которымъ не имѣешь что сказать, кромѣ словъ нашего великаго апостола: „Гробъ отверзтъ гортань ихъ—языки своими мщаху; ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Ихъ же уста клятвы и горести полна суть: скоры ноги ихъ проліяти кровь! Сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ ихъ, и пути мирнаго не познаша“...

„Я выбралъ этотъ текстъ не наудачу, другъ мой. Съ глубокимъ убѣжденіемъ, не измѣняя ни одной іоты въ этихъ горь-

кихъ словахъ великаго апостола, я примѣняю ихъ къ людямъ, которыхъ называютъ моими учителями, моими сообщниками...

„Я никому не говорилъ этого,—ни даже вамъ,—пока исповѣдь моего сердца могла быть перетолкована въ малодушное желаніе отвертѣться отъ казни; но теперь, когда для меня уже все кончено, я имѣю полное право говорить съ вами такъ, какъ говорю; мнѣ нужно высказаться—„иль разорвется грудь отъ муки“... Я не могу молчать долѣе, потому что

„j mici pensieri civ me dormir non ponno“...

„Я долженъ *все* сказать вамъ. Я слишкомъ дорожу вами, мой вѣрный другъ, и не хочу, чтобъ *вы* смѣшивали меня съ людьми, которые не познали мирнаго пути, но съ сокрушеніемъ и озлобленіемъ дѣйствуютъ, *„ибо скоры ноги ихъ проліяти кровь!“*

„Само собою разумѣется, кровь чужую.

„Зная мой миролюбивый и отъ природы кроткій характеръ, вы хорошо поймете, какъ тяжело было и тогда мнѣ смотрѣть на этихъ проповѣдниковъ „крещенья кровью и огнемъ“, на этихъ людей, говорившихъ, что „незачѣмъ тратить слова тамъ, гдѣ штыкъ скорѣе возьметъ то, что намъ надо“... но тогда, по крайней мѣрѣ (насколько это было возможно), меня мирила съ этими людьми мысль, что каковъ бы ни былъ путь, избранный ими, но они руководятся на немъ общей намъ цѣлью—исцѣленіемъ язвъ нашей страдающей родины; а теперь... съ какимъ глубокимъ омерзеніемъ смотрю я теперь на этихъ кровавыхъ людей, когда я убѣдился, что они вооружились огнемъ и мечомъ не во имя благой идеи, а только за тѣмъ, чтобъ, обрубивъ головы всѣмъ, кто выше ихъ, стать такимъ образомъ выше всѣхъ и господствовать, хотя бы и надъ обезглавленными трупами... Да, я имѣю полное право говорить это; я имѣю твердое основаніе называть этихъ людей проповѣдниками крещенья кровью и огнемъ: такъ назвали бы ихъ и вы, такъ назвалъ бы ихъ всякій, кто прочиталъ бы первыя редакціи этихъ несчастныхъ воззваній, авторство которыхъ такъ обязательно приписывалъ мнѣ московскій сенатъ! Я не могъ, конечно, на-память возобновить ихъ первоначальнаго текста, но живо помню то впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Это было какое-то странное, опьяняющее впечатлѣніе. Словно кровавый туманъ застилалъ глаза; казалось, онъ

входилъ въ самый мозгъ: страшно и мерзко становилось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось какое-то безотчетное удальство,— такъ и подмывало схватить топоръ или ножъ, такъ и хотѣлось рубить и рѣзать, не разбирая, кого и за что... Какъ Фету при видѣ обоза русскихъ мужичковъ сталъ понятенъ миѳъ объ Амфіонѣ, подъ звуки флейты котораго сами собой складывались ѳивскія стѣны, такъ мнѣ впервые стала понятна тогда сила тиртеевыхъ пѣсенъ, сила марсельезы... такъ обаятельна была сила ихъ лукаваго слова! Потомъ, какъ и всякое опьяненіе, впечатлѣніе это, конечно, разсѣялось скоро... Черезъ нѣсколько часовъ я уже былъ въ состояніи понять, что такое въ самомъ дѣлѣ эти прокламаціи, и потомъ (какой вздоръ я написалъ-было) [1]) уговорить Ч. совершенно передѣлать и значительно смягчить текстъ воззванія къ Б. К. (Но, говоря потомъ со мною объ этихъ измѣненіяхъ, Ч. признавался мнѣ, что онъ согласился на эти измѣненія только потому, что иначе я не соглашался печатать ихъ: что онъ остался при своемъ убѣжденіи, что *мужикамъ* не толковать слѣдуетъ, не вразумлять ихъ, а только кричать почаще—„въ топоры, ребята!“: что въ такомъ дрябломъ видѣ, какой, по нашему убѣжденію, приняло воззв. къ б. к., изъ него ничего не выйдетъ“... вотъ ужъ не это ли называютъ *скептицизмомъ*?). Впрочемъ, о воззваніяхъ этихъ рѣчь впереди. Мнѣ уже рѣшительно пора кончить бесѣдовать съ вами, а я съ ужасомъ замѣчаю, что я еще и не принимался за исполненіе своего обѣщанія—сдѣлать нѣсколько поправокъ въ юрисдикціи моихъ нелицепріятныхъ судей, которымъ, по словамъ того же апостола Павла, „даде Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати, даже до сего дня“...

„Итакъ, вотъ какъ было дѣло.

„Какъ и когда я сблизился или, лучше сказать, сошелся съ Чскимъ—это все равно. Выступая на такъ называемое „литературное поприще“, я искалъ случая пристроиться къ какому-нибудь журналу,—чего *безъ протекціи*, особенно мнѣ, съ моими, какъ вы знаете, весьма и весьма скромными способностями, сдѣлать было нельзя. Особенно хотѣлось мнѣ пристроиться какъ-нибудь къ „Совр.“, направленію котораго (въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось явно) я горячо сочувствовалъ. Больше

[1]) Нѣсколько словъ вычеркнуто.

всего мнѣ хотѣлось сблизиться съ Мих. [1])—и я былъ такъ счастливъ, что случай къ этому представился скоро... Я сердечно полюбилъ этого человѣка... и теперь горячо люблю его, несмотря на то, что мы пошли съ нимъ въ разныя стороны... ну, да объ этомъ говорить нечего.

„Первый визитъ мой къ Ч. былъ крайне неудаченъ. Меня привезъ Михайловъ. У Ч. было много народу въ тотъ вечеръ,— говорили все большею частью о такихъ важныхъ матеріяхъ, въ которыхъ въ то время я былъ совсѣмъ еще homo novus; говорили все люди для меня новые, незнакомые, говорили такъ горячо, такъ самоувѣренно обсуживали и рѣшали все такіе важные вопросы, что я—человѣкъ, какъ вы знаете, вообще до смѣшного застѣнчивый—только конфузился и молчалъ... Изобразивъ на лицѣ своемъ, вѣроятно, что-нибудь вродѣ весьма глупаго умиленія, я долго сидѣлъ, забившись въ уголъ дивана. Наконецъ, хозяинъ сжалился надо мною и подошелъ ко мнѣ. Очевидно, онъ затруднялся тоже, не зная, о чемъ ему говорить со мной. Я не помню ужъ, о чемъ онъ заговорилъ со мной—только, коротко, conversation наше опять не удалось, потому что я снова уткнулся въ уголъ дивана, а Ч., оставшись, впрочемъ, рядомъ со мной, на креслѣ, заговорилъ съ кѣмъ-то о чемъ-то другомъ. Такъ шло время. Я глупо молчалъ; Чскій, какъ-то странно оставшись въ своемъ креслѣ, безпрестанно хихикалъ своимъ визгливо-дребезжащимъ, непріятнымъ голосомъ... Наконецъ, вышелъ Мих. изъ другой комнаты и, моргнувъ Чскому, увелъ его въ кабинетъ. Минутъ черезъ пять онъ вернулся и вызвалъ меня. Тутъ-то и началось наше настоящее знакомство... Я не стану, конечно, передавать вамъ нашего разговора; *словъ* его не помню, а *смыслъ*—понятенъ. Со стыдомъ сознаюсь, что результатъ его на первыхъ порахъ—сталъ благоговѣть передъ Ч., какъ передъ человѣкомъ, который, казалось мнѣ, держитъ въ рукахъ своихъ судьбы всея Руси. Тогда-то и происходило чтеніе „воззв. къ б. к.“ въ первоначальномъ его видѣ. (Надо вамъ сказать, что Мих., знавшій уже отъ меня, что въ Москвѣ есть возможность печатать безъ цензуры, на томъ станкѣ, на которомъ отпечатана была книга о Корфѣ [2]), и предварительно переговоривъ съ Ч.,

[1]) М. П. Михайловъ.

[2]) Сочиненіе Огарева—„14 декабря 1825 г. и императоръ Николай“, изд. въ Лондонѣ, въ 1858 г., было напечатано въ Москвѣ въ 1861 г.

привезъ меня къ Ч. именно съ той цѣлью, чтобы переговорить о возможности напечатанія воззванія). О впечатлѣніи, какое произвело на меня это воззваніе, я уже говорилъ... Я не былъ въ состояніи ничего отвѣтить Чскому. Я окончательно, что называется, потерялъ голову, исчезъ, какъ Семелла въ величіи Юпитера. Замѣтивъ это (т. е. не Семеллу и Юпитера, а мое плачевное состояніе), Мих. увезъ меня отъ Ч., захвативъ съ собою и рукопись воззванія.

„На другой день утромъ мы вмѣстѣ съ М. еще разъ прочли воззваніе. Впечатлѣніе было уже совершенно иное. Мнѣ просто было тошно слушать этотъ аннибальскій призывъ къ рѣзнѣ... Михву тоже очевидно было неловко и тяжело. Одинъ Шлгновъ, тоже присутствовавшій на чтеніи, скакалъ и восклицалъ, какъ Давидъ передъ ковчегомъ завѣта... Много и долго говорили мы съ Мвымъ объ этомъ воззваніи. Оба мы признавали полную необходимость помочь, какъ умѣемъ, крестьянскому горю, вразумить мужика, что его—какъ намъ казалось тогда — во многомъ обошли и обманули; но вразумить вовсе не съ тѣмъ, чтобы онъ съ топоромъ въ рукахъ сталъ добывать себѣ „землю и волю“; поэтому мы положительно осудили текстъ воззванія, составленнаго Чскимъ. Мы покончили, наконецъ, тѣмъ, что Мих. долженъ былъ отправиться къ Чскому съ положительнымъ отказомъ, съ моей стороны, способствовать напечатанію брошюры, если въ ней не будутъ сдѣланы предложенныя нами измѣненія и поправки.

„Мих. съѣздилъ къ Ч., и что они тамъ говорили—не знаю. Въ слѣдующее свиданіе наше Мих. сказалъ, что Ч. съ трудомъ согласился на измѣненія, говоря, что, напротивъ, слѣдовало бы усилить тонъ, но что ужъ если *нельзя* печатать брошюру въ томъ видѣ, какой онъ проектировалъ, онъ, пожалуй, сдѣлаетъ измѣненія, только ужъ за успѣхъ не ручается, и даже думаетъ, что въ *такомъ видѣ* прокламація будетъ совсѣмъ безполезна (скептицизмъ).

„Прошло нѣсколько дней. Домашнія дѣла отозвали меня въ Москву. Я уѣхалъ, не дождавшись измѣненной брошюры.

„Въ Петерб. остался Сороко, пріѣхавшій вмѣстѣ со мной для распродажи своего изданія [1]) и стоявшій на одной квартирѣ со мной.

[1]) Названной книги Огарева.

„Черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ вдругъ я узнаю стороной, что Сулинъ разсказывалъ какому-то своему пріятелю, будто Ч. поручилъ ему (Сулину) отпечатать одну чрезвычайно важную брошюру. Извѣстіе это, дошедшее до меня, можетъ быть, уже черезъ двадцатыя руки, очень понятно, и удивило меня, и встревожило. Я сейчасъ же отыскиваю Сна—и узнаю слѣдующее: Ско, оставшись въ Пб. для окончанія своихъ дѣлъ, отыскиваетъ Миха и, явившись къ нему познакомиться отъ моего лица, рекомендуетъ себя однимъ изъ владѣльцевъ тайнаго станка. Михайловъ отдалъ ему рукопись воззванія, „какъ человѣку, который говорилъ ему, что имѣетъ возможность напечатать рукопись въ Москвѣ“ (такъ, à peu près Мих. говоритъ въ своемъ показаніи, которое я запомнилъ очень хорошо; но сенатъ принялъ во вниманіе не совершенно одинаковое показаніе двухъ лицъ, которыя не могли и не имѣли никакой надобности стакнуться между собою, а совершенно невѣроятное показаніе самого Срко), и, отдавая рукопись, „желалъ, чтобъ она была напечатана“. Но это только *офиціальныя* показанія. Въ самомъ же дѣлѣ вотъ какъ было: познакомившись съ С-кой, Мих. повезъ его къ Чскому, и уже самъ Чскій, лично, передалъ Сорокѣ и рукопись воззванія, и деньги (200 р.) для ея напечатанія. Когда я пришелъ къ Сну, я увидѣлъ, что деньги эти тратились совсѣмъ не на то, на что онѣ были даны Чскимъ. Но, вѣроятно, устыдившись моихъ нареканій, С. и С. сейчасъ же принялись за приготовленіе къ устройству станка. Шрифты и станокъ немедленно были куплены, помѣщеніе я далъ имъ у себя наверху—и работа началась. Тутъ я не могу не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, „слѣдствіемъ обнаруженныхъ“. Сулинъ показалъ, что я „обѣщалъ помочь его положенію“, если онъ, Слнъ, „согласится, въ свою очередь, оказать содѣйствіе къ напечатанію одной бездѣлицы“... и Слнъ согласился, будто бы даже не полюбопытствовавъ у меня, что это за бездѣлица. Посмотримъ теперь, что же это было за содѣйствіе, за которое я, повидимому, обѣщалъ заплатить Слну такъ щедро, ибо какимъ-нибудь пятиалтыннымъ помочь бѣдственному положенію человѣка нельзя же. А по показанію Слна (на которомъ, очевидно, основанъ и приговоръ судей)—только наборомъ пяти или шести строкъ, потому что, когда Слнъ набралъ эти пять-шесть строкъ, я будто бы сказалъ, что теперь я выучился набирать и *могу обойтись безъ него*.

Какъ все правдоподобно,—не правда ли? Но пойдемъ далѣе. Когда получена была предостерегательная записка, я (по тому же показанію) принялся за *уничтоженіе* станка (должно, принялся его жевать и проглатывать); но при этомъ я (будто бы) хотѣлъ сохранить набранныя строки, но Сулинъ схватилъ ихъ (схватилъ!) и разсыпалъ... а потомъ взялъ нѣкоторыя части машины (да вѣдь я же принялся за ея *уничтоженіе*) и перевезъ на квартиру Кистера. Хорошо. Стало быть, станокъ, частью мною *уничтоженный*, частью отвезенный на квартиру Кистера, работать не могъ. Зачѣмъ же мнѣ было желать сохраненія набранныхъ строкъ, тѣмъ болѣе, что ихъ было набрано такъ мало? Могъ ли, наконецъ, я желать сохраненія у себя чего-либо, могущаго компрометировать, если я, по показанію Слна, такъ искренно повѣрилъ его предостерегательной запискѣ, что *немедленно принялся за уничтоженіе станка*, т. е. сталъ его жевать и проглатывать? Се pauvre diable—Сулинъ, конечно, впопыхахъ не могъ сообразить всей нелѣпости своихъ показаній: его въ продолженіе всего слѣдствія била лихорадка; но послушайте,—что же patres conscripti?.. Но мы никогда не кончимъ, если я буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ нашего дѣла (у меня нѣтъ на это ни времени, ни охоты). Поэтому, „оставивъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“, мы переходимъ къ другой брошюрѣ, озаглавленной такъ же вычурно, какъ и первая: „Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ“.

„Призывая крестьянъ къ бунту (если и не прямо, то возбуждая между ними такіе вопросы, къ разрѣшенію которыхъ крестьянинъ, очевидно, не могъ найти другого средства, кромѣ топора), составители манифеста естественно должны были позаботиться о томъ, что противопоставить тѣмъ мѣрамъ, которыя правительство приметъ для подавленія бунта. Съ Чскаго довольно было только заварить кашу; какъ и кому придется ее расхлебывать, объ этомъ онъ не заботился. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое вѣрное орудіе пр-ва есть солдатъ. Стало быть, надо дѣйствовать на солдата, надо его сманить на крестьянскую сторону. И вотъ проектируется „Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброж. поклонъ“. Манифестъ этотъ берется составить Шелгуновъ. Но изъ его писаній вышло чортъ знаетъ что,—такая чепуха, что въ ней и мужикъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ.

Недовольные этимъ опытомъ, пробовали и мы съ Мих. написать что-нибудь, но у насъ вышло едва ли даже не хуже. У Млова — какой-то философскій трактатъ, вродѣ пресловутаго dei doveri degli Uomini, а у меня—не то полковой приказъ, не то марсельеза. Такъ что, за неимѣніемъ лучшаго, поневолѣ приходилось удовольствоваться произведеніемъ Шнова. Между тѣмъ самъ авторъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что его воззваніе есть именно то, „что нужно солдату“. И чтобы убѣдить насъ въ этомъ, предложилъ мнѣ походить вмѣстѣ съ нимъ по солдатамъ, поговорить съ ними и, если представится возможность, прочесть имъ воззваніе, чтобъ посмотрѣть, какое оно произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Сказано — сдѣлано. Шел. пошелъ въ однѣ казармы, меня послалъ въ другія. Сговорились сойтись въ какой-то харчевнѣ. Но я, конечно, не пошелъ въ казармы (вы знаете, что особеннымъ удальствомъ я вообще не отличаюсь), а, побродивъ по улицамъ, пришелъ прямо въ харчевню, гдѣ уже сидѣлъ Ш. со своими знакомыми солдатами. Я, поздоровавшись съ Ш., подсѣлъ къ нимъ и молча слушалъ ихъ мудрую бесѣду. Ш. заносился; солдаты были такіе глупые, глупые,—пыхтѣли за чаемъ и поддакивали, какъ видно, ровно ничего не понимая и, всего скорѣе, не слушая. Мнѣ (признаюсь въ своей трусости) была крайне непріятна эта глупая и опасная комедія,—и я скоро уговорилъ Ш. уйти изъ харчевни. Дорогой онъ сообщилъ мнѣ, что солдаты слушали его съ восторженнымъ участіемъ и сдѣлали ему много очень дѣльныхъ замѣчаній; а я—что его знакомаго солдата не нашелъ, а другіе, съ которыми я пробовалъ-было заговаривать, чуть меня не приколотили. Я поздравилъ его съ успѣхомъ; онъ посмѣялся надъ моей трусостью и неспособностью къ политическому агитаторству... Таковы были наши экспедиціи въ полярныя страны. Ну, потомъ Ш., вразумленный опытомъ, еще разъ десять переписывалъ свое посланіе; Мих. поубавилъ въ немъ метафизики, повыкинулъ слишкомъ яркіе санкюлотизмы,—и я взялъ рукопись съ собою. Впрочемъ, мнѣ, всетаки, это посланіе не нравилось, особенно начало, гдѣ доказывалась несправедливость завладѣнія Польшей, было, по моему мнѣнію, очень глупо. То есть не глупо само по себѣ, но глупо обращенное къ солдату, не имѣющему ровно никакого понятія ни о народномъ правѣ, ни объ „исторической необходимости“...

„Ну, теперь *посланіе третье*.—Вы знаете, что у насъ на Руси есть общины, внѣшнія формы которыхъ довольно близко подходятъ къ идеалу коммуны. Это раскольники, на которыхъ съ такой любовью останавливаются наши современные реформаторы. Отреченіе отъ собственности (у духоборцевъ), общее пользованіе женами на б . . . . омъ положеніи, отвращеніе отъ наружныхъ обрядовъ церкви, неуваженіе къ предписаніямъ гражданской власти и пр., и пр.—вотъ тѣ attraits, которые привлекаютъ къ русскому расколу любовные взгляды нашихъ коммунистовъ. Они, конечно, не могутъ не видѣть во всемъ этомъ одного тупого религіознаго фанатизма: они очень хорошо понимаютъ, что ненависть къ наружной церкви явилась у раскольниковъ не потому, чтобъ имъ были тѣсны формы, данныя Никономъ, но потому, что эти формы не во всемъ соотвѣтствовали заскорузлому преданію; люди, провозгласившіе расколъ свободою отъ оковъ, наложенныхъ формами, не могли забыть фанатической привязанности раскольниковъ къ своимъ старымъ книгамъ, къ своимъ копченымъ образамъ, къ своему двуперстному знаменію; въ этихъ тупыхъ изувѣрахъ, которые считаютъ для себя оскверненіемъ даже пить воду изъ одного колодца съ „погаными“ никонцами, они никакъ не могутъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣть людей, руководящихся правиломъ: что „въ сущности всѣ люди равны, ибо всѣ равно грѣшны и всѣ подлежатъ искушенію“. Нѣтъ, не *„живая сила духа“* дорога мнѣ въ расколѣ, а дорога его непримиримая фанатическая ненависть къ обществу; дорого то, что они называютъ „позываніемъ ума и совѣсти и всего человѣка къ свободѣ“, но что для „имѣющихъ уши слышати“ значитъ то, что въ расколѣ никогда не умиралъ зародышъ пугачевщины. Поэтому для нашихъ агитаторовъ расколъ есть желанный и ожидаемый Мессія бунта.

„Само собою разумѣется, что мы не забыли *подоброжелательствовать* и расколу. „Поклонъ старообрядцамъ“ былъ составленъ тѣмъ же „доброжелателемъ“, который составлялъ и манифестъ къ крестьянамъ. Жаль, что онъ не сохранился у меня. Онъ былъ писанъ мною подъ диктовку Чекаго (жаль, что нѣтъ ни охоты, ни мѣста, ни времени, а то я разсказалъ бы вамъ, съ какими смѣшными предосторожностями совершалось это таинство... но—увы! ничто же тайно есть, еже не откроется),—и я сжегъ его вмѣстѣ со многими другими бума-

гами, во время торговъ съ Николкой [1]) о доносѣ. Впрочемъ, это была страшная дребедень—скучная, сухая, длинная рацея; во время ея писанья я съ трудомъ преодолѣвалъ сонъ. Помнится, это было безконечное разглагольствованіе во вкусѣ Ламеннэ; нелѣпая болтовня объ антихристѣ и его печатѣхъ, пересыпанная самой наглой лестью и самыми лживыми обѣщаніями...

„Такимъ образомъ мы, казалось, ничего не упустили изъ виду... кромѣ одной мудрой пословицы: не шути огнемъ—обожжешься...

„А вы, Чскій, забыли еще одну пословицу, тоже очень глупую. Когда-нибудь я вамъ ее припомню.

„Это было во время второй моей поѣздки въ Птб.,—кажется, во время *послѣдней добровольной* поѣздки... съ тѣхъ поръ—но эта исторія еще впереди.

„Во время самаго печатанія манифеста къ крестьянамъ Чскій посѣтилъ меня въ Москвѣ, сдѣлалъ кое-какія поправки въ текстѣ воззванія и, оставшись доволенъ работою, благословилъ меня на новые и новые подвиги...

„Потомъ, какъ вы уже знаете, я бросилъ печатаніе брошюры, не кончивъ ея. Мих. уѣхалъ за-границу. Этимъ роль моя политическаго агитатора и кончилась... навсегда.

„Весна и лѣто прошли тихо. Я предпринялъ изданіе исторіи всемірной литературы и, углубившись въ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ, совсѣмъ-было забылъ о крестьянахъ барскихъ и о солдатахъ царскихъ,—какъ на меня былъ сдѣланъ доносъ Николкой... Меня взяли. Судили. Приговорили и вотъ...

„Вотъ и все.

„Т. е. все, о чемъ я хотѣлъ и обѣщалъ писать вамъ. А тамъ—что пережилось, что передумалось въ это время, это... что говорить объ этомъ! Это ужъ *мое* дѣло. Были у меня и другія столкновенія и съ этими, и со многими другими людьми... „Суть же и́на многа, яже сотвори, яже аще бы поединому писана быша, ни самому мнѣ всему міру вмѣстите пишемыхъ книгъ“...

„И обѣщалъ написать вамъ комментарій на производство

[1]) Братъ Всеволода Костомарова, Николай, который, по его словамъ, донесъ на него въ 1861 г., не получивъ просимой за недоносительство суммы.

моего дѣла въ сенатѣ. Ну вотъ онъ вамъ. Теперь выводите, меня ли слѣдовало бы подвергнуть наказанію за *составленіе* „возмут. воззв. къ б. к.“, меня ли должно было признать „*зачинщикомъ* содѣяннаго преступленія, управлявшаго дѣйствіями онаго“... Не говорю ужъ о другихъ обвиненіяхъ: логичность ихъ говоритъ сама за себя. Вотъ, напримѣръ, образчикъ: „К-въ по собственному его сознанію (любопытно было бы мнѣ прочесть это *собственное* сознаніе) и обстоятельствамъ дѣла (о!!!) *оказывается* (!!!) виновенъ въ участіи въ... (въ чемъ бы вы думали?) въ **составленіи** и распространеніи разбора книги бар. Корфа“ и т. д. Какъ это вамъ нравится? *Я оказываюсь* (разумѣется, какъ положительно это говорится) виновенъ въ *составленіи* книги, напечатанной давнымъ-давно за-границей, *съ именемъ автора* (Огаревъ), и только *перепечатанной* въ Москвѣ, да и то въ то время, когда я жилъ въ Петербургѣ. (Когда я пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ Сулинымъ, допечатывался уже *послѣдній* листъ разбора). Или вотъ еще: *По 6-й категоріи* (насъ раздѣлили на 7 категорій по числу гимназическихъ классовъ или, можетъ быть, по числу чиновъ небесныхъ) К-въ состоитъ подсудимымъ за... **распространеніе** воззваній „къ барскимъ крестьянамъ“ и „къ солдатамъ!“ За *распространеніе воззваній*, которыхъ (это ужъ точно, по обстоятельствамъ дѣла *оказалось*) не было отпечатано ни одного экземпляра и которыхъ даже въ рукописи ни у кого не было найдено [1]).

„Ну, да будетъ, — всего не пересчитаешь. Да и незачѣмъ.

„Итакъ, вотъ вамъ истина во всей наготѣ ея, — истина, которой я не позволилъ прикрыть никакимъ фиговымъ листкомъ даже самыхъ зазорныхъ частей тѣла...

„Но, — спросите вы меня (т. е. я это предполагаю, въ самомъ же дѣлѣ вы, вѣрно, не спрашиваете, потому что болтовня моя надоѣла вамъ давно), — какую роль я игралъ во всей этой комедіи *съ переодѣваніемъ*, которая, однако, для меня окончилась такъ трагически? Что же руководило мною? Желанье ли втереться въ кружокъ, въ который не пускали безъ извѣстнаго лозунга; желанье ли пощеголять въ роли политическаго агитатора; наконецъ, можетъ быть, искреннее сознаніе въ по-

[1]) Невѣрно: къ солдатамъ напечатана, а къ крестьянамъ шла, въ рукописи, въ официальное дѣло Костомарова.

лезности всѣхъ этихъ прокламацій? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—„Ну такъ что же?“—Mais si voulez savoir ce que c'est... demandez—le au pourceau qui voit le vent!.. (quoique cette figure est banale et stupide, mais elle est empruntée on psaumes).

„Sur ce, mon ami, en vous souhaitant tous les biens possibles et impossibles.

Je suis
celui, qui Suis.

„PS. Письмо это я имѣю случай написать и послать вамъ, что называется, „воровскимъ манеромъ“; завтра или послѣзавтра буду писать къ вамъ ужъ *открыто* и тогда поговорю съ вами о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и о кое-какихъ порученіяхъ, о которыхъ я хочу просить васъ. Valete... et plaudite“ [1]).

III.

Зная, что, кромѣ самого Костомарова, долженъ еще вскорѣ появиться и документъ, вполнѣ подтверждавшій приведенное письмо, III Отдѣленіе озаботилось, съ одной стороны, обѣлить Костомарова передъ общественнымъ мнѣніемъ, а съ другой—внушить комиссіи сознаніе, что тотъ документъ, который скоро предстанетъ предъ нею, еще пустякъ въ сравненіи съ другими, которые есть у Костомарова, но запрятаны имъ очень далеко...

Съ этою цѣлью братъ Костомарова, Алексѣй, прислалъ Потапову письмо, въ которомъ сообщалъ о полученіи на его имя, во время его отсутствія изъ Москвы, какого-то пакета, по вскрытіи котораго оказался листъ, исписанный какими-то цифрами... Потаповъ отложилъ этотъ листъ до прибытія Всеволода Костомарова въ Петербургъ... Когда послѣдній прибылъ въ столицу и былъ помѣщенъ уже не въ крѣпость, а въ комфортабельные аппартаменты III Отдѣленія, ему предложили дешифрировать присланное братомъ.

Вотъ что писалъ какой-то *И. С.* Алексѣю Костомарову:

„26 января. Г. Костомаровъ.—совершенно нечаянно до меня

[1]) Г. Рейнгардтъ сообщаетъ объ этомъ письмѣ совершенно невѣрныя свѣдѣнія (см. „Русск. Стар.“ 1905 г., II, 463). А ужъ совсѣмъ что-то непонятное и спутанное сообщилъ, со словъ какого-то товарища Чернышевскаго по ссылкѣ, г. Пекарскій въ № 77 „Нашей Жизни“ за 1905 г.

дошли слухи, что вы уже давно ищете меня съ письмомъ отъ брата вашего, въ которомъ онъ поручаетъ взять у меня ввѣренный имъ конвертъ съ бумагами извѣстнаго вамъ содержанія. Очень жалѣю, что я не могъ ни его посѣтить въ Сущ. ч. [1]), ни встрѣтиться съ вами послѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ едва ли даже и предстояла какая-нибудь надобность послѣ того, какъ съ заключеніемъ въ крѣпость братъ вашъ совершенно пересталъ нуждаться въ довѣренныхъ имъ мнѣ бумагахъ, ибо не можетъ уже (извлечь?) изъ нихъ той нравственной пользы, какую онѣ приносили ему, когда онъ былъ на свободѣ. Но, если вы найдете возможность, увѣрьте брата вашего, что бумаги его будутъ у меня цѣлы, какъ нигдѣ, и что я строго и свято держу данное мнѣ слово возвратить ему эти бумаги тотчасъ же, какъ онъ самъ будетъ возвращенъ обществу и, стало быть, получитъ возможность дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое до сихъ поръ дѣлалъ, а не то, какое по слабости природы человѣческой могъ бы сдѣлать теперь, въ минуту отчаянія и скорби.

„Я повторяю его же слова, которыя онъ сказалъ мнѣ, отдавая эти письма: онъ благородно созналъ, что обезсиленный страданіями, самый честный человѣкъ можетъ быть иногда очень неразборчивъ въ средствахъ къ своему спасенію,—чего потомъ уже никогда не проститъ себѣ, и, презираемый самимъ собой, отвергнутый (всѣми?) честными людьми, всю жизнь свою будетъ мучительно раскаиваться въ своей малодушной слабости. Вотъ это-то благородное сознаніе и заставило многоуважаемаго братца вашего отдать бумаги свои человѣку, образъ мыслей котораго былъ ему, конечно, извѣстенъ, но настоящей фамиліи и адреса котораго онъ не зналъ,—чтобы отнять у себя такимъ образомъ всякую возможность сдѣлать подлое дѣло на „пристрастномъ опросѣ“, который, къ стыду нашему, уничтоженный de jure, продолжаетъ существовать de facto. Все это я къ тому говорю, чтобъ показать вамъ (что?) мой образъ дѣйствій вполнѣ согласуется съ желаніемъ братца вашего и, я увѣренъ, не можетъ быть ему непріятенъ. Да и оставя все это, онъ самъ же связалъ меня клятвой, нарушить которую меня не заставитъ ничто: въ силу этой клятвы, я обязанъ

[1]) По отправкѣ въ крѣпость Костомаровъ сидѣлъ въ концѣ 1862 года въ Сущевской части Москвы

возвратить письма брату вашему немедленно по его водвореніи (тамъ?), куда онъ будетъ посланъ въ солдаты. И я сдержу свое слово, ибо, благодаря Бога, до сихъ поръ никогда не нарушалъ его. Тогда я умываю руки. Мое дѣло будетъ сдѣлано, а тамъ братецъ вашъ можетъ сдѣлать со своими письмами, что ему угодно. Мы внимательно слѣдимъ за судьбою его (потому что принимаемъ въ немъ большое участіе), и, повѣрьте, что, куда бы судьба ни забросила его, письма, довѣренныя мнѣ имъ, немедленно найдутъ его. Я сегодня же долженъ уѣхать изъ Москвы, по дѣламъ своимъ, мѣсяца на три; а то, повѣрьте, никакъ бы не отказалъ себѣ въ удовольствіи познакомиться съ вами. Но это, конечно, не помѣшаетъ мнѣ знать все о братѣ вашемъ; я буду къ нему даже нѣсколько ближе. *И. С.*"

Итакъ, ясно,—думало III Отдѣленіе: все, что расторопнымъ Чулковымъ найдено у Костомарова при обратномъ слѣдованіи *въ* Петербургъ, все это вовсе не было съ нимъ по дорогѣ *изъ* Петербурга и тѣмъ болѣе въ крѣпости, а получено вернувшимся раньше, по какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ, въ Москву „И. С"., и „честный Костомаровъ" даже при всемъ желаніи свалить свою вину на другихъ, во время хода его процесса, не могъ этого сдѣлать, потому что еще раньше отдалъ всѣ компрометирующіе другихъ документы въ посторонніе, но вѣрныя руки...

Какъ я уже сказалъ, Чулковъ и Костомаровъ прибыли въ Петербургъ 10 марта. Тотчасъ способный капитанъ явился къ Потапову и, разсказавъ ему, какъ было дѣло, вручилъ извѣстный читателю доносъ Яковлева и все „найденное" при Костомаровѣ. Почему Потаповъ обманулъ комиссію, послалъ ей доносъ Яковлева, какъ полученный имъ яко бы отъ него самого,—неизвѣстно; вѣдь по позднѣйшимъ бумагамъ эта ложь, какъ на ладони. На слѣдующій день, 11-го, онъ сообщилъ комиссіи о рапортѣ Чулкова и послалъ всѣ отобранные у Костомарова документы.

Особенно драгоцѣненъ былъ одинъ уже пожелтѣвшій листочекъ, на одной сторонѣ котораго видны были написанные рукой Костомарова какіе-то стихи и подборъ рифмъ, а на другой—рукой, *похожей* на почеркъ Чернышевскаго, карандашомъ значилось буквально слѣдующее: „В. Д. Вмѣсто „срочнообяз." (какъ это по непростительной оплошности поставлен

у меня) набирайт вездѣ „временнообяз.“, какъ это называется в положеніі. Вашъ Ч.“ Послѣдняя буква сдѣлана весьма неискусно и очень походитъ больше на „С“. Я долго сравнивалъ почеркъ записки съ почеркомъ Чернышевскаго и *категорически утверждаю, что поддѣлки не удалась.*

Затѣмъ два письма Чернышевскаго къ Костомарову.

1. Отъ 20 апрѣля 1861 г. „Вчера моя жена видѣла, Всеволодъ Дмитріевичъ, одного юношу, который, отправляясь заграницу, нуждается въ спутникѣ-руководителѣ его неопытнаго ума. Этотъ юноша показался женѣ порядочнымъ человѣкомъ. и она выразила ему предположеніе, что спутникомъ его, быть можетъ, согласитесь быть Вы. Онъ очень обрадовался и далъ намъ адресъ своего брата, живущаго въ Москвѣ, съ которымъ Вы можете переговорить относительно условій и т. д. Онъ напишетъ къ брату, а меня просилъ написать Вамъ. Вотъ адресъ юношина брата: въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Скворцова, Григорій Григорьевичъ Устиновъ. Пожалуйста, повидайтесь съ этимъ Г. Г. Устиновымъ, — быть можетъ, Вы и сойдетесь. Вашъ *Н. Чернышевскій*“.

2. Отъ 2 іюля 1861 г. „Добрый другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, Ваша пьеса „Мостъ взлоховъ“ (или, какъ это иначе называется? объ утопленницѣ-то) печатается въ VII книжкѣ „Современника“ (за іюль). О Вашей благотворительности въ пользу дворовыхъ пишу къ Алексѣю Николаевичу [1]).—Но что-то подѣлываете Вы въ свою пользу? Я все возвращаюсь къ мысли объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ. У меня теперь тамъ, кромѣ Котляревскаго, есть еще добрый знакомый, Свириденко, человѣкъ вполнѣ порядочный, подобно Котляревскому (хоть Алексѣй Николаевичъ его и не долюбливаетъ, говоря попросту, но вѣдь это только несходство темпераментовъ и пріемовъ, а люди они очень хорошіе). Мнѣ хотѣлось бы познакомить Васъ съ ними,—конечно, въ томъ случаѣ, еслибы Вы думали похлопотать при ихъ содѣйствіи объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ.

„Спѣшу, по обыкновенію,—и опять выходитъ отъ этого лапидарный слогъ. Жму Вашу руку. Вашъ преданный *Н. Чернышевскій*“.

Три письма М. И. Михайлова къ Всеволоду Костомарову

[1]) Плещееву, жившему въ Москвѣ.

привелъ выше, въ статьѣ „Процессъ М. И. Михайлова“. Приведу еще письмо къ Костомарову А. Н. Плещеева отъ 3 іюня 1861 года:

„Дражайшій полиглотъ!

„Во-первыхъ, напишите мнѣ тотчасъ же по городской, что цензурный комитетъ и прошеніе наше? [1]). Вы объ этомъ меня не увѣдомили. Крыжовъ вашъ дачу смотрѣлъ, но у меня не былъ. Записку отдала мнѣ бабуся. Дѣло въ томъ, что вы, кажется, напутали. Соколовъ вѣдь самъ будетъ жить и хочетъ сдать только комнату, а Крыжовъ разсчитываетъ, вѣроятно, на всю избу. Вы ему скажите, чтобъ онъ побывалъ у Соколова, если онъ не церемонный господинъ. (Въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ Успенья на Могильцахъ, домъ Копановскаго).

„Въ субботу жду васъ непремѣнно. У меня созрѣлъ еще проектъ изданія. Стихъ одинъ написался. А вы ужъ, чай, въ эту недѣлю цѣлую библіотеку наваляете. Зачѣмъ вы Шеллея [2]) нѣмецкаго увезли? Это гнусно съ вашей стороны. Реализмъ прочелъ. Хорошо составлено, но о Мейснерѣ мало. Больше о Грековѣ. Привезите Шеллея; я жду Агастора. Я писалъ къ Чернышевскому—если онъ отвѣтитъ черезъ васъ,—то дайте знать. Изъ Гартмана я перевелъ двѣ странички (freі bearbeitet), но къ вашему пріѣзду, авось, еще переведу. Скучно ужасно, и потому именно скучно, что это *служба*, что хочется другое дѣлать. А очень, кажется, его путешествія замѣчательны, только не все идетъ въ географическую книгу. Будьте здоровы. Что переведете—привезите,—прочтемъ. Если я буду раньше, то заѣду къ вамъ и васъ увезу. Это можетъ случиться.

„Весь вашъ *А. Плещеевъ*“.

IV.

Итакъ, 7 марта комиссія узнала, что наконецъ-то III Отдѣленіемъ найденъ путь къ вѣрному обвиненію Чернышевскаго по любому числу преступленій. Въ этотъ-то день она и получила письмо Н. Г. къ коменданту Сорокину... Очевидно каждому, какъ она могла реагировать теперь на подобный документъ.

[1]) Они просили о разрѣшеніи имъ какого-то періодическаго изданія.
[2]) Вмѣсто Шелли (Schelley).

9-го Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько листовъ рукописи перевода Гервинуса. Значитъ, Чернышевскій работалъ, несмотря на все больше обострявшіяся отношенія со своими обвинителями.

10-го, въ день въѣзда въ Петербургъ Костомарова, ничего еще не подозрѣвавшій Н. Г. писалъ Сорокину: „Я не понимаю, Ваше Превосходительство, чего добиваются господа, упорствующіе не отвѣчать мнѣ. Чего они хотятъ? Прошу ихъ бросить шалить,—извольте взглянуть на подчеркнутыя мною строки письма моей жены отъ 8-го марта. Вы видите, что здоровье бѣдной женщины разстраивается съ каждымъ днемъ отъ каприза какихъ-то шалуновъ. Прошу ихъ отвѣчать мнѣ, чтобы не отвѣчать передъ правительствомъ, которое раньше или позже пойметъ, какую плохую шутку играютъ надъ нимъ эти шалуны. Что это за мальчишество въ людяхъ, которымъ правительство поручаетъ важныя обязанности? Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*. P. S. Шутя, по своей обыкновенной догадливости, шалуны опять вздумаютъ задерживать письма моей жены и мои, какъ столько разъ принимались дѣлать,—не совѣтую имъ дѣлать этого".

Но теперь комиссія уже не намѣрена была спускать Чернышевскому все, что онъ прямо или косвенно писалъ по ея адресу. Теперь она хорошо понимала, что съ помощью Потапова сумѣетъ отомстить дерзкому арестанту за всѣ его издѣвательства и оскорбленія... На слѣдующій же день было положено просить коменданта крѣпости „сдѣлать Чернышевскому строгій выговоръ за неумѣстныя и неприличныя выраженія, употребленныя въ запискѣ, со внушеніемъ при томъ, что если онъ и на будущее время позволитъ себѣ неумѣстныя выраженія, то ему будетъ воспрещена всякая вообще переписка".

Когда комендантъ объявилъ письменно этотъ выговоръ, Чернышевскій написалъ на той же бумагѣ:

„Тѣ выраженія, на которыя комиссія выражаетъ свое неудовольствіе, употреблены были мною не по какому-нибудь желанію выражаться грубо,—этой наклонности нѣтъ въ моемъ характерѣ,—но это было нужно, чтобъ доказать, что я слишкомъ твердо знаю свою правоту, и что я очень хорошо понимаю отношенія, которыя, по винѣ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, имѣютъ такое тяжелое вліяніе на мою судьбу и—я имѣю

право просить вниманія къ этимъ слѣдующимъ моимъ словамъ—вводятъ правительство въ продленіе напрасной несправедливости. — Что касается до рѣшенія комиссіи сдѣлать мнѣ строгій выговоръ, то, не имѣя подъ руками свода законовъ, я не могу знать, имѣетъ ли она на это право,—если имѣетъ, то я не имѣю противъ этого ничего сказать, кромѣ того, что одними выговорами не должно ограничиваться, а слѣдуетъ вникать въ сущность дѣла и удовлетворять справедливымъ требованіямъ. — Что касается до угрозы воспретить мнѣ вообще переписку, то мнѣ кажется, что въ письмахъ моихъ женѣ и г. А. Пыпину (моему родственнику) очень давно не было ничего, дающаго основаніе для такой угрозы,—я въ этихъ письмахъ не выражалъ ровно никакихъ чувствъ или мнѣній, оскорбительныхъ для комиссіи, и, кажется, можно изъ этого видѣть, что я хорошо понимаю разницу между офиціальными записками, въ которыхъ высказываюсь прямо и вполнѣ, и моею частною перепиской, въ которой я соблюдаю канцелярскую тайну. Но важнѣе всѣхъ этихъ моихъ замѣчаній, имѣющихъ только формальное—не интересующее меня—значеніе, будетъ слѣдующее мое желаніе: пусть же, наконецъ, сдѣлаютъ по моему дѣлу то, что обязаны сдѣлать по закону и по совѣсти,—пусть же, наконецъ, прекратятъ несправедливость, тяжелую для меня, не приносящую ничего полезнаго правительству,—пусть вспомнятъ, что я испытывалъ всѣ пути для этого: пять мѣсяцевъ терпѣлъ молча, потомъ просилъ (въ письмахъ 20—22 ноября), наконецъ, вотъ уже три мѣсяца дѣйствовалъ возбужденіемъ самолюбія, обидчивости,—и все было до сихъ поръ напрасно. Неужели же въ самомъ дѣлѣ никакъ и ничѣмъ не можетъ добиться у насъ человѣкъ, чтобы ему оказана была справедливость? Отставной титул. совѣтникъ *Н. Чернышевскій.* 13 марта 1863. P. S. Можетъ, для формы нужно прибавить, и потому прибавляю: это отношеніе за № 61-мъ читалъ отстав. титул. совѣт. *Н. Чернышевскій*".

13-го съ Костомарова былъ снятъ первый допросъ.

Онъ показалъ, что воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, а потомъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, не кончивъ которое, поступилъ юнкеромъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ въ 1856 г. былъ произведенъ корнетомъ въ Смоленскій уланскій. Въ 1860 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Мать,

отца и двухъ сестеръ содержитъ на свой литературный заработокъ [1]). Жилъ въ Москвѣ, но часто пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Чина и званія Соколова, которому адресовалъ письмо изъ Тулы, не знаетъ, какъ и тогдашняго его адреса. Познакомился съ нимъ въ 1851 г., по рекомендаціи одного изъ своихъ учителей, и бралъ у него уроки греческаго и санскритскаго языковъ. Одно время былъ съ нимъ очень близокъ и неразлученъ. Въ 1859 г. они встрѣтились въ Парижѣ, гдѣ Соколовъ жилъ въ качествѣ гувернера въ какомъ-то русскомъ семействѣ. Писалъ ему туда до августа 1861 г., а потомъ ничего о немъ не слышалъ до декабря 1862 г. Въ это время Соколовъ посѣтилъ его ужъ въ Сущевской части, въ Москвѣ, гдѣ Костомаровъ, въ ожиданіи приговора, и обѣщалъ-де ему разсказать всю истинную подкладку своего дѣла.

Письмо свое онъ писалъ вовсе не для того, чтобы свалить вину на Чернышевскаго и Шелгунова. „Скрывъ отъ правительства настоящихъ виновниковъ преступленія, я совершенно сознаю всю виновность свою передъ закономъ, и поэтому я прошу комиссію въ настоящемъ отказѣ моемъ „представить доказательства на все написанное мною въ письмѣ къ Н. И. Соколову“—видѣть не желаніе остаться при своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій, а только физическую невозможность доказывать такія вещи, которыя большею частью происходили съ глазу на глазъ между мною и обвиняемыми мною людьми или совершались въ присутствіи такихъ людей, фамиліи которыхъ были мнѣ или совершенно неизвѣстны, или въ настоящее время мною забыты. Если же изъ какихъ бы то ни было источниковъ комиссія найдетъ какое-нибудь стороннее подтвержденіе словамъ моимъ, то и я, со своей стороны, изъявляю полную готовность подтвердить ихъ даже, если нужно, подъ присягой“.

[1]) Курьезно, что когда Костомаровъ увидѣлъ сильную перемѣну въ отношеніи къ себѣ въ литературномъ мірѣ, онъ сталъ присылать свои стихотворенія и статьи, подписываемыя разнообразными и всегда новыми псевдонимами, со всевозможными пріятелями, которые и называли себя авторами. Потомъ это было обнаружено, и постепенно печатать его уже никто не сталъ, кромѣ грязныхъ задворковъ. Любопытно также, что, принятый въ „Русскій Вѣстникъ“, онъ напечаталъ свой „Сонъ Евгенія Арамаки“ какъ разъ рядомъ съ гнусной „Замѣткой для издателя „Колокола“ Каткова

Сколько въ этомъ тонкости и знанія обстоятельствъ...

Знакомство его съ Михайловымъ было чисто литературное. „Что же касается до моего выраженія, что „мы *пошли съ нимъ въ разныя стороны*“, то я теперь повторю то же, что писалъ въ письмѣ Соколову, т. е. что „говорить объ этомъ нечего“... особенно послѣ настоящаго приключенія съ этимъ письмомъ (sic!). Впрочемъ, пусть лучше первый камень въ меня будетъ брошенъ самимъ мною, а не другими. Вотъ въ чемъ въ настоящее время мы *не сходимся* съ Михайловымъ: Михайловъ до конца остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и своимъ друзьямъ, а я сдѣлался врагомъ тѣхъ, которые называли меня своимъ другомъ, и навсегда отказался отъ того, на что когда-то смотрѣлъ, какъ на лучшую цѣль моей жизни... не потому, чтобы я струсилъ передъ опасностями этого пути, не потому, чтобы меня соблазнили пріятности другой дороги, болѣе торной,—а только потому, что я имѣлъ несчастіе убѣдиться вполнѣ, что мы сѣяли на совершенно безплодную почву. Михайловъ *до конца* вынесетъ на себѣ, вмѣстѣ со своимъ грѣхомъ, грѣхъ другихъ; а и въ своемъ-то грѣхѣ онъ признался только изъ состраданія ко мнѣ; а я, хотя и совершенно невольно, являюсь безъ всякой надобности обвинителемъ другихъ“. „Михайлову будутъ всѣ сочувствовать,—сознается Костомаровъ,—а меня отвергнутъ *всѣ*“. И, разумѣется, былъ вполнѣ правъ...

Когда Михайловъ везъ его къ Чернышевскому, то сказалъ, что тамъ они переговорятъ съ хозяиномъ о прокламаціи къ крестьянамъ. „Что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ“ сочинено Чернышевскимъ,—говорилъ мнѣ и самъ авторъ, говорилъ и Михайловъ“. Кто былъ тогда у Н. Г.—онъ не помнилъ уже. „Почеркъ прокламаціи мнѣ былъ незнакомъ“.

Свидѣтелей при передачѣ ему Михайловымъ разговора его съ Чернышевскимъ по поводу необходимыхъ измѣненій въ прокламаціи не было.

Когда Костомарову предъявили рукопись этой прокламаціи, онъ показалъ: „Это не та рукопись, которую читалъ Чернышевскій въ первое наше свиданіе,—это уже окончательная редакція манифеста, сдѣланная г. Чернышевскимъ, вслѣдствіе моихъ убѣжденій, и переданная г. Чернышевскимъ Сорокѣ. Переписана она Михайловымъ“ [1]).

[1]) Прокламацію эту я приведу дальше.

Съ Шелгуновымъ познакомился у Михайлова, жившаго тогда у него.

„О знакомствѣ моемъ съ Михайловымъ Сороко зналъ, а о воззваніи, написанномъ Чернышевскимъ, а равно и о самомъ Чернышевскомъ, разговора у насъ не было".

Сороко самъ ему разсказалъ, какъ былъ у Чернышевскаго и получилъ отъ него воззваніе и деньги на печатаніе. „Относительно *доказательствъ* повторяю: что не имѣю ихъ да и вообще не считаю возможнымъ представлять какія-нибудь доказательства на то, что говорится въ дружескомъ, частномъ письмѣ, а не писалось для судебнаго показанія"...

„Мы втроемъ (т. е. Костомаровъ, Михайловъ и Шелгуновъ.— *М. Т.)* разсуждали о манифестѣ къ крестьянамъ (на другой день моего перваго визита къ Чернышевскому) и потомъ всѣ трое принимались за составленіе воззванія къ солдатамъ. Шелгунову, какъ человѣку въ солдатскомъ дѣлѣ болѣе насъ компетентному, мы предоставили только формулированіе общей идеи. Развитіе этой идеи, примѣненіе ее къ венгерцамъ и полякамъ, наконецъ, тонъ всего посланія—неотъемлемо принадлежатъ одному Шелгунову. Рукопись его я получилъ отъ Шелгунова изъ рукъ въ руки при Михайловѣ". Писалъ Шелгуновъ измѣненнымъ почеркомъ: поправилъ потомъ Михайловъ.

Солдатъ, бывшихъ съ Шелгуновымъ въ трактирѣ, не знаетъ ни по полку, ни по фамиліямъ, но могъ бы узнать, пожалуй, въ лицо. Харчевню тоже, вѣроятно, нашелъ бы.

Привезя въ Москву прокламацію къ солдатамъ, Костомаровъ спряталъ ее въ столъ, откуда она была украдена братомъ его Николаемъ и представлена имъ въ III Отдѣленіе.

Воззваніе къ раскольникамъ писалось въ Петербургѣ, въ Знаменской гостиницѣ, весною 1861 г., разумѣется, безъ свидѣтелей, по крайней мѣрѣ, замѣтныхъ. Костомаровъ и потомъ никому никогда не показывалъ этой рукописной прокламаціи.

„Котораго мѣсяца и числа пріѣзжалъ Чернышевскій въ Москву во время печатанія воззванія—не помню. Гдѣ онъ останавливался, сколько времени прожилъ—не знаю. Я къ нему не ходилъ; Чернышевскій бывалъ у меня всегда одинъ и у меня никого не встрѣчалъ".

На вопросъ комиссіи, что это за литературная дѣятельность Чернышевскаго, о которой Костомаровъ хотѣлъ еще написать Соколову особо, — онъ отвѣчалъ: „Ни мое здоровье, ни

мое положеніе не позволяютъ мнѣ принять на себя такой обширный и такой щекотливый трудъ". „Я убѣдительнѣйше прошу комиссію обратить вниманіе на то, что въ письмѣ къ Соколову я высказывалъ только свой *личный* взглядъ на литературную дѣятельность Чернышевскаго (какъ публициста) и его школы (или кружка, какъ я неосторожно выразился въ письмѣ къ моему пріятелю, передъ которымъ, разумѣется, я не старался быть слишкомъ разборчивымъ и осмотрительнымъ въ выраженіяхъ); и я нисколько не намѣренъ упорно отстаивать непогрѣшимость моего мнѣнія, а, напротивъ, всегда готовъ согласиться съ тѣми, кто убѣдитъ меня въ противномъ"...

Бездна благородства и... подлости...

Что касается замѣчанія въ письмѣ къ Соколову о средствахъ „увязить Чернышевскаго", то Костомаровъ показалъ: „Въ рукахъ комиссіи, вѣроятно, уже находится записка Чернышевскаго, отнятая у меня, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ писемъ, сопровождавшимъ меня на Кавказъ капитаномъ Чулковымъ. Я полагаю (можетъ быть, я и ошибаюсь,—не знаю), что этой записки, еслибъ я представилъ ее въ комиссію (1-ю), было бы совершенно достаточно, чтобы сложить съ меня всякое обвиненіе въ *составленіи* воззванія къ барскимъ крестьянамъ".

На слѣдующій день Костомарова допросили о кое-какихъ мелочахъ. Такъ, кто нанималъ номеръ въ Знаменской гостиницѣ?—„Чернышевскій".—Какъ Яковлевъ могъ слышать ихъ бесѣду?—„Не понимаю".—Кого считалъ онъ жертвами науськиванія Чернышевскаго?—„Прежде всего самого себя, а потомъ всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей (лично мнѣ неизвѣстныхъ), которые агитировали, *какъ мнѣ кажется*, подъ вліяніемъ Чернышевскаго".—Какъ онъ получилъ карандашную записку?—„Чернышевскій заѣхалъ къ нему, но не засталъ дома, и написалъ на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги, оставивъ записку на столѣ".

Достаточно прочесть всѣ эти показанія, чтобы понять окончательно, съ кѣмъ имѣете дѣло. Ясно было, что Костомаровъ не постоитъ ни за чѣмъ и продастъ все на свѣтѣ, лишь бы исполнить обѣщанное Потапову...

V.

Наканунѣ перваго допроса Костомарова Чернышевскій послалъ коменданту сразу три записки.

Первая:

„Ваше Превосходительство, будучи очень благодаренъ Вамъ за Ваши прежнія хлопоты обо мнѣ, я теперь утруждаю Васъ новыми,—извините, но что-жъ дѣлать, когда шалуны доводятъ до этого?

„Я думалъ написать раньше двѣ записки, которыя прошу Васъ представить по начальству (не въ комиссію, потому что этотъ безтолковый омутъ совершенно глупъ, и имѣть съ нимъ дѣло значитъ только терять время,—нѣтъ, не въ комиссію, которая вѣдь и не начальство Вамъ,—а прямо по начальству),—но я въ эти дни былъ нѣсколько нездоровъ: болѣзнь была ничтожная, конечно, не имѣвшая вліянія на настроеніе моихъ мыслей; но, всетаки, могли бы сказать: онъ писалъ это въ болѣзненномъ раздраженіи. Я ничего не дѣлаю иначе, какъ по зрѣлому разсчету, и въ особенности никогда ничего важнаго не дѣлаю безъ разсчета. Потому я отправляю только нынѣ записки, которыя, еслибы не было у меня рѣдкаго терпѣнія, отправилъ бы еще въ прошлый вторникъ. Вчера былъ у меня докторъ и сказалъ, что моя болѣзнь совершенно прошла. Значитъ, можно и не говорить о болѣзненномъ раздраженіи.

„Первая записка, гдѣ я говорю о себѣ въ первомъ лицѣ, имѣетъ только полуофиціальную форму, и это потому, что иначе она вышла бы длинна. Если Вы найдете, что 6-й пунктъ ея имѣетъ видъ излишней угрозы, я предоставляю Вамъ право вычеркнуть его: Вамъ видиѣе, нужно ли повторять то, что я рѣшительно не хочу оставаться долго и не останусь въ настоящемъ моемъ положеніи—здоровье жены погибло бы все равно, а въ такомъ случаѣ мнѣ непріятно было оставаться гдѣ бы то ни было,—такъ или иначе, я буду свободенъ очень скоро [1]); но если напоминать объ этомъ лишнее, если въ этомъ достаточно убѣждены, то, конечно, не къ чему грозить лишній разъ.

[1]) Намекъ на смерть.

„Во всякомъ случаѣ смѣю увѣрить Васъ въ двухъ вещахъ: 1) я не буду ничего особеннаго дѣлать, не предупредивши Васъ, чтобы Вы могли заранѣе сложить съ себя отвѣтственность; 2) я не намѣренъ повторять того, что дѣлалъ однажды, потому что повтореніе скучно [1]).

„Правила, которыя Вы обязаны соблюдать, такъ дики, что, кажется, нѣтъ средства избавить Васъ отъ труда лично навѣстить меня, чтобъ я могъ узнать о ходѣ дѣла,—извините, что я обременяю Васъ этимъ, но это—единственное средство отклонить недоразумѣнія, конечно, непріятныя для Васъ, какія-было произошли однажды. На то, чтобы Вамъ имѣть случай для доклада и полученія отвѣта, я полагаю, достаточно будетъ, если я подожду три-четыре дня. Но Вы согласитесь, что нужно же знать потомъ, что намѣрены дѣлать, и слѣдуетъ ли ждать дальше.

„Я—человѣкъ очень мягкій, всегда любящій извиняться; потому прошу у Васъ извиненія въ томъ, что обременяю Васъ своими просьбами. Я очень цѣню Вашу добрую волю и очень радъ былъ бы жить смирно, какъ жилъ прежде, не дѣлая Вамъ хлопотъ. Но обстоятельства принуждаютъ меня, и потому не будьте въ претензіи на мою видимую безпокойность,—спросите прислугу,—я точно такъ же спокоенъ и отчасти веселъ, какъ всегда. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій.*

„P. S. Это мое письмо, конечно, ужъ совершенно неофиціальное; оно имѣетъ единственною цѣлью только показать собственно Вамъ, что Вамъ я очень благодаренъ и на Васъ нисколько не претендую, а, напротивъ, отчасти совѣщусь передъ Вами, что надоѣдаю Вамъ вещами, которыя могутъ казаться Вамъ странными, но въ самомъ дѣлѣ нисколько не странны".

Вторая:

„Ваше Превосходительство. Я хотѣлъ писать Его Свѣтлости длинную записку, но разсудилъ, что она именно своею длинностью могла бы затянуть развязку. Потому я предпочитаю просить Васъ при докладѣ Его Свѣтлости прилагаемой моей записки къ Вамъ—сообщить изустно Его Свѣтлости изъ сообщавшихся мною Вамъ моихъ мыслей, какія понадобятся

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о голодовкѣ.

по ходу Вашего разговора; изъ нихъ я осмѣливаюсь напомнить Вамъ тѣ, которыя, можетъ быть, важнѣе другихъ, и прибавить еще двѣ-три замѣтки, которыхъ я не сообщалъ Вамъ, потому что еще не видѣлся съ Вами послѣ того, какъ онѣ сдѣланы мною 23 февраля.

„1) Съ перваго же раза я говорилъ Вамъ, что меня арестовали по какимъ-нибудь пустымъ сплетнямъ; что тотчасъ по моемъ арестованіи лица, виновныя въ немъ, убѣдились, что слишкомъ сильно промахнулись своими сплетнями, и просто боятся сказать правительству, что ввели его въ ошибку; что поэтому они длятъ дѣло только съ тою цѣлью, чтобы самимъ выпутаться изъ него, заглушивъ его длинностью времени (я писалъ это однажды съ тою цѣлью, чтобъ комиссія прочла и увидѣла, что не смѣетъ потребовать у меня отказа отъ такого дурного для нея утвержденія моего, и чтобы въ моемъ дѣлѣ остался документъ объ этомъ).

„2) Вообще я дѣлалъ все возможное, чтобы возбудить комиссію вызвать меня для объясненій, для сдѣланія мнѣ замѣчаній,—съ этою цѣлью я нѣсколько разъ писалъ рѣзкія дерзости—это вовсе не въ моемъ характерѣ, но это было нужно, чтобы доказать ей, что она боится или совѣстится взглянуть мнѣ въ лицо. И, дѣйствительно, она уличила себя въ этомъ. Вы сами были свидѣтель, что отъ одного воспоминанія о моихъ рѣзкостяхъ корчились и теряли хладнокровіе,—значитъ, чувствовали ихъ; а вызвать для требованія отвѣта или для отреченія отъ нихъ—всетаки, не посмѣли ни разу. Комиссія можетъ объяснять такую ангельскую свою терпѣливость какими ей угодно причинами — пренебреженіемъ, снисхожденіемъ, но, конечно, никто изъ людей съ здравымъ смысломъ не повѣритъ возможности другого мотива, кромѣ того, который привожу я.

„3) Вѣрность этого моего объясненія терпѣливости комиссіи къ обидамъ отъ меня совершенно подтвердилась тѣмъ, что я видѣлъ во время разговора моего 23 февраля съ членами комиссіи: я началъ говорить, по своей привычкѣ, легко и шутя, любезно,—и лица членовъ приняли и сохранили во все время разговора выраженіе, говорившее: „Ну, слава Богу, какъ легко мы отъ него отдѣлываемся“; они могутъ признаваться или не признаваться въ этомъ,—какъ имъ угодно, но вѣдь я былъ въ очкахъ и потому видѣлъ выраженіе ихъ лицъ.

„4) Я официально заявилъ въ комиссіи при первомъ (и

единственномъ) моемъ допросѣ, что по окончаніи моего дѣла я подамъ жалобу на дѣйствія комиссіи.

„5) Прежде, чѣмъ въ эти послѣдніе дни я сталъ писать Вамъ записки съ дерзкими выраженіями о комиссіи (Вы теперь знаете цѣль этихъ рѣзкостей—заставить комиссію уличать себя саму въ томъ, что совѣстится или труситъ видѣть меня)—я два раза писалъ мягкія, формально-мирныя просьбы о разрѣшеніи мнѣ новыхъ свиданій съ моею женою.

„6) Да вообще я всегда начинаю мягко и мирно, желая избѣжать скандала; только вынуждаемый крайностью, я прибѣгалъ къ другимъ средствамъ; но въ этихъ другихъ средствахъ я съ каждымъ новымъ разомъ шелъ дальше и дальше. Теперь у меня въ запасѣ остается только одно изъ этихъ тяжелыхъ для меня средствъ,—не то, которое было употреблено мною въ концѣ января и началѣ февраля,—нѣтъ, повтореніе было бы скучно; этого послѣдняго моего средства я вовсе не желаю употреблять,—думаю, что мнѣ не придется употреблять его; но Вы согласитесь, что я не сталъ бы писать такъ, какъ пишу, еслибы не зналъ, что я ни отъ кого не въ зависимости, если такъ понадобится. Пожалуй, вычеркните эти строки, чтобы не было вида угрозы. Но неужели эти глупцы до сихъ поръ не поймутъ, что со мною шутить—вещь рискованная? (NB. Обыска не стоитъ производить,—у меня нѣтъ ни ядовъ, ни кинжаловъ, никакихъ подобныхъ штукъ,—я до нихъ вообще не охотникъ). Повторяю: я вовсе не угрожаю,—я только говорю, что я дѣйствую по разсчету: если я горячусь, я горячусь по разсчету; если я терплю, я терплю до разсчитаннаго срока. Если кому кажется, что я дѣйствую по увлеченію, то я на это замѣчу, что всѣ называютъ меня человѣкомъ умнымъ,—слѣдовательно, очень можетъ быть, что я поступаю не безъ нѣкотораго соображенія...

„7) Еслибы стали говорить, что свиданія мои съ женою моею не допускались въ видахъ соблюденія знаменитой нашей канцелярской тайны (которая у насъ вовсе не соблюдается лицами, которыми должна охраняться,—напримѣръ, за двѣ недѣли до моего ареста мнѣ сдѣланъ былъ очень явный намекъ,—конечно, вовсе незамѣченный лицомъ, дѣлавшимъ его и думавшимъ, что дурачитъ меня, тогда какъ я издѣвался надъ нимъ,—намекъ вовсе не произвольный со стороны этого лица, но очень понятный для меня,—что меня хотятъ аресто-

вать; я пренебрегъ этимъ, думая: нѣтъ, вы не посмѣете такъ компрометировать правительство,—кто это лицо, вы можете догадаться: я Вамъ говорилъ о немъ нѣсколько разъ, какъ о болтунѣ [1]),—еслибы стали говорить, что моихъ свиданій съ женою не допускали въ видахъ соблюденія канцелярской тайны,—это пустяки: во-1-хъ, мнѣ не о чемъ разспрашивать, потому что противъ меня нѣтъ обвиненій; во-2-хъ, у меня нѣтъ нужды разсказывать что-нибудь для того, чтобы узнали это въ городѣ, — разбалтываніе дѣлается (очень давно) лицами, которыя были бы обязаны молчать по долгу службы. Я, напримѣръ, былъ довольно пріятно изумленъ, когда прежде, чѣмъ успѣлъ вымолвить хоть одно слово женѣ, услышалъ отъ нея вопросъ: „Зачѣмъ тебя держатъ? Вѣдь противъ тебя нѣтъ никакихъ обвиненій".—Да ты почему-жъ это знаешь?—спросилъ я ее.—„Да какъ же,—вѣдь это давно всѣмъ извѣстно; объ этомъ такъ давно говорили, что ужъ и говорить устали". Вотъ вамъ канцелярская тайна! Это курамъ на смѣхъ.

„8) Собственно для меня рѣшительно все равно, сидѣть ли въ заключеніи, или въ своемъ кабинетѣ. Но мнѣ необходимо скорое освобожденіе потому, что здоровье моей жены требуетъ этого.

„9) Въ моемъ дѣлѣ, кромѣ общей несправедливости, есть много частностей очень неблаговидныхъ. Назову двѣ изъ нихъ: во-1-хъ, пропажа золотого кольца во время второго обыска, дѣлавшагося безъ меня. Кольцо лежало въ запертой шкатулкѣ; шкатулка стояла въ комнатѣ, запечатанной при первомъ обыскѣ,—какова эта штука? А вотъ какова эта, во-2-хъ: моей женѣ долго не выдавали вида на проживаніе въ Петербургѣ, чтобъ вытѣснить ее полицейскими придирками изъ Петербурга,—а вѣдь она не только для свиданій со мной пріѣхала: ей приказали ѣхать въ Петербургъ медики,—это было необходимо для лѣченія. Однажды Вы сказали мнѣ, что невыдаваніе вида ей могло быть слѣдствіемъ ошибки или недоразумѣнія,—нѣтъ, у меня есть доказательство противнаго, доказательство того, что это было дѣлано съ умысломъ. Такихъ милыхъ вещей я могу подобрать не одинъ десятокъ.

„10) Вообще, каждое изъ моихъ словъ я могу подтвердить

[1]) Должно быть, рѣчь идетъ объ А. Л. Потаповѣ.

фактами. Я не такъ глупъ, чтобъ говорить въ подобной запискѣ что-нибудь, кромѣ того, что могу доказать.

„Само собою разумѣется, что Ваше Превосходительство, передавая эти мои мысли и замѣчанія, нисколько не принимаете на себя ручательства за ихъ вѣрность, — я прошу Васъ только передать ихъ Его Свѣтлости, какъ мои мысли. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*".

Третья записка:

„Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Превосходительство Г. Коменданта С.-Петербургской крѣпости доложить Его Свѣтлости Г. С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору слѣдующее:

„1. Чернышевскій приноситъ Его Свѣтлости благодарность за то, что имѣлъ свиданіе со своею женою (23 февраля).

„2. Передъ этимъ свиданіемъ Чернышевскій имѣлъ разговоръ съ нѣкоторыми изъ гг. членовъ комиссіи. Чернышевскій говорилъ имъ: „Какъ же это комиссія можетъ поступать со мною такимъ образомъ, какимъ поступала?" Ему на это отвѣчали: „Съ вами поступали жестоко, но не кладите отвѣтственности за то на комиссію; это дѣйствовала не она". Чернышевскій говорилъ: „Если вы полагаете, что я когда-нибудь могъ вѣрить, что противъ меня существовали какія-нибудь обвиненія, то вы ошибастесь". Ему отвѣчали: „Это такой случай, какъ противъ меня (члена комиссіи, отвѣчавшаго Чернышевскому) могли бы быть подозрѣнія въ убійствѣ" (Чернышевскій увѣренъ, что дѣйствительно противъ лица, говорившаго съ нимъ, могли бы быть только вздорныя подозрѣнія въ убійствѣ, изъ которыхъ никакъ не могло бы произойти никакого обвиненія, — вѣдь отъ подозрѣнія до обвиненія, по законамъ о слѣдственномъ производствѣ, очень далеко, и отъ обвиненія до ареста — тоже очень далеко: чтобы арестовать, нужно, по закону, хорошенько разсмотрѣть солидность обвиненія; а чтобы составилось обвиненіе, нужно бы, по закону, разсмотрѣть основательность подозрѣній). Чернышевскій говорилъ: „Да когда же это кончится? Когда вы освободите меня?" Ему отвѣчали: „Черезъ нѣсколько дней". Вообще весь характеръ разговора (дружелюбнаго и веселаго, по привычкѣ Чернышевскаго до послѣдней крайности выдерживать такой тонъ и заставлять другихъ понимать его) былъ таковъ, что Чернышев-

скій винилъ и укорялъ, а передъ нимъ извинялись и слагали съ себя отвѣтственность на другихъ.

„3. Еслибы кто-нибудь,—по здравому смыслу, этого нельзя ждать, но съ Чернышевскимъ сдѣлано довольно много такого, чего нельзя ждать по здравому смыслу,—еслибы кто-нибудь осмѣлился сказать, что Чернышевскій не съ совершенною точностью передаетъ или хотя одно изъ приводимыхъ имъ словъ разговора, или общій смыслъ, характеръ разговора, то Чернышевскій бросаетъ въ лицо такому человѣку названіе лжеца и требуетъ очной ставки съ тѣмъ, чтобы доказать, что справедливо клеймитъ его такимъ названіемъ.

„4. Послѣ этого Чернышевскій, кажется, имѣетъ право сказать, что то лицо (или тѣ лица), которое внушило (или которыя внушили) или Его Величеству, или Его Свѣтлости сомнѣніе въ совершенной справедливости просьбы Чернышевскаго о его освобожденіи по недостатку обвиненій противъ него, выраженной въ письмахъ Чернышевскаго къ Его Величеству и къ Его Свѣтлости отъ 20 — 22 ноября прошлаго года, что это лицо виновно (или эти лица виновны) передъ правительствомъ, которое они ложными своими увѣреніями ввели въ напрасное продленіе напрасной несправедливости.

„Н. Чернышевскій.

„12 марта 1863 года".

Разумѣется, комиссія бумаги эти „пріобщила къ дѣлу" и—только.

VI.

Наконецъ, 16 марта Чернышевскій понялъ, почему съ нимъ „шутили" такъ настойчиво и нагло. Въ этотъ день съ него былъ снятъ допросъ, и Н. Г. ясно увидѣлъ, какимъ „козыремъ" обладала комиссія...

На вопросы ея, почему Герценъ писалъ Серно-Соловьевичу объ изданіи „Современника" за-границей, и когда Чернышевскимъ было дано на это согласіе,—Н. Г. отвѣчалъ: „Подтверждаю прежнее показаніе и совершенно не знаю, на какомъ основаніи г. Герцену вздумалось, что я могъ согласиться издавать съ нимъ журналъ, ибо никакихъ сношеній

съ нимъ не имѣлъ, ни прямыхъ, ни черезъ какое-либо посредство".

Относительно письма Огарева и Герцена онъ показалъ:

„Письмо это я получилъ по городской почтѣ весною (или въ началѣ лѣта) 1862 г. [1]); кѣмъ оно было мнѣ прислано—не знаю. По тону рѣчи и языку видно, что оно писано гг. Огаревымъ и Герценомъ (почерковъ ихъ я не знаю, потому сужу только по содержанію письма); къ кому оно писано—неизвѣстно мнѣ. Кѣмъ и для чего и какія слова выскоблены въ немъ—я не знаю,—оно было прислано ко мнѣ со словами, уже выскобленными (вѣроятно, посылавшій его ко мнѣ хотѣлъ, чтобы не зналъ я его фамиліи и другихъ: вѣроятно, выскобленныя слова—фамиліи). Лицо, которому я поручалъ передать Герцену, чтобы онъ не завлекалъ молодежь въ политическія дѣла,—г. М. И. Михайловъ, ѣздившій за-границу лѣтомъ 1861 года. Слова, что я „имѣю вліяніе на юношество", означаютъ, что я, какъ журналистъ, пользовался уваженіемъ въ публикѣ. „Знамя", о которомъ упоминается въ письмѣ,—наше обычное общинное землевладѣніе, которое я постоянно защищалъ, но относительно котораго всетаки выражалъ сомнѣніе, удержится ли оно противъ расположенія къ потомственному землевладѣнію,—это объясняется въ статьѣ „Современника" (моей), которою Герценъ остался недоволенъ; выраженіе „ѣхали вмѣстѣ" относится къ тому, что я, подобно Герцену, защищалъ обычное наше общинное землевладѣніе. Порученіе М. И. Михайлову отклонять Герцена отъ вовлеченія молодежи въ политическія дѣла основывалъ я на общеизвѣстныхъ слухахъ о томъ, что Герценъ желаетъ производить политическую агитацію,—я поручалъ Михайлову сказать Герцену, что изъ этого не можетъ выйти ничего хорошаго, ни съ какой точки зрѣнія, что это повело бы только къ несчастію самихъ агитаторовъ" [2]).

О картонныхъ полоскахъ съ алфавитомъ и цифрами Чернышевскій отозвался: „Эти лоскутки заключаютъ въ себѣ ка-

[1]) Значитъ, долго спустя послѣ полученія этого письма адресатомъ.

[2]) 19 марта Чернышевскій къ этому добавилъ: „М. И. Михайловъ, отправляясь за-границу, упомянулъ мнѣ, что если онъ поѣдетъ въ Англію то, можетъ быть, увидится съ Герценомъ. Больше мнѣ ничего не было извѣстно. О намѣреніяхъ Михайлова издавать что-нибудь тайное я не зналъ. О сообщникахъ его тоже не зналъ и самъ никакого участія ни въ какихъ замыслахъ Михайлова не принималъ".

кую-то азбучную шалость, составленную неизвѣстно мнѣ кѣмъ изъ моихъ родственниковъ, живавшихъ у меня".

„Съ Михайловымъ я познакомился, когда былъ студентомъ, а онъ—вольнослушающимъ; потомъ видывались и почти всегда по журнальнымъ дѣламъ (г. Михайловъ читалъ корректуры „Современника", по желанію г. Некрасова). Съ г. Шелгуновымъ я былъ знакомъ уже черезъ г. Михайлова; кромѣ того, онъ помѣщалъ статьи въ „Современникѣ"; это знакомство было слишкомъ неблизкое. Г. В. Костомарова я видѣлъ нѣсколько разъ по тому случаю, что онъ помѣщалъ статьи въ „Современникѣ". У г. Михайлова и г. Шелгунова я бывалъ; къ г. Костомарову заѣзжалъ однажды отдать деньги за стихи (когда проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ). Гг. Михайловъ и Шелгуновъ бывали у меня по журнальнымъ дѣламъ. Собственно журнальными дѣлами ограничивалось мое знакомство и съ гг. Костомаровымъ и Шелгуновымъ. О распространеніи возмутительныхъ сочиненій г. Костомаровымъ я ничего не зналъ; о преступленіи г. Михайлова—точно также ничего. Подъ журнальными дѣлами, которыя имѣлъ я съ гг. Шелгуновымъ и Костомаровымъ, я разумѣю то, что г. Шелгуновъ приносилъ мнѣ свои статьи, а г. Костомаровъ—свои стихи для помѣщенія въ „Современникѣ"; я никому изъ нихъ никакихъ порученій не давалъ".

„Изъ лицъ, жившихъ въ Москвѣ, я былъ знакомъ съ г. Плещеевымъ. Въ 1861 г. весною я ѣздилъ въ Москву хлопотать по цензурнымъ дѣламъ и прожилъ тамъ дня три; въ 1862 г. я проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ. Бывши въ 1861 г. въ Москвѣ, я бывалъ у г. Каткова. Жилъ въ гостиницѣ противъ дома Шитова,—вѣроятно, на Лубянкѣ. Г. Плещеевъ—литераторъ, постоянно помѣщавшій повѣсти въ „Современникѣ"; другихъ отношеній къ нему у меня нѣтъ и не было".

Относительно воззванія къ барскимъ крестьянамъ Чернышевскій показалъ: „Ничего подобнаго я не писалъ. Эти свѣдѣнія неосновательны. Г. Сороко я не знаю; ни съ Михайловымъ, ни съ г. Костомаровымъ, ни съ Шелгуновымъ ничего подобнаго не говорилъ и никакихъ статей для тайной печати не писалъ. Г. Костомарову никакой статьи о крестьянскомъ дѣлѣ не передавалъ. Все, что я писалъ, печаталось въ „Современникѣ". Г. Костомаровъ не имѣлъ никакого участія въ

моей дѣятельности, которая всегда была открыта и законна. Никогда не имѣлъ я никакихъ сношеній съ Костомаровымъ по тайному печатанію и ничего не поручалъ печатать. Но подарилъ ему сборникъ рукописный—лирическія стихотворенія, который когда-то хотѣлъ издать съ книгопродавцемъ Вольфомъ, и который валялся у меня брошенный".

„О воззваніи къ русскимъ солдатамъ я ничего не знаю".

Что касается составленія прокламаціи къ раскольникамъ въ гостиницѣ, Н. Г. отвѣчалъ: „Ничего такого не было. Эти свѣдѣнія неосновательны".

Когда комиссія, въ опроверженіе показанія о поверхностномъ знакомствѣ съ Костомаровымъ, предъявила Чернышевскому его письма къ послѣднему, то Н. Г. отвѣтилъ: „Мои слова не имѣли того смысла, что я знакомъ въ Москвѣ *только* съ *однимъ* г. Плещеевымъ,—я вспомнилъ о немъ потому, что больше знакомъ съ нимъ, чѣмъ съ кѣмъ другимъ, хотя, все-таки, не слишкомъ близко; будучи знакомъ съ г. Костомаровымъ только по журнальнымъ дѣламъ, я, по своей привычкѣ помогать всякому нуждающемуся, принималъ человѣческое участіе въ его стѣсненномъ положеніи, — просто по чувству доброты Г. Котляревскій—преподаватель въ какомъ-то московскомъ кадетскомъ корпусѣ [1]); я былъ знакомъ съ нимъ, какъ съ литераторомъ и человѣкомъ умнымъ. Г. Свириденко—служитъ въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова; я былъ нѣсколько знакомъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ; онъ искалъ моего знакомства, — я не могу отказываться отъ посѣщеній, мнѣ дѣлаемыхъ,—у меня такой характеръ, слишкомъ деликатный. Ни съ г. Котляревскимъ, ни съ Свириденко я не былъ близокъ".

Наконецъ, дѣло дошло до центральнаго пункта: Чернышевскому предъявили карандашную записку къ Костомарову. Онъ отвергъ ее, написавъ: „Предъявленная мнѣ записка не моего почерка; я не признаю ее своею и потому остаюсь при прежнемъ отвѣтѣ". А на самой запискѣ написалъ: „Эта записка была мнѣ предъявлена комиссіею, и я не признаю ее своей. Этотъ почеркъ красивѣе и ровнѣе моего. Отставной тит. сов. *Н. Чернышевскій.* 16 марта 1863 г.".

19-го Чернышевскому была дана очная ставка съ Костомаровымъ.

---

[1]) Отецъ нынѣшняго профессора, Н. А. Котляревскаго.

Подложная карандашная записка (въ настоящую величину).

Приведу протоколъ о ней полностью. Онъ очень характеренъ и необходимъ для яснаго пониманія дальнѣйшаго.

Костомаровъ: „Я съ своей стороны подтверждаю свои прежнія показанія:

а) „что былъ введенъ въ домъ къ г. Чернышевскому Михайловымъ; что г. Чернышевскій въ присутствіи Михайлова читалъ мнѣ возмутительное воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, написанное имъ, Чернышевскимъ“;

Чернышевскій: „Я съ своей стороны остаюсь при прежнихъ своихъ отвѣтахъ:

А) „Кѣмъ и когда я былъ познакомленъ съ г. Костомаровымъ—я не помню. Воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“ въ присутствіи г. В. Д. Костомарова вмѣстѣ съ г. М. И. Михайловымъ я не читалъ и этого воззванія не писалъ“.

К.: b) „что впослѣдствіи я получилъ отъ г. Сороко это воззваніе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, причемъ Сороко мнѣ сказалъ, что получилъ это воззваніе отъ Чернышевскаго вмѣстѣ съ 200 р. на издержки по тайному печатанію брошюры“;

Ч.: B) „Съ г. Сороко я незнакомъ,—потому денегъ я ему не давалъ ни на тайное печатаніе, ни на что другое; не давалъ ему и воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“.

К.: c) „что печатаніе воззванія началось у меня въ домѣ, и г. Чернышевскій, посѣтивъ меня, видѣлъ наборъ этого воззванія и оставилъ мнѣ денегъ на дальнѣйшее производство работы“;

Ч.: C) „Набора у г. Костомарова я не видѣлъ, денегъ на работу ему не оставлялъ“.

К.: d) „что, придя ко мнѣ въ другой разъ, онъ не засталъ меня дома и оставилъ на столѣ предъявленную мнѣ записку, въ которой просилъ меня исправить въ своей брошюрѣ невѣрно написанное имъ выраженіе „срочнообязанные“ и замѣнить его словомъ „временнообязанные“;

Ч.: D) „Записка эта не писана мною“.

К.: e) „что весной 1861 г. въ Знаменской гостиницѣ г. Чернышевскій диктовалъ мнѣ воззваніе „Къ раскольникамъ“, съ тѣмъ, чтобы я напечаталъ и его; но я этого не исполнилъ“;

Ч.: E) „Въ Знаменской гостиницѣ я не былъ съ г. Костомаровымъ и воззванія „Къ раскольникамъ“ ему не диктовалъ“.

К.: f) „что я писалъ къ г. Чернышевскому о томъ, что онъ

поступилъ весьма неосторожно, поручивъ печатаніе своей брошюры Сороко;

Ч.: F) „Такого письма отъ г. Костомарова я не получалъ".

К.: g) „передъ поѣздкой въ Знаменскую гостиницу г. Чернышевскій заѣхалъ въ квартиру моего отца, на Поварскую: номеръ Знаменской гостиницы я запомнилъ тѣмъ, что изрѣзалъ подоконникъ перочиннымъ ножомъ, взятымъ нами въ числѣ принадлежностей для писанія".

Ч.: G) „На квартирѣ у батюшки г. Костомарова въ Поварскомъ переулкѣ я былъ, но оттуда отправился прямо домой".

Комиссія, разумѣется, торжествовала свою побѣду, видя, какимъ „молодцомъ" держится ея союзникъ, Костомаровъ.

Что чувствовалъ и думалъ Чернышевскій—трудно сказать. Но онъ еще не потерялъ надежды на благопріятный исходъ дѣла, твердо вѣря, разумѣется, не въ порядочность правительства вообще, а просто въ его благоразуміе; вѣря, что оно не станетъ скандализировать себя явно беззаконнымъ приговоромъ ужъ слишкомъ замѣтному человѣку... Въ этой вѣрѣ онъ и черпалъ силы и спокойствіе духа, необходимыя для продолженія начатыхъ литературныхъ работъ.

А онѣ шли усиленнымъ темпомъ. Гервинусъ подвигался быстро и то и дѣло отсылался Пыпину. 26 марта Потаповъ прислалъ въ комиссію 4-ю главу „Что дѣлать?", 28 и 30—еще главы, а 6 апрѣля получено было и окончаніе. Какъ и прежде, романъ читалъ кто-нибудь изъ членовъ комиссіи, не находилъ въ немъ ничего, касающагося дѣла, и его отправляли къ Пыпину черезъ оберъ-полицеймейстера, каждый разъ напоминая, что печатаніе его должно происходить на общемъ основаніи съ разрѣшенія цензуры. Цензора „Современника", гдѣ печатался романъ въ мартовской, апрѣльской и майской книжкахъ, видя на рукописи печать и шнуры комиссіи, проникались соотвѣтствующимъ трепетомъ и, не читая, пропускали [1]).

---

[1]) Въ литературѣ по этому поводу масса самыхъ разнообразныхъ росказней. Кто приписываетъ разрѣшеніе романа князю А. Ѳ. Голицыну, кто—Потапову, кто—Валуеву и т. д. и, что любопытно, почти всѣ ссылаются на „достовѣрныхъ" свидѣтелей и „очевидцевъ". Скалковскій (см. „Новое Время" 1904 г., № 10,303) прибавилъ еще одну выдумку. Подъ романомъ, видите ли, подписано было: „4 апрѣля 1862 года", и указывалось, что черезъ четыре года произойдетъ важное событіе—4 апрѣля 1866 года Каракозовъ покушался на Александра II. Все это совершенный

Но возникаетъ невольно вопросъ: почему же послѣ напечатанія начала „Что дѣлать?“ власти не хватились и не поторопились исправить свою ошибку? По-моему, были двѣ причины: сразу вообще не поняли значенія романа, и, во-вторыхъ, цензурное вѣдомство чувствовало себя спокойно за спиной комиссіи, а послѣдняя, не зная этого и занятая массою дѣлъ, не интересовалась ни романомъ, ни произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

VII.

По содержанію допросовъ и очной ставки рѣшено было вызвать въ Петербургъ Сороко и Яковлева.

Въ это время исправлявшій должность московскаго губернскаго прокурора прислалъ Потапову докладную записку Яковлева и отобранныя отъ него бумаги.

Оказывается, достойный помощникъ Костомарова такъ обрадовался случаю выпить на жандармскій счетъ, что на станціи Тверь былъ задержанъ за буйство въ пьяномъ видѣ и переданъ въ мѣстную полицію. Оттуда его направили въ Москву, а мѣщанское общество постановило заключить Яковлева, уже неоднократно попадавшагося въ буйствѣ, въ смирительный домъ на четыре мѣсяца.

„Находясь въ настоящее время въ московскомъ смирительномъ и рабочемъ домѣ, я,—пишетъ Яковлевъ Потапову,—упустилъ возможность лично объяснить Вашему Превосходительству обстоятельства, касающіяся до г. Чернышевскаго, равно и письмо г. Чулкова, изъ котораго Вы изволили бы усмотрѣть

вздоръ: подъ романомъ подписано: „4 апрѣля 1863 г.“... Головачева-Панаева разсказываетъ о потерѣ Некрасовымъ рукописи „Что дѣлать?“ съ экипажа. Оказывается, въ ея пространномъ разсказѣ, какъ и всегда, много лишняго и невѣрнаго. Романъ былъ доставленъ только на третій день послѣ утери. Вотъ текстъ объявленія, поставленнаго Некрасовымъ въ №№ 29, 30 и 31 „Вѣдомостей Спб. Городской Полиціи“ за 1863 годъ: „Потеря рукописи. Въ воскресенье, 3 февраля, во второмъ часу дня, проѣздомъ по Б. Конюшенной отъ гостиницы „Демутъ“ до угольнаго дома Кангера и оттуда чрезъ Невскій пр., Караванную и Семеновскій мостъ до дома Краевскаго, на углу Литейнаго и Бассейной, обронень свертокъ, въ которомъ находились двѣ прошнурованныя по угламъ рукописи съ заглавіемъ „Что дѣлать?“ Кто доставитъ этотъ свертокъ въ означенный домъ Краевскаго къ Некрасову, тотъ получитъ пятьдесятъ руб. сер.“.

надобность личнаго моего присутствія въ Петербургѣ для разъясненія обстоятельствъ, сопряженныхъ съ отношеніемъ г. Чернышевскаго къ Костомарову, а потому я осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить Ваше Превосходительство приказать вытребовать меня въ Петербургъ, хотя бы за карауломъ, но только въ собственной одеждѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ истребовать доносъ и письмо на Ваше имя, которыя въ настоящее время находятся въ домѣ московскаго городского общества".

Яковлевъ ошибся: доносъ его былъ давно уже полученъ отъ Чулкова, а рекомендательное письмо послѣдняго къ Потапову и письмо Костомарова къ матери прокуроръ приложилъ при вышеприведенномъ документѣ.

5 апрѣля Сороко и Яковлевъ были доставлены въ III Отдѣленіе.

Черезъ три дня ихъ допросили.

Сороко показалъ, что дѣйствительно пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но для хлопотъ по переводу своему изъ московскаго университета въ медико-хирургическую академію. У нихъ никто не бывалъ. Уѣзжая въ Москву, Костомаровъ просилъ его зайти къ Михайлову переговорить насчетъ своихъ стиховъ. Сороко исполнилъ просьбу и получилъ отъ Михайлова запечатанное письмо къ Костомарову. Что касается Чернышевскаго, то онъ его не знаетъ, никогда у него не былъ и никакихъ денегъ отъ него не получалъ.

На очной ставкѣ съ Костомаровымъ Сороко подтвердилъ всѣ эти показанія.

Яковлевъ заявилъ: „Доказательствъ, кромѣ своего справедливаго доноса, представить не могу, а уличать и доказывать справедливость слышаннаго мною разговора г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ лично могу, потому что очень хорошо помню разговоры ихъ.

Въ 1858 и 1859 гг. Яковлевъ жилъ въ квартирѣ въ домѣ Костомаровыхъ. Отношенія ихъ были чисто дѣловыя, какъ съ переписчикомъ.

„Видалъ я г. Чернышевскаго положительно три раза. Первый разъ—въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1861 г., а за вѣрное припомнить не могу, но только хорошо помню, что г. Чернышевскій былъ въ енотовой шубѣ; второй разъ—вскорѣ послѣ этого времени и, наконецъ, третій разъ—въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 г. (числа же припомнить не могу), именно въ то время, когда

онъ ѣхалъ въ Саратовскую или Симбирскую губернію. Въ этотъ послѣдній пріѣздъ г. Чернышевскаго я дѣйствительно находился въ бесѣдкѣ сада г. Костомарова, изъ которой и слышалъ разговоръ г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ, когда они ходили по саду подъ руку, и г. Чернышевскій дѣйствительно произносилъ слова: „барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли,—вотъ вамъ и воля вышла“—и между тѣмъ усиленно упрашивалъ Костомарова поскорѣе напечатать эту статью. За какими именно надобностями бывалъ г. Чернышевскій у г. Костомарова—мнѣ неизвѣстно, а полагаю, что по короткому ихъ (какъ это видно было) знакомству. Видѣлъ же я Костомарова въ послѣдній разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862 года“ [1]).

Очевидно, комиссіи надо было показать, всетаки, видъ, что она не склонна признавать голословныя показанія Костомарова окончательными обвиненіями Чернышевскаго, и потому 11 апрѣля она запросила его, что̀ онъ можетъ представить къ уликѣ. Костомаровъ отвѣчалъ, что „фактическихъ доказательствъ къ уликѣ г. Чернышевскаго, кромѣ тѣхъ, которыя уже имѣются въ виду комиссіи, дать никакихъ не можетъ, но проситъ доставить ему еще разъ очную ставку съ г. Чернышевскимъ, ибо, можетъ быть, ему удастся подѣйствовать на него силою убѣжденія“...

Разумѣется, очная ставка была дана на слѣдующій же день, но Чернышевскій не поддался силѣ костомаровскихъ убѣжденій... Мало того, когда она была закончена, Н. Г., обратясь къ комиссіи, сказалъ: „Сколько бы меня ни держали, я посѣ̀дѣю, умру, но прежняго своего показанія не измѣню“... Этому заявленію онъ остался вѣренъ до конца.

Въ тотъ же день Чернышевскаго предъявили Яковлеву, но при такой обстановкѣ, что онъ безошибочно могъ утверждать, что именно его-то и видѣлъ у Костомарова... Затѣмъ имъ была дана очная ставка.

Яковлевъ прибавилъ на этотъ разъ, что—„въ первое посѣщеніе г. Чернышевскимъ Костомарова они сидѣли въ кабинетѣ послѣдняго, и г. Чернышевскій разговаривалъ что-то съ жаромъ, тихо и, повидимому, очень осторожно; разговора же ихъ въ то врємя я слышать не могъ, потому что входилъ въ

[1]) Явная ложь: они видѣлись 1 марта 1863 г. въ Москвѣ.

комнату одинъ разъ, подавая имъ чай или закуску, чего хорошенько припомнить не могу. Во второй же разъ г. Чернышевскій не засталъ г. Костомарова дома, а оставилъ ему запечатанную записку, написанную имъ въ комнатѣ Костомарова на бумагѣ, лежащей на столѣ, и, кажется, одна сторона была исписана". На это Чернышевскій возразилъ, что „въ бытность его въ Москвѣ проѣздомъ (въ августѣ 1861 г., а не въ іюнѣ, какъ онъ теперь соображаетъ) онъ заходилъ къ г. Костомарову на нѣсколько времени и просидѣлъ это время у него въ бесѣдкѣ". „Я былъ въ Москвѣ въ 1861 г. до конца августа только два раза, а не три. Никакой записки г. Костомарову въ бытность мою въ Москвѣ я не оставлялъ, потому что заставалъ его дома, когда заходилъ". Остальныя показанія Яковлева Чернышевскій отвергалъ безусловно.

Въ тотъ же день комиссія рѣшила отпустить Сороко въ имѣніе, откуда онъ былъ вытребованъ, взявъ съ него подписку о неразглашеніи о своемъ вызовѣ въ Петербургъ, а Яковлева вернуть въ смирительный домъ для окончанія наложеннаго на него обществомъ взысканія... Это рѣшеніе въ высокой степени характерно: вѣдь каждому ясно, что оговоръ Костомарова одинаково компрометировалъ и Чернышевскаго, и Сороко. Но перваго рѣшено было не выпускать изъ рукъ иначе, какъ въ кандалахъ, а второго—совершенно освободить... Очень все это не тонко... Каждому понятно, что Сороко вызывался исключительно въ разсчетѣ услышать и отъ него лжесвидѣтельство, а когда онъ не оправдалъ этихъ надеждъ, то комиссія, хорошо понимая, что оговоръ Костомарова—вздоръ, и не желая начинать дѣла противъ Сороко, отпустила его на всѣ четыре стороны... Что касается Яковлева, то его не могли не заключить: приговоръ общества не подлежалъ чьей бы то ни было отмѣнѣ, да и добиваться ея было бы ужъ слишкомъ нетактично.

Затѣмъ комиссія рѣшила сличить почеркъ Чернышевскаго съ почеркомъ карандашной записки, для чего вызвать секретарей сената. Любопытно, что сенаторъ Гедда рѣшился подать свое особое мнѣніе: сличеніе почерка можетъ дѣлать только судъ и притомъ на точномъ основаніи особыхъ для этого правилъ. Но министръ юстиціи отказалъ въ командированіи секретарей сената безъ его опредѣленія объ этомъ, и потому пришлось ограничиться чиновниками губернскаго правленія

и палаты. 24 апрѣля ихъ собралось пять человѣкъ, и они нашли, что „почеркъ записки имѣетъ *нѣкоторое* сходство съ почеркомъ Чернышевскаго“.

Такимъ образомъ все шло, какъ по маслу...

Вдругъ къ Потапову является поэтъ Некрасовъ и вручаетъ ему только что полученное письмо изъ Москвы... Скрыть его было уже нельзя... Надо отправить въ комиссію...

Вотъ оно:

„Милостивый Государь, недѣли двѣ тому назадъ съ нами произошелъ случай, о которомъ считаемъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія.

„Мы находимся арестованными въ смирительномъ домѣ съ конца февраля; на страстной недѣлѣ къ намъ явился какой-то арестантъ, мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ (какъ сказалъ намъ) и началъ рѣчь съ того, что онъ содержится тоже за политическое преступленіе (какъ было замѣтно, онъ считалъ насъ арестованными за университетскіе безпорядки 61 г.) и потому рѣшился обратиться къ намъ за совѣтомъ. Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ совѣтъ, Вы увидите изъ нашего съ нимъ разговора, который мы постараемся передать Вамъ возможно точнѣе.

„— Я, господа, ѣздилъ по очень важному дѣлу въ Петербургъ, къ начальнику III Отдѣленія, но на Тверской станціи подвыпилъ немного и забуянилъ; тверская станція представила меня обратно въ Москву, къ оберъ-полицеймейстеру, передавъ меня въ распоряженіе мѣщанскаго общества, которое и послало меня за дурное поведеніе въ рабочій домъ; оно вотъ уже второй разъ присылаетъ меня сюда, все за пьянство...

„— По какому же дѣлу вы ѣздили къ г. Потапову?

„— А вотъ видите ли: былъ я знакомъ съ Всеволодомъ Дмитріевичемъ Костомаровымъ. На-дняхъ получаю записку безъ подписи, въ которой меня приглашаютъ явиться въ гостиницу „Венеція“ въ 18 номеръ. Явившись туда, я былъ крайне изумленъ, заставши тамъ Костомарова въ солдатской шинели и въ сопровожденіи жандармскаго офицера; оказалось, что записка была отъ Костомарова, который сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: „вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу,—мать моя научитъ тебя, что дѣлать, и, ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, то будешь хорошо вознагражденъ“.

„— А Костомаровъ не говорилъ Вамъ, что именно Вамъ придется дѣлать?

„— Говорилъ, и говорилъ, что я долженъ дать показаніе въ III Отдѣленіи въ томъ, будто я слышалъ, какъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій лѣтомъ 61 года, въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали воли,—вотъ вамъ и воля. Благодарите царя". Я не знаю, что значатъ эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобъ я далъ такое показаніе, но скажите мнѣ, господа: если я дѣйствительно дамъ такое показаніе, можетъ ли сдѣлать для меня что-нибудь Потаповъ,—можетъ ли онъ, напримѣръ, велѣть освободить меня изъ рабочаго дома?

„— Ну это врядъ ли: мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію.

„— Я уже подалъ Потапову отсюда прошеніе, и меня должны скоро потребовать въ Петербургъ: самъ не знаю, что дѣлать!..

„Мы сказали, что лучше всего будетъ, когда онъ скажетъ правду, и разговоръ на этомъ покончился. Мы не повѣрили Яковлеву, зная хорошо, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что онъ судился по одному съ нами дѣлу и, по приговору сената, конфирмованному государемъ и объявленному намъ 2 января этого года, долженъ подвергнуться шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и потомъ уже ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидя на дворѣ Яковлева въ сопровожденіи двухъ жандармовъ; его повезли, какъ намъ сказали, въ Петербургъ. Тогда мы вспомнили нашъ прежній разговоръ съ нимъ и невольно пришли къ такимъ предположеніямъ: 1) что Чернышевскій дѣйствительно обвиняется въ какомъ-нибудь политическомъ преступленіи; 2) что Костомаровъ и его семейство хотятъ съ помощью Яковлева подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда. Все это заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, какъ человѣку, вѣроятно, близкому къ г. Чернышевскому (по редакціи „Современника"), уполномачивая Васъ, въ случаѣ дѣйствительности нашихъ подозрѣній, представить это письмо, куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда.

„Все это мы готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягой. *Иванъ Гольцъ-Миллеръ*, *Петръ Петровскій-Ильенко*, *Александръ Новиковъ*, *Яковъ Сулинъ*, *Леонидъ Ященко*. Москва, 13 апрѣля 1863 г.“.

Что оставалось дѣлать комиссіи, когда въ обществѣ уже пошли разговоры о лжесвидѣтельствѣ, подкупахъ и пр.? Очевидно, надо было примѣрно наказать пьяницу-болтуна. И вотъ она входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобы— „не ожидая окончанія 4-мѣсячнаго срока, на который Яковлевъ присужденъ обществомъ въ рабочій домъ, отправить его теперь же на жительство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію“. 22 апрѣля государь утвердилъ докладъ, и было сдѣлано распоряженіе о приведеніи его въ исполненіе... Такимъ образомъ, казалось, одно лжесвидѣтельство сорвалось совершенно, а авторитетъ другого сильно поколебался... Ничего подобнаго. Костомаровъ остался дорогимъ союзникомъ, а всѣ показанія Яковлева были оставлены въ полной силѣ. Мало этого, въ своемъ приговорѣ сенатъ разсказалъ о всей этой исторіи и, всетаки, основался на показаніяхъ Яковлева!..

VIII.

19 апрѣля былъ снятъ допросъ и съ Н. В. Шелгунова, арестованнаго, какъ извѣстно, въ Сибири и привезеннаго въ Петербургъ.

Онъ показалъ, что знаетъ и Чернышевскаго, и Костомарова, и Михайлова, и братьевъ Серно-Соловьевичей. „Николая Серно-Соловьевича, какъ домохозяина, у котораго я квартировалъ, и какъ содержателя книжнаго магазина; Александра Серно-Соловьевича, какъ издателя на русскомъ языкѣ перевода всемірной исторіи Шлоссера; Николая Чернышевскаго, какъ редактора „Современника“, въ которомъ я помѣщалъ свои статьи. Михайлова зналъ очень давно, и онъ у меня жилъ на квартирѣ; наконецъ, Всеволода Костомарова видѣлъ раза два у Михайлова. Мои отношенія къ этимъ лицамъ были такого рода: къ Николаю Серно-Соловьевичу, какъ къ домохозяину; съ нимъ я познакомился при переѣздѣ къ нему въ домъ въ январѣ 1862 г.; Александра Серно-Соловьевича видѣлъ разъ зимой 1861—1862 г. у Михайлова и потомъ, по переѣздѣ въ

домъ его брата, получилъ отъ него работу—переводъ исторіи Шлоссера. Съ Чернышевскимъ имѣлъ отношенія исключительно по поводу статей моихъ, помѣщавшихся въ „Современникѣ“. Зналъ г. Чернышевскаго, какъ литератора съ замѣчательнымъ талантомъ, но знакомства съ нимъ не имѣлъ, посѣщая его исключительно по своимъ литературнымъ дѣламъ [1]). По какому случаю, какъ познакомился съ Михайловымъ—не припомню, ибо знакомство наше давнее; но онъ жилъ прежде у меня на квартирѣ лѣтъ шесть или семь. Всеволода Костомарова я видѣлъ у Михайлова въ концѣ 1860 или въ началѣ 1861 года раза два, но знакомъ съ нимъ не былъ. Знакомыхъ въ Петербургѣ и внѣ онаго, кромѣ лицъ, съ которыми я находился въ служебныхъ отношеніяхъ, не имѣлъ“.

„Предъявленное мнѣ комиссіею воззваніе къ солдатамъ мнѣ неизвѣстно, и рукопись его я никогда не передавалъ Всеволоду Костомарову, и какое участіе въ составленіи его принимали Чернышевскій, Костомаровъ и Михайловъ—мнѣ неизвѣстно“.

„Участія въ составленіи воззванія къ барскимъ крестьянамъ не принималъ, и читалось ли оно въ квартирѣ Михайлова Костомаровымъ—не знаю, потому что при этомъ не былъ. Что же касается до обстоятельствъ его написанія, т. е. кѣмъ, когда и по какому случаю оно написано,—я этого не знаю“.

Что касается разсказа Костомарова о хожденіи съ солдатами въ харчевню, то Шелгуновъ призналъ его „совершенно невѣрнымъ“, ибо „ничего даже подобнаго онъ не дѣлалъ и не могъ дѣлать, по совершенному незнанію русскаго солдата“. „Съ Костомаровымъ я даже и не имѣлъ случая сталкиваться, ибо служилъ постоянно по спеціальной и учебной лѣсной части“.

---

[1]) На слѣдующій день комиссія замѣтила Шелгунову, что его знакомство съ Н. Г. было ближе. На это онъ отвѣтилъ: „Знакомства или, вѣрнѣе говоря, того, что я зналъ Н. Чернышевскаго, я не отрицалъ, но только дѣлалъ различіе между выраженіями „зналъ“ и „былъ знакомъ“, понимая подъ послѣднимъ, какъ говорятъ, „водить хлѣбъ-соль“. Такого рода знакомства я съ Чернышевскимъ не имѣлъ и до конца 1861 г., когда Михайловъ былъ преданъ суду, съ Чернышевскимъ почти не видѣлся. Съ этого времени же я видѣлъ Чернышевскаго чаще, потому что, принужденный оставить службу, я обратился къ литературнымъ занятіямъ и сталъ помѣщать статьи въ „Современникѣ“, который редактировалъ Чернышевскій“.

Очная ставка Шелгунова съ Костомаровымъ кончилась замѣчаніемъ перваго, что, „показывая голословно, г. Костомаровъ не указываетъ на казармы или солдатъ, съ которыми я говорилъ, или куда я ходилъ, на харчевню, въ которой Н. Г. меня видѣлъ. Помня такъ хорошо разныя мелочныя подробности, онъ эти, болѣе крупныя, не помнитъ".

Въ неизданной части своихъ воспоминаній Шелгуновъ говоритъ, что Костомаровъ сочинилъ всѣ свои обвиненія, и что ему совершенно непонятны причины такого озлобленія противъ него. „Лично у меня съ Костомаровымъ почти не было никакихъ отношеній, и не знаю, сказалъ ли я съ нимъ во все наше знакомство больше десяти словъ". При этомъ добавлю, что Чернышевскій сказалъ г. Рейнгардту: „Честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ Николай Васильевичъ; такіе люди рѣдки. Прекрасно держалъ себя въ моемъ дѣлѣ"... [1])

24 апрѣля Потаповъ прислалъ въ комиссію двѣ записки Чернышевскаго къ коменданту крѣпости. Въ одной Н. Г. просилъ отыскать въ его бумагахъ паспортъ жившей у него прислуги и передать его Пыпину, а въ другой писалъ:

„Ваше Превосходительство, я много разъ говорилъ Вамъ въ своихъ откровенныхъ объясненіяхъ, что всѣ непріятности, отъ которыхъ я страдаю, возникаютъ изъ какихъ-то недоразумѣній. Третьяго-дня также произошло недоразумѣніе: я слишкомъ поздно получилъ отъ моей жены письмо, говорившее, что она на другой день уѣзжаетъ. Я сказалъ Вамъ вчера, что я изъ этого вывелъ: то, что и я, и г. предсѣдатель комиссіи (давшій мнѣ обѣщаніе дозволить свиданіе мнѣ съ моей женой)—мы оба обмануты. Теперь я вижу, что нынѣ моя жена еще не уѣхала,—прошу Васъ, убѣдите, что я не добиваюсь ничего чрезмѣрнаго,—напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ я только прошу, во-первыхъ, чтобъ мое письмо къ моей женѣ отъ нынѣшняго числа—не содержащее въ себѣ ровно ничего подозрительнаго—было отправлено къ моей женѣ поскорѣе, безъ проволочекъ, нынѣ же, чтобы успѣло застать ее еще въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, чтобы ея отвѣтъ мнѣ на это письмо также былъ доставленъ безъ проволочки; наконецъ, чтобы сказали намъ, когда мы можемъ ожидать назначенія свиданія, въ которомъ вѣдь вовсе и не хотятъ намъ отказывать,—не

[1]) „Рус. Стар.", 1905 г., II, 468.

завтра, не послѣ-завтра, ну черезъ три, четыре дня или какъ будетъ можно, только къ чему же вводить въ недоумѣніе женщину, когда вовсе не хотѣлъ г. предсѣдатель комиссіи обѣщать напрасно,—конечно, онъ хочетъ разрѣшить свиданіе,—я только и прошу, чтобы сказали моей женѣ, когда это будетъ: тогда она и будетъ ждать спокойно. А вѣдь я только этого и добиваюсь въ настоящемъ случаѣ. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій.* 14 апрѣля".

Это второе свиданіе было разрѣшено въ присутствіи члена комиссіи, генерала Огарева.

Въ первыхъ числахъ мая государь утвердилъ докладъ комиссіи о передачѣ дѣла Чернышевскаго въ сенатъ.

Такимъ образомъ оно вступило въ новый фазисъ.

ЧАСТЬ III.

Начало сенатскаго слѣдствія и второй подложный документъ изъ III Отдѣленія.

I.

16 мая министръ юстиціи, Замятнинъ, сообщилъ сенату о волѣ государя. При этомъ онъ прибавилъ, что Шелгуновъ преданъ военному суду, а Костомаровъ... а Костомаровъ прикомандированъ къ Петербургскому батальону внутренней стражи, впредь до миновенія въ немъ надобности по дѣламъ Чернышевскаго и Шелгунова... Потомъ оказалось, что Костомаровъ преспокойно жилъ себѣ на частной квартирѣ, на службу не являлся и катался, какъ сыръ въ маслѣ, на счетъ III Отдѣленія.

Составъ перваго отдѣленія пятаго департамента сената, которому предстояло судить Чернышевскаго, былъ таковъ: первоприсутствующій М. М. Карніолинъ-Пинскій и сенаторы Веневитиновъ, Лукашъ, Б. И. Беръ, Венцель и гр. Д. А. Толстой, оберъ-прокуроръ Чемадуровъ, оберъ-секретарь Кузнецовъ.

29 мая Чернышевскій былъ вызванъ въ первый разъ. Онъ подтвердилъ все показанное въ комиссіи и просилъ, во-первыхъ, о разрѣшеніи подать особое объясненіе, во-вторыхъ, о свиданіяхъ съ родственниками, въ-третьихъ, объ освобожденіи на поруки и, наконецъ, о допущеніи его къ прочтенію и къ рукоприкладству записки, которую сенатъ составитъ въ концѣ разсмотрѣнія всего дѣла. Сенатъ призналъ возможнымъ исполнить все, кромѣ освобожденія. Послѣднее было обусловлено ознакомленіемъ съ дѣломъ.

По удостовѣренію оберъ-полицеймейстера, Чернышевскій „велъ жизнь до такой степени уединенную, что не только сосѣди,

но даже и лица, жившія въ одномъ съ нимъ домѣ, весьма рѣдко его видѣли", а потому и нельзя было, въ сущности, произвести требуемаго закономъ „повальнаго обыска".

7 іюня кн. Суворовъ прислалъ въ сенатъ очень пространное „Дополнительное показаніе Чернышевскаго, даваемое имъ Правительствующему Сенату".

Привожу его, разумѣется, полностью.

„Оставаясь при показаніяхъ, данныхъ мною слѣдственной комиссіи, я имѣю честь пополнить ихъ передъ судомъ Правительствующаго Сената слѣдующими объясненіями.

Общія поясненія.

„1. Противъ каждаго изъ обвиненій я выставляю такіе факты, большая часть которыхъ общеизвѣстна въ кругу, близко знающемъ меня. Доказывать ихъ теперь же ссылками на свидѣтелей и отыскиваніемъ документовъ значило бы осложнять и затягивать дѣло. Потому беру на себя смѣлость просить, чтобы Пр. С. принималъ настоящее показаніе за окончательное по полнотѣ доказательствъ только относительно тѣхъ изъ указываемыхъ мною фактовъ, въ вѣрности которыхъ не останется сомнѣнія у Пр. С. по выслушаніи настоящаго показанія, и чтобы Пр. С. предоставилъ мнѣ право привести болѣе полныя доказательства на тѣ факты, которые, по мнѣнію Сената, еще нуждаются въ дальнѣйшемъ подтвержденіи.

„2. Мнѣ извѣстно, что, кромѣ обвиненій, противъ которыхъ я могу теперь прямо оправдаться, потому что они прямо выражены, существовало противъ меня множество другихъ подозрѣній. Напримѣръ, были слухи, называвшіе меня возбудителемъ безпокойствъ между студентами Спбургскаго университета осенью 1861 года; возбудителемъ безпорядка, происшедшаго въ залѣ Думы весною 1862 г. на одной изъ публичныхъ лекцій [1]); были также слухи, что я направляю къ пропагандѣ запрещеннаго характера Главный совѣтъ петербургскихъ воскресныхъ школъ; что я возбудилъ профессора Павлова написать и при публичномъ чтеніи дополнить рѣзкими прибавленіями ту статью, за чтеніе которой профессоръ Павловъ былъ

[1]) Послѣ лекціи Н. И. Костомарова.

удаленъ изъ Петербурга (весною 1862); что я даже былъ участникомъ поджога Толкучаго рынка (въ концѣ мая 1862). Мнѣ неизвѣстно, до какой степени продолжаютъ существовать такіе слухи въ кругахъ, въ которыхъ они существовали годъ тому назадъ, и неизвѣстно, можетъ ли имѣть вліяніе на мнѣніе моихъ судей о мнѣ болѣе или менѣе опредѣленный или неопредѣленный отголосокъ такихъ слуховъ,—отголосокъ, дававшій мнѣ прежде въ мнѣніи многихъ почтенныхъ людей, не знавшихъ меня лично, репутацію агитатора. Если можетъ, то я прошу, чтобы мнѣ дано было право разобрать и эти подозрѣнія для отстраненія сомнѣній въ томъ, дѣйствительно ли я такой человѣкъ, за какого меня знаютъ всѣ, хорошо знающіе меня лично,—человѣкъ очень мирнаго характера, всегда ставившій главною заботою своею то, чтобы удаляться всякихъ столкновеній не только съ уголовнымъ судомъ, но и съ простою полиціею.

„Выразивъ эти общія просьбы мои Пр. С., перехожу къ разбору обвиненій, находящихся въ дѣлѣ.

1. *Поясненія по обвиненію меня въ намѣреніи уѣхать заграницу, чтобъ издавать журналъ вмѣстѣ съ Герценомъ.*

„Въ концѣ мая или началѣ іюня 1862 года было остановлено на восемь мѣсяцевъ изданіе журнала „Современникъ“, въ редактированіи котораго я участвовалъ. Черезъ это я пріобрѣталъ на время свободу жить или не жить въ Петербургѣ. По моимъ домашнимъ обстоятельствамъ, мнѣ небезполезно было переѣхать въ мой родной городъ, Саратовъ. Мое семейство уѣхало туда 2 или 3 іюля (1862), за 4 или за 5 дней до моего ареста. Мы продавали лошадей, экипажи, мебель. Отчасти для окончанія этого, отчасти для окончательнаго приведенія въ порядокъ своихъ литературныхъ дѣлъ, я долженъ былъ остаться въ Петербургѣ еще на мѣсяцъ. Послѣ того я долженъ былъ уѣхать въ Саратовъ и прожить тамъ до весны 1863 года вмѣстѣ съ семействомъ, а весною или лѣтомъ 1863 года возвратиться вмѣстѣ съ семействомъ въ Петербургъ.

„Это предположеніе было извѣстно всѣмъ моимъ знакомымъ. Въ искренности его не могъ сомнѣваться никто изъ знавшихъ мои семейныя чувства. Продолжительная разлука съ семей-

ствомъ—единственное серьезное страданіе, которое я могу чувствовать.

„Еслибы я думалъ эмигрировать, неужели я проводилъ бы свое семейство въ Саратовъ, отъ котораго такъ далеко до Западной Европы, а не прямо за-границу изъ Петербурга? Или я хотѣлъ на долгіе годы разлучиться съ семействомъ?

„Въ моихъ рукахъ бывало довольно много денегъ. Моя жена, уѣзжая, взяла съ собою только 500 рублей, а мы привыкли расходовать довольно много. Еслибъ я думалъ, что моей женѣ придется долго жить безъ меня въ Саратовѣ, неужели она уѣхала бы изъ Петербурга съ 500 р.?

„При отъѣздѣ моя жена не получила отъ меня довѣренности на завѣдываніе моимъ домомъ въ Саратовѣ. Изъ этого вышли серьезныя домашнія непріятности для меня. По характеру ея прежнихъ отношеній къ моимъ саратовскимъ роднымъ, я не могъ не ждать этого, въ случаѣ, еслибъ ей пришлось долгое время оставаться въ Саратовѣ безъ меня. Еслибъ я думалъ надолго разлучиться съ нею эмигрированьемъ, неужели бы я не далъ ей довѣренности, которую при первой возможности поспѣшилъ дать, когда былъ разлученъ съ нею арестомъ?

„Когда меня арестовали, у меня было только 115 рублей. А въ нѣсколько предыдущихъ дней я получилъ до 1.500 р. или болѣе. Но я отдалъ изъ нихъ 300 р. типографщику, 200 р.—торговцу бумагою, остальные роздалъ сотрудникамъ „Современника“. Мнѣ не было настоятельной нужды дѣлать ни одной изъ этихъ выдачъ: бумажный торговецъ и типографщикъ могли ждать; сотрудники „Современника“—обратиться за деньгами въ контору журнала, вмѣсто которой я заплатилъ имъ. Такъ ли распоряжается деньгами тотъ, кто собирается эмигрировать?

„Сборы моего семейства къ отъѣзду, продажа вещей — все это дѣлалось длинно, со всею обычною хлопотливостью такихъ перемѣнъ. Надѣюсь, что, еслибы я думалъ эмигрировать, то у меня достало бы смысла и умѣнья, чтобъ уѣхать, не подавъ ни малѣйшаго знака намѣренія двинуться куда бы то ни было изъ Петербурга,—быть далеко за Берлиномъ или Стокгольмомъ прежде, чѣмъ кто бы ни было подумалъ бы, что я думаю уѣхать дальше Павловска, гдѣ была у меня дача.

„Я былъ арестованъ въ субботу (7 іюля); въ понедѣльникъ (9 іюля) долженъ былъ придти ко мнѣ изъ типографіи Вульфъ

наборщикъ (бывшій помощникомъ метранпажа по „Современнику“) съ образцами формата и шрифта для изданія, которое я хотѣлъ начать печатать дня черезъ 3, 4 послѣ того. Я поручилъ ему сдѣлать образцы въ то самое утро, какъ былъ арестованъ, или наканунѣ. Факторъ другой типографіи (г. Огризко) имѣлъ порученіе поскорѣе сдѣлать для меня образцы шрифта и формата для другого изданія у Вульфа; я хотѣлъ печатать маленькія книжки, въ которыхъ думалъ, съ разрѣшенія авторовъ, перепечатывать для простого народа разсказы и отрывки изъ повѣстей. У Огризко я хотѣлъ печатать переводъ политической экономіи Милля, который былъ уже оконченъ мною.

„Эти два изданія должны были печататься черезъ нѣсколько дней—12 или 15 іюля. Еще недѣли двѣ, три понадобилось бы мнѣ оставаться въ Петербургѣ, чтобъ устроить правильность въ чтеніи корректуръ, цензированія и т. п. Устроивъ это, я тотчасъ отправился бы въ Саратовъ. Но я предполагалъ очень быстро начать другія изданія, изъ которыхъ назову три. Я тогда уже имѣлъ столько извѣстности, что публика стала бы покупать „собраніе“ моихъ „сочиненій“. Они составляютъ массу болѣе 8.000 страницъ (500 печатныхъ листовъ въ-8) журнальнаго формата. Я хотѣлъ многое выбросить, какъ не важное, другое сократить, но, всетаки, оставалось бы листовъ 300 печатныхъ. Печатаніе такого огромнаго числа листовъ заняло бы много времени. Я разсчитывалъ сдѣлать это года въ два. Но во всякомъ случаѣ нельзя напечатать такую массу въ 3, въ 4 мѣсяца. И потомъ, вѣдь не могло же изданіе, которое хотѣлъ я сдѣлать въ 4 или 5 тысячъ экземпляровъ, распродаться въ какой-нибудь годъ. Слѣдовательно, ужъ это одно изданіе связывало меня съ Россіею не на одинъ годъ. А я разсчитывалъ, что оно дастъ мнѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей,—это не такой разсчетъ, которымъ могъ бы пренебречь человѣкъ безъ состоянія, для удовольствія издавать журналъ за-границею. Но, отнимая у меня всякую мысль объ эмиграціи, это изданіе не стоило бы мнѣ почти никакой работы. Печатая его, я хотѣлъ готовить два другія. Я хотѣлъ составить два ручные энциклопедическіе словаря. Одинъ—въ два тома лексиконнаго формата, цѣною отъ 7 до 10 р., другой—вовсе маленькій, страницъ въ 600 или 700 въ 12 долю, цѣною рубля въ полтора, два. Книгопродавцы знаютъ, что такія книги такой

цѣны имѣли бы большой успѣхъ и, постоянно перепечатываясь, служили бы источникомъ очень порядочнаго дохода на долгіе годы. Я называю только эти три изданія потому, что могу указать въ моихъ бумагахъ разсчеты, сдѣланные для нихъ.

„Эти разсчеты свидѣтельствуютъ, что я не думалъ о себѣ иначе, какъ о человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ остающемся въ Россіи.

„Я перечислилъ нѣкоторые изъ фактовъ, показывающихъ, что я не *думалъ* эмигрировать. Есть другіе, свидѣтельствующіе, что я не *могъ*, положительно не могъ эмигрировать.

„Я уже привыкъ получать и проживать много. Я имѣлъ тысячъ 10 въ годъ и больше [1]). Но я проживалъ всѣ деньги, которыя получалъ. Домъ въ Саратовѣ и кусокъ земли въ Аткарскомъ уѣздѣ, доставшіеся мнѣ по наслѣдству,—имущество слишкомъ незначительное для человѣка, привыкшаго имѣть такія деньги отъ своей работы. Я оставлялъ и намѣренъ былъ оставлять это имущество и доходъ съ него во владѣніи моихъ саратовскихъ родственниковъ. Но еслибы я для эмиграціи измѣнилъ свою мысль и продалъ его (къ чему не дѣлалъ никакихъ приготовленій), всетаки оно не дало бы мнѣ возможности жить за-границею. По особенности моего образованія, я, читая книги на главныхъ европейскихъ языкахъ, рѣшительно не умѣю, до замѣчательной странности не умѣю ни говорить, ни тѣмъ болѣе писать ни на одномъ изъ нихъ. Слѣдовательно, я не могъ очень долго, по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, сдѣлаться французскимъ, нѣмецкимъ или англійскимъ литераторомъ. А писать за-границею на русскомъ языкѣ вещи, не пропускаемыя въ открытую продажу въ Россіи, значитъ не получать почти никакого дохода отъ своей работы. Итакъ, эмигрировать значило бы для меня обрекать свое семейство на великія страданія отъ нужды. Надѣюсь, кто знаетъ меня, тотъ не усомнится, что мысль объ этомъ не могла быть для меня слишкомъ привлекательна [2])

[1]) По словамъ М. Н. Чернышевскаго, родители его жили тогда очень широко, держа своихъ лошадей, прекрасные экипажи, нанимая повара и т. д. Впрочемъ, самъ Н. Г. относился къ комфорту вполнѣ равнодушно.

[2]) Пробывшій съ Чернышевскимъ въ ссылкѣ около шести лѣтъ С. Г. Стахевичъ разсказываетъ, что задолго до ареста Н. Г-ча Сѣраковскій передалъ ему свой разговоръ съ Кауфманомъ, директоромъ канцеляріи воен

„Или не хотѣлъ ли я уѣхать по опасенію ареста? Я слишкомъ давно, слишкомъ много слышалъ отъ другихъ опасенія, что меня арестуютъ. Еслибъ я считалъ возможнымъ, что сбудутся эти опасенія, то, конечно, не сталъ бы ждать іюля 1862 года, а уѣхалъ бы въ сентябрѣ 1861 года. Но кто знаетъ меня, тотъ знаетъ, что я смѣялся надъ опасеніями другихъ, будто меня могутъ арестовать [1]). Я подробнѣе говорю объ этомъ въ письмѣ къ Его Свѣтлости Спбургскому Генералъ-Губернатору отъ 20 или 22 ноября и ссылаюсь на это письмо въ дополненіе настоящаго моего показанія.

„Я не думалъ, я не предполагалъ нужды думать, я не имѣлъ возможности думать объ эмиграціи. Но еслибъ я могъ и хотѣлъ эмигрировать, то Герценъ менѣе всѣхъ литераторовъ цѣлаго свѣта могъ представляться мнѣ товарищемъ въ изданіи журнала. На это много причинъ.

„Въ письмѣ моемъ къ Его Величеству я привелъ и въ письмѣ къ Его Свѣтлости Г. Спбургскому Генералъ-Губернатору изложилъ подробнѣе двѣ изъ причинъ, отчуждавшихъ меня отъ Герцена. Я не одобрялъ нѣкоторыхъ плановъ Герцена, извѣстныхъ мнѣ по слуху (о чемъ говорится въ его письмѣ, находившемся въ моихъ бумагахъ), и мое личное неудовольствіе на него по процессу г-жи Панаевой изъ-за векселей и имѣнія покойной г-жи Огаревой. Ссылаюсь на эти письма (отъ 20 или 22 ноября прошлаго года) въ пополненіе моего настоящаго показанія. Въ нихъ я представилъ только двѣ при-

---

наго министерства. Этотъ потомъ извѣстный генералъ находилъ, что за вредное вліяніе на молодежь Чернышевскій долженъ былъ быть сосланъ. Незадолго же до ареста къ Чернышевскому явился адъютантъ кн. Суворова и посовѣтовалъ Н. Г., отъ имени князя, немедленно уѣхать за-границу отъ грозившаго ареста. Суворовъ обѣщалъ выхлопотать для этого всѣ документы и устранить всѣ затрудненія. На вопросъ Чернышевскаго, почему же князь такъ о немъ заботится, адъютантъ отвѣтилъ: „Если васъ арестуютъ, то ужъ, значитъ, сошлютъ, сошлютъ въ сущности безъ всякой вины, за ваши статьи, хотя онѣ и пропущены цензурою. Вотъ князю и желательно, чтобы на государя, его личнаго друга, не легло бы это пятно — сослать писателя безвинно". Но Чернышевскій отказался послѣдовать совѣту Суворова. „Не поѣду за-границу. Будь, что будетъ". (См. фельетоны Стахевича въ „Закаспійскомъ Обозрѣніи" 1905 г. №№ 237, 238, 239, 243 и 250). О процессѣ г. Стахевичъ сообщаетъ немного и невѣрно.

[1]) Дѣйствительно, Никитенко, напримѣръ, записалъ 22 сентября 1861 г.: „говорятъ, взятъ и великій проповѣдникъ соціализма и матеріализма, Чернышевскій".

чины, какъ почти не требовавшія повѣрки. Здѣсь приведу еще двѣ, повѣрка которыхъ незатруднительна.

„Первая изъ нихъ—моя чрезвычайно сильная привязанность къ покойному Н. А. Добролюбову и дурные отзывы о немъ Герцена, начинающіеся съ весны 1859 года, когда въ № 45 или 47 [1]) „Колокола“ была напечатана обидная для Добролюбова (и для меня,—но о себѣ я не говорю) статья Герцена „Very Dangerous“. Этихъ отзывовъ о Добролюбовѣ я не могъ извинить Герцену никогда, а тѣмъ болѣе послѣ смерти Добролюбова. Когда я потерялъ Добролюбова (въ ноябрѣ 1861 г.), непріязнь къ Герцену за него усилилась во мнѣ до того, что увлекла меня до поступковъ, порицаемыхъ правилами литературной полемики, не дозволяющей бранить того, кого не могъ бы похвалить, еслибъ захотѣлъ. Укажу для примѣра на выраженіе мое о немъ въ одной изъ первыхъ книжекъ „Современника“ за 1862 г. въ статьѣ, которою началъ я біографію Добролюбова. Это было напечатано мною около того времени, когда я,—говоритъ обвиненіе,—будто бы собирался вступать въ товарищество съ Герценомъ. Эта моя рѣзкость надѣлала тогда довольно шума въ нашей литературѣ, и вообще въ послѣднее время передъ моимъ арестомъ литературный міръ очень хорошо зналъ мою непріязнь къ Герцену. На это есть печатныя указанія въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Для примѣра укажу на „Спбургскія Вѣдомости“ первой половины 1862 г. [2]).

[1]) № 44.

[2]) Чернышевскій ошибся. Этого рода выходка по адресу Герцена была сдѣлана имъ не въ статьѣ о Добролюбовѣ, а въ „Свисткѣ“ при январской книгѣ 1862 г. Тамъ онъ писалъ между прочимъ: „Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ, а такъ какъ литература служитъ отраженіемъ жизни, то значитъ, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь. Но едва мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ жилахъ отъ ужаса: что скажетъ о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, еслибы возненавидѣлъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе пылкій, который такъ и крикнетъ: „very dangerous!“ и назоветъ меня „окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ“ или „неспасаемымъ кандидатомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, какая безразсудная забывчивость бездушнаго скептицизма! какъ могъ я забыть, что въ эти пять лѣтъ совершено освобожденіе крестьянъ!“

„Но, кромѣ политическихъ причинъ несогласія и кромѣ личной непріязни, существуетъ еще одно обстоятельство, по которому я никакъ не могъ думать о товариществѣ съ Герценомъ. Я привыкъ быть полнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ которомъ участвую. Я могу уступить своему товарищу всю денежную часть, оставить на его волю помѣщеніе безразличныхъ по своему содержанію повѣстей, но направленіе журнала должно быть безусловно мое. Съ Герценомъ это было бы невозможно. Онъ не только сталъ бы спорить со мною о чужихъ статьяхъ, но сталъ бы требовать, чтобы я поправлялъ по его замѣчаніямъ свои статьи. А я не только не могъ бы допустить такого вмѣшательства, а самъ потребовалъ бы отъ него безусловнаго подчиненія себѣ, т. е. вещи невозможной. Кто не знаетъ, что непремѣнно я хочу быть безусловнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ редакціи котораго участвую, тотъ не знаетъ меня. А при этомъ мысль о моемъ товариществѣ съ Герценомъ—нелѣпость. Натурально, послѣ этого, что я былъ до крайности удивленъ, услышавъ на допросѣ 30 октября, что я обвиняюсь въ сношеніяхъ съ Герценомъ, и почелъ этотъ вопросъ сдѣланнымъ безъ всякихъ основаній. Но еще болѣе былъ я изумленъ, когда на первомъ изъ двухъ допросовъ, бывшихъ въ мартѣ, сообщили мнѣ, что существуетъ письмо, выражающее согласіе Герцена на то, чтобъ издавать журналъ со мною. Кѣмъ придуманъ такой невозможный для меня проектъ, я и не постигаю. Но если еще остается какое-нибудь подозрѣніе въ томъ, что я имѣлъ это намѣреніе, то я прошу, чтобы Пр. С. разрѣшилъ мнѣ принять для изслѣдованія этого страннаго случая тѣ мѣры, какія могутъ быть допущены по закону.

Къ общеизвѣстнымъ разсказамъ о благоговѣйномъ отношеніи Чернышевскаго къ Добролюбову прибавлю сообщаемый г. Николаевымъ: „Я помню, онъ читалъ намъ свой „Прологъ къ прологу“. Когда онъ читалъ дневникъ Левицкаго (въ которомъ онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, изобразить Добролюбова), голосъ его задрожалъ, въ немъ послышались всхлипывающія ноты, на глазахъ показались слезы. И онъ убѣжалъ тогда на полчаса: вѣроятно, хотѣлъ остаться одинъ со своими слезами. Онъ вообще не могъ безъ слезъ вспоминать Добролюбова: такъ сильно онъ любилъ его и настолько выше себя ставилъ его“ (см. брошюру г. Николаева, стр. 24).

2. Объясненіе о мнимомъ шифрѣ, найденномъ у меня.

„Эти картонные лоскутки исписаны буквами и цифрами почерка моего родственника, Алексѣя Осиповича Студенскаго, который теперь, вѣроятно, находится въ Петербургѣ, и адресъ котораго, вѣроятно, извѣстенъ моему двоюродному брату Александру Николаевичу Пыпину, живущему у Владимірской, въ Свѣчномъ переулкѣ, въ домѣ Тулякова, квартира № 43 (А. Н. Пыпина).

„Уѣзжая въ Саратовъ, за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ, г. Студенскій принесъ мнѣ на сохраненіе зеленую папку со своими бумагами и положилъ ее на окно моей комнаты или въ нижній ящикъ стоявшаго въ ней шкапа съ книгами,—не припомню въ точности. Я, разумѣется, и не дотрогивался до этой папки. Вѣроятно, въ ней и нашлись эти картонные лоскутки. Что это за игрушка, —вѣроятно, объяснитъ г. Студенскій. А я дѣлаю такое предположеніе, за удачность котораго, впрочемъ, не ручаюсь:

„Незадолго передъ моимъ арестомъ были совѣщанія людей, занимающихся русскою грамматикою (кажется, въ залѣ 2-й гимназіи), объ улучшеніи русскаго языка и орѳографіи. Г. Студенскій былъ очень заинтересованъ этимъ предметомъ и занимался лексикографическими и этимологическими разложеніями русскихъ словъ на ихъ составныя части,—я думаю, не сдѣлалъ ли онъ эти картонные лоскутки для пособія себѣ въ такомъ занятіи. А, впрочемъ, не рѣшаю, угадалъ ли я.

„Я не обратилъ на нихъ большого вниманія, когда мнѣ показывали ихъ, думая, что сама комиссія почтетъ удобнымъ оставить безъ вниманія эту игрушку. Но если не обманываетъ меня память, лоскутки исписаны такъ: по краю лоскутка съ начала строки идетъ рядъ цифръ отъ 1 до 36 или 35, а послѣ цифръ написаны буквы русской азбуки. Еслибъ это былъ шифръ, этотъ шифръ принадлежалъ бы къ такой системѣ: каждой буквѣ соотвѣтствуетъ одна цифра (отъ 1 буквы до 9-й) или 2 цифры (отъ 10 буквы до конца азбуки); знакъ каждой буквы (одну цифру или двѣ) надобно ставить отдѣльно отъ предыдущаго и послѣдующаго знака, потому что иначе нельзя было бы различить, гдѣ брать двѣ цифры за букву, гдѣ одну, и самъ писавшій не могъ бы разобрать того, что написалъ, и

никакой ключъ не помогъ бы путаницѣ. Поясню это примѣромъ. Пусть будетъ

а — 1
б — 2
л — 12

тогда, если написать сплошь 1212, нельзя будетъ имѣющему ключъ шифра знать, какъ прочесть это: *абл* или *лаб*, или *абаб*, или *лл*. Потому необходимо писать врознь,—такъ:

1 2 12 —

это будетъ *абл*.

12 1 2 — *лаб*
12 12 — *лл*

„Но всѣ шифры такой системы (для каждой буквы особый знакъ, и знакъ каждой буквы ставится особо отъ предыдущаго и послѣдующаго) уже черезчуръ просты. Я никогда не занимался искусствомъ дешифровки, но берусь въ одинъ вечеръ найти ключъ къ отрывку, писанному какимъ бы то ни было шифромъ этой системы. Еслибъ я имѣлъ надобность или охоту придумывать или употреблять шифръ, то надѣюсь, что у меня достало бы смысла понять, что шифръ такой системы слишкомъ плохъ, и достало бы ума придумать шифръ получше.

„Прибавлю: я не такой невѣжда, какимъ предполагаетъ меня это обвиненіе. Изъ чтенія гражданскихъ и политическихъ, и неполитическихъ уголовныхъ иностранныхъ процессовъ мнѣ извѣстно, что употребленіе какого бы то ни было шифра признано вещью устарѣлою, неудобною для тайныхъ сношеній и слишкомъ опасною для сносящихся. И еслибъ я хотѣлъ имѣть съ кѣмъ-нибудь тайныя письменныя сношенія, то ужъ навѣрное не выбралъ бы средствомъ для нихъ не только такой младенческой системы шифра, какую давали-бъ эти лоскутки, когда бы служили для шифрованія, но и никакой системы шифра.

3. Поясненія по показаніямъ г. Костомарова всѣмъ вообще.

„Я не юристъ, потому прошу Пр. С. быть снисходительнымъ, если въ этомъ отдѣлѣ моего дополнительнаго показанія беру

предметъ, который, по обычаямъ нашей судебной практики, долженъ быть предметомъ моихъ отвѣтовъ не теперь, а въ какомъ-либо послѣдующемъ періодѣ моего процесса. Слѣдственная комиссія не спрашивала меня, имѣю ли я причины отвода противъ г. Костомарова. Я не знаю, долженъ ли быть предложенъ мнѣ этотъ вопросъ: если нѣтъ, то вновь прошу снисходительности Пр. С. къ той погрѣшности, что утруждаю Сенатъ разборомъ вопроса, не подлежащаго моему отвѣту. Наконецъ, что касается самой сущности предъявляемыхъ мною основаній отвода, вновь прошу снисходительности Пр. С. въ томъ случаѣ, если причины эти неудовлетворительны: я никакъ не хотѣлъ бы приводить законовъ, не подходящихъ къ дѣлу, но по недостатку спеціальнаго юридическаго знанія могу ошибиться.

„Мнѣ кажется,—не знаю, основательно ли,—что г. Костомаровъ подходитъ или подъ какой-либо, или подъ нѣкоторые изъ слѣдующихъ законовъ:

> Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 216 п. 1—„не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 1) лица, прикосновенныя къ дѣлу“.

„Г. Костомаровъ есть лицо, прикосновенное къ дѣлу, если не сдѣлалъ своихъ показаній противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ: по статьѣ (того же тома той же книги) 596:

> „Всякаго состоянія люди обязаны доносить о дѣлахъ, касающихся до преступленій государственныхъ, означенныхъ въ статьяхъ 275—280 и 282—287 улож. о наказ., подъ опасеніемъ за недонесеніе наказаній, опредѣленныхъ за сіе въ статьяхъ 277, 279, 281,—286 и 288 того же уложенія“,

и статьи 17 уложенія о наказаніяхъ:

> „прикосновенными къ преступленію считаются и тѣ, которые, знавъ о умышленномъ или уже содѣянномъ преступленіи и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности“.

„Если же г. Костомаровъ сдѣлалъ свои показанія противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ, то я прежде допущенія показаній г. Костомарова за обвиненія, подлежащія судебному разсмотрѣнію, въ настоящее время, долженъ просить Пр. С. объ изслѣдованіи вопроса: почему при существованіи такихъ показаній я не былъ призванъ къ суду или ка-

кому-либо отвѣту въ послѣднюю половину 1861 года, когда производилось слѣдствіе надъ г. Костомаровымъ.

„Или, быть можетъ, г. Костомаровъ подходитъ подъ пунктъ 2-й той же 216 статьи XV тома 2 ч.:

„не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 2) имѣвшіе съ нимъ (подсудимымъ) вражду“;

мнѣ казалось бы, что онъ подходитъ подъ этотъ пунктъ на основаніи фактовъ, которые я излагаю ниже.

„Если же г. Костомаровъ подходитъ подъ какой-либо изъ этихъ законовъ, то мнѣ казалось бы, что нѣтъ нужды и входить въ разборъ его показаній, на основаніи

Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 334: „Показанія свидѣтелей вовсе не имѣютъ силы доказательства 1) когда они учинены безъ присяги“.

„Перехожу къ поясненію моихъ отношеній съ г. Костомаровымъ.

„Я былъ внимателенъ, могу сказать: добръ къ нему. Не скрывается ли въ этомъ нѣчто особенное? Да, скрывается или, вѣрнѣе сказать, обнаруживается особенность моего характера, доходящая до такой крайности, которая служитъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ въ кругу моихъ знакомыхъ, источникомъ безчисленныхъ хлопотъ и непріятностей для меня: трудно найти человѣка, который не получилъ бы отъ меня всякой возможной услуги и помощи, кто бы ни былъ этотъ ищущій ее у меня,—знакомый или незнакомый, все равно. Какъ писатель, я извѣстенъ крайнею жестокостью,—въ частной жизни я страдаю противоположнымъ недостаткомъ.

„Но, кромѣ этой особенной, была другая, самая обыкновенная причина моей внимательности къ г. Костомарову. Я былъ журналистъ. Всякій неглупый журналистъ знаетъ, что должно быть внимательнымъ къ молодымъ, начинающимъ литераторамъ, потому что изъ нихъ выходятъ свѣжія силы, а безъ внимательности къ нимъ журналъ хилѣетъ и падаетъ. Поэтому я, для собственной выгоды, всегда былъ внимателенъ къ начинающимъ литераторамъ, высматривая, не окажется ли кто-нибудь изъ нихъ хорошимъ работникомъ. Люди болѣе меня зоркіе умѣютъ скоро различать, годится или не годится молодой человѣкъ въ сотрудники журнала. Мнѣ нужно всматриваться долго. И я все еще только всматривался въ г. Косто-

марова, не рѣшаясь предложить ему работу въ „Современникѣ“, пока получше не узнаю его способностей. (Быть можетъ, нелишнее объяснить, что сотрудничество, постоянное участіе въ собственно журнальной работѣ, въ такъ называемыхъ текущихъ статьяхъ вовсе не то, что напечатаніе стиховъ въ журналѣ).

„Въ такихъ отношеніяхъ я былъ съ десятками начинающихъ литераторовъ. Г. Костомаровъ былъ не исключеніе, а подходилъ подъ общее правило. Для г. Костомарова я сдѣлалъ даже гораздо меньше, чѣмъ для многихъ другихъ.

„Эта необходимость быть внимательнымъ и оказывать возможныя услуги еще вовсе не составляетъ интимности и не свидѣтельствуетъ о довѣріи. Это просто то, что наниматель на работу высматриваетъ хорошихъ работниковъ между людьми, ищущими работы. Съ г. Костомаровымъ я былъ менѣе коротокъ, нежели бывалъ со многими изъ начинающихъ литераторовъ. Что дѣйствительно не былъ я съ нимъ коротокъ и почему не былъ, это будетъ видно изъ слѣдующихъ поясненій.

„Но я дѣйствительно былъ внимателенъ къ нему. Напримѣръ, онъ сталъ говорить, что хочетъ издать поэтическую хрестоматію; я отдалъ ему сборникъ подобнаго рода, валявшійся у меня уже нѣсколько лѣтъ и ненужный мнѣ. Онъ принялъ за большую услугу подарокъ этой вещи, непригодной мнѣ ни на что, и просилъ позволенія написать въ предисловіи, что хрестоматія, которую онъ сдѣлаетъ на основаніи этого сборника (уже устарѣвшаго и потому требовавшаго передѣлки), составлена по моимъ совѣтамъ. Когда онъ вздумалъ издать переводъ „Исторіи литературы“ Шерра, я на его просьбу помочь отвѣчалъ, что беру цензурныя хлопоты и печатаніе на себя. То и другое не было для меня важностью. Цензоръ былъ всегда готовъ по моей просьбѣ прочесть рукопись поскорѣе; типографія Вульфа и бумажная лавка (бывшая) Завѣтнова имѣли текущій счетъ и кредитъ съ конторою „Современника“. Но для г. Костомарова была важна услуга, которая не стоила мнѣ ничего.

„По возвращеніи моемъ (въ сентябрѣ 1861 г.) изъ Саратова въ Петербургъ, когда г. Костомаровъ былъ уже арестованъ, я пересталъ дѣлать для него что-либо и, между прочимъ, отказался печатать переводъ Шерра. Кто хочетъ объяснить это только въ невыгодную для меня сторону, легко найдетъ двѣ причины

перемѣны. Возвратившись изъ Саратова, я узналъ, что мой двоюродный братъ, г. А. Пыпинъ, взялъ на себя редакцію другого перевода той же книги Шерра; натурально предположить, что я не хотѣлъ мѣшать успѣху изданія, въ которомъ работалъ мой родственникъ. Этимъ, кажется, достаточно объясняется отказъ мой печатать переводъ г. Костомарова. А вообще, у меня, какъ у журналиста, исчезла причина внимательности къ г. Костомарову: даровитый онъ былъ человѣкъ или нѣтъ, все равно, онъ надолго лишался способности быть полезнымъ для журнала. Я не имѣю права требовать, чтобы мою перемѣну приписывали побужденіямъ болѣе благороднымъ [1]).

„Но отъ чего бы ни произошла перемѣна, г. Костомаровъ увидѣлъ, что ошибся въ разсчетахъ на мою помощь, и это очень раздражило его противъ меня.

„Въ то время, когда производилось дѣло г. Михайлова, носились слухи, что у г. Костомарова найдено воззваніе къ барскимъ крестьянамъ или два какія-то воззванія; что по судебному изслѣдованію найденъ былъ авторъ этой рукописи или этихъ рукописей. Если какой-либо изъ этихъ слуховъ основателенъ, то мнѣ нѣтъ надобности доказывать, что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ писано не мною. На очной ставкѣ со мною при второмъ изъ допросовъ, сдѣланныхъ мнѣ въ мартѣ, г. Костомаровъ упомянулъ, что это воззваніе (или эти два воззванія) признано (или признаны) по суду за написанныя имъ, г. Костомаровымъ. Но хотя эти слова его и совершенно въ мою пользу, я не ссылаюсь на нихъ, какъ на что-либо достовѣрное, потому что вообще въ словахъ г. Костомарова слишкомъ много неточностей; я только прошу о повѣркѣ этихъ его словъ справкою съ его дѣломъ.

„Прибавлю: носились слухи, что г. Костомаровъ въ продолженіе своего процесса перемѣнялъ свои показанія и постепенно дошелъ въ нихъ до такихъ странностей, что слѣдственная комиссія, производившая его дѣло, перестала принимать его показанія къ свѣдѣнію. Этотъ слухъ также требуетъ повѣрки справкою съ дѣломъ г. Костомарова.

„Вообще справка съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова должна объяснить много вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, каково

[1]) Разумѣется, истинная причина—доносъ на Михайлова. Послѣ этого Чернышевскій принялъ, по всей вѣроятности, мѣры къ уничтоженію слѣдовъ сношеній съ Костомаровымъ.

бы оно ни было, непремѣнно устраняетъ обвиненія противъ меня, извлекаемыя изъ показаній г. Костомарова. Изъ этихъ вопросовъ въ предыдущемъ изложеніи фактовъ уже явились слѣдующіе: когда и какъ даны показанія г. Костомарова (если давно, я устраняю ихъ, какъ уже отвергнутыя судомъ; если недавно, я устраняю ихъ, какъ показанія лица, лишившагося способности быть свидѣтелемъ); перемѣнялъ ли г. Костомаровъ свои показанія, или нѣтъ (если перемѣнялъ, они теряютъ силу доказательствъ по взаимному противорѣчію; если не перемѣнялъ, то, значитъ, они признаны за основательныя судомъ, не призывавшимъ меня къ отвѣту); открытъ ли судомъ авторъ рукописи (или рукописей), найденныхъ у г. Костомарова (если открытъ, мнѣ не въ чемъ оправдываться; если нѣтъ, то одно изъ двухъ: г. Костомаровъ знаетъ или не знаетъ его; если знаетъ, онъ неспособенъ быть свидѣтелемъ, какъ лицо, бывшее укрывателемъ; если не знаетъ, его показанія противъ меня неосновательны). Другіе вопросы, требующіе справки съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова, будутъ представляться въ послѣдующемъ изложеніи фактовъ.

„Сдѣлавъ эти поясненія, относящіяся ко всѣмъ обвиненіямъ противъ меня, извлекаемымъ изъ показаній г. Костомарова, перехожу къ разбору каждаго изъ этихъ обвиненій въ отдѣльности, повторяя, что къ предыдущимъ объясненіямъ мнѣ кажется, что я имѣю право отвергать ихъ безъ всякаго разбора, какъ незаслуживающія судебнаго разсмотрѣнія, и прося снисходительности Пр. С. къ моей ошибкѣ, если, не будучи юристомъ, ошибаюсь въ этомъ моемъ мнѣніи.

4. Поясненія по показанію г. Костомарова, будто я читалъ ему съ г. Михайловымъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, какъ написанную мною вещь

„Г. Костомаровъ (зимою 1860—61 года) однажды вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ г. Михайловымъ. Когда меня спрашивали при слѣдствіи, гдѣ я видѣлъ г. Костомарова въ первый разъ, я не могъ ручаться за то, что онъ когда-нибудь прежде этого не видѣлъ меня въ лицо или не былъ въ однѣхъ комнатахъ со мной. Человѣкъ, который по своимъ занятіямъ постоянно видитъ новыя лица, часто и не говорящія ему своей фамиліи изъ авторскаго самолюбія, чтобъ не осталось у журналиста связаннаго

съ фамиліею воспоминанія о какой-нибудь плохой, отвергнутой имъ повѣсти или статьѣ,—такой человѣкъ не можетъ ручаться за то, когда именно видѣлъ его кто-либо въ первый разъ. Приведу фактъ изъ своей жизни. Г. Краевскій и г. Некрасовъ поступили бы очень опрометчиво, еслибы сказали передъ судомъ, когда видѣлись со мной въ первый разъ. Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ очень хорошо помнитъ, когда я былъ у него въ первый разъ въ 1853 году, съ котораго начались наши литературныя отношенія. Но я видѣлъ того и другого несравненно раньше. Г. Краевскому я отдалъ (лично, въ тогдашней конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“) переводъ біографіи г-жи Ментенонъ изъ фельетона „Journal des Débats“ въ іюлѣ или августѣ 1846 года; и г. Краевскій былъ такъ милъ, что говорилъ со мною довольно долго и очень ласково, но переводъ мой не годился для журнала. Онъ очень удивится, когда я напомню ему это обстоятельство. Точно также удивится г. Некрасовъ, когда я скажу, что въ концѣ 1847 года или въ началѣ 1848 года я видѣлъ его и сказалъ съ нимъ нѣсколько словъ въ тогдашней конторѣ „Современника“, отдавая ему написанную мною тогда повѣсть (содержаніе которой были несчастія сироты-дѣвушки, воспитывавшейся въ институтѣ и потомъ попавшей въ дурныя руки),—повѣсть, которая тоже оказалась незаслуживающею печати. Конечно, я не напомнилъ ни тому, ни другому объ этихъ свиданіяхъ, когда начиналъ знакомство съ ними черезъ нѣсколько лѣтъ, и былъ очень радъ, что они совершенно забыли о нихъ и встрѣтили меня, какъ человѣка, никогда еще не виданнаго ими.

„Но когда мнѣ сказали, что г. Костомаровъ говоритъ, что не видѣлъ меня до своего пріѣзда съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я полагаю, что это правда; по крайней мѣрѣ, это согласно съ моими собственными воспоминаніями. И когда теперь мнѣ извѣстно, что подъ первымъ свиданіемъ моимъ съ г. Костомаровымъ разумѣется пріѣздъ г. Костомарова съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я могу объяснить, какъ это произошло.

„Въ ту зиму (1860—1861 г.) г. Михайловъ бывалъ у меня довольно рѣдко, почти всегда только по утрамъ, на короткое время, по дѣламъ „Современника“, корректуры котораго тогда читалъ онъ. Но онъ зналъ, что мои знакомые собираются сидѣть у меня по средамъ. И вотъ въ одну среду вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ молодымъ человѣкомъ въ уланскомъ

мундирѣ и рекомендовалъ его мнѣ, какъ г. Костомарова, литератора. Когда они пріѣхали, у меня уже находилось, когда они уѣхали, у меня еще оставалось нѣсколько человѣкъ гостей. Я встрѣтилъ г. Михайлова и г. Костомарова въ залѣ, гдѣ сидѣлъ съ гостями, и новые два сѣли въ кругу прежнихъ. Черезъ нѣсколько времени г. Костомаровъ сказалъ мнѣ, что хочетъ поговорить со мною наединѣ: это очень обыкновенная вещь у литераторовъ; журналисты привыкли слышать такія желанія и исполнять ихъ; литературныя дѣла такъ близко касаются авторскаго самолюбія, что о нихъ очень часто говорятъ наединѣ. Я ждалъ обыкновеннаго для журналистовъ объясненія о литературныхъ намѣреніяхъ, просьбъ о совѣтахъ по какимъ-нибудь стихотвореніямъ или повѣстямъ—и пошелъ съ г. Костомаровымъ—однимъ имъ—въ мой кабинетъ. Г. Михайловъ оставался въ залѣ съ другими гостями—и не входилъ въ кабинетъ. Все время нашего отсутствія онъ оставался безвыходно въ залѣ. Черезъ нѣсколько времени я и г. Костомаровъ возвратились въ залъ. Это факты, видѣнные моими гостями въ ту среду.

„Г. Михайловъ привезъ ко мнѣ г. Костомарова въ такой вечеръ, въ который у меня бывали гости. Изъ этого я вывожу, что, привозя ко мнѣ г. Костомарова, онъ не имѣлъ никакой тайной цѣли. Для тайныхъ разговоровъ не выбираются вечера, когда у хозяина собираются гости.

„Мой разговоръ съ г. Костомаровымъ въ кабинетѣ весь, съ начала до конца, происходилъ наединѣ. Г. Костомаровъ очень неудачно ввелъ въ свое показаніе обстоятельство, неточность котораго я въ состояніи доказать. Такъ какъ въ этомъ обстоятельствѣ—присутствіи г. Михайлова—не было ему надобности для его цѣлей, то изъ этого я вывожу, что его воспоминанія очень сбивчивы.

„Итакъ, нашъ разговоръ съ г. Костомаровымъ въ моемъ кабинетѣ происходилъ совершенно наединѣ, какъ очень часто происходятъ разговоры журналиста съ литераторомъ,—и безъ особеннаго случая я не могъ бы доказать, что содержаніе этого разговора было вовсе не таково, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Но, къ счастью, черезъ нѣсколько дней послѣ того произошелъ слѣдующій случай. У г. Некрасова былъ обѣдъ. Я и г. Михайловъ находились въ числѣ гостей. За обѣдомъ г. Михайловъ обратился ко мнѣ съ укоризнами въ томъ, что

я охлаждаю молодыхъ людей и что я возбудилъ этимъ неудовольствіе г. Костомарова, который говорилъ ему (г. Михайлову), что разговоръ его (г. Костомарова) со мною въ кабинетѣ показалъ ему (г. Костомарову) во мнѣ апатичнаго человѣка, желающаго, чтобъ и всѣ другіе были, подобно мнѣ, апатичными гражданами, не думающими объ общей пользѣ, заботящимися только о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Г. Михайловъ осыпалъ меня этими укоризнами почти съ самаго начала до самаго конца обѣда, довольно продолжительнаго. Онъ сидѣлъ довольно далеко отъ меня (я сидѣлъ на одной изъ узкихъ сторонъ стола, а г. Михайловъ—близко къ другой узкой сторонѣ стола), такъ что онъ говорилъ со мною черезъ весь столъ, говорилъ громко и съ жаромъ, заглушая разговоръ между собою другихъ обѣдавшихъ, которые скоро почти всѣ перестали говорить между собою, слушая нашъ разговоръ, состоявшій изъ длинныхъ горячихъ нападеній Михайлова на меня и моихъ короткихъ холодныхъ или шутливыхъ отвѣтовъ.

„Это послѣдствіе моего разговора съ г. Костомаровымъ показываетъ, что этотъ происходившій между мною и имъ разговоръ имѣлъ съ моей стороны направленіе и содержаніе прямо противоположное тому, что утверждаетъ г. Костомаровъ.

„Мнѣ кажется, что я могу теперь ожидать вѣры въ слѣдующее мое показаніе о дѣйствительномъ содержаніи этого разговора. Вотъ оно. Г. Костомаровъ, начавъ рѣчь съ сборника переводныхъ стихотвореній, который онъ издавалъ тогда, перешелъ къ обыкновеннымъ жалобамъ литераторовъ на цензуру, а отъ нихъ началъ-было переходить къ тому, что вообще дѣла у насъ въ Россіи идутъ плохо, но на этомъ, совершенно еще неопредѣленномъ періодѣ его словъ я остановилъ его шутливымъ вопросомъ, велико ли у него состояніе, когда онъ служитъ репетиторомъ въ одномъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ,—„я привыкъ находить,—сказалъ я,—что между преподавателями кадетскихъ корпусовъ нѣтъ людей очень богатыхъ“(о томъ, гдѣ онъ служитъ, я спрашивалъ у него прежде, когда мы сидѣли въ залѣ).—Никакого состоянія, кромѣ маленькаго разваливающагося домика у моей матушки.—„Ахъ, у васъ есть матушка?“—спросилъ я иронически.—И сестры,—отвѣчалъ онъ.—„Вотъ какъ, у васъ есть матушка и сестры,—сказалъ я съ еще большей иронією,—и, вѣроятно, живутъ доходами съ этого разваливающагося домика?“—Нѣтъ,—какой же съ него доходъ,—отвѣчалъ онъ

уныло: — я содержу ихъ своею работою и жалованьемъ. — „А когда такъ,—сказалъ я серьезнымъ тономъ,—то вамъ слѣдуетъ думать не о томъ, хорошо или дурно идутъ дѣла въ Россіи, а о вашемъ семействѣ, которое вы обязаны содержать вашими трудами“;—сказавъ нѣсколько словъ на эту обыкновенную тему обыкновеннымъ тономъ людей, успѣвшихъ поостыть и читающихъ по всякому малѣйшему поводу нотаціи молодымъ людямъ о семейныхъ обязанностяхъ и разсудительности,—я всталъ, и мы возвратились въ залъ.

„Я перервалъ г. Костомарова такъ рано, что онъ не только не успѣлъ дойти до какихъ бы то ни было намековъ о какихъ-нибудь тайныхъ своихъ дѣлахъ, но и не успѣлъ сказать ровно ничего особеннаго,—немногія слова, которыя успѣлъ сказать онъ о плохомъ, по его тогдашнему мнѣнію, ходѣ дѣлъ въ Россіи, были такъ неопредѣленны и блѣдны, что показались мнѣ не больше, какъ попыткою того, что называется „полиберальничать“, — обыкновенною замашкою очень многихъ, скучною для меня [1]).

„Въ горячихъ укоризнахъ, дѣлаемыхъ мнѣ г. Михайловымъ за обѣдомъ у г. Некрасова, также не было ничего такого, что могло бы возбудить во мнѣ предположеніе о какихъ-нибудь тайныхъ дѣлахъ или намѣреніяхъ у г. Михайлова или г. Костомарова. Это само собою слѣдуетъ уже изъ того, что онъ говорилъ при нѣсколькихъ лицахъ, открыто, громко. Я зналъ г. Михайлова за человѣка пылкаго, но очень мало занимающагося политическими вопросами,—да и разгорячился тогда онъ вовсе не по какому-нибудь политическому вопросу, а изъ-за того, что я назвалъ бездарнымъ стихоплетомъ г. А. Майкова (извѣстнаго поэта),—г. Михайловъ вспыхнулъ, началъ говорить, что у меня нѣтъ эстетическаго чувства, что я унижаю искусство, отвергаю поэзію, отвергаю все высокое и благородное, что мой взглядъ—холодный, леденящій всѣ благородные порывы,—вотъ какимъ рядомъ мыслей дошелъ онъ до того, что я охладѣлъ и тѣмъ разсердилъ г. Костомарова — и поэтому слова г. Михайлова въ своей неопредѣленности не имѣли никакого политическаго смысла.

„Но если не было ничего замѣчательнаго въ содержаніи словъ г. Михайлова, то все-таки вѣдь они говорились въ укоризну мнѣ,— это была сцена, непріятная для меня: полчаса слушать

[1]) Чернышевскій ея вообще не выносилъ.

брань на себя, хоть и отъ добраго знакомаго,—это такой случай, на который не стоитъ сердиться, но который невольно запоминается съ обстоятельствами, къ которымъ онъ относится. Вотъ причина, по которой врѣзались въ моей памяти черты разговора съ г. Костомаровымъ.

„Но самъ по себѣ этотъ разговоръ не былъ важенъ, да и весь вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, тоже не былъ важенъ,—вотъ объясненіе тому, что у г. Костомарова осталось слишкомъ слабое воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и этомъ разговорѣ, такъ что, дѣлая показаніе, онъ не могъ сообразить, что вводитъ въ него такую черту, неточность которой я могу доказать, — т. е. мнимое присутствіе г. Михайлова при нашемъ разговорѣ.

„У меня никогда не было никакого разговора втроемъ съ г. Костомаровымъ и г. Михайловымъ безъ другихъ свидѣтелей. Я видѣлъ г. Михайлова и г. Костомарова вмѣстѣ только одинъ разъ, и въ этотъ разъ г. Михайловъ не выходилъ изъ моего зала, гдѣ сидѣлъ съ другими моими гостями.

„Г. Костомаровъ ввелъ въ свое показаніе другое обстоятельство, котораго не вздумалъ бы утверждать при близкомъ знакомствѣ съ моими привычками. Онъ говоритъ, будто я читалъ ему и г. Михайлову вещь, написанную мною. Всякій, близко знающій меня, знаетъ, что это нравственная невозможность. Я никогда не читаю никому что бы то ни было, написанное мною. Этотъ обычай столь же чуждъ мнѣ, какъ танцованье балетныхъ танцевъ и собираніе милостыни подъ окнами. Авторъ только по одному изъ двухъ слѣдующихъ побужденій читаетъ кому-нибудь что-нибудь, написанное имъ: или изъ авторской любви къ написанному, когда дорожитъ тѣмъ, что написалъ, или по авторской скромности, чтобы просить замѣчаній, совѣтовъ. Но всѣмъ моимъ хорошимъ знакомымъ извѣстно, что въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой важности ничто изъ того, что я пишу. Быть можетъ, когда-нибудь я напишу что-нибудь, чѣмъ буду дорожить, но это будетъ не политическій памфлетъ, а большое философское сочиненіе. А все, что я писалъ до сихъ поръ, я считаю ничтожнымъ для себя. Я, какъ литераторъ, чрезвычайно гордъ, но именно по чрезмѣрной гордости чуждъ авторскаго тщеславія. Мнѣ противно даже слушать, когда говорятъ о чемъ-нибудь, написанномъ мною,—съ похвалою ли говорятъ, или съ порицаніемъ, или тономъ без-

различнымъ, все равно,—я немедленно поворачиваю разговоръ на другой предметъ. При такой чрезвычайной гордости натурально, что я не могу читать и для того, чтобы спрашивать совѣтовъ или замѣчаній у кого бы то ни было. Это было бы унизительно для меня. Я имѣю гордость думать, что, какъ писатель, не нуждаюсь ни въ чьихъ мнѣніяхъ и совѣтахъ, и самъ лучше всѣхъ знаю достоинства и недостатки того, что пишу. Я никогда ни у кого не спрашивалъ мнѣнія или совѣта ни о чемъ, что писалъ или пишу.

„То, что г. Костомаровъ могъ ввести въ свое показаніе такое неимовѣрное обстоятельство, будто бы я читалъ что бы то ни было, написанное мною, объясняется только тѣмъ, что онъ не былъ никогда близокъ ко мнѣ и потому не знаетъ моихъ обычаевъ.

„Прибавлю: по словамъ самого г. Костомарова, я видѣлъ тогда его въ первый разъ. Правдоподобно ли, чтобъ я сталъ выдавать себя за государственнаго преступника, чтобъ отдалъ свою голову во власть человѣка, котораго видѣлъ въ первый разъ?! Я дорожу моею головою больше, чѣмъ предполагалъ г. Костомаровъ, дѣлая такое показаніе.

5. Поясненія на показаніе г. Костомарова о посѣщеніяхъ, сдѣланныхъ ему мною въ бытность мою въ Москвѣ весною 1861 года, и о запискѣ, будто бы оставленной мною ему въ это время.

„Г. Костомаровъ говоритъ, что въ одинъ изъ дней, которые я провелъ въ Москвѣ весною 1861 года, когда онъ возвратился домой, ему отдали записку со словами, что она оставлена ему мною, незаставшимъ его дома. Въ дополненіе къ этому найдено, что г. Яковлевъ показываетъ, будто бы я, не заставши дома г. Костомарова, написалъ ему (г. Костомарову) записку и, какъ кажется г. Яковлеву, написалъ ее на лоскуткѣ бумаги, уже написанномъ съ другой стороны. О способности или неспособности г. Яковлева быть свидѣтелемъ—я буду говорить ниже, по поводу его показанія о моемъ посѣщеніи г. Костомарова въ августѣ 1861 года. Здѣсь же я разбираю не качества показывающихъ лицъ, а только существо самого дѣла.

„Мнѣ показывали записку на лоскуткѣ бумаги, другая сто-

рона котораго исписана чѣмъ-то. Я сдѣлалъ на ней надпись, что не признаю почерка этой записки своимъ, что онъ ровнѣе и красивѣе моего.

„Въ поясненіе этого обращу вниманіе на двѣ изъ тѣхъ особенностей, которыми ровные и красивые почерки отличаются отъ неровныхъ и некрасивыхъ. Строка состоитъ изъ трехъ частей: 1. росчерки, выдающіеся вверхъ, 2. росчерки, выдающіеся внизъ, 3. средняя полоса строки. Примѣръ—въ этомъ словѣ „примѣръ“ буквы *р* имѣютъ росчеркъ внизъ, буква *ѣ*—росчеркъ вверхъ, буквы *и*, *м* не должны выдаваться ни вверхъ, ни внизъ изъ основной средней полосы строки. Въ ровномъ почеркѣ линіи, проведенныя по верхнимъ и нижнимъ оконечностямъ буквъ и частей буквъ, не выдающихся изъ основной средней полосы, должны быть прямыя параллельныя линіи; въ неровномъ онѣ—ломаныя линіи, то сходящіяся, то расходящіяся. Примѣръ: слово *наша*,—тутъ всѣ части всѣхъ буквъ должны оставаться въ основной средней полосѣ строки; въ ровномъ почеркѣ верхнія и нижнія части этого слова представляются въ такихъ линіяхъ ; въ неровномъ—въ такихъ . Прямыя части буквъ, занимающія эту среднюю основную полосу строки, въ ровномъ почеркѣ всѣ имѣютъ одинаковое наклоненіе къ горизонтальной оси строки, а согнутыя части—части эллипсовъ, имѣющихъ одинъ размѣръ, т. е. одинаковую степень собственно искривленности, или цѣлые ровные эллипсисы; эти части эллипсисовъ и эллипсисы всѣ имѣютъ центръ на одной прямой и горизонтальной линіи, т. е. одинаковое наклоненіе къ оси строки. Въ неровномъ почеркѣ ни одна изъ этихъ одинаковостей не соблюдается. Примѣръ: *теплота*. Здѣсь, въ ровномъ почеркѣ, первыя линіи буквъ *т* и *п* одинаковы, одинаково наклонены; послѣднія линіи буквъ *т*, *п*, *л*, *т*, а также большая округлость буквы *е*, буквы *о* и первая половина буквы *а*—также. Въ неровномъ почеркѣ этого не будетъ.

„Прошу сравнить мой почеркъ съ почеркомъ записки, напрасно мнѣ приписываемой, въ этихъ двухъ отношеніяхъ.

„Мой почеркъ гораздо хуже почерка записки въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Можно нарочно написать худшимъ, но нельзя нарочно написать лучшимъ почеркомъ, чѣмъ какимъ способенъ писать. Въ ломаномъ почеркѣ не могутъ уменьшиться недостатки подлиннаго почерка.

„Если же, чтобы уменьшить эти недостатки подлиннаго почерка, для замаскированія руки, въ ломаномъ почеркѣ будутъ употреблены особенныя средства: проведеніе линеекъ, очень медленное черченіе (вырисовываніе) буквъ вмѣсто обыкновеннаго и довольно быстраго и свободнаго движенія руки, то эти искусственныя средства оставляютъ очень яркіе слѣды на написанномъ. Въ комиссіи я слышалъ замѣчаніе: „Вы могли вырисовывать буквы". Поэтому укажу средство распознать вырисованныя буквы отъ писанныхъ свободнымъ движеніемъ. Это средство— сильная луна или микроскопъ, увеличивающій въ 10 или 20 разъ. Вырисованныя буквы явятся съ рѣзкими обрывами по толстотѣ линій; въ буквахъ естественнаго почерка переходъ толстаго въ тонкое и тонкаго въ толстое гораздо постепеннѣе. Примѣръ. Дана буква *a*,—спрашивается, вырисована она или написана свободно и довольно быстро. Въ первомъ случаѣ она подъ микроскопомъ явится въ такомъ видѣ (рис. 1) (части, перечерченныя поперечными линіями, представляютъ собою сплошную массу). Таковъ будетъ видъ рисованной буквы; видъ буквы, написанной свободно, будетъ (рис. 2). Т. е. при вырисовываніи буквъ край черты имѣетъ тенденцію становиться ломаною линіею, между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ почеркѣ онъ имѣетъ тенденцію быть кривою или прямою линіею.

(Рис. 1).

(Рис. 2).

„Я не изучалъ спеціально правилъ распознаванія почерковъ, потому привожу лишь отрывочныя свѣдѣнія, какія мнѣ случилось пріобрѣсть изъ чтенія иностранныхъ гражданскихъ процессовъ. Въ случаѣ недостаточности этихъ сообщенныхъ мною пріемовъ распознаванія почерковъ, прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ прибѣгнуть къ тѣмъ изъ дававшихъ наукою средствъ, какія могутъ быть допущены по закону.

„Осмѣлюсь сказать слѣдующее: я бы никакъ не подумалъ дѣлать указанія на пріемы, употребляемые для распознаванія почерковъ, еслибы не былъ и не оставался въ недоумѣніи о томъ, какимъ образомъ было возможно приписывать писанную не моимъ почеркомъ записку мнѣ, имѣющему почеркъ,

дикая своеобразность котораго рѣжетъ глаза. Мой почеркъ такъ дикъ, что когда, бывало, въ школѣ товарищи дурачатся, по школьническому обыкновенію поддѣлываясь подъ почерки другъ друга и учителей, я бѣсился отъ рѣшительныхъ неудачъ написать что-нибудь похожее на обыкновенные почерки.

„Относительно общеизвѣстнаго пріема распознаванія почерковъ, состоящаго въ сличеніи фигуры отдѣльныхъ буквъ, прошу обратить вниманіе, между прочимъ, на слѣдующія буквы и группы буквъ:

„*е*, *с*, *г* выходятъ въ моемъ почеркѣ очень часто очень похожи другъ на друга;

„группа *ес* выходитъ подобно буквѣ *и* (иногда бываетъ трудно разобрать въ моемъ почеркѣ *если* отъ *или*);

„форма буквы *з* въ моемъ почеркѣ;

„постоянная уродливость буквы *и* (первая черта обыкновенно бываетъ слишкомъ велика передъ второю; разстояніе между ними вверху очень часто бываетъ слишкомъ мало сравнительно съ нижнею частью);

„почеркъ очень часто перерывается, гораздо чаще, чѣмъ въ обыкновенныхъ почеркахъ; эти обрывы бываютъ между прочимъ на буквахъ *и*, *л*, *м*, послѣ которыхъ не обрывается обыкновенный почеркъ.

„Въ настоящемъ показаніи особенности моей руки являются менѣе ярко, чѣмъ въ вещахъ, написанныхъ стальнымъ перомъ или карандашомъ,—притомъ же я пишу это показаніе крупно и тщательно [1]). Для сличенія удобнѣе могутъ служить вещи, писанныя карандашомъ, подобно присваиваемой мнѣ запискѣ,—такихъ вещей много между моими бумагами.

„Сдѣлавъ эти поясненія, я утверждаю, что почеркъ приписываемой мнѣ записки:

„1) не имѣетъ сходства съ моимъ почеркомъ и относится къ почеркамъ совершенно другого характера;

„2) что онъ не есть ни ломаный почеркъ, ни вырисованный почеркъ, т. е., что неизвѣстное лицо, писавшее эту записку, писало ее свободнымъ и быстрымъ движеніемъ руки;

„3) что я, какъ бы ни старался, не могъ бы написать такъ ровно.

---

[1]) Въ крѣпости никому стальныхъ перьевъ не давалось. Всѣмъ приносились уже приготовленныя гусиныя.

„Кончивъ эти поясненія о почеркѣ записки, перехожу къ другимъ сторонамъ вопроса о ней.

„Писать и оставить записку, которая, еслибы была дѣйствительно моя, служила бы прямою уликою,—это такая глупость, которая рѣшительно не согласна ни съ моею извѣстностью, какъ человѣка неглупаго, ни съ моимъ мнительнымъ характеромъ. Еслибы я былъ такой преступникъ, какимъ выставленъ въ показаніяхъ г. Костомарова, и съ тѣмъ вмѣстѣ такой опрометчивый глупецъ, какимъ слѣдовало бы назвать меня, еслибы я написалъ эту записку, то, конечно, противъ меня были бы сотни уликъ болѣе солидныхъ, чѣмъ эта записка и вообще тѣ обвиненія, которыя я опровергаю теперь

„Я былъ въ Москвѣ весною 1861 года и заходилъ тогда же къ г. Костомарову—то и другое обстоятельство я обращаю въ доказательство тому, что я не находился ни въ какихъ преступныхъ сношеніяхъ съ нимъ и не предполагалъ, чтобы онъ былъ замѣшанъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ тайнаго печатанія. Недѣли за двѣ передъ моею поѣздкою было отправлено въ Москву лицо, служившее по политической полиціи, отправлено съ порученіемъ разыскать тайное литографированіе и печатаніе, производившееся тогда въ Москвѣ. Я зналъ это по слуху, который былъ тогда извѣстенъ всему Петербургу, и по такому же слуху я знаю, что это лицо еще оставалось въ Москвѣ въ то время, когда я поѣхалъ туда. Мнѣ, какъ и всему литературному кругу, было извѣстно, что политическая полиція давно имѣетъ надзоръ за мною. Сверхъ того, я долженъ былъ думать, что само дѣло, по которому ѣхалъ я въ Москву, обратитъ на себя вниманіе политической полиціи (ниже я объясняю это дѣло), и что поэтому надзоръ за мной въ Москвѣ будетъ особенно бдителенъ. Еслибы я дѣйствительно былъ прикосновенъ къ дѣлу тогдашняго московскаго тайнаго печатанія, то у меня, по всей вѣроятности, достало бы осторожности, чтобы не ѣздить въ Москву въ такое опасное (въ случаѣ моей прикосновенности) время. Ѣхать для предупрежденія моихъ соучастниковъ (въ случаѣ моей прикосновенности) было уже поздно; еслибъ у меня была эта мысль, я поѣхалъ бы двумя недѣлями раньше. Ѣхать въ то время, когда поѣхалъ я, значило бы (въ случаѣ моей прикосновенности) уже только понапрасну лѣзть въ петлю. И безъ всякаго сомнѣнія, у меня достало бы благоразумія не бывать

въ домѣ г. Костомарова, еслибы я предполагалъ, что онъ занимается тайнымъ печатаніемъ, которое разыскивается политическою полиціею, имѣющею надзоръ за мною. Еслибъ я былъ его соучастникомъ или зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи, то я, конечно, сообразилъ бы, что своими посѣщеніями выдаю его и себя.

„То, что я посѣщалъ г. Костомарова въ бытность мою въ Москвѣ весною 1861 года, пріобрѣтаетъ характеръ нравственной возможности только при принятіи за истину того, что я не былъ съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ и не зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи.

„Прибавлю: когда я познакомился съ г. Костомаровымъ и сталъ оказывать участіе къ нему, то оказалось, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ знаютъ его ближе, чѣмъ г. Михайловъ. Отъ нихъ я услышалъ, что онъ—человѣкъ, во-первыхъ, не умѣющій молчать, во-вторыхъ, расположенный выдавать свои мечты за факты. Когда я былъ у него въ Москвѣ въ первый разъ, я ужъ имѣлъ эти свѣдѣнія о немъ. Конечно, ихъ было бы достаточно для меня, чтобы прекратить всякія сношенія съ нимъ, еслибы эти сношенія имѣли сколько-нибудь тайный или рискованный характеръ. Но такъ какъ я имѣлъ съ нимъ дѣло только, какъ съ молодымъ, начинающимъ литераторомъ, то для меня было все равно, скроменъ онъ или нескроменъ, прикрашиваетъ онъ или не прикрашиваетъ факты,—при совершенной невинности и несекретности моихъ отношеній къ нему мнѣ нечего было опасаться ни отъ нескромности, ни отъ наклонности прикрашивать факты.

„Дѣло, по которому я ѣздилъ тогда въ Москву, было слѣдующее. Нѣсколько петербургскихъ литераторовъ, собравшихся въ квартирѣ г. Вернадскаго [1]), выслушали и съ нѣкоторыми измѣненіями одобрили основныя черты новыхъ правилъ цензуры, написанныя г. Вернадскимъ, и положили подать объ этомъ просьбу г. министру народнаго просвѣщенія. Надобно было кому-нибудь отправиться въ Москву для предложенія участія въ этомъ дѣлѣ московскимъ литераторамъ. Г. Вернадскій вызвался ѣхать, но не раньше, какъ недѣли черезъ двѣ или три. А въ тотъ самый день, какъ было это собраніе, „Со-

[1]) Издатель-редакторъ еженедѣльнаго журнала „Экономическій Указатель“.

временникъ" получилъ сильную цензурную непріятность, которая усилила мое нетерпѣніе хлопотать о цензурныхъ улучшеніяхъ, и потому я сказалъ: „что откладывать въ долгій ящикъ; если присутствующіе согласны поручить это мнѣ, я поѣду завтра или послѣ-завтра". Они согласились, и я дѣйствительно поѣхалъ черезъ полуторы сутки. По пріѣздѣ въ Москву тотчасъ же поѣхалъ къ г. Каткову, важнѣйшему тогда изъ московскихъ журналистовъ; онъ собралъ у себя другихъ; я былъ на этомъ собраніи. Проектъ г. Вернадскаго былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями; г. Каткову было поручено написать записку и подробныя правила; я почелъ свое порученіе исполненнымъ и уѣхалъ въ Петербургъ [1]).

6. Поясненіе на показаніе г. Костомарова, будто я диктовалъ ему воззваніе къ раскольникамъ.

„Г. Костомаровъ утверждаетъ, будто бы я диктовалъ ему въ Знаменской гостиницѣ воззваніе „Къ раскольникамъ". Онъ не вздумалъ бы говорить о Знаменской гостиницѣ, еслибы былъ ближе знакомъ со мною. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, менѣе меня расположеннаго къ посѣщенію гостиницъ, ресторановъ и всего тому подобнаго. Г. Костомаровъ напрасно основался на слухѣ, будто бы я кутилъ; нѣтъ, я не охотникъ кутить.

„Когда я сказалъ это на первомъ изъ мартовскихъ допросовъ, то у г. Костомарова, явившагося при второмъ мартовскомъ допросѣ на очную ставку, было готово объясненіе такому обстоятельству, какъ мой обѣдъ съ нимъ въ Знаменской гостиницѣ. Онъ сказалъ: „Вы повели меня въ гостиницу потому, что вашъ (т. е. мой, Чернышевскаго) кабинетъ былъ неудобенъ для диктованія". Но эти слова г. Костомарова показываютъ только, что онъ забылъ положеніе моего кабинета въ тогдашней моей квартирѣ (на Вас. островѣ, во 2 линіи, въ домѣ Громова). Нельзя было бы желать комнаты болѣе удобной для тайной диктовки. Эта комната отдалена отъ другихъ коридоромъ.

„Но эта комната имѣла менѣе хорошіе обои, менѣе красивую печь, менѣе красивые полы, чѣмъ другія комнаты той

[1]) Подробности объ этомъ и самая „записка" русскихъ литераторовъ приведены въ моей книгѣ „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг." на стр. 57—82.

квартиры; вѣроятно, г. Костомаровъ слышалъ какія-нибудь порицанія моей комнаты по сравненію съ другими въ этихъ отношеніяхъ,—перезабылъ, спуталъ, подумалъ, что она неудобна для нужной ему тайной диктовки, и поэтому выстроилъ своею мечтою Знаменскую гостиницу. Напрасно. Очень удобно было бы помѣстить тайную диктовку въ мой кабинетъ. Тогда однимъ неправдоподобіемъ было бы меньше.

„Но еслибы мой кабинетъ дѣйствительно былъ неудобенъ для тайной диктовки, то вѣдь я очень хорошо знаю, что гостиницы еще гораздо неудобнѣе для такихъ занятій. Ужъ лучше было бы намъ съ г. Костомаровымъ отправиться для диктовки къ г. Михайлову, если мои отношенія съ г. Михайловымъ и съ г. Костомаровымъ были таковы, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Или и у г. Михайлова не было удобной для того комнаты?

7. Поясненія о способности или неспособности г. Яковлева быть свидѣтелемъ.

„На допросахъ въ мартѣ и на первой очной ставкѣ моей съ г. Костомаровымъ еще не представлялось ничего преступнаго въ посѣщеніи, которое дѣлалъ я г. Костомарову въ августѣ 1861 г. Но на апрѣльскомъ допросѣ былъ выведенъ на очную ставку со мною г. Яковлевъ и сказалъ, что слышалъ, какъ я просилъ въ это время г. Костомарова печатать воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“. Г. Костомаровъ только уже подтвердилъ это.

„Въ началѣ очной ставки г. Яковлева спросили, узнаетъ ли онъ меня, но меня не спросили, не имѣю ли я причины отвода противъ г. Яковлева. Но когда, по окончаніи очной ставки, онъ вышелъ, я сказалъ: „Предостерегаю комиссію противъ этого свидѣтеля“. Если остается хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія на мнѣ отъ его показанія, я прошу у Пр. С. разрѣшенія пояснить эти мои слова.

„Теперь скажу только слѣдующее. Я не знаю, въ качествѣ ли свидѣтеля, или только оговаривающаго соучастника является г. Яковлевъ. Если въ качествѣ свидѣтеля, то (прося у Пр. С. снисхожденія къ моей ошибкѣ, когда такое мнѣніе мое ошибочно) я полагаю, что онъ не имѣетъ способности быть свидѣтелемъ. Если онъ сдѣлалъ свои показанія въ недавнее время,

то онъ былъ укрывателемъ и, слѣдовательно, есть лицо, прикосновенное къ дѣлу. Если же онъ не былъ укрывателемъ, т. е. немедленно сообщилъ правительству о преступномъ разговорѣ, который будто бы слышалъ, въ августѣ 1861 г., то—такъ какъ я не былъ тогда ни арестованъ, ни призванъ къ отвѣту—изъ этого слѣдуетъ, что его показанія противъ меня были во время процесса г. Костомарова найдены неосновательными, и что я не имѣю нужды разбирать ихъ. Но отъ этой формальной стороны обращаюсь къ существу дѣла.

8. Поясненія по показаніямъ гг. Костомарова и Яковлева о посѣщеніи мною г. Костомарова въ августѣ 1861 г.

„Показанія представляютъ меня гуляющимъ въ саду. Я не гуляю и не прохаживаюсь. Исключеніе бываетъ лишь, когда я бываю принужденъ къ тому желаніемъ лица, предъ которымъ обязанъ держать себя слишкомъ почтительно, благодаря его официальному званію. Я терпѣть не могу ходить по комнатѣ или по саду. Это было очень ясно видно во время моего ареста. Сначала я думалъ, что тяжесть въ головѣ, которую я чувствовалъ въ первый мѣсяцъ ареста, происходитъ отъ геморроя, и принуждалъ себя ходить по комнатѣ для моціона. Но какъ только я замѣтилъ, что это боль не геморроидальная, а ревматическая, происходящая отъ того, что я лежалъ головою къ окну, я сталъ ложиться головою въ противоположную сторону отъ окна и съ того же дня пересталъ ходить по комнатѣ. Когда меня приглашали выходить въ садъ, я сначала выходилъ, воображая, что въ это время обыскивается компата, и что я возбудилъ бы подозрѣніе отказомъ удалиться изъ нея, но мѣсяца черезъ три я убѣдился, что обысковъ не дѣлаютъ, подозрѣвать не станутъ,—и, какъ только убѣдился въ этомъ, сталъ отказываться выходить въ садъ. Такъ я абсолютно не сдѣлалъ ни одного шага для прогулки по комнатѣ до сихъ поръ съ начала сентября; не выходилъ въ садъ съ октября. Исключеніе были нѣсколько дней въ концѣ апрѣля, когда я принуждалъ себя къ тому и другому по гигіенической надобности; она прошла — и вотъ ужъ больше мѣсяца я опять бываю исключительно только въ двухъ положеніяхъ: сижу и лежу.

„Неужели я съ осени предвидѣлъ, что это понадобится для

возраженія г. Яковлеву? Но не предвидѣлъ же я этого за двадцать лѣтъ назадъ?! А я, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ абсолютно не гуляю. Прогуливаться мнѣ скучно и противно. Это извѣстно моимъ знакомымъ. Съ кѣмъ изъ нихъ когда я ходилъ по комнатѣ или по саду? Ни съ кѣмъ никогда.

„Я все время, когда былъ у г. Костомарова въ августѣ 1861 г., просидѣлъ съ нимъ въ бесѣдкѣ.

„Г. Яковлевъ говорилъ на очной ставкѣ: „Г. Костомаровъ не повелъ васъ (меня, Чернышевскаго) въ бесѣдку потому, что тамъ былъ я“ (т. е. г. Яковлевъ). Кто знаетъ меня, знаетъ, что еслибы г. Костомаровъ сказалъ: „Въ бесѣдку идти нельзя“, то я тотчасъ бы усѣлся на скамью; еслибы скамьи не было, я пошелъ бы къ г. Костомарову сидѣть въ комнатахъ; еслибы нельзя было идти сидѣть въ комнатахъ, я все время простоялъ бы, прислонившись къ стѣнѣ или дереву, или легъ бы на землю, но гулять не сталъ никакъ и ни за что.

„Г. Яковлевъ ввелъ въ свое показаніе (а г. Костомаровъ подтвердилъ) мое невозможное гуляніе по саду только потому, что оба они не знали моихъ особенностей.

„Итакъ, г. Яковлевъ, говоря, что я и г. Костомаровъ не входили въ бесѣдку потому, что онъ былъ въ ней, этимъ самымъ признаетъ, что я и онъ, г. Яковлевъ, не могли быть вмѣстѣ въ бесѣдкѣ. Я утверждаю, что въ бесѣдкѣ былъ я.

„Чѣмъ доказать, что я былъ въ бесѣдкѣ? Я описалъ г. Костомарову (на очной ставкѣ) расположеніе мебели въ ней. Положимъ, я могъ говорить наудачу и отгадать. (Хотя г. Костомаровъ послѣ этого моего описанія сказалъ: „Быть можетъ, мы съ вами и входили въ бесѣдку, но всетаки гуляли и по саду“). Но вотъ чего ужъ никакъ нельзя было отгадать, не видѣвши: на столѣ въ бесѣдкѣ стоялъ мой портретъ въ величину обыкновеннаго, фотографическаго, но не фотографическій, а рисованный. „Какъ это вы нарисовали?“ — спросилъ я.— На-память,—отвѣчалъ онъ. Кажется, ясно теперь, что въ бесѣдкѣ былъ я.

„Слѣдовательно, неосновательны слова г. Яковлева, будто бы онъ, сидя въ бесѣдкѣ, слышалъ отрывки разговора между мной и г. Костомаровымъ, гулявшими по саду. И, слѣдовательно, напрасно подтверждалъ эти слова г. Костомаровъ.

„Но въ бесѣдкѣ или въ саду, сидя или прогуливаясь, будучи или не будучи слышимъ г. Яковлевымъ, говорилъ ли

я въ августѣ 1861 г., чтобы г. Костомаровъ напечаталъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ"?

„Рѣшить это поможетъ рѣшеніе вопроса: когда было написано воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ"? До высочайшаго манифеста? Или по его обнародованіи, но до безднинскаго дѣла, о которомъ, конечно, не могъ бы не упомянуть авторъ? [1]). Или послѣ того, но до полученія извѣстій, что крестьяне повсюду неохотно принимаютъ уставныя грамоты (до этого и послѣ этого должно быть совершенно разное содержаніе)? Вопросъ о времени, когда написано воззваніе, вѣроятно, безспорно рѣшается его содержаніемъ.

„По словамъ г. Костомарова, оно было написано до весны. Въ словахъ г. Костомарова столько неточностей, что ни на одно изъ нихъ невозможно опереться. Но если воззваніе дѣйствительно было написано до весны, оно уже никуда не годилось въ августѣ. Когда я сказалъ это г. Костомарову (на очной ставкѣ), онъ даже не понялъ моихъ словъ (значитъ, мы съ нимъ не говорили о воззваніи ни въ августѣ, никогда прежде, иначе онъ понялъ бы меня на очной ставкѣ). „Конечно, вы говорили тогда, что весною оно имѣло бы больше дѣйствія",— сказалъ онъ. Не въ томъ дѣло,—наплывъ новыхъ фактовъ съ весны до августа былъ такъ великъ, что все содержаніе написаннаго до весны должно было никуда не годиться. Видя, что онъ не понимаетъ этого, я сказалъ: „Мы съ вами литераторы: мы должны понимать, что написанное въ февралѣ никуда не годится по своему содержанію въ августѣ".—Но наборъ былъ цѣлъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ на это. Это требуетъ справки съ дѣломъ г. Костомарова. Если я былъ его соучастникомъ, то я зналъ, что дѣлается у него. Былъ ли цѣлъ наборъ, былъ ли цѣлъ станокъ у него 11 или 18 августа, когда я проѣзжалъ черезъ Москву? Если нѣтъ, то онъ, когда бы я былъ его соучастникомъ, могъ бы разсказывать мнѣ объ уничтоженіи станка и набора, если это не было сообщено мнѣ прежде. Но ужъ никакъ въ этомъ случаѣ не оставалось мѣста моей мнимой просьбѣ о печатаніи.

„Если же станокъ и наборъ были цѣлы, является другое соображеніе. Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, весь Петербургъ

[1]) Въ селѣ Безднѣ, Казанской губ., весною 1861 г. было сильное крестьянское волненіе.

уже зналъ, что въ Москвѣ арестованы нѣкоторыя лица, обвиняемыя въ тайномъ печатаніи. И, безъ сомнѣнія, я сталъ бы просить г. Костомарова не о печатаніи, а объ уничтоженіи всякихъ слѣдовъ печатанія. А вѣрнѣе всего, что я не показалъ бы носа къ г. Костомарову.

„Я могъ быть у него только потому, что зналъ себя и считалъ его нимало неприкосновеннымъ къ дѣлу тайнаго печатанія.

„Но, всетаки, зачѣмъ я былъ у г. Костомарова въ августѣ? Когда я прожилъ весною нѣсколько дней въ Москвѣ, я отъ нечего дѣлать навѣщалъ и знакомыхъ, и полузнакомыхъ, и почти незнакомыхъ (напримѣръ, г. Масловъ, управляющій московскою удѣльною конторою, скорѣе почти незнакомый, чѣмъ полузнакомый мой, особенно тогда; послѣ мы встрѣчались раза три въ обществѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ). Но въ августѣ я пріѣхалъ въ Москву съ петербургскимъ поѣздомъ, выѣхалъ изъ нея въ тотъ же день съ владимірскимъ,— не показываетъ ли короткости, что я поскакалъ на свиданіе съ г. Костомаровымъ? Дѣло въ томъ, что я поѣхалъ вовсе не къ нему. Переѣхавъ съ петербургской станціи на владимірскую и взявъ билетъ, я написалъ письмо къ женѣ. Мнѣ сказали: съ этой станціи оно не попадетъ на нынѣшній петербургскій поѣздъ,—отправляйтесь въ отдѣленіе почтамта. Я повезъ письмо. Отдавъ письмо, я подумалъ: если ужъ попалъ въ городъ, то заѣду къ Плещееву. Поѣхалъ, но вспомнилъ, что его нѣтъ въ Москвѣ, сказалъ извозчику „стой“ и началъ думать, куда бы поѣхать. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга Добролюбовъ далъ мнѣ адресъ г. Головачева[1]), сказавъ, что, быть можетъ, г. Головачевъ годится въ сотрудники „Современника“. Я поѣхалъ по этому адресу: собственный домъ на какомъ-то бульварѣ. „Дома г. Головачевъ?“—Нѣтъ,—отвѣчала служанка. Выходя изъ калитки, я взглянулъ—передъ глазами Екатерининскій институтъ. „А, да это рядомъ съ Костомаровымъ, — зайду къ нему покурить“. И зашелъ. Но зашелъ только покурить. Г. Костомаровъ на очной ставкѣ, сказавъ сначала, что я пробылъ у него долго, согласился потомъ, что я торопился ѣхать, говоря: „Опоздаю на поѣздъ“,—точно, я говорилъ это: вѣдь неловко же сказать: мнѣ скучно сидѣть съ вами,—я зашелъ

[1]) Алексѣя Адріановича.

только выкурить папиросу, потому что боюсь курить на улицахъ[1]). На самомъ дѣлѣ я не могъ опасаться опоздать: я пріѣхалъ на станцію очень задолго до перваго звонка—вѣроятно, слишкомъ за часъ, — это можно провѣрить. При мнѣ происходила сцена между военнымъ и мужчиною высокаго роста, худощавымъ, въ русскомъ костюмѣ, — это было очень задолго до перваго звонка. Полиція должна знать это. Итакъ, я предпочелъ куреніе у г. Костомарова некуренію, одинокое куреніе на станціи куренію въ разговорѣ съ г. Костомаровымъ, — вотъ предѣлы, показывающіе степень нашей интимности.

„Повторяю: быть внимательнымъ и оказывать услуги—выгода журналиста и качество моего характера; но отъ этого еще очень далеко не только до тайныхъ отношеній, но и до хорошаго знакомства; не только до хорошаго знакомства, но и до того, чтобъ не предпочитать сидѣнье на станціи сидѣнью съ нимъ.

9. Общее заключеніе поясненій по всѣмъ обвиненіямъ, выводимымъ изъ показаній гг. Костомарова и Яковлева.

„Если остается на мнѣ хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія по этимъ обвиненіямъ, то я прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ употребленіе средствъ для полученія болѣе полныхъ опроверженій. Средствами къ тому я нахожу: то, чтобы мнѣ дано было пересмотрѣть дѣла г. Михайлова и г. Костомарова—въ нихъ должно быть много вещей, разрушающихъ настоящія показанія гг. Костомарова и Яковлева; то, чтобы мнѣ дано было разсмотрѣть воззваніе къ барскимъ крестьянамъ,—такъ какъ оно не писано мною, то я ожидаю найти въ самомъ его содержаніи примѣты того, что оно не писано мною; позволить мнѣ внимательно разсмотрѣть записку, отвергаемую мною. Упоминая особенныя средства къ раскрытію истины, я, конечно, не отважусь считать нужнымъ для меня перечислять общія средства къ тому, полезныя для всякаго подсудимаго: мои судьи сами лучше, нежели могъ бы сдѣлать я, откроютъ всѣ тѣ способы къ защитѣ, какіе могутъ быть доставлены мнѣ изъ этихъ общихъ средствъ.

[1]) Тогда, послѣ пожаровъ, вездѣ смотрѣли за куреніемъ на улицахъ.

10. Поясненія по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, порождаемыхъ предыдущимъ изложеніемъ или изустною частью допросовъ, дѣланныхъ мнѣ во время слѣдствія.

„Я ссылаюсь на мои письма къ его величеству и къ его свѣтлости г. спбургскому генералъ-губернатору, въ пополненіе моего настоящаго показанія. Но въ нихъ есть одно утвержденіе, котораго я не могу повторить теперь. Я въ нихъ говорю, что противъ меня нѣтъ обвиненій,—теперь противъ меня выставлено много обвиненій. Какъ могъ я говорить тогда, что противъ меня нѣтъ и не можетъ быть обвиненій, и что я долженъ сказать теперь вмѣсто этого?

„Чтобы отвѣчать на это, прежде всего нужно знать: когда явилось въ слѣдствіи, производившемся надо мною, каждое изъ показаній или обстоятельствъ, служащихъ матеріалами для обвиненій. При допросѣ 30 октября мнѣ не было сказано, что есть письмо, говорящее о согласіи Герцена издавать со мною журналъ, — находилось ли тогда это письмо въ рукахъ комиссіи? Мнѣ не было сказано о картонныхъ лоскуткахъ,— имѣла ли тогда комиссія въ виду эти лоскутки и считала ли ихъ достойными того, чтобы спрашивать о нихъ, не шифръ ли они?—и такъ далѣе по каждому обвиненію. Какъ изъ положительнаго, такъ и изъ отрицательнаго отвѣта на каждый изъ этихъ вопросовъ является новый вопросъ. Изъ положительнаго отвѣта является вопросъ: если это обвиненіе существовало, почему не спрашивали о немъ? Изъ отрицательнаго отвѣта является вопросъ: почему-жъ этого обвиненія не было тогда въ рукахъ комиссіи, или почему она прежде не находила, а потомъ нашла его достойнымъ быть предметомъ допроса?

„Вотъ факты: я былъ арестованъ 7 іюля. Первый допросъ мнѣ былъ сдѣланъ 30 октября. Но это допросъ—говорю не въ порицательномъ, а въ юридическомъ смыслѣ слова, не заключающемъ въ себѣ ничего предосудительнаго—чисто только формальный; онъ совершенно удовлетворительно исполнялъ юридическую форму, необходимость и почтенность которой я вполнѣ понимаю и цѣню: отобрать у подсудимаго показанія о имени, званіи, лѣтахъ и проч.; я знаю, что эта форма служитъ для огражденія подсудимаго, и уже она сама иногда открываетъ его невинность. Но существа дѣла этотъ допросъ

не представлялъ. Существо дѣла явилось только на первомъ мартовскомъ допросѣ, болѣе чѣмъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ моего ареста.

„Эти факты многознаменательны: я еще не имѣю права говорить, въ какую сторону они многознаменательны; это право дастъ мнѣ или отниметъ у меня приговоръ моихъ судей,—но и въ томъ, и другомъ случаѣ многознаменательны.

„Когда я былъ призванъ въ комиссію 1 или 2 ноября (не для допроса, а для формальной замѣны нѣкоторыхъ моихъ выраженій другими,—замѣны, почтенность которой я вполнѣ понимаю), одинъ изъ членовъ комиссіи,—я теперь знаю его имя: онъ сказалъ мнѣ его 23 апрѣля,—это г. Огаревъ,—я сказалъ ему въ глаза, что считаю человѣкомъ честнымъ и хорошимъ, и, конечно, не скажу за глаза меньше; скорѣе, я говорю въ подобныхъ случаяхъ больше за глаза, чѣмъ въ глаза,—но не потому я составилъ себѣ очень выгодное мнѣніе о его честности, чтобъ онъ защищалъ меня на допросахъ,—напротивъ, онъ живѣе всѣхъ налегалъ на то, чтобъ я призналъ записку за мою, а лоскутки—за шифръ,—но я могу понимать и всегда цѣню, когда человѣкъ честно высказываетъ свое мнѣніе, все равно—ошибочно или справедливо само это мнѣніе на мой взглядъ, въ мою ли пользу оно или противъ меня,—я въ томъ и другомъ случаѣ одинаково признаю его честность и уважаю за него человѣка, — итакъ, г. Огаревъ 2 ноября сказалъ мнѣ, что за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ я болѣе или менѣе офиціальнымъ образомъ спрашивалъ, могу ли я получить заграничный паспортъ. Я прошу Пр. С. изслѣдовать истину по этому вопросу. Лицо, манеры и тонъ голоса г. Огарева всегда внушали мнѣ и теперь внушаютъ мнѣ полную увѣренность, что онъ никогда не унизится до уловокъ для полученія признанія,—да это и говорилось вовсе не къ тому, чтобы получить отъ меня показаніе,—нѣтъ, онъ, конечно, считалъ основательнымъ свѣдѣніе, которое высказывалъ [1]). Такое свѣдѣніе важно, если же не основательно, то какъ примѣръ того, что гг. члены слѣдственной комиссіи могли имѣть невѣрныя свѣдѣнія обо мнѣ и принимать ихъ за вѣрныя,—т. е.

[1]) Разумѣется, Чернышевскій зналъ, чтобы показать отношенія къ себѣ комиссіи: Огаревъ былъ именно изъ тѣхъ, которые были въ состояніи прибѣгать ко всѣмъ пріемамъ, лишь бы вынудить необходимое признаніе. Н. Г. не могъ не знать этого „отличавшагося" генерала.

съ полною добросовѣстностью ошибаться во вредъ мнѣ. Гдѣ, какъ, у кого я болѣе или менѣе официальнымъ образомъ спрашивалъ за нѣсколько дней передъ моимъ арестомъ, могу ли я получить заграничный паспортъ? Мнѣ кажется, что это заслуживаетъ изслѣдованія; если же не заслуживаетъ, прошу Пр. С. извинить то, что я напрасно утруждалъ его представленіемъ этого моего мнѣнія.

„Въ изустныхъ объясненіяхъ на допросахъ въ слѣдственной комиссіи я говорилъ многое изъ того, что письменно представляю теперь Пр. С. въ свою защиту, но многаго не говорилъ. Почему же я не говорилъ тогда? Если это не разъяснится самымъ ходомъ моего процесса, то я съ полнѣйшею готовностью объясню это Пр. С. точно также, какъ и все, что потребуетъ объясненія, по мнѣнію Пр. С. Это показаніе далъ 1 іюня 1863 года Пр. С. отставной титулярный совѣтникъ *Н. Чернышевскій*“.

Итакъ, мы прежде всего видимъ, что Чернышевскій все еще не терялъ надежды на благопріятный исходъ своего дѣла. Въ сенатѣ онъ думалъ найти въ концѣ концовъ правду... Въ этомъ Н. Г. горько ошибся... Сенатъ ограничился пріобщеніемъ къ дѣлу его пространныхъ показаній.

Такое отношеніе произошло, несмотря на безусловную убѣдительность той части показаній, въ которой Чернышевскій, на точномъ основаніи дѣйствовавшаго тогда права, доказывалъ незаконность принятія обвиненій Костомарова и Яковлева. Бесѣдуя теперь съ опытными юристами, основательно знакомыми съ судопроизводствомъ тогдашняго времени, я убѣдился, что игнорировать эти совершенно элементарныя указанія Чернышевскаго можно было только при явномъ рѣшеніи вовсе не руководствоваться никакимъ закономъ, сколько-нибудь ограждавшимъ интересы обвиняемаго. И сенатъ вступилъ на этотъ путь твердо и опредѣленно... Вотъ почему онъ не счелъ уже нужнымъ провѣрить всѣ тѣ фактическія указанія, которыя были сдѣланы Н. Г. въ доказательство того или другого своего утвержденія... Онъ и ихъ совершенно, разумѣется, игнорировалъ.

Все это еще не было вполнѣ ясно лишь самому обвиняемому, потому что онъ не могъ знать, какъ отнесся сенатъ къ его показаніямъ.

II.

Здѣсь мнѣ кажется необходимымъ привести прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, до сихъ поръ совершенно никому неизвѣстную.

Писалъ ли ее Чернышевскій? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить *категорически* ни да, ни нѣтъ. Однако, есть вѣроятіе предполагать, что авторомъ ея былъ Н. Г. Подтвержденіемъ можетъ служить и указаніе самого Шелгунова, которое приведено Л. Ф. Пантелѣевымъ изъ неизданной части его воспоминаній, полученныхъ отъ Михайловскаго. Тамъ сказано слѣдующее: „Въ эту зиму (1861 г.) я написалъ прокламацію „къ солдатамъ“, а Чернышевскій—прокламацію „къ народу“ [1]).

Во-первыхъ, откуда она взялась у Костомарова? Ему передалъ ее Сороко, получившій, въ свою очередь, отъ Михайлова. Костомаровъ получилъ отъ послѣдняго прокламацію къ солдатамъ. Откуда могъ взять ихъ Михайловъ? Кругъ отношеній его былъ не очень широкъ, особенно въ области общественныхъ интересовъ. Ближе всего онъ былъ съ Шелгуновымъ, не былъ далекъ и съ Чернышевскимъ. Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Костомарова и другихъ, Михайловъ говорилъ: „Я дѣйствительно желалъ, чтобъ воззванія были напечатаны, но, отдавая ихъ, плохо на это разсчитывалъ, и не помню, выражалъ ли даже положительно свое желаніе. Корректурный листъ воззванія къ барскимъ крестьянамъ, помнится, былъ, точно, переданъ мнѣ Костомаровымъ; на немъ, если не ошибаюсь, была только часть рукописи. При этомъ Костомаровъ, кажется, говорилъ мнѣ, что на томъ и остановилась попытка напечатать воззваніе“ [2]). Очевидно, Михайловъ былъ заинтересованъ въ появленіи прокламаціи.

Во-вторыхъ, слогъ прокламаціи въ связи съ удивительной

[1]) „Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ“ („Рѣчь“, 1906 г., № 191.

[2]) В. А. Зайцевъ въ своей статьѣ о Чернышевскомъ, помѣщенной въ № 189 „Колокола“, говоритъ, что прокламація къ крестьянамъ была напечатана III Отдѣленіемъ уже во время процесса Чернышевскаго, что корректура ея правилась подъ почеркъ Н. Г.—и такимъ-де образомъ готово было новое обвиненіе. Это все совершенно невѣрно. Прокламація, какъ я уже сказалъ, никогда напечатана не была. Эта статья Зайцева перепечатана въ заграничныхъ изданіяхъ, гдѣ кое-что разсказано о процессѣ Чернышевскаго, и во второмъ приложеніи къ сборникамъ подъ редакціей г. Богучарскаго.

способностью Чернышевскаго говорить съ каждымъ его языкомъ и кругомъ міровоззрѣнія. Посмотрите на прокламацію, вчитайтесь въ нее. Вы увидите, что ее писалъ человѣкъ, очень хорошо умѣвшій сдѣлать понятными свои мысли тогдашнему очень мало развитому крестьянину. Кромѣ того, точка зрѣнія автора прокламаціи совершенно совпадаетъ съ точкой зрѣнія Н. Г. на крестьянскій вопросъ, особенно если взять во вниманіе нѣкоторую перемѣну въ ней, сказавшуюся впервые въ „Письмахъ безъ адреса“, написанныхъ въ февралѣ 1862 года.

Въ-третьихъ, Чернышевскій, какъ и многіе въ 1862 г., разсчитывалъ на грандіозное крестьянское движеніе въ 1863-мъ. Потомъ только увидѣли, какъ переоцѣнили настроеніе крестьянъ, а тогда ждали громадныхъ событій и, разумѣется, были непрочь подготовить имъ почву.

Съ другой стороны, я думаю, что осторожный Чернышевскій не входилъ съ Костомаровымъ ни въ какія отношенія по печатанію прокламаціи, не подавъ ему даже вида, что онъ—авторъ ея или вдохновитель. Фигура Костомарова, дѣйствительно, не была для него вполнѣ ясной. Онъ разсчитывалъ на конспираторскія способности Михайлова, который долженъ былъ дать ходъ прокламаціи. Поэтому всѣ разсказы Костомарова, касающіеся прокламаціи и Чернышевскаго, по-моему, совершенный вздоръ, и Н. Г., дѣйствительно, не надо было много усилій памяти, чтобы лишить всѣ его показанія всякой вѣры.

Но, повторяю, все это болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія—и только.

Еслибы ихъ не было, и комиссія, а за ней и сенатъ не ставили бы Чернышевскому въ вину авторство прокламаціи, я не сталъ бы приводить ее здѣсь. Но теперь считаю это очень важнымъ.

Вотъ она.

Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ.

Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!

Ждали вы, что дастъ вамъ царь волю,—вотъ вамъ и вышла отъ царя воля.

Хороша ли воля, которую далъ вамъ царь,—сами вы теперь знаете.

Много тутъ разсказывать нечего. На два года останется все попрежнему,—и барщина останется, и помѣщику власть надъ вами останется, какъ была. А гдѣ барщины не было, а былъ оброкъ, тамъ оброкъ останется, либо какой прежде былъ, либо еще больше прежняго станетъ. Это на два года,—говоритъ царь. Въ два года,—говоритъ царь,—землю перепишутъ да отмежуютъ. Какъ не въ два года! Шесть лѣтъ, либо 10 лѣтъ проволочатъ это дѣло. А тамъ что? Да, почитай, что то же самое еще на семь лѣтъ; только та разница и будетъ, что такія разныя управленія устроятъ, куда, вишь ты, можно жаловаться будетъ на помѣщика, если притѣснять будутъ. Знаете вы сами, не ново это слово „жалуйся на барина“. Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было отъ жалобъ? Только жалобщиковъ же оберутъ да разорятъ, да еще пересѣкутъ, а иныхъ, которые смѣлость имѣли, еще и въ солдаты заберутъ, либо въ Сибирь да въ арестантскія роты сошлютъ. Только и проку было отъ жалобъ. Извѣстно дѣло: коза съ волкомъ тягалась—одинъ хвостъ остался. Такъ оно было, такъ оно и будетъ, пока волки останутся,—значитъ, помѣщики да чиновники останутся. А какъ уладить дѣло, чтобъ волковъ-то не осталось, это дальше все разсказано будетъ. А теперь покуда не о томъ рѣчь, какіе новые порядки, какъ надо завести; покуда объ этомъ рѣчь идетъ, какой порядокъ вамъ отъ царя данъ,—что, значитъ, не больно-то хороши для васъ нынѣшніе порядки, а что порядки, какіе по царскому манифесту да по указамъ заводятся, все тѣ же самые прежніе порядки. Только въ словахъ и выходитъ разница, что названія перемѣняются. Прежде крѣпостными, либо барскими васъ звали, а нынѣ срочнообязанными васъ звать велятъ, а на дѣлѣ перемѣны либо мало, либо вовсе нѣтъ. Эки слова-то выдуманы! Срочнообязанные,—вишь ты глупость какая! Какой имъ чортъ это въ умъ-то вложилъ такія слова! А по-нашему, надо сказать: вольный человѣкъ—да и все тутъ. Да чтобъ не названіемъ однимъ, а самымъ дѣломъ былъ вольный человѣкъ. А какъ бываетъ взаправду вольный человѣкъ и какимъ манеромъ вольными людьми можно вамъ стать,—объ этомъ обо всемъ дальше написано будетъ. А теперь покуда о царскомъ указѣ рѣчь: хорошъ ли онъ.

Такъ вотъ оно какъ: два года ждать,—царь говоритъ,—покуда земли отмежуются, а на дѣлѣ земля-то межеваться будетъ пять либо и всѣ десять лѣтъ, а потомъ еще семь лѣтъ живите въ

прежней неволѣ, а по правдѣ-то оно выйдетъ опять не семь лѣтъ, а развѣ что семнадцать, либо двадцать, потому что все, какъ сами видите, въ проволочку идетъ. Такъ, значитъ, живите вы по-старому въ кабалѣ у помѣщика всѣ эти годы, два года да семь лѣтъ,—значитъ, девять лѣтъ, какъ тамъ въ указѣ написано, а съ проволочками-то взаправду выйдетъ двадцать лѣтъ, либо тридцать лѣтъ, либо и больше. Во всѣ эти годы остается мужикъ въ неволѣ, уйти никуда не моги: значитъ, не сталъ еще вольный человѣкъ, а все остается срочнообязанный, значитъ, все такой же крѣпостной. Не скоро же воли вы дождетесь; малые мальчики до бородъ аль и до сѣдыхъ волосъ дожить успѣютъ, покуда воля-то придетъ по тѣмъ порядкамъ, какіе царь заводитъ.

Ну, а покуда она придетъ, что съ вашей землею будетъ? А вотъ что съ нею будетъ. Когда отмежевывать станутъ, обрѣзывать ее велѣно противъ того, что у васъ прежде было, въ иныхъ селахъ четвертую долю отберутъ изъ прежняго, въ иныхъ третью, а въ иныхъ и цѣлую половину, а то и больше, какъ придется гдѣ. Это еще безъ плутовства отъ помѣщика да безъ потачки имъ отъ межевщиковъ, по самому царскому указу. А безъ потачки помѣщикамъ межевщики дѣлать не станутъ: вѣдь имъ за то помѣщики станутъ деньги давать,—оно и выйдетъ, что оставятъ вамъ земли менѣе, чѣмъ на половину противъ прежней; гдѣ было тягло по двѣ десятины въ полѣ, оставятъ меньше одной десятины. И за одну десятину либо меньше мужикъ справляетъ барщину почти что такую же, какъ прежде за двѣ десятины, либо оброкъ плати почти что такой же, какъ прежде за двѣ десятины. Ну, а какъ мужику обойтись половиной земли? Значитъ, долженъ будетъ придти къ барину просить: дай, дескать, землицы побольше—больно мало мнѣ подъ хлѣбъ по царскому указу оставили. А помѣщикъ скажетъ: мнѣ за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброкъ давай. Да и заломитъ съ мужика, сколько хочетъ. А мужику уйти отъ него нельзя, а прокормиться съ одной земли, какая оставлена ему по отмежевкѣ, тоже нельзя. Ну, мужикъ на все будетъ согласенъ, что баринъ потребуетъ. Вотъ оно и выйдетъ, что нагрузитъ на него баринъ барщину больше нонѣшней, либо оброкъ тяжеле нонѣшняго.

Да на одну ли пашню надбавка будетъ? Нѣтъ, ты барину за луга полавай,—вѣдь сѣнокосъ-то, почитай, весь отнимутъ у

мужика по царскому указу. И за лѣсъ баринъ съ мужика возьметъ,—вѣдь лѣсъ-то, почитай, во всѣхъ селахъ отнимутъ; сказано въ указѣ, что лѣсъ—барское добро, а мужикъ и валежнику подобрать не смѣй, коли барину за то не заплатилъ. Гдѣ въ рѣчкѣ или озерѣ рыбу ловили, и за то баринъ станетъ брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станетъ съ мужика баринъ либо къ барщинѣ, либо къ оброку надбавки требовать. Все до послѣдней нитки будетъ баринъ брать съ мужика. Просто сказать, всѣхъ въ нищіе поворотятъ помѣщики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы-то переносить? Вѣдь отъ барина зависитъ. Велитъ перенести—не на годъ, а на десять лѣтъ разоренья сдѣлаетъ. Съ рѣки на колодцы пересадитъ, на гнилую воду да на вшивую; съ доброй земли на солончакъ, либо на песокъ, либо на болото,—вотъ тебѣ и огороды, вотъ тебѣ и конопляники, вотъ тебѣ и выгонъ добрый,—все поминай, какъ звали. Сколько тутъ перемретъ народу на болотахъ-то да на гнилой водѣ! А больше того ребятишекъ жаль: ихъ лѣта слабыя,—какъ мухи будутъ на дрянной-то землѣ да на дрянной-то водѣ мереть. Эхъ, горькое оно дѣло! А гробы-то родительскіе—отъ нихъ-то каково отлучиться?

Тошно мужику придется, коли баринъ по царскому указу велитъ на новыя мѣста переселяться. А коли не переселилъ баринъ мужиковъ, такъ, значитъ, въ чистой, какъ есть, въ кабалѣ у него; на все есть у него такое одно словцо, что въ ноги ему упадетъ мужикъ да завопитъ: „Батюшка, отецъ родной, что хочешь, требуй,—все выполню, весь твой рабъ!“ А словцо это у барина таково: „Коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброкъ платить, такъ я хочу перенести усадьбу“. Ну и сдѣлаешь все по этому словечку.

А то вотъ что еще скажетъ: ты на меня работалъ этотъ день, да я его въ счетъ не ставлю: плохо ты работалъ,—завтра приди отрабатывать. Ну и придешь. На это тоже власть барину дана по указу царскому.

Это все о томъ говорится, какъ мужикамъ будетъ жить, пока ихъ срочнообязанными звать будутъ. — значитъ, девять лѣтъ, какъ въ бумагѣ обѣщано, а на дѣлѣ дольше будетъ—лѣтъ до двадцати либо до тридцати.

Ну, такъ, а потомъ что-то будетъ, когда, значитъ, мужику разрѣшено будетъ отходить отъ помѣщика? Оно, пожалуй, что и толковать объ этомъ нечего, потому что долго еще ждать

этого по царскому указу... А коли любопытство у васъ есть, такъ и объ этомъ дальнемъ времени разсудить можно.

Когда срочнообязанное время кончится, воленъ ты будешь отходить отъ помѣщика. Оно такъ въ указѣ обѣщано. Только въ немъ вотъ что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, такъ земля твоя остается за помѣщикомъ. А помѣщикъ и самъ, коли захочетъ, можетъ тебя прогнать съ нея. Потому, вишь ты, что земля, которая была тебѣ отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебѣ баринъ только разрѣшеніе давалъ ее пахать, либо сѣно съ нея косить; покуда ты срочнообязаннымъ назывался, онъ тебя съ нея прогнать не могъ, а когда пересталъ ты срочнообязаннымъ называться, онъ тебя съ нея прогнать можетъ. Въ указѣ не такъ сказано на-прямки, что можетъ прогнать, да на то выходитъ. Тамъ сказано: мужикъ уйти можетъ, когда срочнообязанное время кончится. Вотъ вы и разберите, что выходитъ. Барину-то у мужиковъ землю отнять хочется; вотъ онъ будетъ тѣснить ихъ, да жать, да сожметъ такъ, что уйдутъ, а землю ему оставятъ,—оно, попросту сказать, и значитъ, что баринъ у мужика землю отнять можетъ, а мужиковъ прогнать.

Это о томъ времени, когда срочнообязанными васъ называть перестанутъ. А покуда называютъ, барину нельзя мужиковъ прогнать всѣхъ съ одного разу, а можно только по отдѣльности прогонять,—нонѣ Ивана, завтра Сидора, послѣзавтра Карпа, поочередно; оно, впрочемъ, на то же выходитъ.

А мужику куда идти, когда у него хозяйство пропало? Въ Москву что ли, или въ Питеръ, или на фабрики? Тамъ уже все полно,—больше народу не требуется,—помѣстить некуда. Значитъ, походитъ, походитъ по свѣту, по большимъ городамъ да по фабрикамъ, да все туда же въ деревню назадъ вернется. Это спервоначала пробу мужики станутъ дѣлать. А на первыхъ-то глядя, какъ они нигдѣ себѣ хлѣба не нашли, другіе потомъ и пробовать не будутъ, а прямо такъ въ томъ околоткѣ и будутъ оставаться, гдѣ прежде жили. А мужику въ деревнѣ безъ хозяйства да безъ земли—что дѣлать, куда дѣваться, кромѣ, какъ въ батраки наняться. Ну и нанимайся. Сладко ли оно батракомъ-то жить? Нонѣ, сами знаете, не больно вкусно, а тогда и гораздо похуже будетъ, чѣмъ нонѣ живутъ батраки. А почему будетъ хуже—явное дѣло. Какъ всѣхъ-то погонятъ съ земли-то, такъ вездѣ будутъ сотни да тысячи народу

шататься да просить помѣщиковъ, чтобъ въ батраки ихъ взяли. Значитъ, ужъ помѣщичья воля будетъ, какое имъ житье опредѣлить—они торговаться не могутъ, какъ нонѣ батракъ съ хозяиномъ торгуется: они куску хлѣба рады будутъ, а то у самого-то въ животѣ-то пусто, да семья-то пріюта не имѣетъ. Есть такія поганыя земли, гдѣ ужъ и давно заведенъ этотъ порядокъ: вотъ вы послушайте, какъ тамъ мужики живутъ. У васъ нонѣ избы плохи, а тамъ и такихъ нѣтъ: въ землянкахъ живутъ да въ хлѣвахъ, а то въ сараяхъ большихъ,—въ одномъ сараѣ семей десятокъ набито, все равно какъ табунъ скота какого. Да и хлѣба чистаго не ѣдятъ, а дрянь всякую; какъ у насъ въ голодные годы, у нихъ вѣчно такъ. У насъ въ русскомъ царствѣ есть такая поганая земля, гдѣ города Рига, да Ревель, да Митава стоятъ, а народъ тоже христіанскій и вѣра у нихъ тоже хорошая, да не по вѣрѣ эта земля—поганая, а по тому, какъ въ ней народъ живетъ: коли хорошо мужику жить въ какой землѣ, то и добрая земля, а коли дурно, то и поганая.

Такъ вотъ оно къ чему по царскому манифесту да по указамъ дѣло поведено; не къ волѣ, а къ тому оно идетъ, что въ вѣчную кабалу васъ помѣщики взяли, да еще въ такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже понѣшней.

А не зналъ царь что ли, какое дѣло онъ дѣлаетъ? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать. Значитъ, зналъ. Ну и разсудите, чего надѣяться вамъ на него . . . . . Не дождетесь вы отъ него воли, какой вамъ надобно. А почему не дождетесь отъ него, тоже разсудить можно. Самъ-то онъ кто такой, коли не тотъ же помѣщикъ? Удѣльные-то крестьяне чьи же? Вѣдь они—его крестьяне крѣпостные. Да и васъ-то въ крѣпостные помѣщикамъ все цари же отдали,—иныхъ давно, такъ что вамъ уже и не памятно, а другихъ не больно давно, такъ что дѣды помнятъ. Прабабка понѣшняго царя Екатерина отдала въ крѣпостные изъ вольныхъ. А есть еще такіе неразумные, что ее матушкою Екатериной величаютъ. Хороша матушка,—дѣтей въ кабалу отдала.

Вы у помѣщиковъ—крѣпостные, а помѣщики у царя—слуги; онъ надъ ними помѣщикъ. Значитъ, что онъ, что они—все равно. . . . . Ну царь и держитъ барскую сторону. А что манифестъ да указы выпустили, будто волю вамъ даетъ . . . . . А

почему сдѣлалъ,—вотъ почему: у французовъ да у англичанъ крѣпостного народа нѣтъ,—вотъ они ему глаза и кололи, что у тебя, говорятъ, народъ въ кабалѣ. Ему и стыдно было передъ ними . . . . . .

Волю, слышь, далъ онъ вамъ! Да развѣ такая и въ правду-то воля бываетъ? Хотите знать, такъ вотъ какая.

Вотъ у французовъ есть воля. У нихъ нѣтъ разницы, самъ ли человѣкъ землю пашетъ, другихъ ли нанимаетъ свою землю пахать; много у него земли—значитъ, богатъ онъ, мало—такъ бѣденъ, а разницы по званію нѣтъ никакой,—все одно; какъ богатый помѣщикъ либо бѣдный помѣщикъ—все одно помѣщикъ. Надо всѣми одно начальство, судъ для всѣхъ одинъ, и наказаніе всѣмъ одно.

Вотъ у англичанъ есть воля, а воля у нихъ та, что рекрутства у нихъ нѣтъ: кто хочетъ, иди на военную службу, все равно, какъ у насъ помѣщики тоже юнкерами и офицерами служатъ, коли хотятъ. А кто не хочетъ, тому и принужденія нѣтъ. А солдатская служба у нихъ выгодная, жалованья солдату больше дается,—значитъ, доброй волей идутъ служить, сколько требуется людей.

А то вотъ еще въ чемъ воля и у французовъ, и у англичанъ: подушной подати нѣтъ. Вамъ это, можетъ, и въ умъ не приходило, что безъ рекрутчины да безъ подушной подати можетъ царство стоять. А у нихъ стоитъ. Вотъ, значитъ, умные люди, коли такъ устроить себя умѣли.

А то вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: паспортовъ нѣтъ,—каждый ступай, куда хочетъ, живи, гдѣ хочешь, — ни отъ кого разрѣшенія на это не надо.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: судъ праведный. Чтобы судья деньги съ кого бралъ—у нихъ это и не слыхано. Они и вѣрить не могутъ, когда слышатъ, что у нихъ судьи деньги берутъ. Да у нихъ такой судья одного дня не просидѣлъ бы на мѣстѣ,—въ ту же минуту въ острогъ его запрятали бы.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: никто надъ тобою ни въ чемъ не властенъ, окромѣ міра. Міромъ все у нихъ правится. У насъ исправникъ, либо становой, либо какой писарь,—а у нихъ ничего этого нѣтъ, а замѣсто всего староста, который безъ міру ничего подѣлать не можетъ и во всемъ долженъ міру отвѣтъ давать. А міръ надъ старостою во всемъ властенъ, а кромѣ міра никто надъ старостою не властенъ, и ни къ кому староста страха

не имѣетъ, а къ міру имѣетъ. Полковникъ ли, генералъ ли,—у нихъ все одно передъ старостою шапку ломитъ и во всемъ старосту слушаться долженъ; а коли чуть въ чемъ провинился генералъ али кто бы тамъ ни былъ предъ старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то, въ острогъ сажаетъ,—у нихъ предъ старостою все равно; хоть ты простой мужикъ, хоть ты помѣщикъ, хоть ты генералъ будь,—все одно староста надъ тобою начальствуетъ, а надъ старостою міръ начальствуетъ, а надъ міромъ никто начальствовать не можетъ, потому что міръ значитъ народъ, а народъ у нихъ всему голова: какъ народъ повелитъ, такъ всему и быть. У нихъ и царь надъ народомъ не властенъ, а народъ надъ царемъ властенъ. Потому что у нихъ царь, значитъ, для всего народа староста, и народъ, значитъ, надъ этимъ старостою, надъ царемъ-то, начальствуетъ. Хорошъ царь, послушествуетъ народу, такъ и жалованье ему отъ народа выдается, а чуть что царь сталъ супротивъ народа дѣлать, ну, такъ и скажутъ ему: ты, царь, надъ нами ужъ не будь царемъ, ты намъ не угоденъ; мы тебя смѣняемъ; иди ты съ богомъ, куда самъ знаешь, отъ насъ подальше, а не пойдешь, такъ мы тебя въ острогъ посадимъ да судить станемъ тебя за твое ослушанье. Ну, царь и пойдетъ отъ нихъ, куда самъ знаетъ, потому что ослушаться народа не можетъ. А какъ провожать его отъ себя станутъ, они ему на дорогу еще деньжонокъ дадутъ изъ жалости,—Христа ради тамъ складчину ему сдѣлаютъ промежъ себя по грошу или по копейкѣ съ души, чтобъ въ чужой-то землѣ съ голоду не умеръ. Доброй народъ, только и строгой же: потачки царю не любятъ давать. А на мѣсто его другого царя выберутъ, коли хотятъ, а не захотятъ, такъ и не выберутъ, коли охоты нѣтъ. Ну тогда ужъ просто тамъ на срокъ староста народный выбирается, на годъ ли тамъ, на два ли, на четыре ли года, какъ народъ ему срокъ полагаетъ. Такъ заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держатъ. И надобно такъ сказать, когда народный староста не по наслѣдству бываетъ, а на срокъ выбирается, и царемъ не зовется, а просто зовется народнымъ старостою, а по-ихнему, по-иностранному, президентомъ,—тогда народу лучше бываетъ жить, и народъ богаче бываетъ. А то и при царѣ можно тоже хорошо жить, какъ англичане и французы живутъ, только, значитъ, тѣмъ, чтобы царь во всемъ

народу и послушаніе оказывалъ, и безъ народа ничего дѣлать не смѣлъ, и чтобы народъ за нимъ строго смотрѣлъ, и, чуть что дурное отъ царя увидитъ, смѣнялъ бы народъ его, царя-то, и вонъ изъ своей земли выпроваживалъ, какъ у англичанъ да у французовъ дѣлается.

Такъ вотъ она какая взаправду-то воля бываетъ на свѣтѣ: чтобы народъ всему голова былъ, а всякое начальство міру покорствовало, и чтобы судъ былъ праведный и ровный для всѣхъ былъ бы судъ, и безчинствовать надъ мужикомъ никто не смѣлъ, и чтобы паспортовъ не было, и подушнаго оклада не было бы, и чтобы рекрутчины не было. Вотъ это воля, такъ воля и есть. А коли того нѣтъ, значитъ и воли нѣтъ, а все одно: обольщеніе въ словахъ.

А какъ же намъ, русскимъ людямъ, и вправду вольными людьми стать? Можно это дѣло обработать, и не то чтобы очень трудно было; надо только единодушіе имѣть между собою мужикамъ, да сноровку имѣть, да силой запастись.

Вотъ вы, барскіе крестьяне, значитъ, одна половина русскихъ мужиковъ. А другая половина—государственные да удѣльные крестьяне. Имъ тоже воли-то нѣтъ. Вотъ вы съ ними и соглашайтесь, и растолкуйте имъ, какая имъ воля слѣдуетъ, какъ выше прописано. Чтобъ рекрутчины, да подушной, да паспортовъ не было, да окружныхъ тамъ, да всей этой чиновной дряни надъ нами не было, а чтобы у нихъ также міръ былъ всему голова. И отъ насъ, вашихъ доброжелателей, поклонъ имъ скажите: какъ вамъ, такъ и имъ одного добра мы хотимъ.

Государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!

А вотъ тоже солдатъ—вѣдь онъ изъ мужиковъ, тоже вашъ братъ. А на солдатѣ все держится, всѣ нонѣшніе порядки. А солдату какая прибыль за нонѣшніе порядки стоять? Что ему житье что ли больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое нонче у насъ житье солдатамъ. Да и лобъ-то имъ забрили по принужденію, и каждому изъ нихъ вольную отставку получить бы хотѣлось. Вотъ вы имъ и скажите всю правду, какъ объ нихъ написано. Когда воля мужикамъ будетъ, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатомъ, кто хочетъ, а кто не хочетъ—отставку чистую получай. А у солдата денегъ нѣтъ, чтобы домой идти да хозяйствомъ или

какимъ мастерствомъ обзавестись,—такъ ему при отставкѣ будутъ на то деньги выданы, сто рублей серебромъ каждому. А кто волей захочетъ въ солдатахъ остаться, тому будетъ въ годъ жалованья 50 рублей серебромъ. А и принужденья никакого нѣтъ: хочешь—оставайся, хочешь—въ отставку иди. Вы такъ имъ и скажите, солдатамъ: вы, братья солдатушки, за насъ стойте, когда мы себѣ волю добывать будемъ, потому что и вамъ воля будетъ: вольная отставка каждому, кто въ отставку пожелаетъ, да сто рублей серебромъ награды за то, что своимъ братьямъ-мужикамъ волю добыть помогалъ. Значитъ, и вамъ, и себѣ добро сдѣлаютъ, и поклонъ имъ отъ насъ скажите:

Солдатамъ русскимъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!

А еще вотъ кому отъ насъ поклонитесь: офицерамъ добрымъ, потому что есть и такіе офицеры, и не мало такихъ офицеровъ. Такъ чтобы солдаты такихъ офицеровъ высматривали, которые надежны, что за народъ стоять будутъ, и такихъ офицеровъ пусть солдаты слушаются, какъ волю добыть.

Такъ вотъ какое дѣло,—надо мужикамъ всѣмъ промежъ себя согласіе имѣть, чтобы заодно быть, когда пора будетъ. И покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно въ бѣду не вводить, значитъ, спокойствіе сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что одинъ въ полѣ не воинъ. Что толку, что ежели въ одномъ селѣ булгу поднять, когда въ другихъ селахъ готовности еще нѣтъ? Это значитъ только дѣло портить да себя губить. А когда вездѣ готовы будутъ, значитъ, вездѣ поддержка подготовлена, ну тогда дѣло начинай. А до той поры рукамъ воли не давай, смиренный видъ имѣй, а самъ промежъ своимъ братомъ-мужикомъ толкуй да подговаривай его, чтобы дѣло въ настоящемъ видѣ понималъ. А когда промежъ васъ единодушіе будетъ, въ ту пору и назначеніе выйдетъ, что пора, дескать, всѣмъ дружно начинать. Мы ужъ увидимъ, когда пора будетъ, и объявленіе сдѣлаемъ. Вѣдь у насъ по всѣмъ мѣстамъ свои люди есть,—отовсюду намъ вѣсти приходятъ, какъ народъ да что народъ. Вотъ мы и знаемъ, что покудова еще нѣтъ приготовленности. А когда приготовленность будетъ, намъ тоже видно будетъ. Ну, тогда и пришлемъ такое объявленіе, что пора, люди русскіе, доброе дѣло начинать, что во всѣхъ мѣстахъ въ одну пору начнется доброе дѣло, потому что вездѣ

тогда народъ готовъ, и единодушіе въ немъ есть, и одно мѣсто отъ другого не отстанетъ. Тогда и легко будетъ волю добыть. А до той поры готовься къ дѣлу, а самъ виду не показывай, что къ дѣлу подготовленіе у тебя идетъ.

А это наше письмецо промежъ себя читайте да другъ дружкѣ раздавайте. А кромѣ своего брата-мужика да солдата ото всѣхъ его прячьте, потому что для мужика да для солдата наше письмецо писано, а къ другому ни къ кому оно не писано,—значитъ, окромѣ васъ, крестьянъ да солдатъ, никому и знать объ немъ не слѣдуетъ.

Оставайтесь здоровы да вѣсти отъ насъ ждите. Вы себя берегите до поры, до времени, а ужъ отъ насъ вы безъ наставленья не останетесь, когда пора будетъ.

Печатано письмецо это въ славномъ городѣ Христіаніи, въ славномъ царствѣ шведскомъ, потому что въ русскомъ царствѣ царь печатать правды не велитъ. А мы всѣ—люди русскіе и промежъ васъ находимся, только до поры, до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобы вы себя берегли. А когда пора будетъ за доброе приняться, тогда откроемся.

Каждый, внимательно прочитавшій эту въ своемъ родѣ единственную прокламацію, согласится, что написана она очень удачно и умѣло; все, кончая „славнымъ городомъ Христіанією“, соображено и взвѣшено именно въ отношеніи крестьянина.

III.

Сенатъ еще прежде полученія подробнаго показанія Чернышевскаго призналъ необходимымъ прежде всего сличить почеркъ карандашной записки съ почеркомъ Н. Г. 19 іюня были призваны секретари сената, которые, разумѣется, совсѣмъ не должны были обладать какими бы то ни было спеціальными знаніями. Двое изъ нихъ категорически высказались, что записку писалъ Чернышевскій, измѣняя при этомъ почеркъ; остальные шестеро признали несходство почерковъ въ общемъ характерѣ, но сходство въ 12-ти буквахъ изъ 25. Сенатъ, въ свою очередь, опредѣлилъ, что „и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ почерка есть

совершенное сходство съ почеркомъ бумагъ, писанныхъ Чернышевскимъ до предъявленія ему его записки; съ почеркомъ же, коимъ писано имъ объясненіе въ сенатъ отъ 1 іюня, которое онъ писалъ въ продолженіе девяти дней, никакого сходства нѣтъ".

Врядъ ли можно было сдѣлать такое нелѣпое опредѣленіе, потому что почеркъ Чернышевскаго, всетаки, всегда былъ и остался одинъ и тотъ же. Но, такъ или иначе, а указаніе на подлинность записки было теперь уже окончательно. Остававшаяся раньше надежда, что, можетъ быть, хоть сенатъ дастъ себѣ трудъ смѣло выговорить правду, пала...

Разумѣется, въ виду этого сенатъ не призналъ возможнымъ освободить Чернышевскаго на поруки... Кстати скажу, что въ серединѣ іюня ему были высочайше разрѣшены свиданія съ А. Н. Пыпинымъ и Е. Н. Пыпиною.

Прошла недѣля, и вдругъ 2 іюля Замятнинъ присылаетъ оберъ-прокурору очень пространную „Записку о литературной дѣятельности Чернышевскаго". Мало того, министръ юстиціи, человѣкъ, которому должно бы подавать примѣръ безусловной законностью своихъ дѣйствій, рѣшается прибавить при этомъ, что посылаетъ записку „къ совокупному разсмотрѣнію съ дѣломъ"...

Замятнину прислалъ ее предсѣдатель слѣдственной комиссіи—кн. Голицынъ. А отъ кого получилъ ее онъ? На этотъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта. Можно только догадываться объ авторѣ. По однимъ разсказамъ, это пресловутый Илья Арсеньевъ, литераторъ, бывшій на гастроляхъ въ III Отдѣленіи и потому прозванный „Искрой" — Арсеньевымъ III. По другимъ — это Всеволодъ Костомаровъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ г. Рейнгардту служившій въ III Отдѣленіи подполковникъ З. Но принимая во вниманіе весь тотъ вздоръ, который разсказывалъ этотъ подполковникъ и который изложенъ на стр. 463—464 въ февральской книжкѣ „Русской Старины" за 1905 годъ [1]), врядъ ли можно повѣрить и тому, что авторъ—Костомаровъ. Правда, мы уже читали въ его пись-

[1]) Совершенно непонятно, какъ это г. Рейнгардтъ рѣшается утверждать, что самъ Николай Гавриловичъ вполнѣ подтвердилъ разсказъ подполковника. Я категорически утверждаю, что этого не могло быть. Г. Рейнгардтъ, вѣроятно, забылъ, о чемъ онъ говорилъ съ Чернышевскимъ. Нельзя было подтвердить такую ужасную околесицу.

мѣ къ Соколову обѣщаніе познакомить его съ литературною дѣятельностью Чернышевскаго, читали объ этомъ и въ допросѣ, но, насколько мнѣ знакомъ стиль и способъ изложенія костомаровскихъ статей и арсеньевскихъ, я склоненъ приписывать „Записку“ Арсеньеву.

Она настолько любопытна во всѣхъ отношеніяхъ, что, разумѣется, должна быть приведена полностью.

„Двѣ теоріи, заключающія въ себѣ разрушительные элементы разложенія, угрожаютъ опасности нашей общественной жизни при самомъ началѣ ея благотворнаго развитія. Первая теорія — матеріальный фатализмъ, отрицающій индивидуальную нравственную свободу человѣка—есть извращенное ученіе нравственной философіи; другая—соціализмъ, неисходно переходящій въ коммунизмъ — ставитъ себя въ основаніе новой политико-общественной экономіи.

„По ученію первой теоріи, человѣческія дѣянія совершаются не отъ свободной рѣшимости разумнаго человѣка, не вслѣдствіе выбора его совѣсти между добромъ и зломъ, а опредѣляются и творятся *исключительно* неодолимою силою среды, въ коей живетъ человѣкъ, неотклонимымъ могуществомъ природы, географической организаціи человѣка и происходящихъ оттуда обычаевъ и учрежденій. Такимъ ученіемъ уничтожается нравственная *вмѣняемость* человѣческихъ дѣяній. Если нѣтъ въ человѣкѣ свободной нравственной воли и дѣятельности, тогда нѣтъ грѣха, нѣтъ преступленія, нѣтъ стыда,—всѣ дѣянія безразличны; тогда не за что человѣка хвалить и хулить, награждать и наказывать. Награжденный для этого класса людей—смѣшонъ; преступникъ есть только *жертва общества*, а законное преслѣдованіе злодѣя есть только бѣда.

„Этотъ матеріалистическій фатализмъ есть результатъ того ученія, которое отрицаетъ духовную природу въ человѣкѣ и отвергаетъ бытіе Божіе. Оно исходитъ изъ тѣхъ основныхъ мыслей, что какъ *животныя*, такъ и *растенія наравнѣ*, т. е. не различаясь между собой, *тождественные* по природѣ и *единые* по составу своему и жизни, суть скопленіе разновещественныхъ ячеекъ; что вообще *жизнь* есть не что иное, какъ химическій процессъ ячеекъ, разнообразно разлагающихся и слагающихся между собою и окружающею ихъ средою; что такой процессъ и актъ размноженія и есть единственное, до-

пускаемое разумомъ, *безсмертіе вещества*; что высшій организмъ въ природѣ, съ такимъ же процессомъ химическимъ, но искусно снабженный раздѣльными органами для каждаго отправленія, есть *человѣкъ*—произведеніе веществъ природныхъ, въ коемъ инстинктъ называется *разумомъ*.

„Изложенная теорія, распространившись отдѣльно, безъ связи со второю, была бы способна произвести въ государствѣ увеличеніе числа преступленій: но это ученіе въ своемъ примѣненіи введено въ другую теорію, которая направлена *прямо* противъ всего благоустроеннаго общества,—на его силы, труды, богатство и учрежденія, короче сказать—введено въ соціализмъ и коммунизмъ. Соціализмъ, переходящій въ коммунизмъ, есть ученіе о необходимости распредѣленія матеріальнаго богатства, т. е. раздѣленіе его между всѣми лицами народонаселенія не на юридическихъ основаніяхъ, отсталыхъ, какъ говоритъ эта школа, общественныхъ учрежденій, а на прогрессивныхъ *соображеніяхъ* новыхъ экономистовъ, *съ созданіемъ другихъ* (коммунистическихъ) *формъ правленія*. Эти двѣ теоріи составляютъ въ наше время зерно будущихъ общественно-правительственныхъ переворотовъ въ Европѣ. Сторонники ихъ—не заговорщики, а проповѣдники революцій. Съ тѣхъ поръ, какъ *совершаются* революціи,—говорятъ они,—не стоитъ заниматься заговорами. Эти слова характеристичны. Стоитъ ли прибѣгать къ такому опасному средству, когда есть возможность, отвергая, по теоріи нигилизма, стыдъ, преступленіе, грѣхъ и указывая, по теоріи коммунизма, на готовые чужіе капиталы и цѣнности, спокойно, сидя за письменнымъ столомъ, проповѣдывать массѣ народа: богатства распредѣлены не такъ! они распредѣлены вредно для общества! кто живетъ на проценты, прибытокъ, ренту, тотъ *похищаетъ достояніе общества*; надобно сообща раздѣлить цѣнности ариѳметически, такъ, чтобы *ихъ дѣлитель* былъ *цифра населенія*, *дѣлимое—цифра цѣнностей*, а выйдетъ *частное*—это частное есть *количество цѣнностей, принадлежащихъ каждому лицу*.

„Изъ нашихъ періодическихъ изданій „Современникъ“ въ послѣдніе годы явился проводникомъ обѣихъ указанныхъ теорій въ статьяхъ Чернышевскаго, обзоръ которыхъ составляетъ предметъ настоящей записки.

А. Матеріальный фатализмъ.

„Для соціалистовъ и коммунистовъ воля человѣческая разумно-свободная, опирающаяся въ выборѣ дѣяній на совѣсти, или сознаніи добра и зла, дѣлала всегда, какъ само собою разумѣется, много хлопотъ. Съ одной стороны, вводимая ими совершенная зависимость отъ общества по имѣнію и управленію, необходимость руководиться природою требуетъ, конечно, сильной дозы самоотверженія, нигилизма. Тутъ для привлеченія себѣ адептовъ пропагандисты коммунизма прибѣгаютъ въ теоріи матеріальнаго фатализма, животнаго инстинкта, несправедливо называемаго разумомъ, къ отверженію духовности и матеріализму. Но, съ другой стороны, всетаки, возникаетъ необходимо вопросъ: какъ же будущій коммунистъ безъ свободной воли уживется въ утопической коммунѣ? Чѣмъ будетъ онъ руководствоваться, чтобъ безобидно поставить себя относительно своихъ собратовъ? Тутъ даютъ ему иные нѣкоторую волю, напримѣръ, на выборъ труда, на разумное соревнованіе, на общее содѣйствіе. Доза этой свободы такъ мала, что Бокль, всетаки, прямо отвергаетъ свободную волю, но Чернышевскій, желая обольстить *индивидуальною самостоятельностью въ коммунизмѣ*, высказалъ мысль, что *люди существенно всѣ одинаковы!* („Атеней“, 1858 г., май и іюнь). Коммунисты пріобрѣли себѣ драгоцѣнную находку въ томъ положеніи, что *каждый человѣкъ — какъ всѣ люди, что въ каждомъ—то же, что въ другомъ*. Это положеніе дозволяетъ выводить изъ него тѣ же слѣдствія, какъ изъ матеріалистическаго фатализма. Такъ, изъ развитія означенной мысли оказывается: 1) что этотъ фатализмъ тождественности есть *матеріальный*, естественный (тамъ же, стр. 76), 2) что человѣкъ, лишенный свободы нравственной, лишается и вмѣненія (стр. 78), и 3) что вины въ человѣкѣ нѣтъ, а есть бѣда (стр. 79).

„Стѣсненіе индивидуальной свободы въ коммунизмѣ сознаютъ всѣ наблюдатели коммунистическихъ тенденцій.

„Чернышевскій въ одномъ мѣстѣ самъ напоминаетъ объ этомъ („Совр.“, 1860 г., № 1; „Современное обозр.“, стр. 60), но опроверженія на это замѣчаніе не помѣстилъ нигдѣ, а только разсказалъ далѣе, какимъ путемъ въ изустныхъ спорахъ онъ съ торжествомъ опровергалъ своихъ противниковъ.

„Замѣчательна еще одна сторона въ ученіи Чернышевскаго. Онъ иногда проповѣдуетъ высокія истины,—напримѣръ, *человѣкъ обязанъ искать истины, поступать честно;* общество обязано стремиться къ водворенію *справедливости, правды, законности.* Но такіе принципы, *предписывающіе что нибудь дѣлать,* имѣютъ у Чернышевскаго два значенія: одно значеніе ихъ—только *общее,* теоретическое, *неопредѣленное:* истины ихъ, взятыя *въ частности,* могутъ терять свой всеобщій характеръ, свой неизмѣнный типъ; другое значеніе ихъ—*частное* въ сферѣ практической, а не въ теоріи, въ сферѣ дѣйствія, а не мысли; тутъ коль скоро общая мысль переходитъ въ примѣненіи своемъ въ практику, и уже указанъ способъ ея исполненія, она можетъ измѣнить первообразному своему характеру всеобщности, потерять свою безысключительную примѣняемость. Такъ, самое общее положеніе—*поступай честно* при опредѣленіи способа примѣненія—можетъ допускать *нѣкоторыя* исключенія. А всякое другое правило допускаетъ еще *больше исключеній.* Неопредѣленность общихъ принциповъ даже такова, что они дозволяютъ (подъ перомъ Чернышевскаго) различныя для себя выраженія: такъ, *поступай, честно* (по его мнѣнію) равносильно принципу: *поступай согласно съ природой,* или: обязанность поступать честно, по природѣ, неразлучна съ организмомъ человѣка.

„Итакъ, въ частности въ приложеніи къ практикѣ общіе принципы подвержены измѣненію: наприм., *честность вообще* требуетъ истины, но *въ частности честность почти всегда* (не абсолютно, а только *почти* всегда) требуетъ соблюденія истины; *иногда она требуетъ нарушенія истины.* Случаи, въ которыхъ нарушеніе истины можетъ допускаться, принадлежатъ исключительно практической сферѣ; они относятся къ жизни дѣйствія.

Б. Соціализмъ и коммунизмъ.

„Ученіе о матеріальномъ фатализмѣ, не составлявшее главной стороны тенденцій Чернышевскаго, далеко не полно развито въ его сочиненіяхъ: напротивъ, теоріи соціализма и коммунизма изложены весьма подробно: имъ со скрытыми ихъ слѣдствіями, въ 1860 г., Чернышевскій посвящалъ все свое время.

„Главнымъ источникомъ для уразумѣнія автора служатъ три его произведенія, помѣщенныя въ „Современникѣ“; изъ нихъ два содержатъ теоретическую сторону ученія, третье— сторону историческую или примѣнительную.

„1. „*Капиталъ и трудъ*“—большая статья („Совр.“, 1860, янв.), написанная по поводу сочиненія профессора Горлова („Начала политической экономіи“), содержитъ почти цѣлую теорію соціализма и коммунизма въ сокращеніи.

„2. Переводъ политической экономіи англійскаго ученаго *Милля*, весьма приближающагося въ своихъ воззрѣніяхъ къ Прудону, сдѣланный Чернышевскимъ и снабженный его примѣчаніями, — тянется почти во всѣхъ книжкахъ „Современника“ 1860 года и переходитъ въ 1861 годъ. Переводчикъ своими примѣчаніями и толкованіями, присоединенными къ переводу, стремится Милля передѣлать въ Прудона. Этотъ переводъ и объясненія содержатъ цѣлую систему ученія, проповѣдуемаго Чернышевскимъ.

„3. Для распространенія этого ученія въ томъ же 1860 году написана весьма рѣзкая для правительства и достаточныхъ классовъ статья подъ заглавіемъ „*Іюльская монархія*“, въ которой выставлены тенденціи какъ французскихъ, такъ и всякихъ либераловъ, демократовъ, возникновеніе соціализма и бунты работниковъ; правительство Луи-Филиппа, пренебрегавшее низшими классами, выставлено въ самомъ черномъ свѣтѣ, и на этомъ основаніи выведена несостоятельность династіи іюльской. Статья написана вслѣдствіе выхода мемуаровъ Гизо, но авторъ самъ говоритъ, что онъ не держался этой книги, изданіе которой служило для него только предлогомъ для изложенія фактовъ съ точки зрѣнія діаметрально противоположной Гизо, и по другимъ источникамъ (Луи-Бланъ).

„Основаніе всей теоріи коммунизма состоитъ въ томъ, что *трудъ* есть *единственный производитель цѣнностей*. Давать участіе въ производствѣ *капиталу*—однѣ фразы („Трудъ и капиталъ“, „Совр.“, 1860 г., январь, стр. 38).

„Отсюда слѣдуетъ:

„1. Что потребленіе произведенныхъ цѣнностей по праву не принадлежитъ никому другому, какъ *работнику*, такъ какъ *капиталисты* не трудятся.

„2. Судя по теперешнему положенію вещей, нужно другое

распредѣленіе богатства. Да и вообще всякое потребленіе имѣетъ основою *распредѣленіе* (стр. 19 той же статьи).

„3. Поэтому богатство—излишекъ цѣнностей—непроизводительно, вредно: оно произошло въ обиду работнику. „Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 рубля, отнимаетъ у общества пудъ говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 рублей серебромъ, отнимаетъ у кого-нибудь теплую шубу“ (стр. 43 и 44).

„4. Богатые составляютъ *лигу*. Рабочій классъ еще не понимаетъ этого. „Среднее сословіе уже дѣйствуетъ на исторической сценѣ, а главная масса еще не принималась *за дѣло:* ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности“ („Совр.“, 1861 г., май, стр. 115). Масса убѣждена, что роскошь и воровство одинаково непроизводительны, вредны; роскошь ихъ обкрадываетъ, убавляетъ отъ ихъ заработковъ.

„5. Распредѣленіе путемъ *переворотовъ* должно совершиться въ томъ смыслѣ, что часть каждаго члена общества по возможности будетъ близка къ средней цифрѣ, полученной изъ отношенія массы цѣнностей къ числу народонаселенія (стр. 18 и 50).

„6. Осуществленію этого идеала мѣшаетъ *лига:* она вся основана на существованіи *факта* (не закона) *собственности* и *обычая наслѣдства* (стр. 36).

„7. Должны быть даны новыя учрежденія, имѣющія цѣлью перевести цѣнности только въ руки лицъ, вносящихъ въ общество *трудъ*, *лишивъ* цѣнностей лицъ, которымъ принадлежатъ капиталы, потому что а) капиталисты располагаютъ только силами другихъ лицъ, которымъ поэтому принадлежатъ цѣнности однимъ по праву, б) трудящійся не долженъ имѣть болѣе того, что самъ произвелъ, а капиталисты захватываютъ цѣнности, произведенныя другими (воровство) (стр. 51).

„8. Средства, представляемыя теоріею для осуществленія этого состоянія, нѣсколько похожи на предпріятіе изъ среды общества такихъ подвиговъ, какіе совершилъ американецъ Вокеръ, или какіе совершало парижское общество des amis du peuple, которое располагало такимъ могуществомъ, что вооружало батальонъ и отправляло на помощь Бельгіи противъ Голландіи.

„9. При настоящемъ положеніи общества въ Европѣ, эта

теорія лежитъ въ основаніи дѣятельности: *въ Англіи*—у работниковъ,—это видно изъ союзовъ ихъ или стачекъ, обнаруживающихся въ колоссальныхъ отказахъ отъ работы для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы; *во Франціи*—у учениковъ Прудона и Сенъ-Симона; *въ Россіи*—у раскольниковъ и отчасти въ общинномъ землевладѣніи.

„Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ одной изъ статей Чернышевскаго („Капиталъ и трудъ“) начертанъ подробный планъ коммунистическаго устройства общества, основаннаго какъ бы для образца. Этотъ планъ въ своемъ изложеніи обставленъ, естественно, весьма благовидно и благонамѣренно, скрываясь подъ формою обыкновеннаго товарищества для совокупной четырьмя или пятьюстами семействъ эксплоатаціи земледѣльческихъ продуктовъ съ устройствомъ мастерскихъ общихъ и для другихъ производствъ, съ согласія правительства,—даже при его пособіи. Планъ назначенъ для государства, которое хотя не поименовано, но которое очень нетрудно угадать по приведеннымъ тутъ же признакамъ: 1) оно даетъ десятками милліоновъ взаймы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, 2) тратитъ десятки милліоновъ на разныя великолѣпныя постройки, 3) богато полями и другими угодіями, 4) признакъ, что въ немъ для помѣщенія товарищества трудящихся находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ, конечно, не подходитъ ни къ одному изъ существующихъ теперь государствъ, но совершенно подходитъ къ Франціи 1793—1799 годовъ. Припомнивъ утопію въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“ о распространеніи подобныхъ коммунъ, принявъ въ соображеніе первые три признака, подходящіе теперь къ Россіи, четвертый, вѣроятно (въ мысли автора) *имѣющій подходить*, нельзя не убѣдиться, что планъ имѣетъ въ виду дать новый видъ нашему отечеству.

„Распространители идей коммунизма выказали огромные таланты, когда они не только развили ученіе, но и дали пріемы уничтожать все существующее, все устроенное на религіи, нравственности, законахъ, обычаяхъ. Методы эти могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ: а) или для обойденія цензурнаго устава, или б) для наведенія мыслей юныхъ адептовъ коммунизма на новыя коммунистическія начала, для сообщенія

имъ опредѣленныхъ формъ и пріемовъ въ борьбѣ при столкновеніи съ прежнимъ порядкомъ вещей. Тутъ придуманы два метода: одинъ—*отрицательный*, уничтожительный, разрушительный, а другой—*гипотетическій*, или способъ сужденія *по предположенію*.

„Что касается методы для обойденія цензуры, которая, впрочемъ, въ 1860 году была очень слаба, то пріемы были отчасти общіе: ослабленіе мысли, смягченіе, ограниченіе чрезъ прибавленіе словъ: *иногда*, *нѣкоторый*, *иной*: сваливанье всего дѣла на западныхъ народовъ; это все дѣлалось и трактовалось такъ, что ясно было, что идетъ дѣло о принципахъ и истинахъ всеобщихъ.

„Спеціальные пріемы Чернышевскаго состоятъ въ слѣдующемъ:

„а) Въ главную цѣпь сужденій и умозаключеній онъ вставляетъ обыкновенно слова и фразы изъ обыденной жизни, изъ свѣдѣній пошлыхъ, впрочемъ, нѣсколько идущихъ къ дѣлу, и вслѣдъ за тѣмъ опять продолжаетъ главную свою мысль и опять прерываетъ подобною болтовнею и пошлыми рѣчами. О Чернышевскомъ нельзя сказать того, что обыкновенно говорится о газетахъ: читать надъ строками. У него должно читать буквально между строками, отдѣленными одна отъ другой пустою болтовней. Это его главный, преобладающій тонъ. Колоритъ рѣзкій стертъ съ мысли перерывами, очевидно, нелѣпыми, но онъ стертъ, какъ сказано, грубо, и послушная фаланга читателей поневолѣ вчитывается, размышляетъ, а тогда уже не трудно отыскать преобладающую мысль. Надобно полагать, что ключъ къ этому секрету открывался иногда словесно, иногда самъ авторъ въ важныхъ мѣстахъ совѣтовалъ вникнуть въ дѣло, которое, впрочемъ, само за себя говорило. б) Другой пріемъ, свойственный Чернышевскому, есть буффонство и глумленіе. Вездѣ, гдѣ онъ начинаетъ буффонить, за этимъ глумленіемъ непосредственно слѣдуетъ самое рѣзкое мѣсто. в) Иногда онъ торжественно заявляетъ, что о томъ-то и о томъ-то онъ говорить не будетъ и не дорожитъ этимъ: въ одномъ мѣстѣ онъ плюетъ на коммунизмъ, но читайте дальше, дальше онъ говоритъ! Подъ конецъ коммунизмъ оживленный является необходимымъ исходомъ для настоящаго порядка! г) Иногда мысль выставляется у него въ свѣтѣ весьма неблагопріятномъ, но зато сряду жестоко опровергаются ея противники. д) Нако-

нецъ. онъ никогда не пропуститъ случая доказать свою мысль какимъ-нибудь существующимъ учрежденіемъ или обычаемъ, которое отчасти напоминаетъ его мысль или имѣетъ нѣкоторое къ ней отношеніе. Такъ, въ правѣ государства отчуждать отъ частнаго лица недвижимую собственность, нужную для какой-нибудь важной общественной надобности или предпріятія, Чернышевскій видитъ начало коммунизма, распоряжающагося посредствомъ своихъ представителей общественнымъ достояніемъ.

„*Отрицательный* способъ связанъ не только со всею системою коммунизма, но и со всѣмъ логическимъ и метафизическимъ строемъ уже и духовной дѣятельности человѣка. Онъ есть ужасное изобрѣтеніе разрушительнаго стремленія нашего времени. Понятіе объ этомъ способѣ дано Чернышевскимъ въ „Современникѣ“ 1860 г. за апрѣль и май, въ критикѣ книги Лаврова.

„Извѣстно, что школа матеріализма отвергаетъ всякое духовное начало: нѣтъ въ человѣкѣ души, нѣтъ воли, нѣтъ свободы, нѣтъ добра и зла, нѣтъ вмѣненія. „Наблюденіемъ физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка“ (349 стр. „Совр.“, май). Никакого дуализма въ человѣкѣ не видно; еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую, духовную натуру, то эта натура обнаружилась бы гдѣ-нибудь.

„Короче: души нѣтъ,—одна животная натура въ насъ!

„Для уразумѣнія всей важности методы отрицанія надлежитъ сообразить слѣдующее: такъ какъ доселѣ и вѣра, и совѣсть, и философія учили противному, т. е. что въ одномъ человѣкѣ соединены двѣ природы: духовная и тѣлесная, то естественно, что отъ *принятія* и въ обществѣ человѣческомъ *духовнаго начала* какъ въ мысли, такъ и въ практикѣ есть въ обществѣ множество сторонъ и учрежденій *духовныхъ* или, по крайней мѣрѣ, основанныхъ на *духѣ*; такія стороны духовныя есть въ сферахъ семейной, гражданской, государственной, религіозной; эти духовныя стороны, выражаемыя часто, какъ аксіомы, принимаются, вѣрятся, возвышаютъ человѣка до неба и Творца.

„Новая школа не принимаетъ духовности; слѣдовательно, должно отринуть, отказать въ бытіи, уничтожить въ обществѣ и ученіи все, основанное на духовности во всѣхъ сферахъ:

въ семьѣ, въ гражданствѣ, въ государствѣ, въ добродѣтели, въ наукѣ, въ вѣрѣ,—да тогда всего этого и не будетъ, не будетъ и святости, и семьи, и права, и власти, нѣтъ добродѣтели, нѣтъ самоотверженія и соединенія религіознаго съ Богомъ. Даже нѣтъ и мысли, потому что, по этой философіи, *мыслятъ и собаки*. Таковъ отрицательный методъ, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи отреченія отъ духа и отъ невидимой идеи провести это отреченіе черезъ всѣ сферы, въ какія только можетъ поставить себя человѣкъ по своей всесторонней природѣ!

„На чемъ основываетъ эта школа свое отверженіе отъ духа? На началѣ самомъ дѣтскомъ,—именно, что духа никто не видитъ, отъ духа никто ничего не слышалъ! „Въ эту минуту вы, читатель, увѣрены, что, когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете потому, во-первыхъ, что не видите его глазами, не слышите его рыканія. Есть у васъ второе ручательство: это фактъ, что вы живы. Еслибъ въ вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ и проч.“.

„Принявъ въ основаніе этотъ нигилизмъ, матеріализмъ, фатализмъ жизненный, авторъ научаетъ, какъ должно отвергать все духовное. Этотъ отрицательный методъ иначе называется: *заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго. Извѣстнымъ* здѣсь называются *истины наукъ матеріальныхъ*, или *математическихъ*, имѣющихъ назначеніемъ приложеніе къ *матеріальнымъ* величинамъ. Неизвѣстное—это духовный міръ. Дѣлать заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго значитъ судить *о мірѣ духовномъ* съ точки зрѣнія наукъ матеріальныхъ и все духовное, какъ сказано, отвергать, низводя все въ сферу матеріализма.

„Такимъ образомъ въ излагаемомъ ученіи, вмѣсто свободной воли, поставлена необходимость причинности. Отвергнувъ свободу и хотѣніе, послѣдователи этого ученія уже не допускаютъ различія между добрымъ и злымъ человѣкомъ. Для этой школы нѣтъ добродѣтели. Жена плачетъ о потерѣ мужа, мать плачетъ о смерти дитяти: это отголосокъ эгоизма (стр. 33).

„Какъ видъ, какъ подробность въ приложеніи методы отрицательной является метода *гипотетическая*, или *предположительная*.

„Въ работѣ отрицанія, конечно, школа Чернышевскаго встрѣтила цѣлый живой міръ, восточный и западный, прошедшій и настоящій, вѣрящій въ духовность и благоустройство. Особенно законы, ограждавшіе и ограждающіе собственность и наслѣдство, повсюдны. Для этой спеціальной борьбы съ собственностью, для убѣжденія людей въ необходимости новаго *распредѣленія* изобрѣтенъ новый пріемъ—*гипотетическій*, или предположительный.

„Особенность его есть слѣдующая:

„Обыкновенно политико-экономы для своихъ выводовъ пользуются статистическими данными, но фактъ статистическій есть произведеніе исторіи, онъ сотворился жизнью народа при господствѣ извѣстной вѣры, законовъ, правленія, обычаевъ. Поэтому, принявши статистическое данное, авторъ долженъ былъ принимать и фактъ историческій и его всякаго дѣятеля.

„Но этого-то наши экономисты и не согласны дѣлать по закону отрицанія. Для сего, чтобы провести свою мысль, они учатъ, что фактовъ статистическихъ принимать не нужно, а нужно предположить извѣстное состояніе людей на основаніи мысли (фантазіи) автора. Такъ, они предполагаютъ (внѣ существующаго міра) извѣстное мѣсто съ такимъ-то народонаселеніемъ, мужскимъ, и съ такимъ-то количествомъ рабочихъ силъ, времени, и выводятъ потомъ, конечно, тѣ же результаты, какіе сначала уже были въ ихъ мысли, и которые они какъ будто бы вывели на основаніи *предположительныхъ данныхъ*. „Ваши статистическія данныя,—говорятъ они,—не суть данныя чистыя, одною причиною произведенныя, а произведены они многими причинами; а наши *предположительныя* данныя суть данныя чистыя, вѣрныя,—стоитъ ихъ только увеличивать или уменьшать". На это можно отвѣтить, что это-то и доказываетъ *фантастичность* данныхъ вашихъ: значитъ, въ жизни дѣйствуютъ многіе факторы, *вдругъ* и *постоянно*, и отклоняться отъ нихъ мы права не имѣемъ.

„Этимъ гипотетическимъ методомъ Чернышевскій пользовался постоянно въ своихъ замѣчаніяхъ на политическую экономію Милля и съ помощью его выводилъ свои результаты, которымъ недоставало одной реальной дѣйствительности.

„Подобная литературная дѣятельность Чернышевскаго принесла горькіе плоды. Проповѣдуемое имъ вредное ученіе было усвоено неопытною молодежью, которая, проникнувшись новыми идеями, пожелала осуществить ихъ на дѣлѣ путемъ опасной пропаганды и прибѣгла для этого къ тайной печати. Въ подметныхъ прокламаціяхъ высказываются тѣ же самыя политико-экономическія ученія, которыя развилъ Чернышевскій, съ тою лишь разницею, что въ прокламаціяхъ они не прикрыты ученою діалектикой, а являются въ безыскусственной формѣ и осязательной нелѣпости. Тѣ самые политико-экономы старой школы (Бастіа, Рошеръ, Рау), на которыхъ съ ожесточеніемъ нападалъ Чернышевскій въ своихъ сочиненіяхъ, составляютъ предметъ рѣзкихъ и грубыхъ нападокъ для авторовъ подметныхъ листковъ. Наконецъ, насильственныя средства къ осуществленію новыхъ порядковъ указываются въ прокламаціяхъ съ беззастѣнчивою откровенностью такія же, на какія Чернышевскій, стѣсненный условіями цензуры, могъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ только намекать болѣе или менѣе ясно. Словомъ сказать, прокламаціи суть какъ бы выводъ изъ статей Чернышевскаго, а статьи его — подробный къ нимъ комментарій“.

Вотъ какой „документъ“ приходилось принимать во вниманіе сенату, и подъ какимъ заранѣе приготовленнымъ угломъ разсматривать Чернышевскаго. Ни Замятнину, ни сенату, ни правительству вообще, конечно, не было совѣстно вмѣнять человѣку въ преступленіе статьи, разрѣшенныя правительственной же цензурой. То ли еще дѣлалось въ нашихъ застѣнкахъ самодержавія...

Но неловкость, всетаки, ощущалась: на другой же день полученія этой „записки“ сенатъ опредѣлилъ не вносить ни ее, ни приведенную вначалѣ „Записку изъ частныхъ свѣдѣній“ въ свое опредѣленіе...

Итакъ, двумя документами III Отдѣленіе уже козырнуло.

ЧАСТЬ IV.

Еще подлогъ.

I.

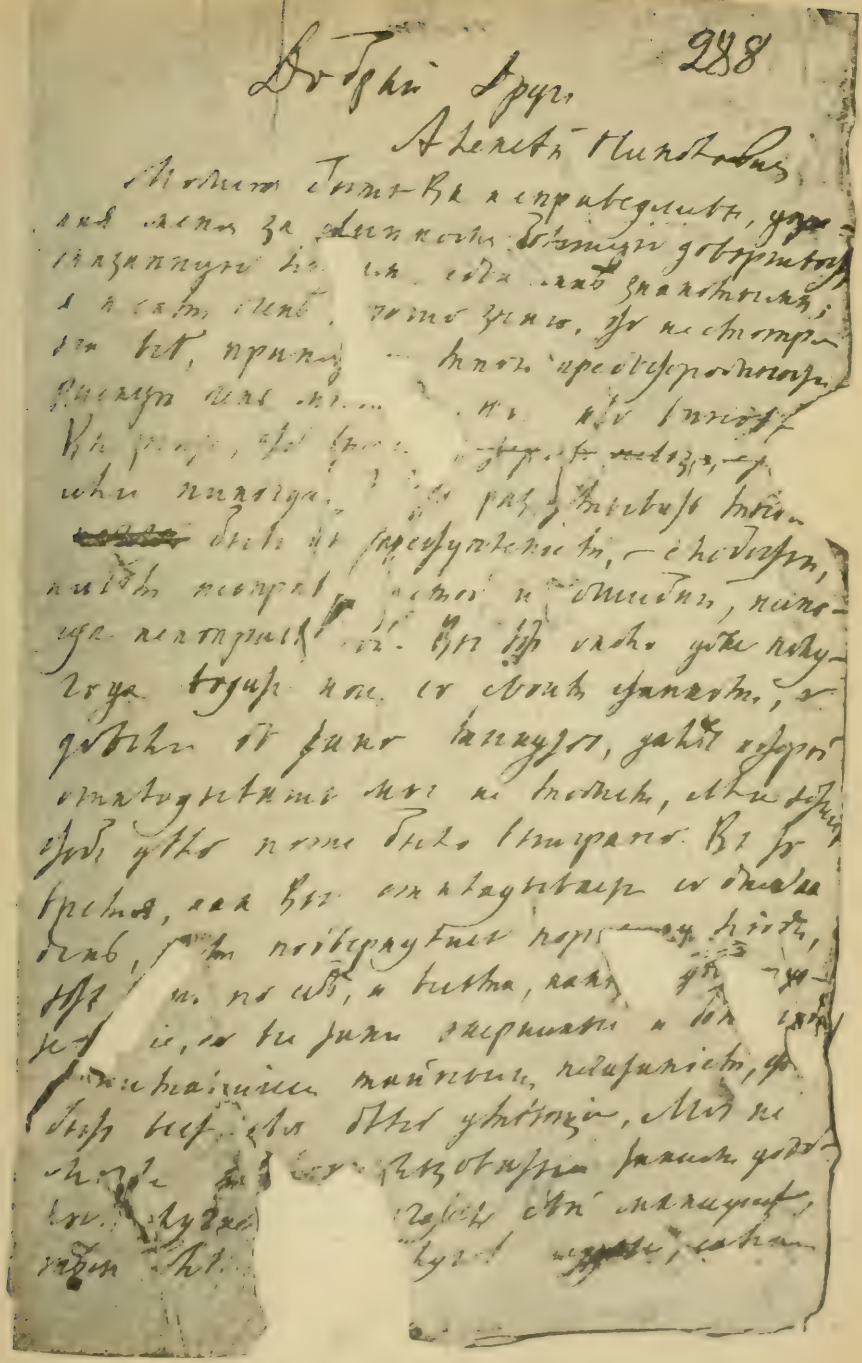
Потому ли, что оно не было вполнѣ увѣрено въ сенаторахъ, — хотя, кажется, никто изъ нихъ не обнаружилъ непокорства и ослушанія,—потому ли, что чувствовало шаткость своихъ обвиненій въ глазахъ общества, которому, несмотря на тайну, многое—правда, иногда въ весьма извращенномъ видѣ было тогда всетаки извѣстно,—по чему ли другому, но III Отдѣленіе рѣшило козырнуть еще разъ, твердо помня правило опытныхъ игроковъ: козырь игры не портитъ...

18 іюля Замятнинъ сообщилъ оберъ-прокурору, что 12-го числа Потаповъ прислалъ кн. Голицыну, а послѣдній направилъ къ нему—очень важное письмо Чернышевскаго къ какому-то Алексѣю Николаевичу,—повидимому, къ литератору Плещееву, полученное отъ В. Костомарова... Недаромъ же у невѣдомаго благопріятеля были документы, которые онъ хранилъ, какъ зеницу ока... Теперь-де вотъ одинъ изъ нихъ и появился.

Привожу этотъ третій козырь III Отдѣленія съ подлинника, а не съ копіи, при немъ приложенной.

Вотъ что было написано на изорванномъ, протертомъ и подмоченномъ листѣ почтовой бумаги обыкновеннаго формата:

„Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можетъ быть Вы и справедливы, упрекая меня за слишкомъ большую довѣрчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; я и самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ, принятыя мною предосторожности, рискую очень многимъ, но кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда. Тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ,—слабостью, ничѣмъ



Подложное письмо кн. А. Н. Плещееву.

неоправдываемой, и ошибкой, никогда непоправимой. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ, и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобъ дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ Вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но все таки энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха, самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе Вы все таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ Васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мной, и разсказываетъ, будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія *свое сочиненіе* (?). Старайтесь заглушить эти слухи; это будетъ Вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, и Сул., и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльныхъ.

„Что касается до К., то на него, кажется, можно положиться, хотя, конечно и съ нимъ нельзя черезъ чуръ откровенничать не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и я во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ Вамъ за знакомство съ нимъ.

„Я ничего не пишу Вамъ теперь о *литературныхъ* дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для Васъ небезъинтересныхъ. По обыкновенію спѣшу или лучше сказать спѣшитъ К., съ которымъ я отправляю это письмо.

„Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергіи, болѣе вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у Васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ безплодномъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовьи. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе; отчего? Энергіи мало, мало силы воли.

„Совсѣмъ нѣкогда. Жму Вашу руку. Вашъ *Н. Черныш.*

„Скоро буду писать черезъ К“.

Подпись была недокончена. Поддѣлка почерка ясна до очевидности и гораздо болѣе замѣтна каждому, чѣмъ въ карандашной запискѣ. Поддѣлка была сдѣлана совершенно безъ какой бы то ни было тщательности: точно, и не требовалось ея, точно, сенатъ только и ждалъ письма [1])...

24 іюля Чернышевскій былъ призванъ въ сенатъ, и первоприсутствовавшій, Карніолинъ-Пинскій, началъ съ того, что держалъ подложное письмо въ своихъ рукахъ и, поднеся его къ глазамъ Н. Г., сказалъ съ большою торжественностью: „Oculis, non manibus!..“ [2]).

Разумѣется, Чернышевскій отвергъ принадлежность этого письма себѣ и не далъ никакихъ разъясненій, кромѣ указаній, что можетъ лишь догадываться, что письмо адресовано къ Плещееву. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить, что если въ подписи нужно читать „Чернышевскій“, то письмо явно поддѣльное. Тогда рѣшено было сдѣлать сличеніе почерковъ.

Призванные семь секретарей сената дали слѣдующее заключеніе: „по сличеніи предложеннаго къ разсмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, признанными г. Чернышевскимъ за писанныя имъ самимъ, нижеподписавшіеся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою“. Имена этихъ секретарей пусть будутъ вѣдомы потомству: Ординъ, Варгасовъ, Григоровскій, Малышевъ, Бѣляевъ, Елпатьевскій и Тришатный... Разумѣется, сенаторы одобрили эту экспертизу, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ безповоротно...

---

[1]) Относительно этого письма въ печати сообщалось не мало вздору. Такъ, напримѣръ, Якушинъ писалъ: „Чернышевскій указалъ презусу военно-судной комиссіи на водяные знаки почтоваго листа большого формата, на которомъ было написано это письмо: подлиннымъ почеркомъ Чернышевскаго былъ выставленъ годъ письмомъ 1863 годъ, а водяные знаки удостовѣряли, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 году“ (см. „Новое Время“, 1904 г., № 10321). Категорически утверждаю, что здѣсь все съ перваго слова невѣрно, и никакихъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ нѣтъ. Сынъ Плещеева сообщилъ, что по первой экспертизѣ письмо было найдено подложнымъ, а по второй — подлиннымъ (см. „Новое Время“, № 10364). И это невѣрно. Любопытно, что Костомаровъ и здѣсь не сумѣлъ остаться грамотнымъ и хоть этимъ потѣшаться надъ Чернышевскаго: его пугаетъ съ головой слово „никогда“ на второй отъ конца строкѣ.

[2]) „Смотрите, не троньте“. Сообщено самимъ Николаемъ Гавриловичемъ А. Н. Пыпину.

На другой день, 31 іюля, съ Костомарова былъ снятъ допросъ.

Среди массы повтореній, ошибокъ и противорѣчій съ прежними его показаніями особенно заслуживаютъ упоминанія такія, напримѣръ, какъ, что онъ уже въ первое свиданіе съ Чернышевскимъ, при Михайловѣ, говорилъ ему о неудовлетворительности редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ и предложилъ свои поправки; что онъ наотрѣзъ отказался взять это воззваніе; что когда онъ узналъ, что Сороко получилъ отъ Чернышевскаго прокламацію, то „сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ предупредить Чернышевскаго и другихъ“. Затѣмъ Костомаровъ разсказалъ: „Чернышевскому повезъ я письмо отъ Плещеева. Чернышевскій былъ очень встревоженъ, но утѣшалъ и меня, и себя тѣмъ, что если эта болтовня дойдетъ до правительства, то онъ, Чернышевскій, отъ всего отопрется, потому что уликъ на него никакихъ нѣтъ. Я спѣшилъ въ тотъ же день уѣхать въ Москву, рѣшившись перенять работу отъ Сулина и потомъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, прекратить ее совсѣмъ. Въ этотъ пріѣздъ я получилъ отъ Чернышевскаго письмо къ Плещееву, которое онъ вынесъ мнѣ изъ кабинета. Я его куда-то затерялъ дорогой, такъ и сказалъ я Чернышевскому. А послѣ, когда я нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояжа, оно уже было и измочено, и изорвано—однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, что отдать его Плещееву мнѣ было уже совѣстно,—да оно уже и не имѣло бы смысла“.

На слѣдующемъ допросѣ онъ заявилъ: „Съ Плещеевымъ я познакомился по поводу издаваемаго мною сборника: „Поэты всѣхъ временъ и народовъ“. Послѣ изданія перваго выпуска этой книги я пріѣхалъ въ Петербургъ къ г. Плещееву просить его участвовать въ слѣдующихъ; къ Чернышевскому онъ меня рекомендовалъ, какъ автора нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Современникѣ“, за которыя мнѣ слѣдовало получить деньги. Объ отношеніяхъ г. Плещеева къ Чернышевскому мнѣ ничего неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно и то, имѣлъ ли намѣреніе г. Плещеевъ печатать какія-либо прокламаціи, какъ видно изъ письма г. Чернышевскаго къ Плещееву. Когда Чернышевскій передалъ мнѣ письмо къ Плещееву, я былъ уже знакомъ съ нимъ, чрезъ Михайлова, хотя и имѣлъ рекомендательное письмо отъ Плещеева. Переговоры

же о печатаніи начались прежде всего черезъ Михайлова, и когда я пріѣхалъ къ Чернышевскому, я нашелъ его уже предупрежденнымъ и знакомымъ съ моею прежнею дѣятельностью по тайному книгопечатанію. Г. Плещееву извѣстно было то, что я участвовалъ въ печатаніи книги „Разборъ книги барона Корфа: Императоръ Николай и 14 декабря“.

Достаточно вспомнить всѣ прежнія показанія Костомарова и сравнить ихъ съ этими, чтобы увидѣть, какъ наглъ былъ этотъ человѣкъ, какъ нахально онъ лгалъ, прекрасно зная, что съ него не спросится, что его не станутъ провѣрять и уличать во лжи...

Разумѣется, надо было показать видъ, что бывшій нѣкогда петрашевцемъ Плещеевъ, дѣйствительно, могъ заслуживать такого письма Чернышевскаго, и потому въ III Отдѣленіи очень быстро „стало извѣстно“, что у мирнаго тогда Алексѣя Николаевича видѣли нѣсколько номеровъ революціоннаго листка „Мысли и Дѣла“ и типографскій шрифтъ: этого мало — „извѣстно“, что онъ—одинъ изъ дѣятелей общества „Земля и Воля“... Сдѣлали весьма грозный и внезапный обыскъ, очень серьезно осмотрѣли квартиру Плещеева и... ровно ничего не нашли... Обо всемъ этомъ въ первыхъ числахъ августа было доложено государю и сообщено сенату для свѣдѣнія.

Послѣдній продолжилъ комедію, признавъ необходимымъ вытребовать Плещеева въ Петербургъ для допроса.

Между тѣмъ, 13 августа Чернышевскій былъ привезенъ въ сенатъ для чтенія составленной о немъ записки и для рукоприкладства.

Можно себѣ представить, какіе большіе глаза сдѣлалъ Николай Гавриловичъ, открывъ первый же листъ своего многотомнаго дѣла!.. Только тутъ онъ началъ понимать, что дѣлалось для его обвиненія... Только тутъ онъ сталъ угадывать свое близкое будущее...

На другой же день онъ отправилъ коменданту запечатанный пакетъ съ надписью: „Въ Правительствующій Сенатъ отъ отставного титул. совѣтника Чернышевскаго. Образецъ черновой литературной работы Чернышевскаго, содержащій въ себѣ пятнадцать полулистовъ и одинъ полулистъ пояснительной замѣтки (писанной 14 августа 1863). Для облегченія работы гг. дѣлопроизводителей по разбору фактовъ дѣла о Чернышевскомъ. 14—VIII“.

А вотъ и указанная пояснительная замѣтка.

„Въ той части записки по дѣлу Чернышевскаго, которую Чернышевскій прочелъ 13 августа, очень много говорится о литературной дѣятельности Чернышевскаго, о личныхъ свойствахъ его характера, особенно о его самолюбіи. Эти соображенія подтверждаются авторами бумагъ, ихъ содержащихъ, посредствомъ извлеченій изъ черновыхъ бумагъ и семейныхъ писемъ Чернышевскаго.

„Чернышевскій находитъ полезнымъ для разъясненія представить вложенный здѣсь образецъ черновой его работы, заключающейся на 15 листахъ его нумераціи, дѣланной его рукою нынѣ поутру, 14 августа.

„Это нужно для облегченія разбора дѣла о Чернышевскомъ—въ его ли пользу, или нѣтъ, онъ предоставляетъ рѣшить Пр. С.

Отставной тит. сов. *Н. Чернышевскій.*

„14 августа 1863 г.

„P. S. Онъ проситъ гг. дѣлопроизводителей просматривать листы по порядку нумераціи, дѣланной имъ 14 августа,—читать всего сплошь не стоитъ, по его мнѣнію, достаточно употребить часа полтора или два на пересмотръ.

„Но если гг. дѣлопроизводители будутъ читать внимательно, сплошь, то тѣмъ лучше для разъясненія дѣла. Отставной тит. сов. *Н. Чернышевскій.* 14 августа 1863.

„Чернышевскій предполагаетъ, что легче всего понять эти странныя работы, если предположить, что это матеріалъ для будущихъ романовъ, именно для такихъ частей романовъ, въ которыхъ изображается состояніе очень сильнаго юмористическаго настроенія, доходящаго почти до истеричности. Но, конечно, онъ не въ правѣ требовать, чтобы гг. дѣлопроизводители ему вѣрили на слово. Отставной тит. сов. Николай *Чернышевскій.*“

Что же это за 15 полулистовъ? Это, дѣйствительно, черновые наброски нѣкоторыхъ произведеній, сдѣланные, очевидно, въ крѣпости. Я не привожу ихъ, какъ неидущіе къ дѣлу. Мнѣ кажется только, что, посылая ихъ въ сенатъ, Чернышевскій, въ сущности, издѣвался надъ нимъ, желая подчеркнуть способность своихъ судей копаться въ душѣ обвиняемаго и строить обвиненіе на матеріалѣ совершенно непригодномъ...

Если такъ, то зарядъ его пропалъ даромъ: въ сенатѣ не поняли присылки...

Черезъ недѣлю Н. Г. вручилъ оберъ-секретарю слѣдующую записку:

„Прочитавъ на листахъ черновой (дополнительной) записки по моему дѣлу изложеніе результатовъ сличенія почерка письма къ Алексѣю Николаевичу, которое я называю непринадлежащимъ мнѣ, съ моими подлинными письмами или бумагами, я осмѣливаюсь просить Пр. С. разрѣшить мнѣ, если то не противно закону, „прибѣгнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ наукою для распознаванія почерковъ средствъ, какія могутъ быть допущены по закону“ (мое дополнительное показаніе). Изъ нихъ первое требуетъ, чтобы мнѣ самому дана была возможность сличить отвергаемое мною письмо съ а) бумагами, несомнѣнно писанными почеркомъ г. В. Костомарова и б) бумагами, писанными мною, которыя были принимаемы за основаніе для сличенія моего почерка съ почеркомъ письма.

„Итакъ, имѣю честь просить Правительствующій Сенатъ, если не противно закону, дать мнѣ на разсмотрѣніе эти бумаги. При разсмотрѣніи отвергаемаго мною письма и бумагъ почерка г. Костомарова нахожу полезнымъ пользоваться сильною лупою, увеличивающею въ 10—12 разъ; прошу у Пр. С. или приказанія доставить ее мнѣ, или разрѣшенія мнѣ пріобрѣсть ее. 20 августа 1863. Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій*“.

Разумѣется, увидя, что Чернышевскій сразу попалъ въ цѣль, указавъ на Костомарова, сенатъ призналъ „таковое домогательство Чернышевскаго незаконнымъ“, ибо „сличеніе почерка руки его сдѣлано секретарями, а затѣмъ присутствіемъ сената, на точномъ основаніи закона, съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ правилъ; того же, чтобы самому подсудимому дозволено было дѣлать сличеніе своего почерка съ актомъ, имъ отвергаемымъ, или употреблять для сличенія сего лупу, въ законахъ постановленія нѣтъ“...

Н. Г. стоически выслушалъ и это рѣшеніе, которое показывало уже съ полной ясностью, чѣмъ кончится все дѣло...

2 сентября онъ заявилъ сенату, что во время чтенія дѣла комендантъ лишилъ его всякихъ свиданій, между тѣмъ скоро должна пріѣхать Ольга Сократовна, и потому онъ проситъ о разрѣшеніи видѣться съ нею. Свиданіе было дано.

II.

Плещеевъ еще не опрошенъ, онъ даже не пріѣхалъ еще и въ Петербургъ, а ужъ Чернышевскій прочелъ все свое дѣло и сенатскую о себѣ записку и заявилъ о желаніи присутствовать при слушаніи ея въ присутствіи сената...

25 сентября онъ кончилъ эту работу и заключилъ ее послѣдними своими обращеніями къ правосудію. Врядъ ли Н. Г. вѣрилъ въ ихъ успѣшность. Вѣрнѣе, онъ просто дѣйствовалъ изъ желанія всѣми возможными способами обнаружить тотъ поразительный произволъ, который творился около него въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Человѣкъ съ сильно развитымъ сознаніемъ исторической отвѣтственности (припомните, напримѣръ, его указаніе, почему онъ не уничтожилъ письмо Герцена и Огарева), Чернышевскій, очевидно, думалъ и о томъ, что когда-нибудь придетъ время вынести все это на судъ общества... И онъ не ошибся—оно пришло...

25-мъ сентября датированы три его документа.

Первый—рукоприкладство. Это очень цѣнный документъ по ясности, краткости и неотразимости статей закона, привомыхъ въ отвѣтъ на произволъ сената и комиссіи.

„Прошу Пр. С. обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

„1. Я былъ арестованъ по подозрѣнію въ намѣреніи эмигрировать, но не только намѣреніе эмигрировать, и самое эмигрированіе не составляетъ преступленія; преступленіемъ становится уже только ослушаніе приказанію возвратиться. Св. зак. т. XV кн. I ст. 368 (также 367, 369, 370).

„2. Мои письма къ Его Величеству и г. генералъ-губернатору, писанныя въ ноябрѣ, не внесены въ дѣло.

„3. Картонные лоскутки мнимаго шифра прошу сравнить съ дѣйствительнымъ ключомъ шифра, въ которомъ нумерація буквъ различна, между тѣмъ какъ на лоскуткахъ одинакова.

„4. Письмо г. Костомарова къ Соколову имѣетъ всѣ признаки, отличающіе произведеніе вымысла отъ фактическаго разсказа. Лицо, къ которому адресовано письмо, очевидно, есть лицо выдуманное.

„5. У г. Всеволода Костомарова 5 марта не было уликъ про-

тивъ меня, а 7 марта явилась въ рукахъ лицъ, обыскивавшихъ его, записка карандашомъ, приписываемая мнѣ.

„6. Письмо о разговорѣ г. Яковлева въ смирительномъ домѣ подтверждено офиціальными актами и рѣшеніемъ комиссіи, высочайше одобреннымъ.

„7. Въ дополнительномъ показаніи моемъ Пр. С. я вызвался подтвердить приводимые мною факты... Въ дѣлѣ есть уже подтвержденія большей части ихъ.

„8. Слова мои о вліяніи неосновательныхъ слуховъ обо мнѣ на начатіе и веденіе процесса противъ меня подтверждаются тѣмъ, что подобными слухами наполнено дѣло.

„9. Слова мои объ истинной причинѣ раздраженія г. Костомарова противъ меня дѣлаются несомнѣнными послѣ того, какъ самъ г. Костомаровъ ясно намекаетъ на нее и отказывается пояснить свои слова.

„10. Солидный характеръ г. Плещеева, извѣстный сотнямъ лицъ, несовмѣстенъ съ отношеніями, въ которыя ставитъ его ко мнѣ „письмо къ Алексѣю Николаевичу“. Лживость этого письма, конечно, уже раскрыта и офиціальными мѣрами по поводу этого письма, подвергавшими г. Плещеева непріятностямъ.

„11. Въ „письмѣ къ Алексѣю Николаевичу“ слово *не*когда (нѣтъ времени) написано *ни*когда (когда-то, когда-либо).

„12. Это письмо есть подлогъ,— фактъ подобнаго рода нуждается въ точнѣйшихъ средствахъ изслѣдованія истины, о которыхъ говорю я въ бумагѣ, поданной мною Пр. С. по поводу акта сличенія почерка этого письма.

„13. Появленіе „письма къ Алексѣю Николаевичу“ противорѣчитъ словамъ г. Костомарова передъ его появленіемъ, что у него, г. Костомарова, уже не остается уликъ противъ меня.

„14. Появленіе „письма къ Алексѣю Николаевичу“ заставило дѣлать новыя выдумки, противорѣчащія прежнимъ его показаніямъ и его письму къ Соколову; все его показаніе 31 іюля проникнуто подробностями, несовмѣстными съ его прежнимъ изложеніемъ его мнимыхъ тайныхъ сношеній со мною; вотъ нѣкоторыя черты несовмѣстности:

Показанія г. Костомарова 31 іюля.

„Въ первый свой пріѣздъ въ Петербургъ имѣлъ онъ рекомендательное письмо ко мнѣ отъ Плещеева.

„Первая редакція прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ при первомъ чтеніи ея у меня не понравилась г. Костомарову.

„Итакъ, г. Костомаровъ тутъ же, въ первое свиданіе со мною, при первомъ чтеніи въ моемъ кабинетѣ, потребовалъ измѣненія редакціи; я не согласился; г. Костомаровъ отказался печатать. Онъ не помнитъ, видѣлся ли со мною еще разъ для продолженія переговоровъ: одно или два свиданія мои съ нимъ были заняты ими; но онъ и я лично вели переговоры.

Прежнія слова г. Костомарова.

„Онъ, уже познакомившись съ Михайловымъ, „не зналъ, какъ устроить знакомство“ со мною, и только Михайловъ познакомилъ его. О рекомендательномъ письмѣ ни слова; явно, его не было.

„При этомъ первомъ чтеніи г. Костомаровъ былъ въ такомъ восхищеніи, что даже не могъ говорить, и потому Михайловъ увезъ его.

„Требованіе измѣнить редакцію прокламаціи явилось у г. Костомарова только при второмъ ея чтеніи (у Михайлова); только тутъ, на другой день послѣ перваго чтенія; переговоры со мною велъ исключительно Михайловъ, ѣздя для этого ко мнѣ одинъ, безъ г. Костомарова, и г. Костомаровъ знаетъ объ этихъ переговорахъ только по разсказу Михайлова.

„Всѣ эти чтенія и переговоры—выдумка г. Костомарова.

„Во время своихъ занятій тайнымъ печатаніемъ (нѣсколько мѣсяцевъ) г. Костомаровъ ѣздилъ въ Петербургъ „очень часто“, „раза два въ мѣсяцъ“.

„Онъ до своего арестованія ѣздилъ въ Петербургъ, „кажется“ ему, только два раза.

„Узнавъ, что рукопись прокламаціи въ Москвѣ, г. Костомаровъ „сейчасъ же“ поѣхалъ въ Петербургъ предупредить меня; въ эту поѣздку онъ получилъ отъ меня „письмо къ Алексѣю Николаевичу“.

„Узнавъ, что рукопись въ Москвѣ, онъ занялся приготовленіями къ печатанію и печатаніемъ ея, а извѣстилъ меня письмомъ о томъ, за чѣмъ, по показанію 31 іюля, самъ ѣздилъ въ Петербургъ.

„По всему этому прошу Пр. С. повелѣть освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ; и примѣнить статьи 183, 390, 392, 404, 475, 1206, 1209 и 1288 св. зак. т. XV кн. I къ лицамъ, которыя, по изслѣдованію, окажутся виновными въ нарушеніяхъ закона по моему процессу. Отставной титулярный совѣтникъ *Н. Чернышевскій*".

Второй документъ отъ 25 сентября—прошеніе, только по формѣ, яко бы, на высочайшее имя, а по тогдашнимъ правиламъ посылаемое въ сенатъ, который или удовлетворялъ ихъ, или отвергалъ. Государю Чернышевскій написалъ первый и послѣдній разъ 22 ноября 1862 года...

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій! Проситъ отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

„1. Мой процессъ веденъ такъ, что рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ имѣетъ для правительства важность, далеко превышающую рѣшеніе того, какова будетъ моя личная судьба.

„2. Потому, сказавъ это, я исполняю долгъ русскаго подданнаго, прося Правительствующій Сенатъ или принять во вниманіе политическую сторону фактовъ, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, или принять тѣ мѣры, какія повелѣваются закономъ въ подобныхъ случаяхъ, а потому всеподданнѣйше прошу,

„Дабы повелѣно было разсмотрѣть политическое значеніе фактовъ, совершившихся по моему процессу. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій* руку приложилъ. Сентября 25 дня 1863 года.

„Къ поданію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената".

Что подразумѣвалъ Чернышевскій подъ „политической стороной" своего процесса, для насъ, незнакомыхъ съ письмами его къ государю и кн. Суворову, въ которыхъ имъ развита была именно эта точка зрѣнія, недостаточно ясно.

Третій документъ — пространное прошеніе, опять той же формы и, слѣдовательно, тоже обращенное, въ сущности, къ сенату. Въ немъ Чернышевскій послѣдній разъ разобралъ

падавшія на него обвиненія и больше ужъ никогда не говорилъ о нихъ ни съ сенатомъ, ни съ кѣмъ-нибудь другимъ...

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій! Проситъ отст. тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

„По прочтеніи моего дѣла для сдѣланія рукоприкладства, я нахожу средства въ значительной степени пояснить обстоятельства моего процесса на основаніи данныхъ, которыя представляются бумагами, заключающимися въ этомъ дѣлѣ. То, что можно было по закону ввести въ форму рукоприкладства, я изложилъ въ немъ; поясненія, не вошедшія въ рукоприкладство, излагаю въ этой моей просьбѣ.

2.

„По изложенію обстоятельствъ моего арестованія надобно заключать, что самый фактъ ареста былъ произведенъ по распоряженію, еще не уполномоченному высочайшею волею Государя Императора, которому было доложено объ арестованіи меня, какъ о фактѣ уже совершившемся, только для испрошенія высочайшей воли по вопросу о томъ, въ какомъ мѣстѣ заключенія содержать лицо, уже арестованное. Я теперь сужусь по обвиненію въ политическомъ преступленіи; слѣдственно, самый характеръ процесса моего обязываетъ меня выставлять на обсужденіе подлежащихъ правительственныхъ учрежденій политическую сторону моего процесса. Она важна для интересовъ самого правительства. Не зная, какъ не юристъ, въ правѣ ли Пр. С. принять во вниманіе эту (политическую) сторону дѣла, я излагаю ее въ отдѣльной просьбѣ, для того, чтобы настоящая моя просьба не погрѣшала по формѣ, если просьба къ Пр. С. о принятіи во вниманіе политической стороны дѣла есть погрѣшность противъ формы.

3.

„Фактомъ моего арестованія правительство и одинъ изъ его органовъ—Высоч. учрежд. слѣдств. комиссія—съ одной стороны, а съ другой одинъ изъ подданныхъ Его Император-

скаго Величества, именно я, были поставлены въ такое отношеніе: арестованъ человѣкъ, противъ котораго нѣтъ обвиненій; это положеніе имѣло первымъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе св. зак. т. XV кн. I статьи 475. Допросъ мнѣ въ первый разъ былъ сдѣланъ спустя только уже около четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего арестованія, и только на этомъ допросѣ была высказана причина моего арестованія [1]).

4.

„Время шло,—надобно же было представить въ Высоч. учрежд. комиссію что-либо подъ именемъ уликъ или обвиненій противъ меня. И вотъ явились на вниманіе комиссіи разныя бумаги изъ числа найденныхъ у меня. Изъ чтенія моего процесса я увидѣлъ, что не было обращено никакого вниманія на особенности положенія журналиста, и потому выставлены были, какъ факты подозрительные, по своей странности, такія обстоятельства, которыя необходимо связаны съ профессіею журналиста. Со мною было то самое, какъ еслибы, пашедши въ лабораторіи химика химическіе реактивы, стали удивляться этому и строить на этомъ юридическія дѣйствія противъ него. Потому вижу теперь необходимость изложить нѣкоторыя особенности профессіи журналиста.

5.

„Первая изъ нихъ та (непріятная для людей нѣжнаго темперамента и) безразличная для журналистовъ, привыкшихъ къ своему положенію, продѣлка оскорбленныхъ имъ литературныхъ или сословныхъ самолюбій, что журналистъ нерѣдко получаетъ пасквили противъ себя. Такихъ пасквилей не мало въ моихъ бумагахъ. Выбраны были тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ своимъ содержаніемъ политическую брань на меня. Эти пасквили введены въ дѣло въ нарушеніе св. зак. т. XV ч. II ст. 53.

6.

„Ясно, что письмо гг. Герцена и Огарева прислано было ко мнѣ, какъ пасквиль или подметное письмо. Ясно, что оно, однако же, теперь уже не можетъ быть принято во вниманіе, потому

[1]) Опускаю здѣсь, какъ и ниже во многихъ мѣстахъ, указанія въ скобкахъ на страницы подлиннаго дѣла или сенатской записки

что изъ него уже извлечены комиссіею многіе вопросы Чернышевскому. Поэтому я уже имѣю право ссылаться на него.

„Поясню, при этомъ, что я обязанъ былъ, какъ литераторъ, сохранить у себя этотъ документъ: онъ важенъ для исторіи литературы, и всякій ученый, занимающійся ею, скажетъ, что я поступилъ бы недобросовѣстно, еслибы или уничтожилъ его, или передалъ въ какой-нибудь архивъ офиціальнаго мѣста, не открытый для ученыхъ, занимающихся исторіей литературы.

„Это письмо показываетъ непріязненность моихъ отношеній къ гг. Герцену и Огареву; оно явно выставляетъ, что подозрѣніе въ моемъ намѣреніи эмигрировать для сотрудничества съ Герценомъ было неосновательно. Оно показываетъ также, что на самомъ дѣлѣ я поступалъ противоположно ложнымъ слухамъ обо мнѣ, о которыхъ буду говорить ниже.

7.

„Также я уже имѣю право ссылаться на другой пасквиль противъ меня, когда онъ введенъ въ дѣло. Это—анонимное письмо ко мнѣ. Я прошу обратить въ немъ вниманіе на слова безыменнаго автора ко мнѣ: „Вспомните, въ какую цѣну вы оцѣнили наши имѣнія“. Они показываютъ истинный источникъ бывшихъ обо мнѣ слуховъ, какъ о человѣкѣ злонамѣренномъ: сословное раздраженіе той части дворянъ-землевладѣльцевъ, которая была недовольна освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Видя, что, съ одной стороны, напоръ на правительство по этому дѣлу очень силенъ (напримѣръ, требуются всевозможныя цифры выкупа по разсчету дохода въ 70 или 80 р. сер. съ тягла, съ капитализаціею изъ 5%, — около 600 р. сер. за ревизскую душу), я считалъ полезнымъ противодѣйствовать этому наивозможно сильнымъ отстаиваніемъ низкихъ цифръ, чтобы правительство имѣло возможность остановиться на умѣренныхъ, возможныхъ величинахъ выкупа.

8.

„Это письмо введено въ дѣло; оно послужило однимъ изъ источниковъ для письма г. В. Костомарова къ г. Соколову. Тамъ и здѣсь подозрѣнія на меня выводятся изъ того, что я соціалистъ. Въ печатной литературной полемикѣ мои литературные противники дѣйствительно называли меня соціали

стомъ: называли также Кромвелемъ, Бонапарте и проч. Я не имѣю ровно ничего противъ употребленія этихъ или какихъ бы то ни было другихъ укоризненныхъ или обвинительныхъ прозваній противъ меня въ литературной полемикѣ. Я надѣюсь, что огромное большинство литераторовъ, полемизирующихъ противъ меня, и большинство разсудительныхъ читателей понимаетъ истинное значеніе рѣзкихъ выраженій въ полемикѣ: они служатъ приправою, безъ которой споръ казался бы скученъ публикѣ. Это реторическія фигуры: метафоры, метониміи, гиперболы. Но я не жлалъ, чтобы полемическій терминъ моихъ противниковъ былъ введенъ въ слѣдственное дѣло противъ меня въ юридическомъ смыслѣ. Я твердо убѣжденъ, что огромное большинство ихъ возмегодовало бы на этотъ фактъ, если-бы узнало о немъ.

„Въ юридическомъ смыслѣ слова,—въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ, который одинъ имѣетъ юридическое значеніе,—терминъ „соціалистъ“ противорѣчитъ фактамъ моей дѣятельности. Обширнѣйшимъ изъ моихъ трудовъ по политической экономіи былъ переводъ трактата Милля, ученика Рикардо: Милль—величайшій представитель школы Адама Смита въ наше время; онъ гораздо вѣрнѣе Адаму Смиту, чѣмъ Рошеръ. Изъ примѣчаній, которыми я дополняю переводъ, обширнѣйшее по объему — изслѣдованіе о Мальтусовомъ законѣ. Я принимаю его и стараюсь развить Мальтусову формулу. Этотъ принципъ — пробный камень безусловной вѣрности духу Адама Смита.

„Я не соціалистъ, въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ слова, по очень простой причинѣ: я не охотникъ защищать старыя теоріи противъ новыхъ. Я—кто бы я ни былъ—стараюсь понимать современное состояніе общественной жизни и вытекающихъ изъ нея убѣжденій. Распаденіе людей, занимающихся политической экономіей, на школы соціалистовъ и несоціалистовъ—такой фактъ въ историческомъ развитіи науки, который отжилъ свое время. Практическое примѣненіе этого внутренняго распаденія науки также фактъ минувшаго: въ Англіи—давно, на континентѣ Западной Европы—съ событій 1848 г. Я знаю, что есть многіе отсталые люди, полагающіе, что это мое мнѣніе подлежитъ спору: но это споръ уже о томъ, основательны ли мои ученыя убѣжденія,—предметъ чуждый юридическаго значенія. А между тѣмъ онъ введенъ въ дѣло.

9.

„Въ дѣло введено мое письмо къ женѣ. О политической сторонѣ этого факта не говорю здѣсь: она излагается мною въ другой просьбѣ моей. Письмо это дало тему, также вошедшую въ письмо г. В. Костомарова къ Соколову, и нѣсколько строкъ, въ которыхъ я тутъ называю себя Аристотелемъ, много разъ повторяются потомъ въ дѣлѣ, какъ уличеніе меня собственными моими устами въ непомѣрности самолюбія, и наведеніе тѣмъ на мысль, что человѣкъ съ подобнымъ самолюбіемъ не можетъ не быть врагомъ общественнаго порядка.

„Въ числѣ моихъ слабостей есть гордость,—качество противоположное мелкому самолюбію, хотя бы и непомѣрному,—но, всетаки, качество, имѣющее свои забавныя стороны. Я люблю смѣяться надъ своими слабостями. Всѣ мои статьи, всѣ мои письма къ людямъ близкимъ наполнены моимъ иронизированіемъ надъ собою. Можетъ быть, это также недостатокъ. Но до него нѣтъ дѣла уголовному слѣдствію. Иронія не предметъ XV тома свода законовъ. Между тѣмъ я нашелъ въ дѣлѣ фактъ, о которомъ говорю.

„Дѣйствительно ли я человѣкъ непомѣрнаго самолюбія? Пусть прочтутъ серьезныя страницы моихъ статей. Въ нихъ я называю—даже въ нашей бѣдной русской современной литературѣ—нѣсколько людей, которыхъ ставлю выше себя по учено-публицистической дѣятельности. Пусть обратятся съ вопросомъ къ людямъ, знающимъ меня близко,—такой ли я человѣкъ, который бы тяготилъ кого-нибудь своимъ самолюбіемъ. Пусть же употребятъ серьезныя, достойныя средства къ разъясненію психологическаго вопроса, который не подлежитъ суду по XV тому свода законовъ, но который я вижу введеннымъ въ дѣло для осужденія меня по этому тому.

„Но, нарушая границы между біографическимъ любопытствомъ и юридическими обязанностями, не захотѣли даже принять серьезныхъ средствъ къ открытію истины, а сдѣлано гораздо проще: дали юридическій смыслъ ироническому отрывку.

„Мое письмо къ женѣ, приводимое въ дѣлѣ, состоитъ изъ двухъ частей: въ одной я говорю о себѣ такъ, что посмѣется надъ этою частью письма всякій,—и я смѣялся, когда пи-

салъ ее,—смѣялся надъ собою, преувеличивая до нелѣпости ту сторону моихъ ученыхъ предположеній, которая забѣгаетъ въ будущее: я излагаю планъ такихъ ученыхъ работъ, для исполненія которыхъ нужно нѣсколько сотъ лѣтъ работать день и ночь, работъ, которыхъ не въ состояніи исполнить никто на свѣтѣ; въ этой части письма я называю себя продолжателемъ Аристотеля. Въ другой половинѣ письма о дѣйствительныхъ дѣлахъ я просто говорю моей женѣ, что она, по моему мнѣнію, можетъ лучше меня разсудить, потому что умнѣе меня. Ясно, что первая половина письма—мое пронизированіе надъ самимъ собой. Но не умѣли или не могли обратить вниманіе на такой простой способъ понять, въ чемъ тутъ вся вещь.

10.

„Но при всѣхъ этихъ вещахъ, все-таки, не было ни уликъ, ни даже такихъ фактовъ, на которыхъ можно бы было основать серьезное слѣдствіе противъ меня. Высочайше учрежденная комиссія видѣла это. Желая дать ей путь выйти изъ положенія, въ которое она была поставлена фактомъ моего арестованія, я написалъ послѣ перваго моего допроса письмо къ Его Величеству и къ г. генералъ-губернатору. Этихъ писемъ нѣтъ въ дѣлѣ. Почему ихъ нѣтъ въ немъ, я говорю въ другой моей просьбѣ.

11.

„Комиссія видѣла недостаточность подозрѣній, возводившихся на меня бумагами, бывшими въ ея рукахъ во время перваго допроса (30 октября). Потому послѣ этого допроса (16 ноября) были доставлены ей тетради моего дневника съ картонными лоскутками, которые въ бумагѣ, передающей ихъ комиссіи, названы „указателями шифра", которымъ писаны тетради моего дневника, хотя въ это время уже было удостовѣреніе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что дневникъ мой писанъ не шифромъ.

12.

„Политическую сторону введенія въ дѣло вещей, подобныхъ моему дневнику, я разъясняю въ другой моей просьбѣ. Здѣсь я оставляю политическую сторону вопроса безъ разсмотрѣнія

„Способъ сокращеннаго писанія, подобнаго моему, употребленному въ дневникѣ, употребляется, въ большей или меньшей удачности сокращенія, почти всѣми студентами университетовъ, записывающими лекціи. Это служитъ замѣною стенографіи, а не тайнымъ письмомъ. Я съ дѣтства писалъ очень много и еще въ семинаріи записывалъ такимъ образомъ лекціи, и тетради этого періода, еще дѣтскаго, находятся въ моихъ бумагахъ. Въ университетѣ привычка развилась у меня. Изъ того періода въ моихъ бумагахъ есть, между прочимъ, весь „Герой нашего времени“ Лермонтова, переписанный такимъ способомъ. И послѣ я точно также писалъ почти все, что писалъ для себя (напримѣръ, въ дѣлѣ черновые списки съ моихъ писемъ къ профессору Андреевскому, оставленные у себя мною для будущихъ справокъ). Все это было въ рукахъ и передъ глазами лицъ, разбиравшихъ мои бумаги. И всетаки дневникъ мой выдается за написанный шифромъ, даже послѣ увѣренія министерства иностранныхъ дѣлъ, что онъ писанъ не шифромъ.

„Что такое этотъ дневникъ? Министерство иностранныхъ дѣлъ нашло, что не слѣдуетъ понимать его въ смыслѣ обыкновеннаго дневника. Въ бумагѣ, присланной въ комиссію, это мнѣніе министерства передается словами: „можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ“. Я не знаю, до какой степени точно переданъ этотъ отзывъ министерства въ этой бумагѣ; подлиннаго отзыва министерства нѣтъ въ дѣлѣ.

„Разбиравшимъ бумаги мои должно было бы знать, что они разбираютъ бумаги литератора. При разборѣ бумагъ они могли бы замѣтить, что имъ попадаются повѣсти, писанныя моею рукою. Еслибы они потрудились замѣтить эти два обстоятельства, мнѣ не пришлось бы утруждать Пр. С. объясненіемъ факта, которому не слѣдовало бы попадать въ дѣло.

„Я издавна готовился быть, между прочимъ, и писателемъ беллетристическимъ. Но я имѣю убѣжденіе, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже въ немолодыхъ годахъ—рано имъ не получить успѣха. Еслибы не денежная необходимость, возникшая отъ прекращенія моей публицистической дѣятельности моимъ арестованіемъ, я не началъ бы печатать романа и въ 35-лѣтнемъ возрастѣ. Руссо ждалъ до старости. Годвинъ также. Романъ—вещь, назначенная для массы публики, дѣло самое серьезное, самое стари-

ковское изъ литературныхъ занятій. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которыя внушаются массѣ. Итакъ, я готовилъ себѣ матеріалы для стариковскаго періода моей жизни. Мною написаны груды такихъ матеріаловъ—и брошены; довольно написать, хранить незачѣмъ,—цѣль: утвержденіе въ памяти—уже достигнута. Но я не могъ уничтожить нѣкоторыхъ моихъ черновыхъ работъ, потому что онѣ были писаны на однихъ листахъ съ вещами, которыя я считалъ интересными для меня. Тетради, внесенныя въ дѣло, именно таковы: среди матеріаловъ для будущихъ романовъ набросаны кое-какія отмѣтки изъ моей дѣйствительной жизни (напримѣръ, списокъ дней, когда я въ первый разъ говорилъ съ моею невѣстою, когда она дала мнѣ слово).

„Надобно объяснить, что у меня, какъ почти у всѣхъ беллетристовъ, порядокъ возникновенія романа таковъ: берется фактъ, отдается на волю фантазіи, она играетъ съ нимъ—это самый важный періодъ такъ называемаго „поэтическаго творчества“. Итакъ, тутъ, въ моемъ дневникѣ, вольная игра моей фантазіи надъ фактами. Я ставлю себя и другихъ въ разныя положенія и фантастически развиваю эти вымышленныя мною сцены.

„Что же я вижу здѣсь въ дѣлѣ? Берутъ одну изъ этихъ сценъ и даютъ ей юридическое значеніе. На этомъ основанъ весь ходъ моего процесса до передачи его въ Пр. С.

„Сцена состоитъ въ томъ, что какое-то „я“ говоритъ дѣвушкѣ, что можетъ со дня на день ждать ареста, и если его будутъ долго держать, то выскажетъ свои мнѣнія, послѣ чего уже не будетъ освобожденъ.

„Въ тѣхъ же тетрадяхъ есть многія другія „я“. Одного изъ этихъ „я“ бьютъ палкою при его невѣстѣ. Можно удостовѣриться справкою, что ни тогда, ни вообще когда-либо со мною, Чернышевскимъ, ни при его невѣстѣ, ни безъ невѣсты не случалось ничего такого.

„Я могу объяснить, изъ какихъ фактовъ взята мною, какъ литераторомъ, сцена, вошедшая въ дѣло съ такимъ важнымъ вліяніемъ на него. Это прикрашенный идеализаціею случай изъ жизни Іоганна Кинкеля (извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, о которомъ тогда много писали въ газетахъ), приспособленный мною, какъ романистомъ, къ разсказу, незадолго передъ тѣмъ

слышанному мною отъ Николая Ивановича Костомарова [1]) (не имѣющаго ничего общаго съ г. В. Костомаровымъ)—онъ былъ арестованъ въ то время, какъ собирался жениться (за пять лѣтъ передъ тѣмъ).

„Два очень простыя соображенія могли бы показать, что сцена, созданная мною, литераторомъ, для будущаго романа, не могла относиться къ моей дѣйствительной жизни: 1) у меня, Чернышевскаго, не было тогда не только друзей, даже близкихъ знакомыхъ между важными людьми; въ этой сценѣ дѣйствуетъ человѣкъ, имѣющій за себя сильныхъ въ правительствѣ друзей; 2) тогда (весною 1853) не было въ Россіи, не только въ Саратовѣ, гдѣ я жилъ уже два года, даже въ столицахъ, никакой политической жизни, не только тайныхъ обществъ. Это фактъ, принадлежащій исторіи.

13.

„Въ другой моей просьбѣ я поясняю отношеніе между предположеніемъ, основаннымъ на этой сценѣ, и фактами моего процесса,—здѣсь я только скажу, что дѣйствительно я, Чернышевскій, поступилъ такъ, что оказалась разность между нимъ и романическимъ лицомъ, слова котораго были ему приписаны. Но въ дѣлѣ нѣтъ первыхъ записокъ моихъ по этому обстоятельству и нѣтъ письма, написаннаго мною съ цѣлью открыть комиссіи истинное положеніе дѣла. Письмо это имѣетъ форму отвѣта моей женѣ на ея вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ мое дѣло. Я не знаю, было ли оно доложено комиссіи.

14.

„Итакъ, по связи между предыдущими фактами, объясняемой мною въ другой просьбѣ, въ началѣ марта въ комиссію были, наконецъ, доставлены—только уже по прошествіи восьми мѣсяцевъ послѣ моего арестованія—такіе документы, которые она могла принять за основанія для начатія процесса противъ меня.

15.

„Первый изъ этихъ документовъ—письмо къ Соколову. По приблизительному моему счету оно имѣетъ до 30.000 буквъ;

[1]) Профессора русской исторіи.

оно занимаетъ въ выпискѣ 117 страницъ. Требуется, значитъ, время, чтобы переписать набѣло такое произведеніе. Списокъ, взятый у г. В. Костомарова г. Чулковымъ и находящійся въ дѣлѣ, очевидно, есть бѣловой списокъ.

„Изготовленіе чернового подлинника требовало времени еще болѣе значительнаго, чѣмъ переписка его набѣло. Литературная отдѣлка труда тщательна. Расположеніе его частей многосложно и обдуманно.

„Г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Тулу 5 числа марта поутру. Въ тотъ же день, 5 марта, письмо было уже найдено у него г. Чулковымъ. На мѣстѣ выставлено „Тула. 5 марта", но оно не могло быть ни изготовлено, ни даже только набѣло переписано въ Тулѣ. Оно заготовлено раньше.—это очевидно по разсчету физической невозможности противнаго. Итакъ, гдѣ же оно изготовлено? 1 марта г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Москву, и у него былъ посѣтитель, г. Яковлевъ; посѣщеніе г. Яковлева было продолжительно, какъ видно изъ важности предмета ихъ совѣщанія и изъ того, что г. Костомаровъ и г. Чулковъ должны были убѣждать г. Яковлева. 2-го числа г. Костомаровъ былъ уже боленъ, или долженъ былъ держать себя, какъ больной,—это продолжалось до самаго его выѣзда изъ Москвы: онъ не могъ въ эти три дня много заниматься письменною работою: и кромѣ того, у него въ это время бывало много посѣтителей. Человѣкъ опытный въ литературныхъ работахъ видитъ, что и въ Москвѣ не могло найтись достаточно времени у г. Костомарова,—что онъ взялъ съ собою свою работу (или не свою, а только передѣланную имъ съ другой, черной работы), когда поѣхалъ изъ Петербурга (28 февраля).

„Сличеніе этой работы съ письмомъ Герцена объ мнѣ, найденнымъ у меня, съ пасквилемъ на меня, найденнымъ у меня, съ ироническою частью моего письма къ женѣ обнаруживаетъ, что „письмо къ Соколову" есть литературная работа, половина которой основана на этихъ документахъ, что они были подъ глазами у составителя „письма къ Соколову" во время его работы.

„Это очевидно для человѣка, имѣющаго опытность въ разборахъ подобнаго рода вопросовъ (въ критической техникѣ), точно также, какъ и слѣдующее: „письмо къ Соколову" есть произведеніе вымысла, чуть ли не цѣлая „эпопея, по шутливому выраженію самого г. Костомарова; въ ученомъ и истин

номъ юридическомъ смыслѣ это, конечно, не „эпопея“, въ частности, но „произведеніе вымысла“. Какъ всякое произведеніе вымысла, оно пропитано подробностями, не выдерживающими юридическихъ вопросовъ: „кто“, „когда“ и „гдѣ“.

„Г. Костомаровъ приписалъ этому произведенію вымысла юридическое значеніе (онъ готовъ подтвердить присягою подробности письма, которыя можно будетъ ввести въ дѣло; это письмо есть „откровенная бесѣда“ съ „старымъ другомъ“). Комиссія не занялась изслѣдованіемъ той стороны письма, которую я выставляю; но и на тѣ малочисленныя „кто“, „гдѣ“, „когда“, которые предлагались ему по поводу „письма къ Соколову“, г. Костомаровъ часто долженъ былъ отвѣчать, какъ всякій авторъ вымышленнаго произведенія сталъ бы отвѣчать на юридическіе вопросы о подробностяхъ его вымысла—„не умѣю объяснить“, „не знаю“. Изъ этихъ случаевъ самый любопытный—г. Костомаровъ не знаетъ даже, какое званіе имѣетъ лицо, которое онъ называетъ своимъ старымъ задушевнымъ другомъ: „чинъ и званіе г. Соколова неизвѣстны мнѣ“,—говоритъ г. Костомаровъ,—ясно, что даже этотъ другъ есть поэтическій вымыселъ.

„Я скажу, откуда, по всей вѣроятности, взята фамилія для этого вымышленнаго лица. „Соколовъ“ упоминается въ письмѣ г. Плещеева, которое находилось при г. Костомаровѣ въ Тулѣ (штемпель письма г. Плещеева—4 іюня 1861 г.). Но по этому письму этотъ дѣйствительный г. Соколовъ вовсе не „старый задушевный другъ“ г. Костомарова. Подобное заимствованіе фамилій для замышляемыхъ лицъ — очень обыкновенная вещь.

„Комиссія не обратила вниманія даже на то, что еслибы этотъ г. Соколовъ, вымышленный повѣренный тайнъ г. Костомарова, не былъ лицо вымышленное, то не было бы ни малѣйшаго затрудненія отыскать его, хотя бы г. Костомаровъ не зналъ или не захотѣлъ указать его адреса: у него очень много примѣтъ, съ которыми трудно человѣку затеряться въ толпѣ.

„Точно также г. Костомаровъ не помнитъ цвѣтъ, форматъ и клеймо бумаги первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, но еслибы эта рукопись была читана при немъ два раза и служила предметомъ споровъ, то нельзя было бы не замѣтить ему ея формата и цвѣта.

„Точно также онъ не знаетъ личностей, которыя „стали

жертвами" моего агитаторства, и о которыхъ столько разсуждаетъ въ письмѣ къ Соколову; „я вовсе не имѣлъ въ виду какія-либо личности", — принужденъ онъ сказать на вопросъ: кто онѣ? Ясно, что эти личности—реторическая фигура, называющаяся „просопопеею". Впрочемъ, онъ прибавляетъ, что это „авторы журнальныхъ статей", или въ другой разъ, что это „молодые люди, которые агитировали", какъ ему „кажется", подъ моимъ „вліяніемъ", — но это ему только „кажется", это только его „личный взглядъ", непогрѣшимость котораго... не намѣренъ упорно отстаивать"; онъ принужденъ даже сказать, что у меня не было своего кружка", и называетъ это свое выраженіе „неосмотрительнымъ". Онъ никого не знаетъ, кромѣ себя, кто сталъ бы агитаторомъ по моему вліянію, а самъ онъ занялся тайнымъ печатаніемъ до знакомства со мною. Ясно, что все это выдумка: и мое агитаторское вліяніе на г. В. Костомарова, и чтеніе первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, и эта первоначальная редакція.

16.

„Но показаніе, вопросы для котораго можно было извлечь изъ письма къ Соколову, не могло опираться ни на какія доказательства (самъ г. Костомаровъ на допросѣ сказалъ, что только поэтому и удерживался до той поры отъ показаній противъ меня). Явилась въ комиссію записка, писанная карандашомъ. Она найдена вслѣдствіе того, что нашлось письмо къ Соколову,— нашлось именно при обыскѣ г. Костомарова въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Находка эта противорѣчитъ „откровенной бесѣдѣ" г. Костомарова со „старымъ другомъ" г. Соколовымъ, въ которой за три-четыре дня предъ тѣмъ онъ говорилъ, что не имѣетъ письменныхъ уликъ противъ меня („были", но онъ что-то „сдѣлалъ" съ ними). Что онъ сдѣлалъ съ ними? Почему не имѣлъ ихъ 5 марта въ Тулѣ? Потому что „сжегъ".—говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ одномъ документѣ, который будто бы былъ у него; въ другомъ мѣстѣ отказывается объяснить, что сдѣлалъ съ ними; въ третьемъ мѣстѣ вставлено въ дѣло шифрованное письмо, которое онъ дешифрируетъ, и которое излагаетъ, что письма противъ меня отданы на сохраненіе лицу, имени и адреса котораго онъ самъ (г. Костомаровъ) не знаетъ.

„Истина очень проста: все это—выдумка. Никогда никакихъ письменныхъ уликъ противъ меня не имѣлъ г. Костомаровъ. Записка карандашомъ не моя,—прошу строжайше разсмотрѣть ее. Степень технической точности ея разсматриванія свидѣтельствуется тѣмъ, что подпись ея прочтена за букву Ч., между тѣмъ какъ это буква С. Разсматривавшіе были вовлечены въ оплошность тѣмъ, что не знали, какимъ образомъ ведется дѣло противъ меня, и потому были чужды предположенія обмана въ документахъ, предъявляемыхъ противъ меня.

17.

„Но лица, вводившія въ такой обманъ, натурально, ждали, что обманъ этотъ, можетъ, какъ-нибудь и не удастся. Потому записка карандашомъ казалась имъ недостаточна, и явился противъ меня, сверхъ улики, и уличитель, г. Яковлевъ. Послѣ того, какъ онъ за свое показаніе противъ меня отправленъ на жительство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію, я считалъ бы излишнимъ разсматривать его показанія противъ меня; однако же, скажу нѣсколько словъ.

„Г. Чулковъ извѣстился о своемъ отъѣздѣ черезъ Москву съ г. Костомаровымъ только 27 февраля; 28-го они выѣхали; на другой день—въ первый же день ихъ пріѣзда въ Москву—г. Яковлевъ уже знаетъ о ихъ пріѣздѣ, является къ нимъ, пишетъ свой доносъ на меня. Г. Чулковъ свидѣтельствуетъ, что г. Яковлевъ „уже оказалъ ему услугу“; г. В. Костомаровъ тоже говоритъ, что г. Яковлевъ оказалъ ему „весьма важную услугу“, и что онъ, г. Костомаровъ, „подарилъ“ г. Яковлеву „свое пальто“.

„Г. Яковлевъ, отправившись доносить на меня, по дорогѣ пьетъ и буйствуетъ, какъ самъ говоритъ. Итакъ, у него есть средства пить до буйства, когда онъ „оказываетъ услугу“.

„Онъ даже „неоднократно за дурные поступки былъ въ приводахъ“, по дѣламъ московскаго мѣщанскаго общества.

„Слова, которыя влагаетъ мнѣ въ уста г. Яковлевъ,—заглавіе и начало прокламаціи, — неужели я помнилъ ее наизусть? Неужели не выражался бы въ разговорѣ короче и проще? Многосложныя письменныя заглавія не употребляются въ разговорѣ, и какая надобность была декламировать начало прокламаціи? Вѣдь это не стихи, а проза; такъ не бываетъ.

„На вопросъ, почему медлилъ показаніемъ противъ меня,

г. Яковлевъ отвѣчалъ, что только въ февралѣ узналъ о характерѣ процесса г. Костомарова, а между тѣмъ онъ видѣлся съ г. Костомаровымъ въ ноябрѣ 1862 г., когда уже было и высочайше утверждено мнѣніе госуд. совѣта по дѣлу г. Костомарова.

„При предъявленіи меня г. Яковлеву была нарушена форма, по которой слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ показывать обвинителю нѣсколько человѣкъ,—явно опасались, что г. Яковлевъ не сумѣетъ выбрать, кто изъ нихъ Я.

„Кромѣ всего этого, весь ходъ дѣла поясняется словами самого г. Яковлева, приводимыми въ письмѣ, по которому г. Яковлевъ наказанъ за этотъ свой поступокъ. Этимъ рѣшеніемъ явно признана справедливость этого письма, притомъ подробности разговора, передаваемаго этимъ письмомъ, подтверждаются документами, находящимися въ дѣлѣ, которые не могли быть извѣстны писавшимъ письмо.

„По запискѣ г. Чулкова отъ 1 марта, желаніе г. Яковлева доносить на меня было извѣстно со 2 или 3 марта, но только 3 апрѣля комиссія постановила вызвать его къ допросу; итакъ, цѣлый мѣсяцъ колебались, прежде чѣмъ, вынужденные крайностью, рѣшились ввести комиссію въ эту ошибку.

„Рапортъ г. Чулкова, объясняющій его выраженіе, что „г. Яковлевъ оказалъ ему услугу", поданъ уже по рѣшеніи комиссіи испросить и по испрошеніи высочайшаго повелѣнія передать мое дѣло въ Пр. С.; на этомъ рапортѣ число и мѣсяцъ подачи его подскоблены (подскоблена ли цифра 7 — не могу навѣрное разсмотрѣть безъ лупы; имя мѣсяца „мая" очень явно написано по подскобленному) [1]).

18.

„Въ дополнительномъ показаніи моемъ въ Пр. С. я вызывался подтвердить подробными доказательствами тѣ факты этого показанія, которые покажутся еще нуждающимися въ подтвержденіи. Въ запискѣ и въ дѣлѣ я уже нашелъ подтвержденія для большей части фактовъ, приводимыхъ мною. Приведу лишь немногіе, для примѣра.

---

[1]) Дѣйствительно, характерно, что свое показаніе Чулковъ далъ только *послѣ* передачи дѣла въ сенатъ: по подскобленные мѣсяцъ и число ровно ничего не говорятъ, и что хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ сказать Чернышевскій—мнѣ не понятно.

„Я говорю въ показаніи, что на мое арестованіе и веденіе дѣла противъ меня имѣли вліяніе ложные слухи.

„Ихъ примѣры въ безыменномъ письмѣ, о которомъ я говорилъ выше; оно основывается на лживыхъ слухахъ о моемъ участіи въ столкновеніяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; когда и въ какомъ духѣ я вмѣшался въ эти дѣла, видно по документамъ [1]). Ихъ объясненіе, если нужно оно, докажетъ: 1. что я познакомился съ гг. студентами, имѣвшими вліяніе на товарищей своихъ, только уже послѣ манифестаціи въ Думѣ; 2. познакомился съ цѣлью быть посредникомъ между ними и княземъ Щербатовымъ (Г. А.), благородно начавшимъ тогда хлопотать о предотвращеніи дальнѣйшихъ столкновеній; 3. что, когда я такимъ образомъ познакомился съ молодыми людьми, которыхъ прежде считалъ — какъ и другіе считали — поднимавшими безпорядки, то, къ удивленію моему, получилъ документы, доказывавшіе, что безпорядки поднимаются дѣйствіемъ опрометчивости лицъ, гораздо старшихъ ихъ лѣтами и почтенныхъ по положенію въ обществѣ,—не злонамѣренностью, а только безразсудною опрометчивостью этихъ лицъ,—и доказательства были такъ неоспоримы, что самый яростный изъ обвинявшихъ въ печати злонамѣренность студентовъ увидѣлъ себя принужденнымъ подписать и подписалъ актъ, говорящій, что въ безпорядкахъ виноваты не студенты, а другія лица [2]); 4. что я находилъ нужнымъ для предотвращенія безпорядковъ то самое, что находили тогда нужнымъ г. министръ народнаго просвѣщенія и князь Щербатовъ, бывшій попечитель Спбургскаго округа, и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Прошу сравнить съ этимъ „Записку изъ частныхъ свѣдѣній“.

„Другіе примѣры слуховъ, столь же неосновательныхъ и столь же вредныхъ мнѣ, отмѣчу на [3]). Въ дѣлѣ я нахожу свѣдѣнія и мнимые документы, еще болѣе неосновательнымъ образомъ введенные въ процессъ противъ меня. Въ дѣло внесены: статья г. Мечникова, присланная для напечатанія въ „Современникѣ“; „Записка изъ частныхъ свѣдѣній“—документъ, который будетъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ памят-

[1]) Т. е. по перепискѣ съ проф. Андреевскимъ.

[2]) Рѣчь идетъ о диспутѣ съ А. В. Эвальдомъ на его квартирѣ, кончившемся полнымъ пораженіемъ очень сконфуженнаго педагога.

[3]) Указано нѣсколько страницъ въ выноскѣ.

никовъ нашей процедуры для будущаго ея историка, и часть котораго, однако же, вошла въ окончательный докладъ комиссіи обо мнѣ; двѣ статьи г. Шемановскаго, присланныя мнѣ для передачи г. министру народнаго просвѣщенія и, съ его частнаго одобренія, напечатанныя въ „Современникѣ“; дневникъ мой; письмо г. Чацкина о тайнахъ женщины, имѣвшей мужа. Объ ужасномъ вредѣ для правительства отъ введенія (въ дѣла политическаго характера) документовъ такого рода я говорю въ моей другой просьбѣ.

„Я говорю, что ложное истолкованіе моихъ сборовъ къ отъѣзду въ Саратовъ было основаніемъ рѣшенія арестовать меня по поводу письма г. Герцена, и въ доказательство ссылаюсь на слова, въ которыхъ былъ переданъ этотъ слухъ мнѣ однимъ изъ гг. членовъ комиссіи. Я нашелъ въ дѣлѣ указанія, по которымъ теперь могу даже пояснить, какъ произошло это извращеніе факта, подобное вещамъ, прочитаннымъ мною въ „запискѣ изъ частныхъ свѣдѣній“.

„Находя въ дѣлѣ приводимыя съ юридическимъ значеніемъ неожиданныя мною психологическія свѣдѣнія обо мнѣ и выводъ изъ этого, что я непремѣнно, уже по устройству моей души, долженъ быть заговорщикомъ, я принужденъ объяснить, что психологическія изслѣдованія, хотя бы даже и обо мнѣ, требуютъ спеціальной ученой подготовки, которая, напримѣръ, показала бы господамъ изслѣдовавшимъ, что человѣкъ, иронизирующій надъ своими недостатками, не способенъ рѣзать людей для удовлетворенія слабостямъ своимъ, еслибы и имѣлъ ихъ; и что приписываемая ему въ преступленіе слабость (самолюбіе, тщеславіе) прямо противоположна качеству, которое, если и есть недостатокъ, то уже вовсе не уголовный, качеству гордости, которая, какъ извѣстно изъ психологіи, только даетъ отпоръ дерзкимъ нахаламъ, а безъ того внушаетъ человѣку держать себя очень спокойно. Такія объясненія принужденъ я дѣлать въ моемъ процессѣ — это фактъ.

„Итакъ, я долженъ пояснить, что я извѣстенъ всѣмъ моимъ знакомымъ за человѣка очень уживчиваго и мягкаго и, напримѣръ, работать вмѣстѣ съ Герценомъ не могъ бы не по неуживчивости моего самолюбія, а потому, что я человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, которыя неодинаковы съ убѣжденіями г. Герцена. Я не хочу этимъ сказать, его или мои

образъ мыслей лучше въ юридическомъ отношеніи—закону нѣтъ дѣла до образа мыслей, каковъ бы онъ ни былъ—я хочу только сказать, что я человѣкъ болѣе поздней философской школы, чѣмъ г. Герценъ. Я никакъ не ждалъ, что увижу необходимость дѣлать эти ученыя замѣчанія въ моемъ процессѣ.

19.

„Я говорю, что всѣ слова въ письмѣ г. Герцена, которыя послужили поводомъ къ моему арестованію, загадочны для меня. Теперь, взглянувъ на самое письмо, я нахожу это мѣсто и сопровождающія строки вещью еще болѣе загадочною. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Письмо уже спрашиваетъ, печатать ли объявленіе о моемъ соредакторствѣ съ Герценомъ—или даже уже положительно говоритъ, что объявленіе объ этомъ печатается. Такія вещи не печатаются до выѣзда редактора изъ Россіи. Эта приписка требуетъ очень внимательнаго изслѣдованія, если еще не объяснена самими фактами, которые остаются мнѣ неизвѣстны.

20.

„Я говорю, что г. Костомаровъ очень давно распускалъ слухи, которые были оставлены безъ вниманія по убѣжденію другихъ въ неудобствѣ пользоваться его готовностью дѣлать политически-уголовныя показанія. Теперь, видя, что дѣло противъ меня начато серьезнымъ образомъ на основаніи письма г. Костомарова къ Соколову, я приведу одинъ изъ фактовъ, извѣстныхъ не мнѣ одному. Есть другая болѣе ранняя редакція того же произведенія; списокъ ея былъ у меня подъ глазами очень задолго до моего ареста, и я не имѣю средствъ знать, уничтоженъ ли подлинный списокъ, писанный рукой г. Костомарова. Въ той редакціи дѣло излагается столь же вымышленнымъ образомъ, но въ духѣ не томъ и съ другими фактами (также невѣрными). Въ этомъ произведеніи я играю гораздо меньшую роль, чѣмъ III Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Его Величества: г. Костомаровъ утверждалъ тамъ, что его подвергали жестокимъ истязаніямъ и ими принудили дѣлать показанія (духъ произведенія былъ тотъ самый, какой вылился изъ души г. Костомарова потомъ).

„Я говорю, каковы были мои дѣйствительныя отношенія къ

г. Костомарову; они доказываются письмами моими къ нему, находящимися въ дѣлѣ,—я стараюсь помочь г. Костомарову, какъ человѣку небогатому. Въ одномъ изъ писемъ я стараюсь устроить отъѣздъ его гувернеромъ за-границу,—неужели я хлопоталъ бы объ этомъ, еслибы онъ былъ моимъ агентомъ по тайному печатанію въ Москвѣ? Я говорю, что г. Костомаровъ былъ раздраженъ противъ меня ошибкой въ надеждѣ на мою помощь денежную послѣ его арестованія. Онъ самъ говоритъ, что у него со мною были „столкновенія", которыя прямо относятся къ его личнымъ интересамъ, и отказывается пояснить это. О своемъ ожесточеніи противъ меня онъ много разъ говоритъ въ письмѣ къ Соколову и приписываетъ его, кромѣ „личныхъ столкновеній", разности со мною въ политическихъ тенденціяхъ; изъ того, что онъ говоритъ по этому предмету, видно, что онъ самъ никогда не имѣлъ отчетливаго образа мыслей.

„Я говорю, что памятный мнѣ по постороннему обстоятельству вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, самъ по себѣ не представлялъ ничего замѣчательнаго, и что, поэтому, г. Костомаровъ плохо запомнилъ его,—и онъ самъ свидѣтельствуетъ, что не помнитъ ни моихъ гостей, ни ихъ и своего разговора со мною.

21.

„Факты, которые совершились по разсмотрѣніи записки и письма, выдаваемыхъ за мои,—я говорю объ актахъ сличенія почерковъ,—показываютъ, что безъ помощи техническихъ знаній и пособій труды для изслѣдованія истины по техническимъ вопросамъ безуспѣшны.

22.

„Я говорилъ, что еслибы находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ г. Костомаровымъ, то нашелъ бы неудобнымъ посѣщать его во время моей поѣздки въ Москву по цензурнымъ дѣламъ; это повело къ тому, что г. Костомаровъ выдумалъ особую мою поѣздку въ Москву—поѣздку, предшествовавшую поѣздкѣ по цензурнымъ дѣламъ. Этой поѣздки не было. А во время ея-то именно г. Костомаровъ и выставляетъ меня видѣвшимъ шрифтъ. Я не выѣзжалъ изъ Петербурга ни на одинъ день въ 1860 г. и до самой поѣздки моей по

цензурнымъ дѣламъ въ 1861 г. Я не могъ бы укрыть своего отсутствія изъ Петербурга, хотя бы на одинъ день, потому что у меня ежедневно бывали наборщики и разсыльные типографіи „Современника“ за полученіемъ статей и корректуръ по журналу. Мой отъѣздъ хотя на одинъ день былъ бы замѣченъ десятками людей, работавшихъ въ типографіи г. Вульфа.

23.

„Въ показаніи г. Костомарова Пр. С. обстоятельства его второй поѣздки въ Петербургъ изложены имъ такъ, что мнѣ не оставалось бы времени узнать, что онъ не уѣхалъ въ Москву, и что я еще могу найти его въ Петербургѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня поутру съ мыслями ѣхать въ Москву въ то же утро. А въ эту поѣздку происходила, по его прежнимъ показаніямъ, диктовка въ Знаменской гостиницѣ.

24.

„Къ листу 370 выписки считаю нелишнимъ замѣтить, что теперь съ мѣсяцъ я опять гуляю по саду. Но опять только по гигіеническимъ надобностямъ.

25.

„Просмотрѣвъ прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, я вижу, что авторъ ея еще не имѣлъ извѣстій и о бездненскомъ дѣлѣ, не только о томъ, что мужики весною 1861 г. вообще неохотно шли на уставныя грамоты. Всякій публицистъ найдетъ нелѣпымъ хлопотать въ августѣ 1861 г. о печатаніи такого устарѣлаго произведенія. Единственнымъ предлогомъ для моихъ придуманныхъ имъ просьбъ объ этомъ г. Костомаровъ придумалъ, что наборъ былъ тогда еще цѣлъ. А по свѣдѣніямъ изъ дѣла о г. Костомаровѣ и словамъ его самого—шрифтъ былъ уничтоженъ, не только наборъ разрушенъ, задолго до того времени.

„Считаю долгомъ оговорить описку, сдѣланную мною: проѣздъ мой черезъ Москву былъ не 17 или 19-го, а 7 или 8 августа.

26.

Для объясненія того, какъ и зачѣмъ возникло „письмо къ

Алексѣю Николаевичу", считаю долгомъ просить Пр. С. обратить вниманіе на то обстоятельство, что мое дополнительное объясненіе Пр. С. отъ 1 іюня прошло черезъ нѣсколько рукъ прежде, чѣмъ поступило въ Пр. С.

27.

„Г. Костомаровъ говоритъ, что письмо это было найдено имъ за подкладкою сакъ-вояжа еще до ареста, но на прежнихъ показаніяхъ онъ говорилъ, что у него уже не остается уликъ послѣ представленія записки карандашомъ, — единственной улики; ясно, что письмо къ Алексѣю Николаевичу явилось у него въ рукахъ уже послѣ того.

28.

„Когда явилось это письмо, г. Костомаровъ уже забылъ, что самъ говорилъ въ комиссіи: „Плещеевъ (Алексѣй Николаевичъ) не имѣлъ и предположенія, что я (Костомаровъ) занимаюсь тайнымъ печатаніемъ, и самъ не занимался ничѣмъ подобнымъ". Слова г. Костомарова сами по себѣ не были бы надежнымъ заявленіемъ факта; но этотъ фактъ съ несомнѣнностью извѣстенъ всѣмъ сотнямъ людей, знающимъ г. Плещеева, и, вѣроятно, уже обнаруженъ офиціальными мѣрами, которыя повлекло за собою появленіе „письма къ Алексѣю Николаевичу".

„Я утверждаю, что это письмо—подлогъ и смѣю навѣрное ручаться въ слѣдующемъ: самъ г. Костомаровъ, если еще не разгласилъ, разгласитъ это.

„Появленіе письма къ Алексѣю Николаевичу и надобность объяснить это были обстоятельствами, которыхъ не предвидѣлъ г. Костомаровъ при своихъ прежнихъ показаніяхъ и въ письмѣ къ Соколову. Потому показаніе его 31 іюля не сходится съ ними. Кромѣ чертъ разногласія, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, легко найти десятки другихъ. Еслибы нужно было, я готовъ сдѣлать это. Не дѣлаю этого здѣсь, чтобы не удлинить моей просьбы.

„А посему всеподданнѣйше прошу,

„Дабы повелѣно было освободить меня отъ суда и слѣдствія, съ предоставленіемъ права иска на лицъ, которыя незаконными дѣйствіями причинили мнѣ денежные убытки,

освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ съ сохраненіемъ мнѣ права жить, гдѣ мнѣ будетъ нужно по моимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и обѣихъ столицахъ,

и примѣнить приводимыя мною въ рукоприкладствѣ статьи свода законовъ къ лицамъ, которыя по изслѣдованіи окажутся виновными въ ихъ нарушеніи. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій* руку приложилъ. 25 сентября 1863 г.

„Къ поданію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената“.

Итакъ, въ этомъ послѣднемъ своемъ протестѣ Чернышевскій совершенно ясно далъ понять, что прекрасно понимаетъ, кому обязанъ всѣмъ дѣломъ... III Отдѣленіе было поставлено на надлежащее мѣсто, и, надо правду сказать, понятно, почему оно не могло помириться иначе, какъ на каторгѣ своего безпощаднаго обличителя...

Сенатъ заслушалъ всѣ эти три документа и опредѣлилъ внести ихъ въ записку. На этомъ онъ считалъ роль свою выполненной... Впрочемъ, нѣтъ, онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ: запросилъ кн. Суворова о письмахъ Чернышевскаго къ нему и государю въ ноябрѣ 1862 г. Но князь отвѣтилъ, что ничего не получилъ, и написалъ въ III Отдѣленіе, прося доставить оба письма въ сенатъ, если они тамъ и „если къ передачѣ ихъ не встрѣчается препятствій“... Въ инквизиторской рѣшили отвѣтить незнаніемъ... Такъ письма и канули въ воду...

III.

Наконецъ, 30 сентября Плещеевъ явился въ сенатъ, далъ подписку прибыть на допросъ 2 октября и преспокойно удалился въ свой номеръ Знаменской гостиницы. Его, этого важнаго государственнаго преступника, не только не отправили немедленно въ одиночный казематъ крѣпости, но даже не подвергнули особому надзору. Что-то совершенно непонятное... Можетъ быть, его спасло видное положеніе по службѣ? Нѣтъ, онъ былъ самымъ обыкновеннымъ коллежскимъ регистраторомъ... Можетъ быть, вниманіе было оказано въ виду его литературной дѣятельности? Но вопросъ этотъ въ Россіи просто

нелѣпъ... Почему же? Вѣдь онъ былъ такимъ явнымъ соучастникомъ Чернышевскаго... Да просто потому, что мирный, тихій и спокойный Алексѣй Николаевичъ былъ совершенно не нуженъ: прекрасно знали, что онъ и не могъ получить такого письма... Конечно, еслибы правительство хотѣло номинально считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, оно должно было бы продолжить комедію и, арестовавъ Плещеева, заслать его потомъ въ дальнюю Сибирь,—но вѣдь это былъ уже сентябрь 1863 года—время, когда реакція торжествовала во всю, жандармы правили Россіей, а Муравьевъ вѣшалъ всѣхъ, кого хотѣлъ... Печать была загнана въ подземелье, Катковъ ловилъ сотнями „нигилистовъ", а правительство... правительство воображало себя не иначе, какъ плантаторомъ, постегивавшимъ черныхъ рабовъ...

2 октября Плещеевъ далъ такія показанія:

„Сношенія мои съ Чернышевскимъ постоянно ограничивались литературой, дѣломъ журнальнымъ, такъ какъ онъ принималъ значительное участіе въ редакціи „Современника". Я не упрекалъ никогда Чернышевскаго въ излишнемъ довѣріи кому бы то ни было и не знаю никакихъ дѣлъ съ Чернышевскимъ, въ которыхъ бы онъ не долженъ былъ быть довѣрчивъ. Участія никакого не могъ принимать, такъ какъ мнѣ совершенно неизвѣстно, какія именно это дѣла и были ли такія дѣла. Ни о какомъ станкѣ я не имѣю понятія и ни въ чемъ подобномъ не принималъ участія. Никогда не слышалъ, чтобы Сулинъ хвастался чѣмъ-нибудь подобнымъ (т. е. знакомствомъ съ Чернышевскимъ—*М. Л.*), да и трудно было бы мнѣ слышать, такъ какъ я знакомства съ Сулинымъ никогда не водилъ. Ни о сочиненіи, данномъ будто бы Сулину, ни о тайномъ печатаніи имъ чего бы то ни было—никогда я не слыхалъ. Костомарова я никогда собственно Чернышевскому не рекомендовалъ, но, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, года два тому назадъ, если не ошибаюсь, то писалъ о немъ кому-то изъ редакторовъ „Современника" (какъ о хорошемъ переводчикѣ, знающемъ языки и могущемъ принести пользу журналу), но только не къ г. Чернышевскому, потому что онъ завѣдывалъ критическимъ и ученымъ отдѣломъ журнала, а не литературнымъ. Костомаровъ же преимущественно занимался переводомъ стиховъ. О тайномъ печатаніи Костомарова мнѣ ничего не извѣстно. Общаго дѣла съ Чернышевскимъ я никогда никакого не имѣлъ. Все это письмо для меня совершенно непонятно: не знаю ника-

кого Л., никакихъ офицеровъ и не понимаю даже, что значитъ— „23 въ Понизовьи“. Никакой работы никѣмъ возлагаемо на меня не было. Болѣе объяснить ничего не имѣю“.

Когда же Плещееву предъявили подложное письмо, яко бы къ нему адресованное, онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, почеркъ первой страницы похожъ на почеркъ Н. Г., но потомъ сбивается и становится непохожимъ.

14 октября Чернышевскому дали еще одну очную ставку съ Костомаровымъ. Послѣдній, очевидно, совсѣмъ не считалъ нужнымъ помнить свои прежнія показанія: на этотъ разъ онъ снова плелъ какую-то околесицу. Теперь онъ утверждалъ, что о передачѣ Чернышевскимъ Сороко прокламаціи онъ узналъ со стороны, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія Сороко въ Москву, и былъ увѣдомленъ о такихъ же слухахъ Плещеевымъ, который тогда тотчасъ же извѣстилъ о нихъ Чернышевскаго, а онъ, Костомаровъ, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ, тамъ получилъ письмо къ Плещееву и предложилъ взять работу у Сороко на себя. Что касается диктованія въ этотъ разъ прокламаціи къ раскольникамъ, то, можетъ быть, оно происходило и въ другой разъ и т. д. Чернышевскій снова опровергалъ всю эту путаницу.

Очная ставка Костомарова съ Плещеевымъ тоже не дала ничего: первый плелъ всякій вздоръ, второй даже не понималъ его...

Видя полную свою ненадобность сенату и III Отдѣленію, Плещеевъ просилъ отпустить его въ Москву, въ чемъ и не встрѣтилъ препятствія Для виду съ него была взята лишь росписка о немедленной явкѣ по первому вызову.

28, 29, 30 и 31 октября происходило слушаніе сенатской записки, на которомъ присутствовалъ и Н. Г. Затѣмъ весь ноябрь составлялось опредѣленіе, переписывалось, посылалось—вѣроятно, негласно—на одобреніе въ III Отдѣленіе и только 2 декабря было подписано сенаторами. Черезъ мѣсяцъ министръ юстиціи вернулъ его съ указаніями необходимыхъ, по его мнѣнію, поправокъ. 7 февраля 1864 г. ему была послана новая редакція.

Въ это время учитель гимназіи, литераторъ Дмитрій Щегловъ, просилъ или свиданія съ Чернышевскимъ по личному своему дѣлу, или пересылки ему объ этомъ письма. Было разрѣшено второе.

ЧАСТЬ V.

Чернышевскій больше не опасенъ.

I.

Опредѣленіе сената настолько характерно, настолько ярко, какъ иллюстрація чудовищнаго произвола и наглости, что я приведу его полностью. И его необходимо прочесть безъ пропусковъ: только при этомъ условіи читатель пойметь, что это за документъ, если помнитъ самъ все дѣло.

„Отставной титулярный совѣтникъ Николай Чернышевскій, занимавшійся литературою, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала „Современникъ". Журналъ этотъ своимъ направленіемъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Въ немъ развивались по преимуществу матеріалистическія и соціалистическія идеи, стремящіяся къ отрицанію религіи, нравственности и закона, такъ что правительство признало нужнымъ прекратить на нѣкоторое время изданіе сего журнала, а одновременно съ симъ открылись обстоятельства, которыя указали правительству въ Чернышевскомъ одного изъ зловредныхъ дѣятелей въ отношеніи къ государству. Обстоятельства сіи состоятъ въ слѣдующемъ:

„Управляющій III Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи получилъ безыменное письмо о Чернышевскомъ, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго соціалиста". Онъ самъ сказалъ, что настолько уменъ, что его никогда не уличатъ. Его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого зловреднаго человѣка. Всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ

люди либеральные, отдалились отъ него. „Ежели не удалите Чернышевскаго,—пишетъ авторъ письма,—быть бѣдѣ, будетъ кровь. Эта шайка бѣшеныхъ демагоговъ — отчаянныя головы, эта „Молодая Россія“ высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности. Можетъ быть, перебьютъ ихъ, а сколько невинной крови за нихъ прольется?! Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ—вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, и вездѣ они разжигаютъ молодежь. „Николая Гавриловича (имя и отчество Чернышевскаго) отправьте, куда хотите; поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія“.

„Въ концѣ іюня мѣсяца 1862 года получено было въ III Отдѣленіи увѣдомленіе, что изъ Лондона въ Петербургъ ѣдетъ коллежскій секретарь Ветошниковъ, знакомый съ Герценомъ и Бакунинымъ, и везетъ съ собою запрещенныя изданія Герцена, Огарева и другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и корреспонденцію отъ пропагандистовъ. При арестованіи Ветошникова, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена къ надворному совѣтнику Серно-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ его распространять пропаганду въ Россіи, а въ концѣ письма приписка: „Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены издавать „Современникъ“ съ Чернышевскимъ“.

„По поводу письма сего Чернышевскій 7-го іюля былъ арестованъ, и у него былъ сдѣланъ обыскъ, при коемъ найдены слѣдующія относящіяся къ дѣлу бумаги:

„Анонимная записка съ увѣдомленіемъ, что дѣло о манифестаціи въ Думѣ, по высочайшему повелѣнію, оставлено безъ разсмотрѣнія: безпокоить по этому дѣлу никого не будутъ. Переписка Чернышевскаго съ профессоромъ Андреевскимъ, коему онъ предлагаетъ быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами, для разъясненія причины прекращенія публичныхъ лекцій. Письмо И. Б., по почерку—Ивана Бортюкова, въ которомъ замѣчательны слова: „Москва занята теперь тверскими происшествіями,—говорятъ, революція будетъ“. Письмо Герцена безъ надписи, а потому неизвѣстно, кому адресованное, со многими выскобленными словами, гдѣ онъ опровергаетъ совѣтъ Чернышевскаго—не вовлекать юношество въ литературный союзъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ, и предлагаетъ въ темныхъ выраженіяхъ

проектъ организаціи какого-то общества или союза, избравъ центрами дѣятельности ярмарки Нижегородскую, которую-нибудь изъ Днѣпровскихъ и Ирбитскую или иной Урало-Сибирскій трактъ. Анонимное письмо къ Чернышевскому, въ коемъ называютъ его пропагандистомъ, соціалистомъ, Маратомъ, желающимъ ниспровергнуть существующій порядокъ и учредить демократію и затѣмъ угрожаютъ ему самому гибелью. Алфавитный ключъ на четырехъ картонныхъ бумажкахъ и, наконецъ, двѣ тетрадки, написанныя съ сокращеніемъ словъ, слоговъ и буквъ. Тетрадки эти заключаютъ въ себѣ дневникъ Чернышевскаго, относящійся къ тому періоду времени, когда онъ не состоялъ еще въ брачномъ союзѣ, а былъ женихомъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли, къ дѣлу относящіяся: „Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль. У меня ничего не найдутъ, но друзья у меня весьма сильные [1]). Что могу я другое дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко. И тогда едва ли уже выйду изъ крѣпости. Видите, я не могу жениться. Я не могу, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей“.

„Чернышевскій, содержась въ крѣпости, 5-го октября написалъ женѣ своей письмо, въ коемъ говоритъ, между прочимъ: „Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи: пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время [съ нами“. Объясняя женѣ своей, что онъ намѣренъ составлять „Энциклопедію знанія и жизни“, онъ пишетъ: „Со времени Аристотеля не было дѣлано еще никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель“.

„Между тѣмъ во время производства изысканій по дѣлу Чернышевскаго, отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, судившійся въ Москвѣ за печатаніе запрещенныхъ сочиненій и по высочайшему повелѣнію разжалованный въ рядовые съ назначеніемъ на службу въ кавказскій линейный батальонъ, при препровожденіи его къ мѣсту назначенія, съ жандарм-

[1]) А на самомъ дѣлѣ было написано: „... но покорнѣйше прошу меня будутъ весьма сильные“. Изъ „покорнѣйше“ („здѣсь“) сдѣлали „друзья“

скимъ офицеромъ Чулковымъ, дорогою въ Тулѣ заболѣлъ, а 5-го марта 1863 года написалъ письмо къ нѣкоему Соколову въ С.-Петербургъ. Письмо это Чулковъ представилъ начальнику III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Письмо это заключаетъ въ себѣ подробный разсказъ Костомарова, какимъ образомъ онъ вовлеченъ былъ въ преступленіе, за которое судился, Чернышевскимъ, какимъ образомъ Чернышевскій вмѣстѣ съ бывшимъ литераторомъ, нынѣ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ, сочинилъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, а полковникъ Шелгуновъ—воззваніе къ солдатамъ, и дали ему для напечатанія черезъ студента Сороко, съ коимъ онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Описывая подробно личность Чернышевскаго, какъ агитатора, который совратилъ съ пути истиннаго нѣсколько юношей, онъ такъ характеризуетъ его: сравнивая его съ Самсономъ, онъ говоритъ, что „израильтянинъ былъ такъ непрактиченъ, что, расшатавъ столбы зданія, втемяшился въ самую середину его и повалилъ обломки на себя. Нашъ Самсонъ (т. е. Чернышевскій) разсуждаетъ иначе; онъ полагаетъ: „чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ разваливать его, а самъ посижу пока въ сторонѣ. Коли развалятъ—хорошо,—я займусь постройкой новаго; а не развалятъ, надорвутся,—такъ мнѣ-то что? Я-то всячески цѣлъ останусь“. Далѣе Костомаровъ пишетъ другу своему, что напрасно онъ будетъ укорять его за то, что не открылъ въ свое время всего, что въ его рукахъ были средства увязить Чернышевскаго на свое мѣсто, что онъ самъ видѣлъ эти письма, что въ его рукахъ была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ сентенціи за составленіе воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“ относился не къ нему, а къ Чернышевскому. Тогда онъ долженъ былъ молчать, но теперь, когда уже совершилось, говоритъ въ немъ горькая боль оскорбленнаго сердца. Выгораживая Чернышевскаго и Шелгунова изъ этого дѣла, онъ предалъ себя. Онъ виноватъ въ этомъ передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чернышевскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе, отравленные плоды. Затѣмъ Костомаровъ описываетъ, какъ Михайловъ привезъ и рекомендовалъ его Чернышевскому, какъ они втроемъ въ кабинетѣ читали сочиненное Чернышевскимъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, и какъ онъ не соглашался напечатать его, если Черны-

шевскій не смягчитъ выраженій этого воззванія, взывающихъ къ рѣзнѣ, какъ Чернышевскій не соглашался сначала на это, но потомъ измѣнилъ нѣсколько; какъ Шелгуновъ сочинилъ воззваніе къ солдатамъ, ходилъ въ казармы читать это воззваніе и уговаривать солдатъ, какъ Чернышевскій диктовалъ ему, Костомарову, въ Знаменской гостиницѣ воззваніе къ раскольникамъ, которое онъ впослѣдствіи уничтожилъ.

„По распоряженію III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи Костомаровъ былъ возвращенъ изъ Тулы въ Петербургъ, и при немъ найдены письма Михайлова и записка карандашомъ слѣдующаго содержанія: „В. Д. Вмѣсто срочно-обяз. (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня)—наберите вездѣ „врем.-обяз.", какъ это называется въ положеніи. Вашъ Ч.". Костомаровъ объяснилъ, что записку эту написалъ Чернышевскій, бывши у него въ Москвѣ, но не заставши его дома, когда уже дано было ему для печатанія воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ". Но по предъявленіи этой записки Чернышевскому, онъ не призналъ ее своею.

„По сличеніи почерка руки Чернышевскаго съ его запискою, секретари сената нашли, что хотя въ общемъ характерѣ нѣтъ сходства съ почеркомъ Чернышевскаго, но многія буквы, а именно 12 изъ числа 25-ти, составляющихъ записку, имѣютъ сходство. Присутствіе же прав. сената нашло, что и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ почерка ея есть совершенное сходство съ почеркомъ руки Чернышевскаго.

„Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, въ сочиненіи коего Костомаровъ обвиняетъ Чернышевскаго, и экземпляръ котораго, переписанный неизвѣстно кѣмъ, находится въ дѣлѣ Костомарова, будучи писано языкомъ простонароднымъ, заключаетъ въ себѣ превратное толкованіе Положенія 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ, и что на основаніи Положенія они будутъ еще въ большей кабалѣ, чѣмъ были доселѣ, и окончательно разорятся; затѣмъ объясняется крестьянамъ, въ чемъ именно состоитъ воля; приводятся въ примѣръ Франція, Англія, Швейцарія, Америка, гдѣ нѣтъ будто ни подушныхъ, ни рекрутства, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ, и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выби-

раетъ и смѣняетъ царей, если они не нравятся ему. Въ заключеніе авторъ прокламаціи приглашаетъ барскихъ крестьянъ готовиться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все это будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему возстанію. Въ этомъ воззваніи вездѣ упоминаются „срочно-обязанные“, каковую ошибку, какъ выше упомянуто, просилъ Костомарова Чернышевскій запиской исправить при напечатаніи.

„Кромѣ сего, жандармскій капитанъ Чулковъ донесъ генералъ-маіору Потапову, что во время остановки его съ Костомаровымъ, по случаю болѣзни его, прежде пріѣзда въ Тулу, еще въ Москвѣ его посѣтилъ мѣщанинъ Яковлевъ, желавшій проститься съ нимъ. Изъ разговоровъ ихъ онъ замѣтилъ, что Яковлеву хорошо извѣстны всѣ отношенія Костомарова къ Чернышевскому, и предложилъ Яковлеву подтвердить это письменно, на что Яковлевъ и согласился. Показаніе Яковлева состоитъ въ слѣдующемъ: Лѣтомъ 1861 г. онъ былъ переписчикомъ бумагъ и сочиненій у Костомарова. Занимаясь у него, онъ очень часто видѣлъ у него пріѣзжавшаго изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго. Разъ, когда онъ занимался перепискою бумагъ, по случаю лѣтняго времени въ садовой бесѣдкѣ Костомарова, онъ слышалъ между ними, ходившими въ саду подъ руку другъ съ другомъ, слѣдующій разговоръ: Чернышевскій говорилъ: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла“. Называя статью эту своею, Чернышевскій просилъ Костомарова скорѣе напечатать ее. Не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго и не понимая точнаго ихъ смысла, онъ тогда оставилъ это безъ вниманія. Но нынѣ, узнавъ, что Костомаровъ осужденъ за какія-то противозаконныя дѣйствія, и желая оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ долгомъ считаетъ слышанный имъ разговоръ довести до свѣдѣнія правительства.

„На предложенные Костомарову Высочайше учрежденною слѣдственною комиссіею вопросы, онъ подтвердилъ все изложенное имъ въ письмѣ къ Соколову. Генералъ-маіоръ Потаповъ препроводилъ въ Высоч. учр. слѣдств. комиссію полученную имъ черезъ московскаго губернскаго прокурора до-

кладную записку содержащагося въ смирительномъ домѣ мѣщанина Яковлева и переписку конторы московскаго смирительнаго и рабочаго домовъ. Изъ бумагъ этихъ видно, что Яковлевъ отправился въ Петербургъ для донесенія объ отношеніяхъ Костомарова къ Чернышевскому, но на Тверской станціи Николаевской желѣзной дороги за пьянство и буйство былъ взятъ въ полицію и препровожденъ къ московскому оберъ-полицеймейстеру, а отъ него въ домъ градскаго общества, которое отправило его за вышеизъясненные проступки въ смирительный домъ на четыре мѣсяца. По вытребованіи Яковлева и студента Сороко въ Петербургъ, они на данные имъ вопросы отвѣтили: Сороко, что хотя онъ и пріѣзжалъ съ Костомаровымъ въ Петербургъ и хотя знакомъ былъ съ Михайловымъ, но „воззванія къ барскимъ крестьянамъ“ Костомарову не передавалъ, а передалъ ему запечатанное письмо отъ Михайлова; съ Чернышевскимъ же лично знакомъ не былъ. Показаніе сіе Сороко подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Костомаровымъ, несмотря на улики его. Яковлевъ же подтвердилъ прежнее свое показаніе и по предъявленіи ему Чернышевскаго утвердилъ, что онъ есть то самое лицо, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ.

„Редакторъ журнала „Современникъ“, Некрасовъ, представилъ генералъ-маіору Потапову полученное имъ по почтѣ изъ Москвы письмо, въ коемъ пишущіе объясняютъ, что они находятся арестованными въ смирительномъ домѣ. На страстной недѣлѣ къ нимъ явился какой-то мѣщанинъ Яковлевъ и объяснилъ, что онъ также содержится за политическое преступленіе, и обратился къ нимъ за совѣтомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ по весьма важному дѣлу, но на Тверской станціи вышилъ и забуянилъ; за это общество посадило его въ рабочій домъ. На вопросъ, по какому дѣлу онъ ѣздилъ къ генералу Потапову, Яковлевъ отвѣчалъ: „Я былъ знакомъ съ Костомаровымъ, на-дняхъ получилъ записку безъ подписи, въ коей меня приглашаютъ въ гостиницу Венеція № 18. Явившись туда, я былъ изумленъ, встрѣтивъ Костомарова въ солдатской шинели и съ жандармскимъ офицеромъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: „вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу. Мать моя научитъ тебя, что дѣлать, и ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, будешь хорошо награжденъ“. „А Костомаровъ

не говорилъ вамъ, что именно придется дѣлать?"—спросили они. „Говорили, что долженъ дать въ III Отдѣленіи показаніе, будто бы слышалъ, какъ Чернышевскій, въ разговорѣ съ Костомаровымъ, сказалъ слѣдующую фразу: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!" Я не знаю, что значатъ эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы я далъ такое показаніе. Скажите, если я дамъ такое показаніе, можетъ Потаповъ что-нибудь сдѣлать для меня? Можетъ ли, напримѣръ, освободить изъ рабочаго дома?" „Ну, это врядъ ли. Мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что, по закону, ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію". „Я уже подалъ Потапову отсюда прошеніе",—сказалъ Яковлевъ:—меня скоро потребуютъ въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!" Мы сказали, что лучше сказать правду. Мы не повѣрили Яковлеву, зная, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что судился вмѣстѣ съ нами въ сенатѣ и приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и къ ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидѣвъ Яковлева на дворѣ съ жандармами. Намъ сказали, что его отправляютъ въ Петербургъ. Вспомнивъ разговоръ нашъ съ нимъ, мы невольно пришли къ предположеніямъ, что Чернышевскій, дѣйствительно, обвинялся въ какомъ-либо политическомъ преступленіи, что Костомаровъ и его семейство съ помощью Яковлева хотятъ подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда". Все это заставило пишущихъ обратиться съ просьбою къ Некрасову, прося представить письмо это, куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда. Все это они готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягою. Подписали: Гольцъ-Миллеръ, Ильенко, Новиковъ, Сулинъ и Ященко.

„Комиссія положила: вслѣдствіе такого поступка Яковлева и безнравственнаго его поведенія, не ожидая окончанія 4-хмѣсячнаго срока, на который онъ присужденъ обществомъ, отправить его на жительство въ Архангельскую губернію, на что испрошено высочайшее соизволеніе, каковое и послѣдовало. Полковникъ Шелгуновъ противъ возводимыхъ на него Костомаровымъ обвиненій не сознался, утвердивъ запирательство свое и на очной съ Костомаровымъ ставкѣ. Литераторъ Михайловъ, бывшій губернскій секретарь, судившійся въ се-

натѣ за распространеніе привезеннаго имъ изъ Лондона возмутительнаго воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и сосланный на каторгу, во время производства надъ нимъ въ сенатѣ слѣдствія, между прочимъ, показалъ: что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ воззванія и „Къ барскимъ крестьянамъ“, и „Къ солдатамъ“, изъ которыхъ послѣднее переписывалъ и поправлялъ, но не открылъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Правительствующій сенатъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе, слѣдуетъ ли Михайлова судить отдѣльно за то преступленіе, за которое онъ былъ преданъ суду 1-го отдѣленія 5-го департамента сената, т. е. за распространеніе воззванія „Къ молодому поколѣнію“, или совокупно съ падающимъ на него обвиненіемъ въ отношеніи сочиненія воззваній къ барскимъ крестьянамъ и солдатамъ. Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: судить Михайлова за распространеніе прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ отдѣльно отъ другихъ падающихъ на него обвиненій.

„По поступленіи дѣла о Чернышевскомъ въ правительствующій сенатъ, г. оберъ-прокуроръ, по порученію управляющаго министерствомъ юстиціи, предложилъ на совокупное разсмотрѣніе съ дѣломъ о Чернышевскомъ полученное въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи письмо Чернышевскаго къ Алексѣю Николаевичу (вѣроятно, Плещееву). Письмо это слѣдующаго содержанія: (дальше приводится полностью уже извѣстное читателямъ письмо — *М.* .7.). Письмо сіе предъявлено было въ присутствіи сената Чернышевскому, и по содержанію онаго онъ былъ допрошенъ. Но Чернышевскій въ данныхъ отвѣтахъ объяснилъ, что письмо сіе писано не имъ, и о содержаніи онаго отозвался невѣдѣніемъ. Вслѣдствіе заключенія сената, дѣлаемо было секретарями сената сличеніе почерка руки Чернышевскаго съ почеркомъ, коимъ писано письмо сіе, и секретари единогласно признали, что какъ это письмо, такъ и бумаги, въ дѣлѣ находящіяся, писанныя Чернышевскимъ и имъ не отвергаемыя, писаны одною и тою же рукой. Присутствіе 1-го отдѣленія 5-го департамента, сличивъ съ своей стороны почеркъ Чернышевскаго съ письмомъ симъ, признало вышеозначенное заключеніе секретарей сената правильнымъ и посему опредѣлило заключеніе сіе утвердить во всей силѣ. Рядовой Костомаровъ, бывъ вытребованъ въ присутствіе сената и подтвердивъ прежнія объясненія свои, ка-

сательно сношеній своихъ съ Чернышевскимъ, о письмѣ семъ объяснилъ, что оно дано было ему Чернышевскимъ для передачи Плещееву, но онъ его куда-то затерялъ, а послѣ нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояжа, но какъ оно, бывъ измочено и разорвано (письмо это, дѣйствительно, получено въ сенатѣ разорванное и со слѣдами подмочки), то отдать его Плещееву ему было совѣстно. Подсудимый Чернышевскій во всѣхъ вышеизложенныхъ, возводимыхъ на него обвиненіяхъ ни на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, ни на передопросахъ въ правительствующемъ сенатѣ, ни на очной съ Костомаровымъ ставкѣ—не сознался, не отвергая, впрочемъ, знакомства своего съ Костомаровымъ, ни съ Михайловымъ. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ въ комиссіи онъ сказалъ: „Я посѣдѣю, умру, но не перемѣню своего показанія“. Знакомство свое съ Костомаровымъ онъ объяснилъ тѣмъ, что покровительствовалъ только ему, какъ молодому, начинающему литератору. Чернышевскій домогался предъ правительствующимъ сенатомъ, чтобы сличеніе почерка руки, коимъ писано было письмо къ Алексѣю Николаевичу, дозволено было ему произвести самому съ почеркомъ Костомарова и чтобы ему дали для сего лупу, увеличивающую въ 10 или 12 разъ. Но правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что при сличеніи соблюдены были всѣ требуемые закономъ обряды и формы, въ домогательствѣ его отказалъ. Коллежскій регистраторъ Алексѣй Николаевъ Плещеевъ былъ вызванъ въ сенатъ и, утверждая оному знакомство и литературныя отношенія свои съ Чернышевскимъ, ни въ какомъ противозаконномъ участіи съ нимъ не сознался, равно какъ и въ полученіи отъ него письма, посланнаго чрезъ Костомарова, подъ заглавіемъ: „Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ“.

„Изъ свѣдѣній о происхожденіи Чернышевскаго видно, что онъ сынъ священника, воспитывался первоначально въ семинаріи, а потомъ въ университетѣ, служилъ преподавателемъ во 2 кадетскомъ корпусѣ, былъ учителемъ гимназіи въ Саратовѣ, потомъ причислился къ С.-Петербургскому губернскому правленію и въ 1858 году вышелъ въ отставку. Отъ роду ему 35 лѣтъ, женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей.

„Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что на подсудимаго Чернышевскаго возводятся три слѣдующія обвиненія:

„1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ.—Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служитъ токмо приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ здѣсь, т. е. въ Лондонѣ или Женевѣ, и письмо, найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно къ кому адресованное, которое, по словамъ его, получено имъ по городской почтѣ, писанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ. Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что, дѣйствительно, Михайлову, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконные планы. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему по обвиненію этому, согласно 304 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уг., его слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

„2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія.—Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служитъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснившаго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто „срочно-обязанные“ — „временно-обязанные“ (крестьяне), какъ это значится въ Положеніи, что подтверждается и рукописью, въ дѣлѣ находящеюся, въ коей, дѣйствительно, написано „срочно-обяз.“, и признанное присутствіемъ правительствующаго сената совершенное сходство почерка сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣщанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова, слышавшаго разговоръ

Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“; г) показаніе бывшаго подъ судомъ въ правительствующемъ сенатѣ политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“ и передалъ Костомарову. Такъ какъ показаніе это совпадаетъ съ показаніями Костомарова, объяснившаго объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“; токмо Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ. Къ опроверженію вышеизложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержащихся въ смирительномъ домѣ за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ подговоренъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденнымъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смирительнаго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщено владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ никакого опроверженія не представилъ. Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“ сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію чрезъ тайное отпечатаніе онаго.

„3. Приготовленіе къ возмущенію.—Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служитъ находящееся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кн. 2 ст. 326 и т. X ч. 2 ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкоему Алексѣю Николаевичу (Плещееву). Такимъ образомъ, это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое тому доказательство (ст. 308 т. XV). Въ этомъ письмѣ онъ, укоряя друга своего въ медленности пріобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительныхъ воззваній, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіеся тайнымъ печатаніемъ,—напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно,

что здѣсь рѣчь идетъ о Костомаровѣ, Сулинѣ, Сорокѣ и о воззваніи „Къ барскимъ крестьянамъ", которое они взялись напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Понизовьѣ).

„Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I т. XV въ главѣ о госуд. преступл. въ ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противу правительства. Но принимая во вниманіе, что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи послѣдующей 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени 21 ст. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени предлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ находитъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала „Современникъ", своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и соціалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній, въ 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его запирательству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся.

„Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія Къ барскимъ крестьянамъ и передачу онаго для

напечатанія въ видахъ распространенія --лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

„Рѣшеніе это, на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уголовныхъ представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

„Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: его же, Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ".

II.

Изъ сената это опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ, вполнѣ присоединившійся къ его мнѣнію, затѣмъ представлено государю и утверждено имъ 7 апрѣля въ такомъ видѣ: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину". 26 апрѣля Замятнинъ прислалъ въ сенатъ это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, а 4 мая оно было объявлено Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ.

Русское общество понесло страшную потерю... Изъ его передовыхъ рядовъ былъ вырванъ самый видный вождь... И любопытно, что потерю эту чувствовали не только единомышленники Чернышевскаго, но даже и его враги. Напримѣръ, тотъ самый Никитенко, который то и дѣло называлъ его „краснокожимъ либераломъ" и „насадителемъ смуты", передавъ вкратцѣ приговоръ, записалъ: „Изъ рукъ вонъ это печально!.." Разумѣется умныхъ людей, независимо отъ ихъ направленія, не могло не поразить, а сколько-нибудь честныхъ—и не возмутить упоминаніе въ приговорѣ статей „Современника", своевременно разрѣшенныхъ цензурой. Это обстоятельство было причиной болѣе или менѣе широкаго общественнаго негодованія...

Очень интересна другая запись Никитенка: „Я спрашивалъ у сенатора Любощинскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ него. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ

для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда кн. Долгорукій показалъ имъ какія-то бумаги изъ III Отдѣленія,—и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна... Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осуждать его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ. Такъ говорятъ почти всѣ".

Въ сенатскомъ дѣлѣ нѣтъ даже никакихъ намековъ на упомянутые Никитенкомъ таинственные документы. Нѣтъ объ этомъ ничего и въ дѣлѣ государственнаго совѣта. Но это еще не доказательства противнаго. Такіе документы не вносятся въ тощія и очень глухія „дѣла" государственнаго совѣта, а помѣщаются при журналахъ, которыхъ все еще не выдаютъ нашему брату литератору. Думаю только, что разсказъ Никитенка не совсѣмъ вѣренъ: врядъ ли въ государственномъ совѣтѣ могло произойти разногласіе съ опредѣленіемъ сената, которое, какъ было небезызвѣстно членамъ, вполнѣ одобрялось правительствомъ... А, впрочемъ, все могло быть.

Въ тотъ же день, 4 мая, возникъ вопросъ, *какъ* отправить Чернышевскаго къ мѣсту назначенія. Хорошо помня явное нарушеніе закона, сдѣланное въ 1861 году по отношенію къ Михайлову, Суворовъ считалъ своимъ долгомъ исчерпать всѣ доводы, чтобы убѣдить III Отдѣленіе не поступить также и съ Чернышевскимъ. Поэтому онъ писалъ кн. Долгорукову:

„Высочайше утвержденнымъ 21 февраля сего года мнѣніемъ комитета гг. министровъ преступники всѣхъ категорій изъ привилегированныхъ классовъ, ссылаемые по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, должны быть отправлены на подводахъ порядкомъ, указаннымъ въ 510 и 511 ст. XV т. св. зак. о ссыльныхъ, т. е. они препровождаются этапнымъ порядкомъ, но не съ прочими ссыльными, а особыми партіями и безъ употребленія оковъ и наручней.

„Нынѣ состоялся приговоръ о судимомъ за политическое преступленіе дворянинѣ Николаѣ Чернышевскомъ, который имѣетъ быть отправленъ въ каторжную работу.

„По особо уважительнымъ причинамъ, извѣстнымъ Вашему Сіятельству, я полагалъ бы Чернышевскаго отправить не этапнымъ порядкомъ, *но на почтовыхъ съ двумя жандармами* [1]),

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

примѣняясь къ правиламъ высочайше утвержденнымъ 10 января 1854 года.

„При этомъ, согласно вышеприведенному высочайше утвержденному мнѣнію комитета гг. министровъ и ст. 96, 170, 171 и 224 XIV т. св. зак. уст. о содер. подъ страж. и улож. о наказ. примѣч. къ ст. 19, я полагалъ бы отправить Чернышевскаго безъ оковъ и наручней, такъ какъ и губернское правленіе при отправленіи этапнымъ порядкомъ лицъ привилегированныхъ сословій, осужденныхъ въ каторжную работу, не налагаетъ оковъ и наручней; а также не исполнять надъ нимъ обряда, указаннаго въ 541 ст. 2 кн. 15 т. св. зак. (о выставленіи къ позорному столбу), ибо Чернышевскій, по приговору правительствующаго сената, не присужденъ къ политической смерти".

На эту записку 5 мая послѣдовалъ отвѣтъ:

„1. Высочайше утвержденнымъ 21 февраля положеніемъ комитета министровъ (собр. узак. 1864 г. № 26 стр. 217) дозволено всѣмъ арестантамъ привилегированныхъ сословій, ссылаемымъ въ Сибирь, какъ по политическимъ причинамъ, такъ и за общія преступленія, отправляться на почтовыхъ лошадяхъ, буде они того пожелаютъ и будутъ имѣть къ этому достаточныя собственныя средства, причемъ соблюдаются правила высочайше постановленныя 10 января 1854 г.

„2. По точному смыслу 170, 171, 224 ст. XIV т. уст. содер. подъ стражею и ст. 96 т. XIV уст. о ссыльн., дворяне и чиновники, при препровожденіи въ Сибирь, не должны быть заключаемы въ оковы и идутъ подъ строгимъ надзоромъ.

„3. Установленный въ 541 ст. II кн. XV т. св. зак. угол. обрядъ (переламываніе шпаги и выставленіе на эшафотъ къ позорному столбу), по точному смыслу сей статьи, долженъ быть исполняемъ надъ всѣми безъ исключенія лицами, осужденными въ каторжныя работы (а не надъ тѣми только, кто, по ст. 75 улож. о нак., приговоренъ къ политической смерти)".

При этомъ было приложено циркулярное отношеніе министерства юстиціи губернскимъ, областнымъ и прочихъ мѣстъ прокурорамъ отъ 21 мая 1863 г. о точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ о неналоженіи оковъ на ссыльныхъ малолѣтнихъ, женщинъ и тѣхъ, кои до осужденія были изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній.

Такимъ образомъ, кандалы и наручни отмѣнялись, но гнусная комедія „гражданской казни“ была оставлена...

Суворовъ не ограничился своимъ письмомъ Долгорукову. Получивъ просьбу многихъ лицъ о свиданіи съ Чернышевскимъ, онъ велѣлъ своему чиновнику написать коменданту крѣпости слѣдующее письмо:

„Приговоръ Правительствующаго Сената отставному титулярному совѣтнику Чернышевскому уже объявленъ, и объ исполненіи онаго Ваше Превосходительство изволите получить вслѣдъ за симъ офиціальное сообщеніе: предварительно же сего сообщенія, по порученію князя Александра Аркадіевича, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, когда Чернышевскій будетъ переведенъ изъ равелина въ обыкновенный казематъ крѣпости, и не встрѣтится ли завтрашній день, т. е. 6 мая, какихъ-либо препятствій къ свиданію его съ сыномъ и близкими родными“.

На письмо это 6 мая былъ полученъ отъ Сорокина отвѣтъ:

„По установленному порядку, вообще переводъ изъ Алексѣевскаго равелина рѣшенныхъ преступниковъ въ обыкновенный казематъ или на главную крѣпостную гауптвахту исполняется или наканунѣ того дня, въ который опредѣлено привести *публично* въ исполненіе конфирмацію, или же наканунѣ отправленія по назначенію, если публичнаго объявленія не назначено. Свиданіе допустится въ теченіе дня не въ мѣстѣ заключенія, а въ особой комнатѣ, въ присутствіи кого-либо изъ чиновъ Комендантскаго Управленія. По пробитіи вечерней зари (наканунѣ отправленія) осужденному стригутъ волосы на головѣ и бреютъ бороду и усы, а при самомъ отправленіи одѣваютъ въ казенное платье и сдаютъ конвойнымъ для слѣдованія по назначенію на почтовыхъ лошадяхъ“.

III Отдѣленіе и здѣсь доѣзжало Чернышевскаго...

Суворову оставалось дать знать петербургской управѣ благочинія о наказаніи, постигшемъ Николая Гавриловича, и объ обрядѣ приведенія приговора въ исполненіе... „Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что для публичнаго объявленія приговора Чернышевскій имѣетъ быть переведенъ наканунѣ дня исполненія изъ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ онъ нынѣ содержится, въ С.-Петербургскій тюремный замокъ. Распоряженіе это возложено мною на генералъ-маіора Чебыкина, которому поручено по исполненіи надъ Чернышевскимъ при-

говора препроводить его обратно въ С.-Петербургскую крѣпость, откуда уже онъ долженъ быть отправленъ по назначенію на почтовыхъ въ сопровожденіи 2 жандармовъ".

Относительно прощанія А. Н. Пыпинъ писалъ управляющему канцеляріей Суворова Четыркину:

„Ваше Превосходительство! На случай, когда воспослѣдуетъ отъ князя Суворова разрѣшеніе видѣться съ Ч. для его родственниковъ, сообщаю Вамъ имена ихъ и мѣсто жительства:

Александръ Ник.
Сергѣй Ник.
Евгенія Ник.
Полина Ник.
— Пыпины. — Въ Кабинетской ул., на углу Ивановской, д. Матушевича, кв. № 14.

Иванъ Григорьевичъ Терсинскій, — оберъ-секретарь при Святѣйшемъ Синодѣ. — На Васильевскомъ островѣ по 8-й линіи, за Среднимъ проспектомъ, въ Синодальномъ домѣ, подлѣ Благовѣщенья.

„Кромѣ того, покорнѣйше прошу Васъ передать прилагаемое при семъ письмо Его Свѣтлости. Честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Пыпинъ".

А вотъ что писалось имъ князю Суворову:

„Ваша Свѣтлость! Имѣю честь представить Вашей Свѣтлости имена тѣхъ постороннихъ лицъ, которыя желали бы имѣть разрѣшеніе видѣться съ Ч. передъ его отъѣздомъ, и списокъ которыхъ Вы изволили у меня спрашивать:

Николай Алексѣев. *Некрасовъ* (на Литейной, въ д. Краевскаго).

Максимъ Алексѣев. *Антоновичъ* [1]) (въ Басковой ул., близъ Бассейной, д. Даммера).

Григорій Захар. *Елисеевъ* [2]) (на Васильевскомъ островѣ, на углу 1-й линіи и Большого проспекта, въ д. церкви Св. Екатерины).

[1]) Прибавлено, очевидно, уже въ канцеляріи: „Кол. Секр.".

[2]) Прибавлено: „Надв. Сов.".

Докторъ Петръ Ив. *Боковъ* (въ Эртелевомъ пер., д. Ханыкова).

„Имена родственниковъ Ч. я уже сообщилъ г. Четыркину вмѣстѣ съ означеніемъ ихъ мѣста жительства. Честь имѣю быть Вашей Свѣтлости покорный слуга

Александръ Пыпинъ“.

На обоихъ письмахъ резолюція Суворова: „согласенъ“.

Независимо отъ этихъ писемъ, родственникъ Чернышевскаго И. Г. Терсинскій 8 мая подалъ самъ заявленіе о желаніи свиданія съ нимъ [1]).

О допущеніи свиданія съ И. Г. Терсинскимъ, П. И. Боковымъ, Г. З. Елисеевымъ, Н. А. Некрасовымъ и М. А. Антоновичемъ князь Суворовъ сообщилъ обычнымъ порядкомъ коменданту 9, 13 и 19 мая, причемъ въ бумагѣ отъ 19 мая имѣется приписка: „Въ случаѣ же, если будетъ просить свиданія съ Чернышевскимъ родственница его Михаэлисъ [2]), то ей въ томъ разрѣшенія покорнѣйше прошу не давать“.

Почему Михаэлисъ рѣшено было не допускать—неизвѣстно. Точно предчувствовали, что она не останется безучастной къ судьбѣ своего учителя...

Сначала Чернышевскаго хотѣли отправить изъ Петербурга 19 мая, но потомъ почему-то отложили на 20-е, а 19-го назначили „казнь“, о чемъ и объявили всенародно за два дня въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи“...

Петербургская интеллигенція нервно встрѣтила эту вѣсть... Рѣшено было проводить возможно многолюднѣе...

Изъ многихъ описаній „казни“ приведу лучшее и болѣе вѣрное, принадлежащее перу Гейпса (Вильяма Фрея) [3]).

---

[1]) И. Г. Терсинскій былъ женатъ на двоюродной сестрѣ И. Г.—Л. И. Котляревской, умершей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

[2]) Она не была родственницею.

[3]) См. разсказы г. Вѣнскаго (стр. 99—100 іюньской книжки „Русскаго Богатства“ за 1905 г.), г. Кокосова (стр. 159—162 послѣдней книжки того же журнала за 1905 г.), А. С. Суворина въ его книгѣ „Вѣяніе“, созданной въ шестидесятыхъ годахъ и написанной имъ подъ псевдонимомъ Бобровскій (стр. 186—187); укажу кстати, что вообще въ этой книжкѣ, писанной г. Суворинымъ добраго стараго времени, Чернышевскій выставленъ съ весьма симпатичной стороны подъ именемъ Самарскаго, а Всеволодъ Костома

Вотъ какъ описываетъ онъ свои впечатлѣнія отъ памятнаго утра на Мытной площади:

„Высокій черный столбъ съ цѣпями, эстрада, окруженная солдатами, жандармы и городовые, поставленные другъ возлѣ друга, чтобы держать народъ на благородной дистанціи отъ столба, множество людей хорошо одѣтыхъ, кареты, генералы, снующіе взадъ и впередъ, хорошо одѣтыя женщины,—все показывало, что происходитъ нѣчто чрезвычайное.

„Какая-то старуха предложила мнѣ скамейку. „Надо сиротамъ хлѣбъ заработать“,—говорила она мнѣ. Еслибы она взяла съ меня не 10 копеекъ, а 50, то и тогда я съ удовольствіемъ взялъ бы скамью, потому что публики набралось слишкомъ много—и мнѣ уже приходилось стоять въ третьемъ ряду.

„Три четверти часа мнѣ пришлось стоять на скамейкѣ, дожидаясь пріѣзда Чернышевскаго. Но для меня это время прошло быстро. Я жадно вглядывался во всякую подробность. Хозяйка моей скамьи, стоя вмѣстѣ со мной, разсказывала мнѣ, какъ новинку, что будутъ дѣлать съ преступникомъ. Показала саблю, заранѣе подпиленную и стоящую внизу эстрады. Замѣтила, между прочимъ, что въ прежніе разы столбъ былъ гораздо ближе къ народу, чѣмъ теперь, но, всетаки, будетъ слышно, что прочтетъ арестанту Григорьевъ (помощникъ надзирателя)...

„Рядъ грустныхъ мыслей былъ прерванъ какимъ-то шумомъ толпы; „ѣдутъ“,—сказала старуха. „Смирно!“—раздалась команда, и вслѣдъ за тѣмъ карета, окруженная жандармами съ саблями наголо, подъѣхала къ солдатамъ. Карета остановилась шагахъ въ пятидесяти отъ меня; я не хотѣлъ сойти съ своей скамьи, но видѣлъ, что въ этомъ мѣстѣ толпа ринулась къ каретѣ; раздались крики „назадъ!“; жандармы начали тѣснить народъ; вслѣдъ за тѣмъ три человѣка быстро пошли по линіи солдатъ къ эстрадѣ: это былъ Чернышевскій и два палача. Раздались сдержанные крики переднимъ: „уберите зонтики!“—и все замерло. На эстраду взошелъ какой-то полицей-

ровъ — съ весьма отрицательной, подъ именемъ Тѣломарова. Наконецъ, есть нѣсколько строкъ и въ книгѣ Скальковскаго — „Наши государственные и общественные дѣятели“. При этомъ любопытно, что всѣ, кромѣ Гейнса, называютъ разныя и невѣрныя числа, утверждая иногда, что хорошо ихъ помнятъ...

скій. Скомандовали солдатамъ „на караулъ". Палачъ снялъ съ Чернышевскаго фуражку, и затѣмъ началось чтеніе приговора. Чтеніе это продолжалось около четверти часа. Никто его не могъ слышать. Самъ же Чернышевскій, знавшій его еще прежде, менѣе, чѣмъ всякій другой, интересовался имъ. Онъ, повидимому, искалъ кого-то, безпрерывно обводя глазами всю толпу, потомъ кивнулъ въ какую-то сторону раза три. Наконецъ чтеніе кончилось. Палачи опустили его на колѣни. Сломали надъ головой саблю и затѣмъ, поднявши его еще выше на нѣсколько ступеней, взяли его руки въ цѣпи, прикрѣпленныя къ столбу. Въ это время пошелъ очень сильный дождь; палачъ надѣлъ на него шапку. Чернышевскій поблагодарилъ его, поправилъ фуражку, насколько позволяли ему его руки, и затѣмъ, заложивши руку за руку, спокойно ожидалъ конца этой процедуры. Въ толпѣ было мертвое молчаніе. Старуха, сошедшая со скамьи, безпрерывно задавала мнѣ разные вопросы вродѣ такихъ: „въ своемъ ли онъ платьѣ или нѣтъ? какъ онъ пріѣхалъ—въ каретѣ или въ телѣгѣ?" Я безпрерывно душилъ свои слезы, чтобы можно было ей кое-какъ отвѣчать. По окончаніи церемоніи всѣ ринулись къ каретѣ, прорвали линію городовыхъ, ухватившихъ другъ друга за руки, и только усиліями конныхъ жандармовъ толпа была отдѣлена отъ кареты. Тогда (это я знаю навѣрное, хотя не видѣлъ самъ) были брошены ему букеты цвѣтовъ. Одну женщину, кинувшую цвѣты, арестовали. Карета повернула назадъ и, по обыкновенію всѣхъ поѣздокъ съ арестантами, пошла шагомъ. Этимъ воспользовались многіе, желающіе видѣть его вблизи. Кучки людей человѣкъ въ 10 догнали карету и пошли рядомъ съ ней. Нуженъ былъ какой-нибудь сигналъ для того, чтобы совершилась овація. Этотъ сигналъ подалъ одинъ молодой офицеръ; снявши фуражку, онъ крикнулъ: „прощай, Чернышевскій!". Этотъ крикъ былъ немедленно поддержанъ другими и потомъ смѣнился еще болѣе колкимъ словомъ „до свиданія". Онъ слышалъ этотъ крикъ и, выглянувши изъ окна, весьма мило отвѣчалъ поклонами. Этотъ же крикъ былъ услышанъ толпою, находящейся сзади. Всѣ ринулись догонять карету и присоединиться къ кричавшимъ. Положеніе полиціи было затруднительнымъ, но на этотъ разъ она поступила весьма благоразумно и, противъ своего обыкновенія, не арестовала публику, а рѣшилась попросту удалиться.

Было скомандовано „рысью“, и вся эта процессія съ шумомъ и грохотомъ начала удаляться отъ толпы. Впрочемъ, та кучка которая была возлѣ, еще нѣкоторое время бѣжала; возлѣ еще продолжались крики и маханіе платками и фуражками. Лавочники (ѣхали мимо рынка) съ изумленіемъ смотрѣли на необыкновенное для нихъ событіе. Чернышевскій ранѣе другихъ понялъ, что эта кучка горячихъ головъ, разъ только отдѣлится отъ толпы, будетъ немедленно арестована. Поклонившись еще разъ съ самою веселою улыбкою (видно было, что уѣзжалъ въ хорошемъ настроеніи духа), онъ погрозилъ пальцемъ. Толпа начала мало-по-малу расходиться, но нѣкоторые, нанявши извозчиковъ, поѣхали слѣдомъ за каретой. Говорятъ, что всѣ были потомъ арестованы“... [1]).

Теперь послушаемъ петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Вотъ что онъ доносилъ князю Суворову:

„Сего числа при публичномъ объявленіи на Мытнинской площади приговора бывшему титулярному совѣтнику Чернышевскому, всѣми зрителями, которыхъ было довольно значительное число, соблюдена была совершенная тишина и никакого случая безпорядка не было. Я долженъ обратить при этомъ вниманіе Вашей Свѣтлости на то, что въ самое то время, когда Чернышевскій шелъ къ эстрадѣ, изъ толпы, въ довольно дальнемъ разстояніи отъ него, былъ кинутъ букетъ, упавшій тутъ же впереди зрителей, стоявшихъ шаговъ за 20 за линіею войскъ. Женщина, бросившая букетъ, была подмѣчена однимъ изъ переодѣтыхъ городовыхъ и въ ту же минуту надзирателемъ Агафоновымъ отправлена въ домъ оберъ-полицеймейстера. Все это было сдѣлано такъ скоро и осторожно, что мало кто замѣтилъ эту сцену. Женщина эта оказалась дѣвица Михаэлисъ. Я имѣю еще свѣдѣніе, что на возвратномъ пути, когда экипажъ, въ которомъ былъ Чернышевскій, проѣхалъ всю длину 4-й улицы (на Пескахъ) и подъѣхалъ къ Литовкѣ, нѣсколько извозчичьихъ экипажей съ сѣдоками, въ числѣ которыхъ были и женщины, догнали кортежъ и намѣревались ѣхать около его; но такъ какъ экипажъ былъ конвоированъ жандармами, то они должны были отстать и разъѣхаться“.

Это была та самая Михаэлисъ (родная сестра Л. П. Шел-

[1]) „Рус. Стар.“, 1905 г., 11, 460—462.

гуновой), которой воспрещено было проститься съ Чернышевскимъ... Дѣйствительно, букетъ былъ брошенъ тогда, когда Н. Г. шелъ къ эстрадѣ; но Гейнсъ правъ, говоря, что букетовъ было нѣсколько. Оберъ-полицеймейстеръ не хотѣлъ скомпрометировать свою полицію, не сумѣвшую замѣтить другихъ бросавшихъ... [1]).

Когда Чернышевскій вернулся въ тюрьму, его посѣтили жена, сынъ, Пыпины, Г. З. Елисеевъ, П. И. Боковъ, М. А. Антоновичъ и Терсинскій. Осторожнаго Некрасова не было...

На другой день, въ 10 часовъ утра, Чернышевскій выѣхалъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ и фельдъегеря. На станціи Вѣстовая (по Шлиссельбургскому тракту) послѣдній сдалъ Николая Гавриловича старшему изъ жандармовъ, вахмистру Ильину, который и довезъ его до мѣста ссылки.

Русская печать хранила глубокое молчаніе, и только Герценъ могъ излить потокъ негодованія на головы петербургской камарильи... И отдать ему справедливость, несмотря на неблагопріятныя личныя отношенія къ Чернышевскому, сдѣлалъ это блестяще... Вотъ статья изъ „Колокола“ полностью:

„Чернышевскій осужденъ на *семь лѣтъ каторжной работы* и на вѣчное поселеніе. Да падетъ проклятіемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она пріучила правительство къ убійствамъ военноплѣнныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи — къ утвержденію сентенцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди-трава, люди-слизняки говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами!

„Инвалидъ“ недавно спрашивалъ, гдѣ же *новая Россія*, за которую палъ Гарибальди? Видно, она не вся „за Днѣпромъ“, когда жертва падаетъ за жертвой... Какъ же согласовать дикія казни, дикія кары правительства и увѣренность въ безмятежномъ покоѣ его писакъ? Или что же думаетъ редакторъ „Инвалида“ о правительствѣ, которое безъ всякой опасности,

[1]) Михаэлисъ была выслана изъ Петербурга въ имѣніе родителей въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ и тамъ, подъ надзоромъ полиціи, пробыла болѣе года.

безъ всякой причины разстрѣливаетъ молодыхъ офицеровъ, ссылаетъ Михайлова, Обручева, Мартьянова, Красовскаго, Трувелье, двадцать другихъ, наконецъ, Чернышевскаго въ каторжную работу?

„И это-то царствованіе мы привѣтствовали лѣтъ десять тому назадъ!“ [1]).

„P. S. Строки эти были написаны, когда мы прочли слѣдующее въ письмѣ одного очевидца экзекуціи: „Чернышевскій сильно измѣнился; блѣдное лицо его опухло и носитъ слѣды скорбута. Его поставили на колѣни, переломили шпагу *и выставили на четверть часа у позорнаго столба*. Какая-то дѣвица бросила въ карету Чернышевскаго вѣнокъ—ее арестовали. Извѣстный литераторъ П. Якушкинъ крикнулъ ему „прощай!“ и былъ арестованъ. Ссылая Михайлова и Обручева, *они* дѣлали выставку въ 4 часа утра, теперь бѣлымъ днемъ!..“ [2]).

„Поздравляемъ всѣхъ различныхъ Катковыхъ—надъ этимъ врагомъ они восторжествовали. Ну что, легко имъ на душѣ?

Чернышевскій былъ вами выставленъ къ позорному столбу на четверть часа [3]), а вы, а Россія на сколько лѣтъ останетесь привязанными къ нему?

„Проклятье вамъ, проклятье—и, если можно, месть!“ [4]).

Когда зимой того же года гр. А. К. Толстой, пользуясь сосѣдствомъ съ государемъ на придворной охотѣ и отвѣчая на его вопросъ о новостяхъ въ литературномъ мірѣ, сказалъ, что „русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго“, Александръ II „не далъ ему даже окончить фразы“... „Прошу тебя, Толстой, никогда не напоминать мнѣ о Чернышевскомъ“,—проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена“... [5]).

[1]) Здѣсь передъ Герценомъ, несомнѣнно, всталъ въ памяти его лондонскій разговоръ съ Чернышевскимъ...

[2]) Фактическія свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны.

[3]) *Примѣчаніе Герцена:* „Неужели никто изъ русскихъ художниковъ не нарисуетъ картины, представляющей Чернышевскаго у позорнаго столба? Этотъ обличительный холстъ будетъ образъ для будущихъ поколѣній и закрѣпитъ шельмованье тупыхъ злодѣевъ, привязывающихъ мысль человѣческую къ столбу преступниковъ, дѣлая его товарищемъ креста“.

[4]) „Колоколъ“, 1864 г., № 186.

[5]) „Новое Время“, 1904 г., № 10321.

Прибавьте къ этому общеизвѣстный разсказъ о томъ, что Александръ II вообще не могъ слышать безъ гнѣва имени Чернышевскаго, и вамъ поневолѣ придетъ въ голову вопросъ: да на чемъ же основывалось такое отношеніе? Я думаю, что оно имѣетъ достовѣрное объясненіе. При всегдашнемъ стремленіи вписать свое имя на свѣтлыя скрижали всемірной исторіи государь отличался хорошею памятью на все, что было ему непріятно. А кто же, какъ не Чернышевскій, прежде и больше всего старался доказать, что освобожденіе крестьянъ—этотъ „вѣнецъ царствованія“ — вовсе не шагъ политической мудрости или высочайшаго человѣколюбія, а просто вынужденная уступка, хорошо соображенная въ интересахъ дворянства?! Вѣдь „Письма безъ адреса“ были написаны и представлены въ цензуру за три мѣсяца до ареста Николая Гавриловича...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 3

Процессъ М. И. Михайлова.

Главы I—VII . . . . . 7—84

Приложеніе I:

Письма М. И. Михайлова къ Всеволоду Костомарову 85

Процессъ Д. И. Писарева.

Главы I—XI . . . . . 91—168

Приложеніе II:

Письма Г. Е. Благосвѣтлова къ В. П. Вощову 169

Процессъ Н. Г. Чернышевскаго.

Часть I. Въ поискахъ за уликами. Главы I—III . . . . . 201—240

Часть II. Два лжесвидѣтеля и одинъ подложный документъ. Главы I—VIII . . . . . 241—297

Часть III. Начало сенатскаго слѣдствія и второй подложный документъ изъ III Отдѣленія. Главы I—III . . . . . 298—359

Часть IV. Еще подлогъ. Главы I—III . . . . . 360—396

Часть V. Чернышевскій больше не опасенъ. Главы I—II . . . 397—421

BINDING SECT. MAR 3 1 1970

DK
219
.6
L46

Lemke, Mikhail
Konstantinovich
Politicheskie protsessy
M. I. Mikhailova, D. I.
Pisareva i N. G.
Chernyshevskago

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY